

Январь 1871.

22

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВЪ,

или

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИНЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

АНДРЕЙ ПРОСВЕРЛИЛЪ ГВОЗДЕМЪ ТЕТКИНУ КИПАРИСНУЮ
ЛОЖКУ.

Разъ, мой старшій братъ, Андрей, совершилъ въ одинъ день три довольно тяжолыя преступленія. Утромъ, качаясь съ маленькой сестрой Лизой, на качель, онъ нечаянно уронилъ ее, и чуть не разшибъ ей голову; передъ завтракомъ, похитилъ изъ кладовой отцовское ружье, и сдѣлалъ изъ него, къ великому ужасу тетюшки, два выстрѣла холостыми зарядами. Но ужасъ и негодованіе тетки достигли крайнихъ предѣловъ только за обѣдомъ, когда открылось третье преступленіе Андрея. Какъ ни привыкли всѣ въ домѣ хладнокровно смотрѣть на разнообразныя шалости брата, но послѣдняя его каверза не могла остаться безъ вниманія, такъ-какъ тутъ было оскорблено главное лицо семейства: тетюшка. Въ головѣ моей даже появилась нелѣпая мысль, что отецъ разсердится и велитъ высѣчь Андрея. Я часа два весело проходилъ въ своей комнатѣ изъ угла въ уголъ, злобно соображая, какъ кучеръ Ефимъ, короткій пріятель брата, принужденъ будетъ тащить его на конюшню (я былъ убѣжденъ, что съѣчь можно только на конюшнѣ), какъ братъ будетъ бесполезно сопротивляться, кричать и браниться. Я не то чтобы совсемъ ненавидѣлъ Андрея, но нельзя сказать, чтобы я его и любилъ, какъ слѣдуетъ любить брата. Онъ былъ старше меня

всего однимъ годомъ, но гораздо выше ростомъ, ловче и сильнѣе. Въ простотѣ души я думалъ, что онъ никого не боится, и очень завидовалъ ему.

Между тѣмъ какъ я, безсильный, слабый и часто больной, сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ дѣтской съ книгами и картинками, братъ, встававшій всегда очень рано, съ утра до ночи возился съ деревенскими мальчишками, къ которымъ я чувствовалъ страхъ и отвращеніе, какое чувствую теперь къ крысамъ и москѣкамъ. Въ сообществѣ этихъ грязныхъ, полунагихъ животныхъ, съ коричневымъ тѣломъ и блестящими зубами, онъ не только разорялъ гнѣзда, травилъ деревенскихъ собакъ и катался на жеребятахъ, но не брезговалъ играть въ городки и бабки. Разъ онъ привелъ даже въ нашу комнату одного изъ своихъ коричневыхъ пріятелей, и я удивлялся, глядя какъ Андрей, безъ всякой осторожности, хватался за грязныя, растрескавшіяся руки мальчишки, который робко смотрѣлъ въ землю, окончательно потерявшись въ незнакомой обстановкѣ. Мнѣ казалось, что отъ прикосновенія къ грубой коричневой кожѣ, на рукахъ Андрея должны появиться чесоточные прыщи и всякіе злокачественные коросты, поэтому я пришелъ въ окончательный ужасъ, когда мальчишка, по приказанію брата, хотѣлъ сѣсть на стулъ. Впрочемъ, бѣднякъ, кажется, боялся меня больше, чѣмъ я его, и при первомъ моемъ крикѣ, бросился бѣжать, въ совершенномъ безмятествѣ. Изъ-за этого у насъ съ братомъ произошла бурная сцена, въ которой въ сотый разъ мы подтвердили условіе о раздѣленіи комнаты на двѣ части и полномъ невмѣшательствѣ въ территорію другъ друга. Въ этотъ разъ, какъ и вообще послѣ каждой ссоры, Андрей отчерчивалъ мѣломъ на полу свою половину комнаты, и такимъ образомъ я лишался возможности прохаживаться (переступить черту было нельзя), но за то выигрывалъ чистоту и опрятность около своей кровати, такъ-какъ Андрей, строго исполняя условія, могъ строгать и сорить только въ своей половинѣ.

Вспоминая теперь нашу жизнь въ одной комнатѣ и наши безпрестанныя ссоры, я никакъ не могу объяснить одного обстоятельства, почему братъ ни разу не покушался поколотить меня. Въ этомъ ему никто не могъ помѣшать, и куда прибѣжала бы изъ сосѣдней комнаты лизина нянька Федосья, Андрей могъ оттузить меня весьма порядочно. Въ полной безнаказанности за это онъ могъ быть увѣренъ. Правда, тетушка пришла бы въ негодованіе и заговорила бы о приличіяхъ высшаго московскаго общества, но Андрей на ея выговоры не обращалъ никакого вниманія. Что касается до отца, то онъ никому изъ насъ, никогда въ жизни, не дѣлалъ никакихъ выговоровъ, отвѣчая добродуш-

нымъ смѣхомъ на всѣ жалобы тетушки, направленные, конечно, по большей части, противъ Андрея, о которомъ она всегда сокрушалась, какъ о человѣкѣ невозвратно погибшемъ. Находясь въ полномъ повиновеніи у тетушки и нѣкоей Авдотьи Николаевны, нашей гувернантки, поминутно вздыхавшей безъ всякихъ видимыхъ причинъ, точно она только что отошла отъ постели умирающаго друга, я очень завидовалъ независимости Андрея, но никогда не покушался завоевать себѣ хоть половину той свободы, какой онъ пользовался. Читая Плутарха и находя, что почти всѣ великіе люди въ моемъ возрастѣ чуждались дѣтскихъ игръ, я гасилъ свою зависть, соображая, что созданъ великимъ человѣкомъ, и что взамѣнъ физическихъ совершенствъ, имѣю большое преимущество передъ братомъ въ умственномъ отношеніи. Но это преимущество не мѣшало мнѣ, впрочемъ, больше любить игру въ дурачки съ Федосьей, или просто шатанье въ лѣсу, нежели чтеніе вслухъ, по приказу тетушки, какихъ-то стародавнихъ книгъ, напечатанныхъ на мягкой толстой бумагѣ, отъ которой пахло клопами, кожей и жасминомъ. Я помню мучительные вечера, когда тетушка, поставивъ передъ своимъ носомъ свѣчу и кропотливо нанизывая петли своего вязанья, томила меня надъ повѣстями госпожи Жанлисъ или благочестивыми размышленіями г-жи Генъ, въ которыхъ я понималъ очень мало и еще меньше находилъ занимательности. Читая, я впадалъ въ самые разнородные тоны, начиная отъ паэоса до самаго жалобнаго минорнаго тона. То душилъ меня кашель, то чесалось въ носу, то хотѣлось пить, но ничто не помогало; всѣ эти хитрости были только палліативными мѣрами, и, напившись воды, или высморкавшись, я принужденъ былъ снова приниматься за невыносимое разсужденіе о вредѣ и пользѣ какого-нибудь любочестія. Тетка какъ будто не обращала вниманія на мое нетерпѣніе и скуку; она спокойно сидѣла, наклонившись надъ вязаньемъ, и, повременамъ взглядывая на нее, я видѣлъ только бѣлый чепчикъ и двѣ косички прилизанныхъ сѣдыхъ волосъ. Нетерпѣніе мое выходило изъ всякихъ предѣловъ, я перевертывалъ сразу пять или десять страницъ, и тѣмъ же ровнымъ голосомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, продолжалъ чтеніе, наивно воображая, что тетка ничего не замѣчаетъ. Но и этотъ маневръ не удавался. „Ну, что ты?“ холодно спрашивала она, брала у меня книгу, отыскивала страницу и клала ее передо мной съ спокойствіемъ инквизитора, нечувствующаго чужой боли подъ пытку. Безучастно выговаривая семиколѣнные періоды, я уносился далеко мыслями, къ деревьямъ, на которыя, можетъ быть, лазить теперь братъ, къ огороду, гдѣ онъ, можетъ быть, запрягаетъ теперь собакъ въ маленькую тележку. И только

запахъ клоповъ или жасмина, при перевертываньи страницы, выводилъ меня изъ задумчивости. Даже воображая брата лишеннымъ своихъ коричневыхъ друзей, я, во время исполненія моихъ читальщицкихъ обязанностей, находилъ, что онъ въ тысячу разъ счастливѣе меня, и вовсе не скучаетъ, играя съ нянькой въ карты, или слушая ея воспоминанія о двѣнадцатомъ годѣ, когда она была еще маленькой дѣвчонкой и конвоировала, вмѣстѣ съ другими, плѣнныхъ французовъ, коченѣвшихъ отъ холода. Но и безъ старухи Федосьи, онъ могъ быть счастливъ, толкаясь на кухнѣ и забавляясь сальными шутками кучера Ефима, который пользовался его особымъ расположеніемъ.

Ефимъ устраивалъ брату самострѣлы, и своими огромными черными пальцами показывалъ, какъ слѣдуетъ пользоваться этимъ оружіемъ на погибель воробьевъ и цыплятъ. По утрамъ, когда отецъ возвращался верхомъ со своей прогулки, совершаемой имъ во всякую погоду, для моціона, Ефимъ сажалъ брата въ сѣдло, и позволялъ ему кататься по двору. Лѣтомъ они ловили рыбу въ нашемъ пруду; зимой Ефимъ устраивалъ, при помощи мальчишекъ, снѣжную гору, и въ нашемъ дворѣ по цѣлымъ днямъ стоялъ шумъ и гвалтъ, такъ-какъ никто не хотѣлъ тратить драгоценное время исключительно на катанье, а старался смѣшивать это увеселеніе съ возней и дракой. Однимъ словомъ, Ефимъ былъ другомъ и покровителемъ брата, точно также, какъ нянька Федосья — была моимъ. Она необыкновенно картинно рассказывала подробности французскихъ мученій въ то время, когда несчастныхъ плѣнниковъ запирали въ гумно и сжигали живьемъ: сердце надрывалось, глядя, какъ кричали и метались они, бѣдненькіе, въ дыму и пламени, и Федосья не помнитъ ужъ, какъ она подбѣгивала въ огонь солому и хворостъ. Она, кажется, гордилась своимъ знаніемъ исполненнаго долга, для котораго пожертвовала чувствами жадности и состраданія къ горѣвшимъ врагамъ.

Впрочемъ, отношенія мои къ Федосѣи вовсе не были похожи на отношенія брата къ кучеру Ефиму. Федосья относилась ко мнѣ, какъ къ младшему — дѣлала выговоры и поучала меня; Ефимъ говорилъ съ братомъ, какъ съ равнымъ. Федосья могла сказать мнѣ: „опять утираешь носъ рукавомъ; развѣ нѣтъ платка?“ Ефимъ говорилъ брату: „не лазайте, баричъ, по крышамъ: тетинька увидитъ, забранитъ“. Братъ любилъ Ефима, и защищалъ его; я любилъ Федосью, но не имѣлъ повода защищать ее: она была сильнѣе меня во всѣхъ отношеніяхъ. Когда Ефимъ, по врожденной своей лѣности, безъ дальней околнчости, выгребалъ навозъ изъ конюшенъ, и это навлекало на него гнѣвъ управляющаго, старика Михѣича, Андрей являлся къ крыльцу флигеля, и своими упра-

шиваньями отвращалъ отъ Ефима упреки, брань и угрозы. Федосья была лицо, почти равное управляющему, лицо, совершенно свободно разговаривающее съ тетушкой, и мнѣ не передъ кѣмъ было заступиться за своего друга. Даже во время передобѣденныхъ сшибокъ съ отцовскимъ лакеемъ, Савельемъ, по поводу пшеничнаго хлѣба, котораго, яко бы, онъ, Савелій, жалѣлъ для нея, я не могъ пристать на ея сторону открытымъ союзникомъ, а долженъ былъ только ограничиваться мысленнымъ ниспосылаемъ на голову Савелья всякихъ бѣдъ — труса, потопа, огня и меча. Савелій, всегда гладко выбритый, велъ себя очень тихо и благопристойно; онъ съ такими спокойными манерами вправлялъ свѣчи въ подсвѣчники, съ какими добрый отецъ благословляетъ своего сына въ дальнюю дорогу; наконецъ, онъ съ такой сосредоточенной серьезностью подавалъ — не подавалъ, а преподносилъ кушанье — что я долженъ былъ чувствовать къ нему невольное почтеніе, и, естественнымъ образомъ, побаиваться вступить съ нимъ въ непріязненныя отношенія, хотя бы и для нѣжно-любимой Федосьи.

Мы жили въ селѣ Негоре, прозванномъ такъ, вѣроятно, за свое красивое мѣстоположеніе. Дѣйствительно, съ горы, гдѣ прежде стоялъ барскій домъ, видна была кругомъ обширная зеленая долина, на которой пестрѣли вдали желтыя и черныя краски деревьевъ и блестяла рѣка, точно хорошо вычищенный столовый ножикъ. Имѣніе это принадлежало прежде намъ, но отецъ продалъ все, исключая трехъ или четырехъ семей, считавшихся дворовыми. Оставшись безъ крѣпостныхъ, онъ жилъ процентами съ капитала, и подсмѣивался надъ своимъ положеніемъ помѣщика безъ помѣстья. Впрочемъ, отецъ смѣлся надъ всѣмъ, и я ни разу не видалъ, чтобы онъ разсуждалъ о чемъ-нибудь серьезно. У него не было мефистофелевскаго смѣха, а былъ юморъ толстяка, которымъ онъ рѣшительно убивалъ тетушку, подсмѣиваясь надъ ея волненіями изъ-за всякихъ пустяковъ. Тетушка относилась къ нему, какъ къ больному, капризовъ котораго она не можетъ понять, но считаетъ себя обязанной снисходить къ нимъ. Отецъ учился въ школѣ колонновожатыхъ, и могъ имѣть довольно блестящую карьеру; тетушка рѣшительно не понимала, по какой причинѣ онъ не дождался нѣсколькихъ мѣсяцевъ производства въ генералы, и вышелъ въ отставку, какъ только умерла наша мать, послѣ родовъ Лизы, оставивъ меня всего двухъ лѣтъ, а Андрея — трехъ. Можетъ быть, выходя въ отставку, отецъ хотѣлъ заняться нашимъ воспитаніемъ, но, если и было это намѣреніе, онъ сразу оставилъ его, и ничѣмъ не заявилъ своего желанія давать намъ отеческіе наставленія и совѣты, кромѣ того, что

смѣялся надъ тетушкой, если она была недовольна Андреемъ. Словомъ, намъ была предоставлена полнѣйшая свобода дѣлать что угодно; даже приготовленіе уроковъ зависѣло исключительно отъ нашего расположенія. Насъ обучала чрезвычайно тощая Авдотья Николаевна, съ сильнымъ жасминнымъ запахомъ, и очень побаивалась, кажется, Андрея, который обращался съ ней несколько не лучше того, какъ обращался Митрофанъ съ Цифиринимъ.

— Душенька, Андришенька, сегодня будешь учиться? нерѣшительно спрашивала Авдотья Николаевна за утреннимъ чаемъ.

— Душенька, Авдотья Николаевна, сегодня праздникъ, объявлялъ Андрей.

— Голубчикъ, Андришенька, вѣдь вчера былъ праздникъ, уговаривала Авдотья Николаевна. — Какой же сегодня праздникъ?

— Если не праздникъ — все равно, я когда-нибудь въ праздникъ буду учиться, а сегодня мнѣ никакъ нельзя.

Тѣмъ и кончалось объясненіе, такъ - какъ продолжать его со стороны Авдотьи Николаевны было бы безразсуднымъ рискомъ послушаться отъ Андрея всякихъ дерзостей, а наша воспитательница была такая благовоспитанная дѣвица, что стыдилась даже при другихъ признаться, что она имѣетъ гнусную привычку пить и ѣсть, и, слѣдовательно, при усиленныхъ нападкахъ Андрея, была бы поставлена въ печальную необходимость разыграть припадокъ истерики, чтò, какъ извѣстно, не всегда легко и удобно. Выдерживая характеръ невиннаго мотылька, безвредно порхающаго съ вѣтки на листокъ, съ листа — на цвѣтокъ, Авдотья Николаевна не только оставляла въ покоѣ Андрея, но даже принуждена была сестрѣ Лизѣ вырѣзывать ножницами, изъ сахарной бумаги, разной величины камчадаловъ и камчадалокъ, смотря по тому — слегка, или сильно капризничала Лиза, отказываясь упражнять свой почеркъ на грифельной доскѣ. Одинъ я никогда не терзалъ непокорствомъ ея незлобиваго дѣвственнаго сердца, и по ея призыву „*Николинъка, душенька, просклоняй маленькій столикъ*“ — готовъ былъ склонять, или спрягать какое угодно слово. Намучившись съ нами въ теченіе дня, бѣдненькая Авдотья Николаевна садилась за фортепяно, и отводила душу въ такихъ унылыхъ звукахъ, что галки въ саду начинали безпокойно перепрыгивать съ дерева на дерево и отчаянно выкрикивать свое крр, крр. Я въ это время старался какъ можно дальше уйти отъ жасминнаго запаха, который всегда наводилъ на меня ужасную скуку, и уходилъ на гору или въ рощу, которая спускалась къ берегу рѣки, и тонула вѣтвями послѣднихъ своихъ деревъ въ водѣ. Тамъ я ложился, въ тѣни кустовъ, на траву, и обдуваемый влажнымъ холодкомъ съ рѣки, по цѣ-

лымъ часамъ смотрѣлъ на высокое голубое небо, отдавшись далекимъ думамъ. Еще въ пеленкахъ лишившись матери и предоставленный самому себѣ съ самаго ранняго возраста, я не чувствовалъ никогда лишнимъ мыслить о своихъ поступкахъ, не полагаясь слѣло, какъ глухой цыпленокъ, на благодѣтельную опеку материнскаго крыла. Мнѣ безпрестанно приходилось думать, понравится ли другимъ тотъ или другой образъ моихъ дѣйствій; постоянно быть насторожѣ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ, не упоая, что дурно или хорошо поступлю я, мать съ одинаковой любовью приласкаетъ и согрѣетъ меня подъ своимъ крыломъ. Много дней, лежа на травѣ и глядя на высокое голубое небо, я думалъ о безошибочномъ Андреѣ, объ Авдотѣ Николаевнѣ, сушившей цвѣты въ книгахъ и потомъ вздыхавшей надъ этими цвѣтами, о тетускѣ Фелисадѣ, смотрѣвшей во все углы, отыскивая предлога сдѣлать какое-нибудь сухое и строгое замѣчаніе, напримѣръ, относительно того, что откидываться на спинку кресла неприлично или — что смѣяться, когда смѣются старшіе, дерзко и проч. Но больше всего я думалъ объ отцѣ, казавшемся мнѣ какимъ-то высшимъ, недосыгаемымъ существомъ, которому совершенно недоступны волнующія насъ мелкія страсти. Хотя я его ни разу въ жизни не видалъ сердитымъ или сколько-нибудь недовольнымъ, но всегда не безъ нѣкотораго страха, отворивъ дверь кабинета, останавливался утромъ на порогѣ, съ нерѣшимостью глядя на тучную фигуру отца, сидѣвшаго въ креслѣ, прежде чѣмъ подходилъ поздравить его съ добрымъ утромъ и поцеловать его огромную мясистую руку. Въ горестныхъ обстоятельствахъ, когда, напримѣръ, Андрей, несмотря на мое положительное несогласіе промѣнять свое „Путешествіе Гулливера“ на его барабанъ, насильно отнималъ у меня книгу, жаловаться отцу на хищничество брата было совершенно бесполезно.

— А ты самъ отнял бы у него „Путешествіе“, да надралъ бы ему хорошенько уши, спокойно рѣшалъ отецъ, какъ-будто мнѣ стоило только подняться съ мѣста, чтобы надрать Андрею уши и отнять у него „Путешествіе“.

Вообще, во всѣхъ непріятностяхъ, то по поводу барабана, которыми Андрей злоупотреблялъ до того, что даже по ночамъ билъ иногда тревогу, то по поводу моего нежеланія играть съ нимъ въ дураки на мои книги, карандаши и картинки, я не находилъ у старшихъ никакой защиты отъ его самовольства, и мнѣ подолгу приходилось обдумывать разныя средства къ огражденію своихъ правъ и преимуществъ. Въ дѣтствѣ, братъ отличался очень чувствительнымъ, подвижнымъ характеромъ, и ему стоило только какъ можно ласковѣе сказать: „Андрюша, ради Бога, оставь свою дудку — ви-

дишь, я читаю“, чтобы онъ немедленно разбѣжился, и предложилъ свою дудку въ подарокъ. Я прежде всего употреблялъ это средство, но если оно не помогало, приходилось прибѣгать къ упрекамъ и насмѣшкамъ, а чтобы они имѣли больше силы, я сочинялъ ихъ заранѣе. Если у брата являлся, напримѣръ, капризь говорить риемами, и, онъ не переставалъ надоѣдать мнѣ обращеніями въ такомъ родѣ: „я замѣчаю двѣ недѣли, что ты лежишь на постелѣ, и я тебѣ дамъ колотушку, если ты не оставишь подушку“, то мнѣ приходилось образумливать его, придумавъ нѣсколько насмѣшекъ и остроумствъ въ доказательство того, что говорить риемами очень глупо. Если и это не дѣйствовало, я самъ начиналъ говорить риемами, которыя съ большими трудностями подбиралъ заранѣе, и надоѣдалъ брату также, какъ онъ мнѣ. Это почти всегда имѣло дѣйствіе, и мы заключали конвенцію не говорить никогда риемами. Сколькихъ трудовъ, волненій и хлопотъ стоило мнѣ приучить Андрея къ мысли, что для нашего общаго удобства необходимы маленькія уступки!

Лѣтомъ, когда Андрей, встававшій раньше меня, пропадалъ на цѣлые дни, не являясь даже обѣдать, наши препирательства были не столь значительны, какъ зимой, когда мы наглухо закупоривались въ теплыхъ комнатахъ, и братъ, со своимъ безпокойнымъ характеромъ, очень затруднялся въ выборѣ развлеченій. Зимой у насъ почти никто не бывалъ, исключая двухъ, трехъ бѣдныхъ помѣщицъ, пившихъ чай въ прикуску и сносившихъ за это самое презрительное обращеніе со стороны тетюшки. Къ намъ онъ относился съ самой подхалюзистой услужливостью, то обтирая Андрею своими платками запачканные „сапожки“, то разспынаясь въ увѣреніяхъ, что я не по лѣтамъ серьезенъ и уменъ. Тетюшка, бредившая высшимъ московскимъ обществомъ, не садилась съ собой за столъ, и бѣдныя гости обѣдали съ нами, нѣсколько раньше тетки, отца и Авдотьи Николаевны. Андрей жестоко смѣялся надъ ними, и разъ, оставивъ стулъ, на который хотѣла сѣсть гостыя, очень больно ушибъ старуху; она съ усиленіемъ поднялась, набожно перекрестилась, и со слезами сказала Андрею: „не дай тебѣ Богъ дожить до этого“. Братъ расчувствовался при этомъ до того, что, извиняясь передъ ней, поцаловалъ у старухи желтую морщинистую руку, и такое униженіе передъ Анной Пароеновной (имя старухи) открыло мнѣ обширную область насмѣшекъ, которыя очень раздражали Андрея.

Мужчинъ у насъ почти совсѣмъ не бывало въ домѣ, а если и бывалъ кто-нибудь по дѣламъ, то пріѣзжалъ не къ отцу, а къ тетюшкѣ или управляющему. Между такими гостыями, которыя пили чай не въ прикуску и обѣдали вмѣстѣ съ теткой, я осо-

Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ.

бенно отличалъ одну старушку, нашу дальнюю родственницу, ѳздившую къ намъ съ своими двумя внучками—Олей и Аннушкой. Оля была рыжая и грызла себѣ ногти, и чтобы отвалить ее отъ этой привычки, братъ какъ-то началъ бить ее линейкой по рукамъ, изъ-за чего произошелъ очень изрядный скандалъ. Аннушка была такая бѣленькая, хорошенькая дѣвочка, съ такими бѣлыми волосами, что Федосья называла ее дѣвушкой-снѣгурушкой. Чтобы позабавить дѣвочекъ, съ которыми, впрочемъ, братъ обращался запросто, немного вѣжливѣе, чѣмъ съ деревенскими мальчишками, мы устраивали игру въ прятки. Я помню, какъ мы становились въ кругъ, и Аннушка, указывая своимъ розовымъ пальчикомъ, частила: „ченчикъ, бренчикъ, бубенчикъ“, до тѣхъ поръ, пока до кого-нибудь не доходили слова „вонъ пошелъ“. Я очень охотно бралъ себѣ этотъ жребій, и, приготовляясь отыскивать прячущихся, смотрѣлъ только, куда спрячется бѣленькая Аннушка.

— Что ты все меня ищешь, шептала она:—ищи другихъ; Андрияша залѣзъ въ бочку, ищи его.

Я соглашался на эту маленькую фальшь, и безъ труда находилъ моего любезнаго братца перепачканнымъ съ ногъ до головы въ бочкѣ изъ-подъ постнаго масла. Скоро, впрочемъ, Аннушку отправили куда-то въ институтъ, и бабушка стала прѣзжать къ намъ съ одной своей рыжей внучкой, которую я очень не любилъ, а братъ просто терпѣть не могъ, и мы не вступали съ ней ни въ какія игры. Ольга, кажется, отвѣчала намъ такими же чувствами.

Въ тотъ день, когда Андрей, неизвѣстно съ какой цѣлью, просверлилъ гвоздемъ теткинѣ кипарисную ложку, у насъ въ гостяхъ была Ольга со своей бабушкой. Ложка, сдѣлавшаяся жертвой преступленія, была вывезена изъ Иерусалима или изъ Аѳона, и отличалась многочисленными симпатическими свойствами, такъ что, кушая ею, тетушка не опасалась ни отравы, ни расстройства желудка. Словомъ, просверлить эту ложку было большимъ преступленіемъ, и за обѣдомъ, когда шалость Андрея открылась, тетушка поблѣднѣла отъ досады; она не положила даже ложки, и держала ее въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока въ дыру не вылился весь зачерпнутый супъ на скатерть. Андрей покраснѣлъ, и началъ овираться кругомъ, очевидно, намѣреваясь убѣжать отъ грозы.

— Это онъ, — онъ все портить, смѣясь указала на него Ольга.

— Я знаю, съ угрозой пробормотала тетушка, поднимаясь со стула. — Это тебѣ даромъ не пройдетъ!

Но Андрей, не слушая ее, убѣжалъ изъ комнаты.

— Какой онъ мужикъ! объявила Ольга.

— Онъ, можетъ быть, нечаянно, замѣтила бабушка.

— Нѣтъ, онъ скверный, злой мальчишка, запальчиво вскричала тетушка, и отправилась къ отцу съ жалобой. Но черезъ минуту она воротилась назадъ еще съ большей злобой, не вынеся изъ объясненія съ отцомъ ничего утѣшительнаго, кромѣ серебряной ложки, которую тетка тутъ же, въ сердцахъ, бросила на окно, и чуть не разбила стекла.—Это ему не пройдетъ, пробормотала она, садясь снова за столъ.

— Успокойтесь, душенька, Фелисада Андревна, со вздохомъ сказала Авдотья Николаевна, подавая теткѣ стаканъ воды, съ самой сокрушенной фізіономіей.

— Его высѣкутъ, сказала ни съ того ни съ сего Ольга.

Послѣ этой сцены, тетушка дулась весь обѣдъ, и ничего почти не ѣла. За вечернимъ чаемъ отецъ вышелъ къ намъ изъ своего кабинета, чтѣ случилось очень рѣдко, въ собенности при гостяхъ.

— Ну, пріятель, сказалъ онъ, ласково ероша Андрею волосы своими толстыми пальцами:—ну, какъ ты просверлилъ святую ложку?

— Просверлилъ, мрачно пробормоталъ братъ.

— Ну, такъ вотъ мы черезъ недѣлю отправимся въ городъ, въ корпусъ, — тамъ будетъ много ложекъ въ твоимъ услугамъ. А ты, Коля, хочешь въ гимназію? обратился ко мнѣ отецъ.

— Мнѣ все равно.

— И отлично. Пора ужъ за науку приниматься.

И дѣйствительно была пора: мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, а брату — тринадцать.

II.

Появляется неизбежный во всякой современной повѣсти семинаристъ.

Братъ давно уже бредилъ корпусомъ, и какъ только узналъ, что скоро надѣнетъ военный мундиръ и получить такое ружье, изъ котораго можно будетъ стрѣлять не горохомъ, а порохомъ—пришелъ въ настоящій восторгъ. Барабанъ его не умолкалъ, такъ-какъ онъ слышалъ гдѣ-то солдатскую пѣсню, и упражнялся, разучивая ее съ акомпаниментомъ этого музыкальнаго инструмента.

Солдатушки, ребятушки,
Да гдѣ же ваши жены?

Распѣвалъ онъ на разные голоса въ нашей комнатѣ, и если я замѣчалъ ему, что Федосья очень тревожится, принимая его пѣніе за вой собаки по покойнику—Андрей начиналъ пѣть другую пѣсню про штафирку—чернильную душу. У него не было совсѣмъ слуха, и, понятно, что его вокальныя упражненія выводили меня изъ себя, кромѣ того, что пѣсню о чернильной душѣ я принималъ, какъ личное себѣ оскорбленіе. Послѣднее обстоятельство я, впрочемъ, скрывалъ отъ Андрея самымъ тщательнымъ образомъ, такъ-какъ показать, что меня сердятъ его насмѣшки, значило бы доставить ему полное торжество. Я это ужъ давно понималъ, и нападалъ только за неспособность къ пѣнію.

— Если ты въ корпусѣ будешь такъ же пріятно пѣть, тебя сразу отучать, страцалъ я его.

— Не беспокойся!

— Какъ же не беспокоиться?—ты мнѣ братъ, и вдругъ тебя задерутъ до смерти только за то, что ты, вмѣсто кадета, хочешь быть дьячкомъ. Прогонять сквозь строй, — вотъ и конецъ.

Андрея это обстоятельство, кажется, нѣсколько смущало, и онъ иногда даже переставалъ пѣть, обдумывая, чѣмъ бы мнѣ отвѣтить. Къ довершенію моихъ бѣдствій, ему какъ-то удалось выпросить у отца маленькій старый пистолеть, который однакожь съ большимъ громомъ разбивалъ пистоны, и Андрей, поднимаясь въ четыре часа утра, заявлялъ о своемъ пробужденіи пистолетнымъ выстрѣломъ. Я уже подумывалъ выпросить у отца ружье, и тоже стрѣлять по ночамъ, но, Андрей, истративъ всѣ свои пистоны, оставилъ меня въ покоѣ. Въ этихъ передрагахъ прошли незамѣтно дня три или четыре, и время нашего отбѣзда изъ деревни значительно приблизилось. Разъ, передъ завтракомъ, я читалъ тетущкѣ какой-то романъ Вальтеръ-Скотта. Мы сидѣли въ столовой, и, безъ смысла выговаривая фразу за фразой, я прислушивался къ стуку тарелокъ въ сосѣдней комнатѣ и тоскливо различалъ голосъ Андрея, кричавшаго съ кѣмъ-то на дворѣ. Въ это время въ комнату вошелъ нашъ управляющій, которому, собственно говоря, по продажѣ имѣнія, совершенно нечѣмъ было управлять, кромѣ Ефима да двухъ-трехъ дворниковъ, и онъ былъ оставленъ въ своемъ флигелѣ больше по привычкѣ имѣть управляющаго. Его звали Михѣичемъ, и всѣ любили за тихій характеръ и набожность, столь рѣдкую въ духовномъ званіи, изъ котораго онъ происходилъ. Въ этотъ разъ онъ пришелъ со своимъ племянникомъ, явившимся къ нему только въ это утро. Михѣичъ говорилъ мнѣ какъ-то, что его племянникъ учился въ

духовномъ училищѣ и переведенъ въ семинарію; при этомъ онъ прибавлялъ надежду, что мы не оставимъ сироту своей помощьюъ и доведемъ его до города. „Если Богъ дастъ ума да разума, можетъ и попомъ выйдетъ“, скромно мечталъ старикъ. Когда Михѣичъ грубо выдвинулъ изъ-за своей спины скрывавшагося отъ нашихъ взглядовъ сироту, я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на мальчика, готовящагося въ попы. Онъ былъ почти однихъ лѣтъ съ Андреемъ, но толстѣ и неуклюжѣ, какъ медвѣженокъ; впрочемъ, благопріятности перваго впечатлѣнія много вредить какой-то капотъ, дымчатаго цвѣта, очень мѣшковаго висѣвшій на его плечахъ и очевидно перешитый изъ старой шинели; нанковья брюки были очень узки и коротки; рыжая кожа на сапогахъ сохлась и съежилась въ безобразныя складки. Руки его были грязны, ногти обкусаны, черные волосы на головѣ гладко обстрижены, и выглядѣли ермолкой, плотно надвинутой на затылокъ. Онъ смотрѣлъ изнодлобья, и при разговорѣ едва разбѣвалъ свой широкій ротъ, такъ что крѣпкія калмыцкія скулы оставались почти всегда, какъ и все круглое лицо, въ безмятежномъ спокойствіи китайской статуетки, кланяющейся и высывающей языкъ, не измѣняя фizioноміи. Вообще въ его наружности было мало красиваго и привлекательнаго, и ко всему тому онъ былъ застѣнчивъ, и казался злымъ и упрямымъ.

Отецъ вышелъ посмотрѣть мальчика и спросилъ, какъ онъ учился. Михѣичъ объяснилъ, что учился покуда хорошо, а дальже долженъ уповать на Бога.

— Учись, учись, сказалъ отецъ, глядя мальчика по головѣ, при чемъ этотъ послѣдній какъ-то робко прижмурилъ глаза и полуоткрылъ ротъ, точно приготовившись получить ударъ въ голову.

Отецъ, любившій острить насчетъ своей тучности, сказалъ, что онъ, какъ человѣкъ тяжелый, думаетъ выхвать въ тяжелый день—въ понедѣльникъ, и Михѣичъ, заявивъ, что къ этому дню все будетъ готово, раскланялся съ отцомъ. Я всталъ, и хотѣлъ было пойти въ буфетъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается, но тетка остановила меня, взявъ за плечо.

— Ступай же, поговори съ мальчикомъ, тихо сказала она мнѣ.

Я вышелъ вслѣдъ за Михѣичемъ, который остановился на крыльцѣ и давалъ Ефиму строгій выговоръ по поводу того, что онъ отвязалъ для брата цѣнную собаку, и Андрей, гремя цѣпью, бѣгалъ съ ней по двору, къ великому ужасу куриць, гусей, утокъ и поросятъ. Мальчикъ стоялъ съ непокрытой головой сзади Михѣича и мять въ рукахъ свою шапку.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ я, подходя къ нему, правду сказать, не безъ нѣкоторой застѣнчивости и даже робости.

— Семеномъ, тихо отвѣчалъ онъ, не глядя на меня.

— Послушайте... началъ-было я, но остановился, не рѣшаясь употребить ни слово Сеня, ни просто Семень, и только спросилъ: — давно изъ училища?

— Другой мѣсяцъ.

— Трудно тамъ учиться?

— Да.

— Сядемте здѣсь, предложилъ я.

Мы сѣли на одну изъ боковыхъ скамеекъ крыльца; мальчикъ, покорно исполнивъ мое приглашеніе, смотрѣлъ очень неловко, кажется, не понимая, для чего мы тутъ будемъ сидѣть.

— Что же преподаютъ въ училищѣ? спросилъ я, чтобы завязать какъ-нибудь разговоръ.

— Разное.

— Я думаю, тамъ очень скучно.

— Нѣтъ.

Въ это время Михѣичъ, отдавъ приказаніе взять отъ Андрея собаку и привязать ее, прошелъ къ себѣ во флигель, оставивъ насъ съ Семеномъ въ томъ неловкомъ положеніи, которое, вѣроятно, чувствовали волкъ, дьячокъ и медвѣдь, попавшіе въ одну волчью яму.

— Какъ ваша фамилія? спрашивалъ я.

— Новицкій.

— Который вамъ годъ?

— Тринадцать лѣтъ.

Въ это время Андрей рѣшился, кажется, вывести насъ изъ большаго затрудненія, и отправился со своей собакой въ нашу сторону. Несмотря на приказаніе Михѣича, Ефимъ, знавшій очень хорошо, что привязать собаку гораздо легче, чѣмъ отнять у брата пріятную забаву, слегка замѣтивъ, что песъ можетъ вырваться и укусить кого-нибудь, ушелъ къ себѣ въ конюшню. Андрею скоро надоѣло гоняться съ собакой за поросятами и утками, и онъ, не привыкши долго разсуждать, когда дѣло шло о его удовольствіи, придумалъ себѣ болѣе пикантную забаву. Онъ подвелъ собаку къ крыльцу и началъ травить ее на моего собесѣдника, то опуская цѣпь на всю длину, то дергая собаку назадъ. Мальчикъ сначала не обращалъ на это особеннаго вниманія, и только отодвинулся немного; но шутка скоро перестала быть невинной: собака разозлилась и грозила вцѣпиться въ икры.

— Оставь, Андрей! кричалъ я ему, но онъ раздражался громкимъ хохотомъ, не изъясняя никакого желанія прекратить свое

веселое занятіе. Не видя толку съ этой стороны, я обратился къ собакѣ и началъ ласково звать ее по имени, но собака, очевидно, дорожила знакомствомъ брата гораздо больше, чѣмъ мимъ, и продолжала съ прежней яростью кидаться на оробѣвшаго мальчика. Онъ всталъ на ноги, и остановился, не зная, что ему дѣлать. Собака, между тѣмъ, такъ и рвалась на него.

— Оставьте же! закричалъ онъ, наконецъ.

Андрей заливался самымъ задушевымъ хохотомъ.

— Ефимъ, возьми у него собаку! кричалъ я.

Ефимъ появился у дверей конюшни, но двигался какъ-то медленно и неохотно: онъ смотрѣлъ на проказу брата гораздо болѣе снисходительными глазами, чѣмъ я. Между тѣмъ, Андрей какъ-то неосторожно опустилъ цѣпь больше, чѣмъ слѣдовало, и собака рванула мальчика за ногу. Семень вдругъ оживился, кулаки его сжались, и, перепрыгнувъ черезъ собаку, онъ сшибъ съ ногъ Андрея. Собака бросилась на помощь къ брату, и, вѣроятно, сильно искусила бы его противника, еслибъ пинокъ Ефима не заставилъ ее отлетѣть на нѣсколько аршинъ отъ мѣста происшествія. Поймавъ собаку за цѣпь, Ефимъ остановился въ сторонѣ, и съ какой-то глупой улыбкой смотрѣлъ на двухъ борцовъ, валявшихся въ пыли и наносившихъ другъ другу жестокіе удары. Онъ, очевидно, не зналъ, что ему дѣлать: идти ли привязывать собаку, или отпустить ее, и рознять дерущихся. Покуда онъ размышлялъ, я молча радовался, что Андрея отколотятъ хорошенько, и драка продолжалась. Къ счастью, въ это время вошла на дворъ изъ сада Федосья, и, оставивъ Лизу посреди двора, кинулась разнимать дерущихся. Я подошелъ къ сестрѣ. Она смѣялась, хлопала въ ладоши, и кричала: "Какъ они разодрались! Какъ они разодрались!,"

Разодрались они, дѣйствительно, съ жаромъ и увлеченіемъ, такъ что Федосья стоило не малаго труда развести ихъ въ разныя стороны.

— Я тебѣ покажу! кричалъ братъ, махая кулакомъ.

— Что, хорошо? спрашивалъ Семень, съ злобнымъ сознаніемъ своего торжества. Онъ покраснѣлся, и утиралъ носъ рукавомъ своего сѣраго капота, теперь совершенно перепачканнаго въ пыли.

Братъ, въ чрезвычайномъ волненіи, совершенно не сознавая себя, покорно пошелъ въ домъ, куда его конвоировала Федосья, и я опять остался одинъ на одинъ съ Семеномъ, который тяжело дышалъ, и не могъ собраться съ силами, чтобы заговорить.

— Я и не съ такими справлялся, объявилъ онъ мнѣ, наконецъ.

— Онъ ужасно скверный мальчишка, отрекомендовалъ я брата.

— Онъ на ногахъ не крѣпокъ. Сразу свалился.

— Пойдемте въ рощу, холодно сказалъ я, недовольный тѣмъ, что онъ ударился въ спеціальныя поясненія, отзывавшіяся хвастливостью.

— Пойдемте, а то, пожалуй, дядя увидитъ, и отдеретъ.

— За что же? вѣдь онъ началъ.

— Мало что! Онъ—баричъ. Скажетъ: “тебя приняли изъ милости, а ты драться..”. А что, онъ не пожалуется?

Любопытство относительно того, отдереть или не отдереть его дядя, было такъ поверхностно у Семена, что я невольно подивился ему, но все-таки постарался увѣрить его, что братъ не будетъ жаловаться, и никакой расправы съ нимъ его дядя не смѣетъ дѣлать въ нашемъ домѣ. Услышавъ мое твердое заявленіе о томъ, что его дядя *не смѣетъ* дѣлать того, что мнѣ можетъ быть непріятнымъ, Семень почтительно посмотрѣлъ на меня, и нерѣшительно сказалъ, что онъ слышалъ откуда-то, будто и господскихъ дѣтей сбьютъ розгами. Розга представлялась мнѣ такимъ ужаснымъ и позорнымъ наказаніемъ, что я не безъ обидчивости отвѣтилъ ему, что насъ не сбьютъ. Гордый тонъ моихъ словъ заставилъ его замолчать, и онъ, повидимому, впалъ въ большое затрудненіе относительно того, какъ возобновить разговоръ. Мы долго шли молча.

— У васъ нѣтъ никого родныхъ, кромѣ дяди? спросилъ я наконецъ, чтобы прервать молчаніе.

— Никого.

— А давно умерли ваши родители?

— Давно ужъ.

— И вы ихъ не помните?

— Мать помню.

— Вы ее любили?

— Извѣстно—мать. Скучно только было.

— Отчего же?

— Какже?—Мы жили тогда въ Р. Уйдетъ мать, бывало, на работу—она въ прачки ходила—и запретъ насъ съ сестренкой на цѣлый день, на замокъ...

— Николай! гдѣ вы? весело закричалъ въ это время Андрей. Онъ никогда не сердился больше нѣсколькихъ секундъ, и былъ теперь совершенно благополученъ, точно ни съ кѣмъ въ этотъ день и не думалъ драться. У него была булка съ масломъ, которую тетка послала мнѣ, и я предложилъ ее Семену.

— Покорно благодарю, неловко сказалъ онъ.

— Ну, и что же, — вы такъ и сидѣли цѣлый день подъ замкомъ? спросилъ я ее.

— Что это? что такое? заинтересовался Андрей, которому очень мѣшала говорить набитая во рту булка.

— И сидѣли. Ёсть хочется и скучно. Цѣлый день, бывало, стоишь у окошка, поклюнишь палець, вотъ такъ, водишь по стеклу и поешь: „маменька, приди, милая, приди, а мы кушать хотимъ“.

Семень засмѣялся, но мы не отвѣтили ему тѣмъ же. Я удивлялся, какъ ему не совѣстно рассказывать постороннимъ людямъ такая вещи, а Андрей, усиливаясь что-то сказать, велъ ожесточенную борьбу съ булкой, наполнявшей его ротъ. Оказалось, что онъ хотѣлъ удостовѣриться, дѣйствительно ли они хотѣли кушать, когда пѣли это, и узнавъ, что Семену приходилось просиживать по цѣлымъ днямъ голодомъ, Андрей рѣшился тотчасъ же отправиться домой и принесть еще двѣ булки — для себя и для Новицкаго,

Вообще Андрей очень скоро сошелся съ мальчикомъ, котораго колотилъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ, и они вступили въ самый дружественный разговоръ *на ты*, хотя Семень не сразу согласился стать на такую короткую ногу съ баричемъ; но братъ объявилъ, что *вы* говорятъ однѣ дѣвочки, да и то преимущественно рыжя, въ родѣ Ольги, а потому онъ терпѣть не можетъ всякихъ вѣжливостей, и Новицкій, не безъ нѣкоторой неловкости, спросилъ: „какъ *тебя* зовутъ?“ Въ разговорѣ Андрей сообщил о томъ, что имѣетъ настоящій желѣзный пистолеть и, такъ-какъ встрѣтилась надобность показать Семену это сокровище, то братъ повелъ насъ обратно домой. Онъ шелъ впереди, и какъ только мы остались опять вдвоемъ, началось очень неловкое молчаніе.

— Гдѣ же теперь ваша сестра? спросилъ я.

— Умерла въ оспѣ.

— Развѣ ей не прививали оспу?

— Нѣтъ.

— А отчего же умерла ваша мать?

— Не знаю. Я ужъ тогда былъ въ училищѣ, равнодушно отвѣтилъ Семень.

Я почувствовалъ, что эти вопросы, задаваемые съ моей стороны ни съ того, ни съ сего, очень глупы, и замолчалъ.

Когда пистолеть былъ осмотрѣнъ съ надлежащимъ вниманіемъ и было выражено сожалѣніе, что нѣтъ пистоновъ, на которыхъ бы его можно было попробовать, Семень замѣтилъ, что у него въ сундукѣ есть пистоны.

— Неловко только идти къ дядѣ, прибавилъ онъ.

— Это пустяки; пойдемъ, радостно объявилъ Андрей, и мы отправились изъ нашей комнаты во флигель. Михѣича не было дома, и мы, въ присутствіи скотницы Мавры, прислуживавшей ему, совершенно свободно усѣлись около Семенова сундука, стоявшаго въ передней. Это былъ некрашенный, топорной работы сундукъ, съ большимъ висячимъ замкомъ. Покуда Семень отвязывалъ отъ пояса ключъ, Андрей весело потиралъ руки въ радости близкаго удовлетворенія своего трепетнаго желанія осмотрѣть сокровища сундука, а затѣмъ пострѣлять изъ пистолета. Я не меньше брата любилъ разсматривать чужія вещи, но дожидался совершенно терпѣливо, пока Семень отомкнулъ замокъ и открылъ вмѣстилище своей собственности. Передъ глазами нашими появилась цѣлая лавочка. На днѣ лежала потертая шуба, крытая синимъ сукномъ, и на ней, между нѣсколькими штуками бѣлья, помѣщались самыя разнообразныя вещи, чрезвычайно тщательно уложенныя домовитымъ хозяиномъ. Тутъ было нѣсколько волосяныхъ лесъ для удочекъ, нѣсколько линейекъ, съ прорѣзами посерединѣ, для чистки пуговиць, два или три оселка для точенія ножей, буравчикъ, мотокъ нитокъ, дратва, шило, обломанная подкова, молотокъ, напилкоъ, вилка безъ черенка, старыя голенищи, вязанка пуговиць, зеркальцо, оловянная чернилица, молитвенникъ, переломанная пополамъ бритва и проч. Андрей бралъ каждую вещь, и съ любопытствомъ разсматривалъ.

— Это что такое? спрашивалъ онъ.

— Штучка такая, отъ зонтика...

— Зачѣмъ?

— Да такъ. Вотъ портретъ императора, когда еще онъ былъ наслѣдникомъ...

— А! А что въ этомъ мѣшкѣ?

— Не развязывай; разныя тряпки—починить чтонибудь...

Когда Семень досталъ изъ жестяной коробочки изъ-подъ ваксы два или три пистона, валявшіеся тамъ вмѣстѣ съ пуговицами, мѣдными крестами, колечками и ключами, мы вновь пересмотрѣли все имущество Новицкаго, который съ самой нѣжною любовью тщательно укладывалъ каждую вещь на свое мѣсто. Положивъ послѣдній предметъ и запирая сундукъ, Семень вздохнулъ, какъ человѣкъ, кончившій трудную, но пріятную работу.

— А у тебя много имѣнья! сказала Андрей, надѣвая пистонъ.

— Иной разъ бросишь чтонибудь, а послѣ понадобится, — и нѣту; а тутъ, какъ поберегъ, такъ оно и есть, пояснилъ Нотъ.

вицкій, кажется, задѣтый за живое, и чувствовавшій удовольствіе домовитаго человѣка, только что обозрѣвшаго свою собственность.

III.

Мы уѣзжаемъ.

Мы безъ большой печали разстались съ деревней, и поѣхали подъ палящимъ зноемъ, по пыльной дорогѣ, окруженной желтыми кусками сжатыхъ полосъ, солома которыхъ, казалось, горѣла на солнцѣ. Отецъ дремалъ въ углу трясущагося тарантаса, я сидѣлъ съ боку, и внимательно смотрѣлъ на рѣдкую зелень деревъ, на поблекшую траву и на желтыя поля, убѣгавшія назадъ съ утомительнымъ однообразіемъ, рѣзавшимъ глаза. Новичкаго сначала посадили на козла, гдѣ былъ привязанъ его сундукъ, но Андрей помѣнялся съ нимъ мѣстами, и Семень сидѣлъ рядомъ со мной въ тарантасѣ, считая верстовые столбы, и указывая мнѣ на какіе-нибудь пустыки, выходящіе изъ ряда утомительнаго однообразія: на спутанную лошадь, скачущую по лугу, или бабу, идущую въ сторонѣ, съ посошкомъ и котомкой за плечами. Андрей возился на козлахъ, какъ мартышка; онъ гикалъ на лошадей, махалъ руками, ловилъ оводовъ, и, приснастивъ къ насѣкомому соломинку пускалъ его въ воздухъ. Оно такъ и летѣло съ соломинкой, исчезая въ желтѣющемъ отъ солнца воздухѣ. Не знаю, потому-ли, что я былъ занятъ тѣми новинами, съ которыми придется столкнуться въ городѣ, или по другой какой причинѣ,—незнакомыя лица и новыя мѣста, быстро мелькавшія передъ глазами, мало поражали меня.

Мы остановились ночевать въ просторной, но грязной и сырой комнатѣ станціоннаго дома, гдѣ очень пахло потомъ, точно отъ рубашки человѣка, пробѣжавшаго, не отдыхая, двадцать верстъ и притомъ въ очень жаркій лѣтній день. Отцу устроили постель на диванѣ, мы легли съ братомъ на какомъ-то широкомъ ларѣ, а Новичкій раздѣвался, приготовляясь лечь на столъ, гдѣ уже лежалъ войлокъ. Раздѣвшись совершенно, онъ остановился босикомъ въ переднемъ углу, и началъ торопливо креститься. На немъ была надѣта бѣдная ситцевая рубаха краснаго цвѣта, и это обстоятельство дало Андрею поводъ разчувствоваться чуть не до слезъ.

— Знаешь, еслибъ я былъ богатымъ, шопотомъ сказалъ онъ

мнѣ:—я бы все купилъ ему. Посмотри, какой онъ бѣдный и рубашка какая... Мнѣ его жаль.

Глядя на кресты и поклоны Новицкаго, я думалъ о словахъ тетушки, что при людяхъ молятся только невѣжи и лицемѣры, и ничего не отвѣчалъ брату, на его великодушное намѣреніе купить Новицкому другую рубаху. Онъ замолчалъ, и, вѣроятно, началъ мечтать, какъ бы онъ осчастливилъ Семена, еслибъ былъ богатъ.

Утромъ мы опять подъ палящимъ солнцемъ закачались въ тарантасѣ, и опять побѣжали мимо насъ желтыя поля, полуобнаженныя деревья и верстовыя столбы. Семень обратился ко мнѣ съ разговоромъ не прежде, чѣмъ въ его глазахъ успѣли примелькаться зеленныя, черныя и желтыя краски, блиставшія съ обѣихъ сторонъ дороги.

— Посмотри, сказалъ онъ мнѣ, таинственно показывая большой складной ножикъ въ дрянномъ роговомъ черешкѣ. Случай, быть, повидимому, такъ важенъ, что онъ забылъ съ кѣмъ говорить, и обращался ко мнѣ прямо на *ты*.

— Ну? вопросительно произнесъ я, взявъ въ руки ножъ.

— Я его утянулъ тамъ, проговорилъ онъ съ невыразимой улыбкой, больше похожей на ужимку,—такъ она была энергична: въ ней была и радость, и таинственность, и похвальба.

Мнѣ эта ужимка очень не понравилась.

— Что? серьезно спросилъ я.

— Я его тамъ взялъ, скромнѣе сказалъ онъ.

— Ты его укралъ? спросилъ я, считая лишнимъ церемониться, и употребляя тоже *ты*, по случаю экстренности происшествія.

Новицкій ничего не отвѣчалъ, я выбросилъ ножикъ изъ тарантаса, и закричалъ, обращаясь къ отцу: „онъ укралъ ножикъ“.

— У кого укралъ? сонно спросилъ отецъ.

— Тамъ, на станціи.

— Это нехорошо, проговорилъ отецъ, зѣвнуль, и отвортился въ другую сторону, вѣроятно, считая это дѣло нестоящимъ дальнѣйшихъ объясненій.

Я думалъ моимъ восклицаніемъ произвестъ цѣлую бурю, и мнѣ не хотѣлось разочароваться сразу. Видя невниманіе со стороны отца, я обратился къ Андрею и толкнулъ его въ спину, въ то самое время, когда онъ замахнулся кнудомъ надъ лѣвой пристяжной.

— Онъ укралъ ножикъ.

— Покажи его сюда, покажи! вскричалъ Андрей, заливаясь хохотомъ.

— Я выкинулъ его.

— Какъ же ты его стащилъ? весело спрашивалъ Андрей, отъ котораго я дожидался выраженія полнаго негодованія къ злоумышленному похищенію чужихъ ножей на почтовыхъ станціяхъ.

Ни я, ни Семень, однакожь, не отвѣтили ничего на его веселый вопросъ. Я жалѣлъ, что тутъ нѣтъ тетушки Филисады съ колкими упреками, и выходилъ изъ себя отъ досады, видя, что Андрей нисколько не возмущается поступкомъ Семена.

— Зачѣмъ же ты его выбросилъ? спросилъ меня братъ.

— Затѣмъ, что нужно, съ досадою отвѣчалъ я.

— Ты всегда портишь да выбрасываешь чужія вещи. Кто тебя просилъ? проворчалъ Андрей, оборачиваясь къ лошадямъ.

— Отодвинься отъ меня, воришка, сказалъ я Семену, злобно глядя на его сѣрый капотъ и фуражку, надвинутую на затылокъ.

Черезъ полчаса я взглянулъ на него, онъ смотрѣлъ все такъ же въ сторону, но, повидимому, очень мало обращалъ вниманія на желтизну и зелень, какъ потокъ утекавшую назадъ. Я понималъ, что онъ чувствуетъ себя отчужденнымъ и презираемымъ, и что ему очень скверно. Я съ ненавистью посмотрѣлъ на его некрасивую фигуру, неподвижную, подъ вліяніемъ молчаливой тоски, и отворотился.

Во всю остальную дорогу мы не сказали ни слова, хотя я вездѣ старался выказать къ нему самое положительное отвращеніе, въ полномъ убѣжденіи, что поступаю хорошо, справедливо наказывая виновнаго. Наконецъ, на послѣдней станціи, гдѣ мы переодѣвались въѣзжая въ городъ, я встрѣтилъ его одного, на крыльцѣ станціоннаго дома. Онъ стоялъ, задумчиво облокотившись на перила. Ему не во что было переодѣваться. Я подумалъ, что онъ раскаявается, и заслуживаетъ сожалѣнія.

— Тебѣ стыдно? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, не то разсѣянно, не то нехотя, какъ будто для того, чтобы только сказать что нибудь.

— Развѣ хорошо воровать?

— Я не воровалъ.

— Какъ же?—а гдѣ же ты взялъ ножики?

— Я его взялъ, да и только.

— Укралъ!

— Положимъ — укралъ, и до этого тебѣ нѣтъ дѣла, мрачно сказалъ онъ.

— Значить, ты—воръ, а съ ворами я не хочу говорить.

— И не нуждаюсь.

Я вошелъ въ комнату. Отецъ стоялъ передъ зеркаломъ, и силлся застегнуть своими толстыми пальцами воротничокъ рубашки. Андрей сидѣлъ у окна, и дразнилъ кошку гусинымъ пе-

ромъ, — она притворялась разсерженной, фыркала и оборонялась лапшой. Я хотѣлъ-было сказать ему про Семена, но подумалъ, что онъ не будетъ слушать, и рѣшился прибегнуть для себя свои соображенія.

Къ полудню, мы въѣхали въ большой городъ съ огромными, незнакомыми домами и улицами, шумящими народомъ. При самомъ въѣздѣ, отецъ показалъ намъ нашъ домъ, стоявшій среди огромныхъ зеленыхъ деревьевъ, и отдававшійся кому-то внаймы. Мы ѣхали полной рысью, и прохожіе съ любопытствомъ останавливались, глядя на насъ. Пришлось проѣхать много улицъ, пока мы остановились около богатаго дома, принадлежавшаго нашему дальнему родственнику, предсѣдателю палаты, барону Шраму. Этотъ баронъ былъ очень маленькій неслышннй старичокъ, котораго никто не могъ бы, кажется, замѣтить, еслибъ на его шеѣ не висѣло блестящаго орденскаго креста на красной лентѣ. Крестъ этотъ, повидимому, составлялъ такую же неотъемлемую принадлежность предсѣдателя, какъ голова у другаго человѣка, и онъ изо всей фигуры старика прежде всего бросался въ глаза. Я тоже прежде всего увидѣлъ этотъ крестъ на красной лентѣ, и потомъ уже только примѣтилъ большую дѣтскую голову съ выдавшимся впередъ лбомъ, съ сѣдыми, жидкими, какъ у новорожденнаго, волосами, ввалившимися потухшими глазами, сидѣвшую на маленькомъ худощавомъ туловищѣ. Шрамъ ходилъ нетвердо, точно сгибаясь подъ тяжестью своего блестящаго креста, говорилъ пискливымъ голосомъ, и всѣми своими манерами много напоминалъ серьезнаго ребенка, страдающаго англійской болѣзью. У этого дряхлаго старика, который могъ, казалось, упасть отъ порыва вѣтра, была молодая жена, высокая, красивая и важная, какъ царица. У нихъ былъ сынъ, красивый и стройный мальчикъ съ ловкими плавными манерами, котораго я полюбилъ съ перваго взгляда. Онъ былъ годомъ старше Андрея, учился уже въ гимназіи, и носилъ щегольской гимназическій сюртукъ съ низенькимъ краснымъ воротникомъ (въ то время воротники отличались еще безобразной высотой); къ нему очень шель этотъ сюртукъ, хорошо обрисовывавшій его гибкую талью и дѣлавшій его похожимъ на взрослога офицера. Онъ встрѣтилъ меня какой-то французской фразой, и я долженъ былъ покраснѣть отъ стыда.

— Я не говорю пофранцузски, съ усиліемъ проговорилъ я.

— Это ничего, сказалъ онъ, съ покровительственной ласкою востью. — Пойдемте со мной къ Альбину Игнатиичу — это мой гувернеръ, — мы теперь щиплемъ корію. Вы намъ поможете.

Эти слова столько же относились ко мнѣ, сколько къ Андрею,

который глядѣлъ что-то очень мрачно. Мы вошли въ слѣдующую комнату, гдѣ передъ подносомъ съ корпией сидѣлъ Альбинъ Игнатьевичъ, и длинными бѣлыми пальцами съ большимъ неуѣмьемъ, но съ отмѣнной элегантностью, дергалъ нитку за ниткой. Это былъ жантильный, чувствительный и милый полячокъ, вѣчно улыбавшійся или приходившій въ восторгъ. Поздоровавшись съ нами, онъ вынулъ изъ стоявшей подъ столомъ корзины цѣлый ворохъ маленькихъ тряпочекъ, и раздѣлил ихъ между мной и Андреемъ.

— Я не умѣю щипать корпию. Я не буду, сказалъ Андрей.

Альбинъ Игнатьевичъ пришелъ въ ужасъ, и широко раскрылъ глаза.

— Вы знаете ли, что эта корпия пойдетъ на войну? важно спросилъ онъ, кажется, съ полной увѣренностью уничтожить въ прахъ этимъ вопросомъ своего противника.

— А мнѣ что за дѣло! равнодушно отвѣтилъ Андрей.

— Странно! Ты хочешь поступить въ военную службу, и не хочешь щипать корпии, сказалъ я.

— Это нехорошо! нехорошо! съ большой увѣренностью подтвердилъ Альбинъ Игнатьевичъ.

— Я незатѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобы щипать корпию, грубо сказалъ Андрей, и выпелъ вонъ изъ комнаты.

— Гдѣ получилъ воспитаніе этотъ мальчикъ? громко спросилъ Альбинъ Игнатьевичъ, вслѣдъ уходившему брату.

Володя (имя молодого Шрама) сказалъ ему какую-то французскую фразу, и Альбинъ Игнатьевичъ пришелъ въ ужасъ. Мнѣ показалось, что дѣло шло именно о моемъ невѣжествѣ во французскомъ языкѣ, и я смутился. Альбинъ Игнатьевичъ и Володя хотя имѣли большую претензію на воспитаніе, но начали безцеремонно поддразнивать меня своими секретами, затянувъ бѣглый разговоръ на языкѣ, котораго я не понималъ, и я рѣшительно очутился въ положеніи человѣка, сидящаго на угольяхъ. На меня напало какое-то униженіе, и мнѣ казалось, что нѣтъ никого на свѣтѣ несчастнѣе меня; я былъ такъ глупъ, такъ неловокъ въ сравненіи съ этими людьми, свободно болтающими по французски. У меня вертѣлась въ мысляхъ недавно произнесенная мной фраза: „Странно, ты хочешь поступить въ военную службу, а не хочешь щипать корпии“, и чѣмъ дальше, тѣмъ нелѣпѣе казалась мнѣ эта фраза. Я разбиралъ ее по ниточкѣ, и выходилъ изъ себя отъ досады, что въ моемъ выраженіи все отъ начала до конца бессмыслица. „Странно!“ думалъ я, „ничего нѣтъ страннаго, что человѣкъ, желающій поступить въ военную службу, не желаетъ щипать корпии. Развѣ всѣ военные щиплютъ кор-

пю? Какое имѣеть отношеніе военная служба къ корпію?.. Всѣ эти размышленія наводили меня на тяжелую мысль, что я глупъ, глупъ, непроходимо глупъ, и я готовъ былъ заплакать отъ сознанія своего ничтожества. Пальцы мои двигались неловко; я рѣшительно убѣждался, что совершаю величайшее неприличіе уже тѣмъ, что дышу. Наконецъ, меня вывели изъ этого томительнаго положенія громкіе, безобразные звуки фортепьяно; я встрепенулъся и подумалъ, что Андрей, пожалуй, еще глупѣе меня, судя по тому, что дурачится до такой степени въ совершенно незнакомомъ домѣ. Я ни на минуту не сомнѣвался, что безобразіе принадлежало брату. Заслышавъ громъ фортепьяно, Альбинъ Игнатьевичъ пришелъ въ ужасъ, и вскочилъ съ мѣста. Мы всѣ отправились въ залу, гдѣ и застали Андрея на мѣстѣ преступленія, около открытаго фортепьяно. Въ дверяхъ стояла Катерина Григорьевна въ голубомъ шолковомъ платьѣ, съ выпущенной часовой цѣпочкой, точно собравшаяся въ гости.

— Вы совсѣмъ испортите фортепьяно, сказала она, вытягивая въ носъ *пьяно*. При высокомъ ростѣ и театральныхъ манерахъ, она очень походила на важную принцессу изъ какой-нибудь мелодрамы.

— Ай, ай, ай! ужаснулся Альбинъ Игнатьевичъ, и замоталъ головой.

— Я только попробовалъ, пробормоталъ Андрей. Онъ покраснѣлъ, и съ неловкой торопливостью закрывалъ рояль.

— Какой онъ музыкантъ! размѣялся Володя.

— Что вы тамъ дѣлаете, Альбинъ Игнатьичъ? тонно спросила Катерина Григорьевна.

— Мы щипали корпію.

— Пусть дѣти пройдутся перелѣ обѣдомъ по саду.

Альбинъ Игнатьевичъ подобострастно поклонился, и повелъ насъ въ садъ. Проходя черезъ небольшую комнату, кажется буфетную, въ которой были сложены наши вещи, я увидѣлъ Семена; онъ сидѣлъ на чемоданахъ и тупо смотрѣлъ въ окно.

— Что это за мальчикъ съ вами? казачокъ? спросилъ Володя.

— Нѣтъ, въ смущеніи отвѣчалъ я.

— Что ты тутъ сидишь? Пойдемъ съ нами, сказалъ Андрей, потянувъ Новицкаго за руку.

— Нѣтъ, съ дрожью въ голосѣ отвѣтилъ онъ, не понимая, что говорить. Одна капля, и обиженный всѣми мальчикъ зарыдалъ бы. Но Андрей потащилъ его за собой, и Новицкій, не сопротивляясь, пошелъ съ нимъ рядомъ.

Садъ, сравнительно съ нашей деревенской рощей, былъ дрянной и жидкій, хотя дорожки были тщательно усыпаны, а скамей-

ки выкрашены свѣжей зеленой краской. Тамъ была качель и бильбоке. Андрей пригласилъ Новицкаго играть съ тѣмъ, что тотъ, кто проиграетъ, долженъ провезти своего счастливаго соперника на закуоркахъ. Семень вовсе не умѣлъ играть, и, ко всеобщему смѣху, Андрей началъ ѣздить на немъ разъ за разомъ. Даже Альбинъ Игнатьевичъ, замѣтившій-было, что подобная игра нѣсколько непристойна, началъ смѣяться вмѣстѣ съ нами. Не смѣялся только Новицкій; онъ натянуто улыбался, но по всему было видно, что состояніе его духа далеко неспокойно. Андрей, ничего не замѣчая, очень весело заскакивалъ ему на плечи, и съ гиканьемъ и шутками, проѣзжалъ нѣсколько шаговъ. Но вдругъ Новицкій какъ-то нечаянно попалъ кольцомъ на ключокъ, и роли перемѣнились.

— Довольно, довольно, сказалъ Альбинъ Игнатьевичъ, такъ-какъ зрѣлище переставало быть смѣшнымъ и начинало надоѣдать ему.

— Ну, садись, печально проговорилъ Андрей, подготавливая спину.

— Ну, ладно! стыдливо проговорилъ Новицкій, приготавливаясь осѣдлатъ Андрея.

— Послушай, мальчижь! Не смѣй! не надо этого! закричалъ Альбинъ Игнатьевичъ.

— Я не сяду.

— Ну, что же! Садись! понукалъ Андрей.

— Нѣтъ. Что! отходя назадъ, проговорилъ Новицкій, и слезы потекли у него сами собой: это было такъ неожиданно, что даже Альбинъ Игнатьевичъ смутился и уронилъ на песокъ только что закуренную сигару.

— Чего онъ плачетъ? удивился Володя. Въ словахъ его слышался презрительный оттѣнокъ.

— Пойдемте домой, брюзгливо скомандовалъ Альбинъ Игнатьевичъ.

— Послушай, я тебя люблю. Хочешь, я подарю тебѣ свой пистолеть? говорилъ Андрей, идя рядомъ съ Новицкимъ, который мало-по-малу успокоился.

Пистолеть былъ драгоценнѣйшей вещью Андрея, и я не могъ не подивиться великодушію брата. Новицкій однакожь не обольщался этимъ подаркомъ, и хотя пересталъ плакать, но не могъ развеселиться, что очень печалило Андрея. Чтобы какъ-нибудь покончить съ тоской своего пріятеля, братъ отправился къ отцу, спросилъ денегъ и купилъ такое множество яблоковъ, которымъ могли бы десять человѣкъ заѣсть какое-угодно горе. Новицкій, однакожь, не заѣлъ своего горя и яблоками. Онъ, къ досадѣ

Андрея, смотрѣлъ, попрежнему, печально и не улыбался даже неловко прощаясь съ нами и уходя съ какимъ-то дьякономъ.

Въ тотъ же день, отецъ отвезъ Андрея въ корпусъ, а на завтра мы отправились съ нимъ къ директору гимназіи, который въ десять минутъ проэкзаменовалъ меня, и нашелъ, что я могу поступить въ третій классъ. Онъ погладилъ меня по головѣ, и спросилъ, здоровъ ли я.

— Его не надо много утомлять: у него такое слабое сложене, сказалъ директоръ: — пусть лучше поступить во второй классъ, тамъ ему будетъ легче.

— Все равно, хоть во второй, согласился отецъ.

Послѣ обѣда, когда отецъ улегся въ отведенной ему комнатѣ, я хотѣлъ выйти, чтобы не мѣшать ему заснуть, но онъ остановилъ меня.

— Какъ ты хочешь—остаться здѣсь, у бароновъ, или отдать тебя въ пансіонъ? спросилъ онъ.—Тамъ много мальчиковъ, тебѣ будетъ веселѣе.

— Лучше въ пансіонъ, сказалъ я, краснѣя при мысли о своемъ жалкомъ положеніи въ обществѣ благовоспитанныхъ галантныхъ бароновъ.

— И лучше, подтвердилъ отецъ.—У этихъ бароновъ есть свои фантазіи. Они медь ѣдятъ шиломъ. Ты не видалъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ну, вотъ, а они думаютъ, что ложкой—неделикатно, и ѣдятъ шиломъ.

Отецъ засмѣялся, и шутя ударилъ меня по спинѣ, чтобы я шелъ.

На другой день онъ далъ мнѣ десять рублей, сказавъ, что будетъ посылать мнѣ каждый мѣсяць столько же, и отвезъ меня въ пансіонъ.

IV.

Я знакомлюсь съ Овѣринимъ, который хочетъ удалиться въ пустыню.

Я поступилъ въ гимназію во время крымской войны, когда въ народѣ ходили какіе-то неясные слухи о томъ, что три великана: французъ, турокъ и англичанинъ колотятъ четвертаго—русскаго, но большинству до этого было очень мало дѣла. Образованное меньшинство знало, что

... въ таинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ,

Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ...

но очень не многіе выписывали „Художественный Листокъ“ Тимма съ портретами русскихъ генераловъ и щипали корпію, сдавая ее въ канцелярію губернатора, гдѣ она и шла на набивку подушекъ, вытираніе перьевъ, растопку печей и другія мѣстные потребности. Самые образованные сгоняли охотниковъ въ ополченіе, и хвалили мужество и патріотизмъ русскаго мужика. Ополченцамъ устраивали пиршества, и провожая ихъ, угощали водкой, пирогами и патріотическими стихотвореніями мѣстныхъ поэтовъ, вдохновенныхъ надеждой на прибавку жалованья. Ополченцы, давась пирогами, кричали „ура!“; зрители, ковыряя пальцами въ носу, отвѣчали имъ тѣмъ же, и въ газетахъ появлялась корреспонденція съ краснорѣчивымъ описаніемъ восторговъ. Вообще войной интересовались очень мало, а я только мелькомъ слышалъ объ ней отъ отца.

Въ это-то время я поступилъ въ гимназію.

Кому случалось когда-нибудь осматривать большой, только-что отдѣланный домъ, тотъ, вѣроятно, путаясь по свѣжевыбѣленнымъ, незнакомымъ, пустымъ комнатамъ, чувствовалъ въ себѣ какую-то пустоту и недостатокъ увѣренности. Когда я вошелъ въ пансіонъ, и почувалъ запахъ известки, я точно вошелъ въ пустой незнакомый домъ, и мнѣ стало неловко. Съ тѣхъ поръ запахъ известки всегда напоминаетъ мнѣ день моего поступленія въ гимназію. Едва-ли въ жизни я чувствовалъ когда-нибудь себя столь безпомощнымъ и слабымъ, какъ тогда.

Прежде всего мученія мои начались тѣмъ, что меня обступила шумная толпа незнакомыхъ бойкихъ мальчиковъ, которые закидали меня вопросами о томъ, откуда я, сколько мнѣ лѣтъ, кто мой отецъ и проч.

— А ты видалъ Москву? дерзко спросилъ меня парень лѣтъ шестнадцати, размашисто подходя ко мнѣ.

— Покажи ему, Сколковъ, Москву!

— Видалъ Москву?

— Нѣтъ, не видалъ, смущенно отвѣчалъ я.

— Ну, такъ я тебѣ покажу.

Онъ зашелъ сзади меня, схватилъ за волосы на вискахъ, и дернулъ кверху такъ сильно, что мнѣ показалось, будто кожа отдирается отъ черепа. Я хотѣлъ-было закричать, но въ это время всѣ вокругъ меня засуетились.

— Яковъ Степанычъ идетъ! Яковъ Степанычъ! зашумѣли вокругъ меня, съ радостью сильно проголодавшихся людей, извѣщающихъ другъ друга: „обѣдъ несутъ! обѣдъ несутъ!“

Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ.

— Это самый лучший учитель, отрекомендовалъ мнѣ кто-то налету.

Всѣ бросились къ скамейкамъ, и усѣлись за парты. Я не спѣлъ за другими, и очутился на первой скамьѣ, съ краю.

Вошелъ учитель довольно высокаго роста въ синемъ фракѣ, съ волосами, прилизанными впередъ къ глазамъ, точно заслонки у пугливой лошади. Всѣ радостно вскочили на ноги при его появленіи; онъ поклонился, медленно понюхалъ табаку, крикнулъ, сказалъ: „ну-съ“, и подошелъ къ первой партѣ.

— Яковъ Степанычъ, у насъ есть новичокъ, сказалъ кто-то.

— Гдѣ? Молодецъ! ласково сказалъ Яковъ Степанычъ, поглядивъ меня по головѣ своей широкой ладонью. — *Ното повус*—новый человекъ, собственно. Садись. Такъ называли въ Римѣ выскочекъ. Вотъ, напримѣръ, Марій. Онъ былъ простой плебей; былъ необыкновенно ловокъ: Тибръ переплывалъ въ семьдесятъ лѣтъ. Тибръ! А лордъ Байронъ Гелеспонтъ переплывалъ. Англичанинъ—хитеръ, обезьяну выдумалъ...

— Го, го, го! раздалось по всему классу. Учитель уперся въ бока, и тоже захохоталъ.

— Но Байронъ былъ молодъ, а вѣдь Марій старикъ—старикъ семидесяти лѣтъ! Впрочемъ, пословица говорить: молодъ да протухъ, старъ да пѣтухъ...

Весь классъ опять захохоталъ громкимъ, неестественнымъ смѣхомъ. Дѣло въ томъ, что Яковъ Степанычъ считалъ себя большимъ юмористомъ, и ученики нарочно поощряли его своимъ хохотомъ къ разсказыванію анекдотовъ для того, чтобы отвлечь отъ спрашиванія уроковъ.

— Знаете басню Крылова: „Старикъ и трое молодыхъ“? продолжалъ Яковъ Степанычъ на тему о старости.

— Вотъ, Яковъ Степанычъ, выскочилъ кто-то, подавая учителю книгу.

— Да! вотъ она!

Началось чтеніе басни. Яковъ Степанычъ читалъ очень недурно, и ему приходилось нѣсколько разъ останавливаться, чтобы успокоить безтолковый смѣхъ, расточавшійся съ нашей стороны ужъ черезчуръ щедро, въ виду того, чтобы отвлечь вниманіе Якова Степаныча отъ заднихъ скамеекъ, гдѣ, подъ шумокъ, составлялась партія въ носки, въ четъ и нечетъ, или орлянку. Вслѣдъ за первой басней, Яковъ Степанычъ прочелъ вторую, въ которой старикъ, неся вязанку дровъ, призывалъ смерть, а когда она пришла, пригласилъ ее помочь донести вязанку. Въ этомъ мѣстѣ классъ хохоталъ минуты двѣ. Воздухъ дрожалъ, и казалось грохотъ смѣха никогда не прекратится.

— Да, остроумный отвѣтъ, сказалъ Яковъ Степанычъ, когда все немного поуспокоилось. — Вотъ тоже мнѣ очень нравится остроумный отвѣтъ Суворову. Суворовъ терпѣть не могъ немогу-знаешь...

И „остроумные отвѣты“ полились въ три ручья. Отъ Суворова Яковъ Степанычъ перешелъ къ значенію шутокъ вообще, и сказавъ нѣсколько словъ объ аттической соли, заговорилъ о значеніи шутовъ въ разныя времена, откуда уже перешелъ къ остроумнымъ мистификаціямъ. Звонокъ прервалъ его на самомъ интересномъ мѣстѣ какой-то повѣсти, гдѣ два любовника, преслѣдуемые ревнивымъ мужемъ, рѣшились умереть, и приняли, вмѣсто яда, слабительное.

— Къ слѣдующему разу приготовьте слѣдующій параграфъ, проговорилъ Яковъ Степанычъ, выходя изъ класса среди всеобщаго шума. Онъ всегда такъ преподавалъ нѣмецкій языкъ въ младшихъ классахъ, а въ старшихъ классахъ — словесность, и ученики не могли имъ нахвалиться.

Во время шума, гама и пыли, всегда наполняющихъ маленький промежутокъ времени между уходомъ одного учителя и приходомъ другаго, — ко мнѣ подошелъ тотъ, довольно взрослый, неуклюжій паренъ, который показывалъ мнѣ Москву.

— Ты ѣлъ кокосы? спросилъ онъ, схвативъ меня за плечо.

— Нѣтъ, — и не хочу, рѣшительно отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, ты попробуй. Вотъ сейчасъ прійдетъ учитель — Федоръ Митричъ — онъ добрый; постоянно съ собой кокосы носитъ, ты у него попроси.

— Нѣтъ, я не хочу, повторилъ я.

— Шш!

Всѣ бросились на свои мѣста. Въ классъ вошелъ, слегка прихрамывая на лѣвую ногу, высокій черноволосый учитель, съ ртомъ, искосившимся на бокъ отъ паралича. Въ костюмѣ его было замѣтно большое неряшество; волосы не причесаны, салюги не чищены, рубашка грязная. Это былъ Федоръ Митричъ, учитель географіи. Онъ доковылялъ до стула, тяжело сѣлъ на него, и, подперши голову локтями, началъ смотрѣть въ окно. Въ классѣ царствовала грозная тишина.

— Федоръ Митричъ, вотъ новенькій есть, почтительно доложилъ Сколковъ, показывавшій мнѣ Москву.

— А-а!

— Онъ хочетъ попробовать кокосовъ.

— Новичокъ? — гдѣ онъ? Поди-ко сюда, проговорилъ Федоръ Митричъ тѣмъ тономъ, какимъ произноситъ актеръ: „а подать сюда Тяпкина-Ляпкина“.

Я всталъ, и подошелъ къ учительскому столу. Ѳедоръ Митричъ, молча, внимательно началъ осматривать меня.

— Повернись! — Экой птичій хвостъ! вскричалъ онъ, изо всей силы дернувъ меня сзади за фалду фракка, такъ что я невольно всѣмъ корпусомъ подался назадъ. — Дворянчикъ! На конфеткахъ воспитантъ! — Что-жь ты, щенокъ, — повертывайся! вдругъ яростно крикнулъ Ѳедоръ Митричъ, точно я наступилъ ему на мозоль.

Я повернулся къ нему лицомъ.

— Ъль кокосы?

— Нѣтъ.

— Хочешь попробовать?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю, со слезами на глазахъ, проговорилъ я.

— Нѣтъ, ты попробуй. Повернись.

Слезы у меня потекли по щекамъ. Я повернулся.

— Разъ.

Ѳедоръ Митричъ ударилъ меня казанками кулака по головѣ, въ темя. Слезы поплыли по моимъ щекамъ еще ниже.

— Господи! За что бьетъ меня этотъ человѣкъ! Некому за меня заступиться, жалобно подсказало мнѣ мое сознание.

— Два.

Раздался второй, третій ударъ, и я заплакалъ уже навзрыдъ, совершенно забывши, гдѣ я нахожусь.

— Это что еще за нѣжность! крикнулъ Ѳедоръ Митричъ. — Вотъ я тебя попробую прежде, голубчика, что ты такое знаешь. Чему тебя учили тамъ въ твоихъ родовыхъ помѣстьяхъ-то?

— Я учился... началъ-было я, но слезы душили меня.

— Какой главный городъ въ Персіи?

Я началъ отвѣчать. Оказалось, что я зналъ даже больше, чѣмъ требовалось для моего класса.

— Такъ, такъ, сердито подтверждалъ мои отвѣты Ѳедоръ Митричъ. — Выдресировали! Ай-да батюшкинъ сынокъ! Садись на мѣсто.

Послѣ этого началось спрашиванье уроковъ; Ѳедоръ Митричъ съ молчаливой угрюмостью слушалъ отвѣты, и ставилъ въ журналѣ нули. Послѣ него къ намъ явился какой-то обрюзгшій толстякъ, одѣтый еще неприлично Ѳедора Митрича. Одна нога, обернутая грязной онучей, болталась у него въ какомъ-то — не то галошѣ, не то опорѣ. Онъ грузно хромалъ, почти подпрыгивая на каждомъ шагѣ.

— Ну, читай ты, Малининъ, гнусяво проговорилъ онъ.

Малининъ началъ монотонно читать басни Крылова. Толстякъ (учитель русскаго языка Иванъ Капитонычъ) сѣлъ къ столу,

прилежь головой на руки, и сладко задремалъ вплоть до звонка. На задней скамейкѣ Сколковъ выигралъ у кого-то шестьсотъ нось, и спокойно получалъ свой выигрышъ, громко отбивая носы, къ великой потѣхѣ всего класса.

На послѣднемъ урокѣ не было учителя, и за порядкомъ наблюдалъ старшій ученикъ Малининъ. Онъ вышелъ къ классной доскѣ, написалъ на ней—*шалли*, поставилъ двоеточіе, и остановился среди класса съ мѣломъ въ рукахъ, отыскивая глазами нарушителя тишины и порядка, котораго бы можно было занести въ первую голову подъ рубрику—*шалли*. Въ классѣ поднялся шумъ, въ Малинина начали бросать жованой бумагой, корками хлѣба и кусочками штукатурки, а съ задняго стола вылетѣла даже нѣмецкая граматика. Но отважный мальчикъ былъ такъ твердъ при исполненіи своихъ обязанностей, что его нисколько не поколебала и нѣмецкая граматика: онъ, подъ градомъ хлѣбныхъ корокъ и бумажныхъ шариковъ, неуныпно заносилъ на доску, одну за другой, фамиліи шалуновъ, дѣлая это съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто говорилъ самъ себѣ: „ладно, ладно! кидайте покуда, сколько хотите; черезъ четверть часа васъ всѣхъ перевѣсятъ“.

Ко мнѣ столько приставали передъ обѣдомъ съ разными глупостями, въ родѣ увѣреній, что новичокъ долженъ, выходя изъ за стола, цаловать руку у надзирателя, или, изъ скромности, ничего не ѣсть за обѣдомъ, — и такъ надоѣли, что я очень обрадовался, получивъ возможность уйти въ садъ, и уединиться хоть на нѣсколько минутъ. Я сѣлъ на траву, и съ горечью началъ думать о своемъ положеніи. Мнѣ казалось, что сегодняшнія мученія будутъ повторяться каждый день, и я скоро разжалобился до совершенной безутѣшности. Мнѣ припомнилась деревенская свобода и покой; я началъ плакать и дразнить себя жалкими картинками, чтобы вылить съ слезами какъ можно больше своей печали.

Когда я достаточно наплакался и поднялъ глаза, подлѣ меня уже задумчиво сидѣлъ нелюдимый мальчикъ, перепачканный въ мѣлу и чернилахъ, котораго я, въ теченіе дня, успѣлъ замѣтить въ толпы окружавшихъ меня учениковъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, смотрѣлъ на всѣхъ какими-то дикими глазами и держался въ сторонѣ, какъ звѣрекъ, потерявшій свободу. Я сразу понялъ, что онъ мучится такъ же, какъ я, и что мы не должны быть чужды другъ другу. Однакомъ, я не хотѣлъ или не зналъ съ чего начать разговоръ, и дожидался когда онъ заговорить.

— Вы не плачьте, сказать онъ мнѣ, видя, что я успокоился

Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ.

и смотрю на него. — Слѣдуетъ надѣяться на Бога. Онъ говоритъ: „приидите ко мнѣ всѣ плачущіе, и азъ успокою вы“. Если вамъ хочется плакать, вы помолитесь Богу. Вы любите Бога?

— Люблю, отвѣтилъ я, такъ-какъ мой собесѣдникъ остановился, дожидаясь отъ меня отвѣта.

— Какъ ваша фамилія?

— Негоревъ. А ваша? спросилъ я, вынувъ платокъ, и вытирая послѣднія слезы.

— Овѣринъ. Хотите вы быть угодными Богу? Кто плачетъ, тому легко угодить Богу, а кто веселится, тотъ забываетъ о Богѣ. Хотите вы быть угоднымъ Богу?

— Хочу, отвѣтилъ я, не понимая къ чему клонятся его напряженные серьезные вопросы.

— Если вы хотите, мы сдѣлаемъ вотъ что...

Овѣринъ подвинулся ко мнѣ поближе, и заговорилъ глядя въ землю:

— Здѣсь есть одинъ мальчикъ — Малининъ, я говорилъ съ нимъ объ этомъ, но онъ не хочетъ. Пусть они остаются здѣсь, а мы уйдемъ.

— Куда?

— Читали вы жизнь старца Серафима? Я думаю уйдти сначала куда-нибудь въ лѣсъ, хоть не такъ далеко. Мы возьмемъ съ собою двѣ лопаты, топоръ и немного хлѣба — это будетъ не тяжело нести. Гдѣ-нибудь, въ бору, найдемъ такое удобное мѣсто, недалеко отъ рѣки, чтобы намъ было что пить. Нужно только, чтобы къ этому мѣсту никто не могъ пройти, чтобы его никто не зналъ. Бываютъ такія мѣста, я самъ видѣлъ, что кругомъ растутъ сплошь одна подлѣ другой, сосны, какъ частоколъ; изъ за вѣтвей вверхъ ничего невидно, а въ серединѣ площадка, и отъ темноты на ней даже травы не растутъ. Вотъ на такой площадкѣ мы выкопаемъ глубокую яму, такъ чтобы въ ней могло помѣститься двѣ маленькихъ комнаты. По краямъ ямы вставимъ заборы, чтобы земля не осыпалась, а въ серединѣ собьемъ русскую печь изъ глины, — знаете, какія бываютъ въ деревняхъ? Верхъ мы закроемъ бревнами — ихъ будемъ рубить подалше, чтобы не замѣтили, что мы тутъ живемъ. Сверхъ бревенъ насыплемъ землю, такъ что, если кто и будетъ проходить мимо, то не узнаетъ, что подъ ногами у него живутъ люди. У насъ будутъ двѣ комнаты, и постоянно будетъ горѣть лампадка передъ образомъ — отъ нея только и будетъ свѣтъ. Когда мы будемъ выходить за пищей, то будемъ заваливать входъ, чтобы никто не узналъ. Мы будемъ молиться, ѣсть же какъ можно меньше, а спать на голыхъ доскахъ. Пройдетъ десять-двадцать лѣтъ, мы

сдѣлаемъ стариками, и будемъ угодны Богу такъ, что намъ будутъ поклоняться медвѣди и дикіе звѣри. Наконецъ кто-нибудь изъ насъ умретъ первымъ... Вамъ сколько лѣтъ?

— Двѣнадцать.

— Мнѣ тринадцать: я умру прежде. Вы похороните меня, и будете съ радостью ждать смерти, а я о васъ буду молиться въ раю. Тѣло мое тамъ сдѣлается какъ изъ воску, и будетъ прозрачно—и ваше тоже. Мы будемъ святыми—у насъ будутъ бѣлыя, какъ снѣгъ, одежды. Мы будемъ жить вѣчно, и никогда не умремъ... Овѣринъ помолчалъ.—Бабушка хотѣла отдать меня въ монахи, съ сосредоточенной серьезностью заговорилъ онъ опять:— и я все хотѣлъ, да она умерла, и тетка отдала меня сюда. Но я теперь и самъ не хочу быть монахомъ, я хочу быть одинъ въ пустынѣ; много-много вдвоємъ, да и то потому, что одному не устроить землянки: Тамъ будетъ хорошо и спокойно молиться! Тишина, никого нѣтъ кругомъ,—образъ, лампада и евангеліе. Я и здѣсь молюсь въ душѣ каждую минуту, но тутъ мѣшаютъ. Нужно готовить уроки. Богъ велитъ свято исполнять все, что требуютъ. Но когда я уйду отсюда въ пустыню, тамъ никто не будетъ мѣшать. Мы будемъ не переставая молиться. У меня теперь много грѣховъ, и я долго буду выполнять эпитиміи. За каждый грѣхъ я считаю три дня поста, стоя на колѣняхъ, и не поднимаясь. Мнѣ нужно простоять на колѣняхъ нѣсколько лѣтъ, и я буду стоять на камнѣ до тѣхъ поръ, пока на немъ не сдѣлаются ямы отъ моихъ колѣнъ. Нужно какъ можно умерщвлять свою плоть. Если я не ѣмъ теперь за грѣхи цѣлый день, меня вечеромъ такъ начинаетъ искушать дьяволъ, что я не могу заснуть. Когда мы будемъ святыми, насъ онъ не будетъ искушать.

Я не зналъ что ему отвѣтить на это удивительное предложеніе, и когда онъ замолчалъ, я, не говоря ни слова, продолжалъ смотрѣть на рубашку, высунувшуюся изъ-подъ курточки Овѣрина.

— Вы пойдете со мной? спросилъ онъ, наконецъ, меня.

— Не знаю, сказала я. Мнѣ не хотѣлось огорчить отказомъ новопріобрѣтеннаго друга, а обмануть его своимъ обѣщаніемъ было совѣстно.

— Если вы хотите спасти свою душу, тутъ нечего не знать. Пойдемте...

Но тутъ разговоръ нашъ былъ прерванъ.

— Новичокъ! Иди-ко сюда, позвалъ меня Сколковъ, показывавшій мнѣ Москву. — Иди, ей-Богу ничего не будетъ. Нужно поговорить...

Я нерѣшительно пошелъ къ нему. Онъ положилъ мнѣ руку на

плечо, и повелъ меня, конфиденціально наклонивши голову къ моему уху.

— Нѣтъ ли у тебя пятнадцати копѣекъ? Я завтра отдамъ, сказалъ онъ.

— Я вамъ дамъ пожалуй тридцать, только вы не будете бить и мучить меня? нерѣшительно сказалъ я.

— Вотъ ей-Богу! Это я такъ... Ей-Богу больше не буду. Пойдемъ съ нами играть; что съ этимъ сумасшедшимъ говорить!

— Нѣтъ, я хочу съ нимъ посидѣть...

— Ну, сиди, а только смотри — онъ тутъ немного помѣшавшись...

— Какъ?

— Такъ. Онъ самъ себя голодомъ морить. Дуракъ!

Я далъ Сколкову рублевую бумажку; онъ поклялся, что принесетъ мнѣ сдачи, и пошелъ-было, но опять воротился.

— Нельзя ли ужъ взять сорокъ? ласково улыбаясь, спросилъ онъ. — Ты извини, я, ей-Богу, это такъ... А теперь, если тебя кто посмѣетъ тронуть, я всю рожу разобью.

Я позволилъ ему взять сорокъ копѣекъ, и пошелъ къ Овѣрину, въ садъ, куда черезъ минуту Сколковъ дѣйствительно принесъ шесть гривенъ, и поклялся еще разъ тридцать, что будетъ защищать меня. Овѣринъ задумчиво лежалъ на скамейкѣ, подложивъ руки подъ голову. При моемъ появленіи, онъ немного приподнялся, и опять спросилъ меня — согласенъ ли я.

— Что же мы будемъ ѣсть въ лѣсу? спросилъ я, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта.

— Мы будемъ немного ѣсть. Будемъ ѣсть хлѣбъ.

— Гдѣ же мы его будемъ доставать?

— Богъ пошлетъ намъ.

— Нѣтъ, я не хочу. Вы идите одни.

Произнеся эту фразу, я очень смутился. Овѣринъ ничего не отвѣчалъ; онъ какъ будто не слышалъ моего отвѣта. Я постоялъ, постоялъ нѣсколько времени, мнѣ стало неловко, и я ушелъ.

Сколковъ сдержалъ свое слово, и за сорокъ копѣекъ я приобрѣлъ себѣ достаточно прочное спокойствіе, но мнѣ еще пришлось довольно долго скучать, пока я ознакомился и освоился съ новой жизнью, гдѣ казенная неуютная пустота вѣяла на меня какимъ-то холодомъ, и я никакъ не могъ свынуться съ вставаньями по звонку, путешествіями фронтомъ на молитву, которую пѣли всѣ съобща, завтраками, обѣдами и сномъ по командѣ. Въ первое время, скука еще увеличивалась тѣмъ, что я не могъ ни съ кѣмъ сказать слова. Овѣринъ все былъ задумчивъ, и разговоры съ нимъ были немислимы. На мои вопросы онъ широко раскры-

валь свои большіе глаза, и точно пробужденный отъ сна, началъ смотрѣть на меня въ упоръ вопрошающимъ взглядомъ.

— А! это вы! произноситъ онъ, повидимому, въ крайнемъ удивленіи, и отходитъ отъ меня. Въ этомъ скучномъ одиночествѣ, я вспомнилъ про Володю Шрама, и, во время перемѣны, отыскалъ его.

— Какъ вы поживаете? спросилъ онъ меня довольно небрежно.

— Такъ, ничего, неопредѣленно отвѣчалъ я.

— Тамъ у васъ есть ужасные мужланы. Вы лучше держите себя подальше отъ нихъ, не связывайтесь съ ними, проговорилъ онъ, уходя отъ меня въ свой классъ.

Надо замѣтить, что въ пансіонѣ жило очень немного платящихъ воспитанниковъ, такихъ какъ я; прочіе состояли на иждивеніи казны. Все это были, конечно, бѣдняки, и инспекторъ считалъ очень деликатнымъ напоминать имъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что они даромъ ѣдятъ казенный хлѣбъ. Между своекоштными, приходящими учениками казеннокоштные запросто назывались „казной пузатой“, и къ числу этой „казны пузатой“ относили и пансіонеровъ, платящихъ деньги, такъ-какъ по наружности они ничѣмъ не отличались отъ казеннокоштныхъ, а спрашивать въ канцеляріи о томъ, кто платитъ и кто не платитъ, никто не желалъ. Вообще, съ живущихъ въ пансіонѣ инспекторъ взыскивалъ гораздо строже, и „казна пузатая“ пользовалась въ гимназіи дурной репутаціей; по этой, вѣроятно, причинѣ надъ ней было значительно больше начальниковъ, чѣмъ надъ своекоштными. Кромѣ учителей, инспектора и директора, поровнившихъ розгами въ классахъ, въ самомъ пансіонѣ было еще много начальства, заботящагося о нашемъ благѣ до того, что вздохнуть было нельзя. Нашъ пансіонъ, какъ всѣ заведенія того времени, подчинялся военной субординаціи, былъ раздѣленъ на двѣ половины — на старшихъ и младшихъ. Старшіе жили въ особой старшей спальнѣ, изъ которой они почти никогда не выходили, тогда какъ младшихъ въ теченіе дня вовсе не пускали въ свой дортуаръ. Старшимъ дозволялось напиваться пьяными, играть въ карты, курить табакъ и проч. Во время обѣдовъ и ужиновъ, они садились по краямъ столовъ и разливали кушанье, енимая въ свои тарелки жиръ со щей, отбирая себѣ лучшіе куски говядины, пиროговъ и проч. Старшій имѣлъ право оставлять младшихъ безъ обѣда, рвать за уши, ставить на колѣна; младшій долженъ былъ повиноваться, утѣшая себя мыслью сдѣлаться впоследствии старшимъ, и въ свою очередь оставлять другихъ безъ обѣда, рвать уши, ставить на колѣна. Товарищество въ старшей спальнѣ было развито до послѣдней степени — старшіе крѣпко стояли другъ за

друга и даже самъ инспекторъ ихъ не шутя побаивался. О подвигахъ старшихъ ходили самыя невѣроятныя легенды. Одинъ изъ нихъ разбилъ когда-то полицейскій развѣздъ, другой укралъ ризу съ образа, третій поджогъ гимназію и проч. Всѣмъ этимъ чудесамъ вѣрить, впрочемъ, было нетрудно. Между старшими находились малые лѣтъ тридцати и больше. При мнѣ учился въ шестомъ классѣ нѣкто Чабаксаровъ, тридцати-трехъ лѣтъ. Въ прежнее время очень рѣдко исключали казенныхъ воспитанниковъ, и потому неудивительно, что, сидя въ одномъ классѣ по три и четыре года, многіе оставались въ гимназіи почти до сорокалѣтняго возраста. Младшіе находились въ рабскомъ повиновеніи волѣ старшихъ, и даже Сколковъ, которому было лѣтъ подь двадцать, непрекословно становился на колѣни по первому приказу какого нибудь мальчишки-старшаго, упавшаго бы замертво отъ одного сколковскаго шелчка. Каждый младшій считалъ за великую честь, если старшій удостоивалъ его своимъ вниманіемъ, съѣдая его булку, или занимая у него деньги, само собой разумѣется, безъ отдачи. За то, какъ только младшій переходилъ изъ четвертаго въ пятый классъ, онъ начиналъ пользоваться этими-же правами, и могъ съ лихвой получить то, что давалъ. Онъ дѣлался настоящимъ извергомъ, сладострастно моря на колѣняхъ, по нѣскольку часовъ, мальчиковъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ бывшихъ его товарищами, а можетъ быть и друзьями. Какова бы ни была дружба, она прекращалась, если одинъ изъ друзей оставался въ четвертомъ классѣ, а другой переходилъ въ пятый, и получалъ право заморить своего друга на колѣняхъ. Старшихъ мы боялись больше, чѣмъ надзирателей, хотя послѣдніе могли, въ случаѣ крайней надобности, съчь розгами строптивыхъ и непокорныхъ. У насъ было два надзирателя, которые дежурили по очереди. Одинъ изъ нихъ былъ добрый старикъ, вѣчно читавшій романы лежа въ спальнѣ, на своей кровати (надзиратели жили въ младшей спальнѣ), ни во что не мѣшавшійся, и ни разу, сколько я помню, не воспользовавшійся своимъ правомъ наказывать розгами. Другой надзиратель — высокій, худой, чахоточный, напротивъ, не имѣлъ часу спокойнаго: все ходилъ и наблюдалъ за порядками.

— Куда ты бѣжишь! кричалъ онъ въ одномъ мѣстѣ, замѣтивъ ученика, очень скоро идущаго по корридорю.

— Зачѣмъ ты грызешь ногти?

— Умой руки — у тебя всѣ руки въ чернилахъ.

— Ты никогда не чешешь волосъ — тебѣ нужно обстричься.

— Зачѣмъ ты болтаешь ногами подь скамейкой?

Вдительно барабанилъ во всѣхъ углахъ Адамъ Ильичъ. Но

если случалась какаянибудь жалоба со стороны одного ученика на другого, Адамъ Ильичъ положительно торжествовалъ. Онъ, какъ опытный юристъ, разсматривалъ дѣло съ сихъ и этихъ сторонъ, и, не торопясь, послѣ долгаго и всесторонняго обсужденія, постановлялъ рѣшеніе.

— Ты говоришь, что онъ затрогивалъ тебя. Положимъ, что онъ затрогивалъ тебя. Какъ онъ тебя затрогивалъ? спрашивалъ Адамъ Ильичъ.

— Онъ тыкалъ меня стальнымъ перомъ.

— Хорошо-съ. Положимъ, и тыкалъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы ты долженъ былъ набрать въ брызгалку чернилъ, и брызнуть ему прямо въ лицо. Ты брызнулъ въ него? да?

— Онъ самъ хотѣлъ въ меня брызнуть.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ объ этомъ мнѣ, а самъ распорядился брызнуть?

— Я его вовсе не трогалъ. Онъ подошелъ къ моему столу, и брызнулъ въ меня изъ брызгалки чернилами, говоритъ истецъ.

— Онъ лжетъ, Адамъ Ильичъ: — и брызгалка не моя, а его.

— Положимъ... начиналъ опять Адамъ Ильичъ.

Разбирательство продолжалось, и, только послѣ часовыхъ преній, Адамъ Ильичъ, наконецъ, постановлялъ рѣшеніе: того, кто обрызганъ чернилами, въ виду того, что онъ тыкалъ товарища стальными перьями, оставить безъ булкъ, а обрызгавшаго, за самоуправство, оставить безъ обѣда. Очень понятно, что Адама Ильича не очень-то уважали воспитанники. За свою плавную методическую походку, съ головой, поднятой кверху, на длинной жилистой шеѣ, — онъ получилъ прозваніе Гуся. Всякая неприличная шутка, всякая пакость противъ Гуся заслуживала полное одобреніе, и имя одного ученика, успѣвшаго пришить соннаго Гуся къ простынѣ, съ большимъ уваженіемъ передавалось потомству, хотя доблестный шалунъ уже давно служилъ солдатомъ въ какомъ-то гарнизонномъ баталіонѣ. Если Адамъ Ильичъ, по оплошности, оставлялъ свою шляпу на конторкѣ, можно было съ увѣренностью сказать, что она въ его отсутствіе будетъ измята; если онъ уходилъ изъ столовой, не заперевъ въ ящикъ какойнибудь свой рисунокъ (Адамъ Ильичъ занимался „вольнымъ художествомъ“, какъ объяснялъ самъ) — по возвращеніи всегда находилъ среди какогонибудь начатаго эскиза борзо напачканную фигуру Гуся. Въ карманы его пальто клали всякую дрянъ, прибывали его колоши гвоздями, выливали подъ одѣяло, на простыню, по нѣскольку чернильницъ, выбрасывали за окошко его цвѣтные карандаши и проч. и проч. Всѣ его ненавидѣли. Говоря „всѣ“, я здѣсь разумѣю учениковъ младшихъ классовъ. Со

старшими Адамъ Ильичъ, вообще очень подхалюзистый, хорошо умѣлъ ладить, глядя сквозь пальцы на попойки и другія ночныя проказы своихъ взрослыхъ питомцевъ.

Терпя преслѣдованіе старшихъ и надзирателей, мы не меньше своекоштныхъ подвергались всѣмъ ужасамъ капризовъ пьяныхъ учителей, и въ этомъ случаѣ являли собой подобіе воловъ, съ которыхъ сдирали по нѣскольку шкуръ. Собственно учителей у насъ не было, а были унтеръ-офицеры, наблюдающіе за порядкомъ обученія, которымъ льстили слишкомъ много, называя ихъ учителями. Лекція обыкновенно состояла изъ спрашиванья уроковъ, и только во время звонка учитель поспѣшно говорилъ: „до 29-го параграфа!“ или: до словъ: „*Резуль возвратился въ Кароленъ, и принялъ мучительную смерть*“. Большая часть учителей требовали вытверживанія уроковъ слово въ слово: „Лучше книги не скажешь. Востоковъ—академикъ, а ты кто такой?“

При малѣйшемъ неудовольствіи, учителя сѣкли иногда черезъ человѣка весь классъ. Сверхъ учителей былъ еще инспекторъ, который имѣлъ какую-то роковую страсть драть людей розгами.

— Пойдемъ, голубчикъ, пойдемъ, миленькій, говорилъ онъ, таща ученика въ сторожку.

— Поди, голубчикъ, въ спальню, полно плакать—отдохни. Это ничего, ничего, ласково успокоивалъ онъ ученика, который, со слезами на глазахъ, послѣ экзекуціи, застегивалъ пуговицы курточки.

Наказывая розгами по двадцати человѣкъ въ день, инспекторъ былъ все-таки либераломъ, и наивно сообщалъ намъ такія вещи! за которыя могъ бы дорого заплатить. Иногда онъ приходилъ въ какой-то паеосъ.

— Сколковъ, — *ты* дуракъ, вдохновенно говорилъ онъ. — Какъ *ты* позволяешь мнѣ говорить *ты*? Вѣдь *ты* могъ бы меня избить за это. *Ты!*

Сверхъ инспектора, который поролъ, такъ сказать, для собственного удовольствія, поролъ еще директоръ, и поролъ, какъ кажется, съ государственной цѣлью; покрайней мѣрѣ, задравши до полусмерти мальчика, онъ сохранялъ спокойный видъ человѣка, исполнившаго свою обязанность. Онъ наказывалъ рѣдко, но жестоко; мѣсячныхъ отмѣтокъ всѣ боялись до послѣдней степени. Обыкновенно, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, директоръ совершалъ по всѣмъ классамъ парадное шествіе съ мѣсячными отмѣтками, и производилъ большую экзекуцію. Это было чистое нашествіе Аттилы, бича божьяго, и производило панический страхъ. Въ ожиданіи перваго числа всѣ начинали ластиться къ Жичинскому—сторожу и палачу, стараясь укротить его

свирѣлость посильными приношеніями на косушку или даже на цѣлый полуштофъ. Эти подкушы и этотъ страхъ были вполне естественны, такъ-какъ мальчикамъ моихъ лѣтъ давали по сту и по двѣсти розогъ, нерѣдко унося несчастныхъ послѣ экзекуціи, на простыняхъ, въ совершенно безчувственномъ состояніи. Но всѣ грозы этихъ жестокихъ экзекуцій не заставляли лѣнтяевъ быть прилежными; напротивъ, не учиться было молодечествомъ, и многіе гордились своимъ невѣжествомъ, купивъ его цѣной нѣсколькихъ тысячъ розогъ. Каждый новичокъ, съ маломальски упрямымъ характеромъ, увлекался общей ненавистью къ началству, и переставалъ учиться и кричать подъ розгами, чтобы вызвать похвалу и удивленіе товарищей.

Я былъ какъ-то мало общителенъ въ дѣтствѣ, и товарищество не имѣло не меня почти никакого вліянія. Я сразу сдѣлался отличнымъ ученикомъ, приготовляя самымъ аккуратнымъ образомъ уроки, и удаляясь, какъ можно дальше, отъ всякихъ скандаловъ. Зависть къ Володѣ заставила меня заняться французскимъ языкомъ, и я зубрилъ Марго безъ всякаго милосердія. По случайности, мой столъ въ пансіонѣ былъ подлѣ стола Овѣрина, и это сосѣдство очень мѣшало моимъ упражненіямъ въ изученіи французскаго языка. Овѣринъ, скоро убѣдившись, что можно быть угоднымъ Богу, и не удаляясь въ пустыню, пристрастился къ рисованію, и рисовалъ чернилицы, книги, перья и другія учебныя принадлежности по нѣскольку часовъ, не вставая съ мѣста. Около его стола часто собиралась толпа мальчиковъ, которые начинали дразнить его, называя именемъ мѣстнаго юродиваго— Кузмы Кузмича. Они плясали передъ нимъ, высовывали ему языки, дергали его за курточку, и доводили до того, что онъ принужденъ былъ бросать въ нихъ книгами и чернилицами, выставленными, какъ модели для рисованія. Несмотря на эти насмѣшки и преслѣдованія, Овѣрина, впрочемъ, всѣ очень берегли; на него никто не смѣлъ жаловаться, и когда его дразнили, онъ колотилъ шутниковъ совершенно безнаказанно, не встрѣчалъ отъ нихъ никакого сопротивленія. Попросить у него булки считалось величайшимъ срамомъ. Онъ отдавалъ обыкновенно половину булки первому попросившему, а если находился другой проситель, то Овѣринъ оставался голоднымъ. Другіе, имѣвшіе возможность покупать булки, умѣли удовлетворять нѣсколько просителей, отщипывая имъ по такой порціи, передъ которой человѣкъ затруднялся — съѣсть ее или вынюхать. Овѣринъ какъ-то не могъ освоиться съ пансіонской жизнью, и въ послѣдствіи вышелъ изъ пансіона съ тѣми же причудами, съ какими пришелъ.

V

Мы дѣлаемъ съ братомъ въ одинъ день нѣсколько замѣчательныхъ открытій.

Первые два праздника я оставался въ пансіонѣ. По праздникамъ давали, вмѣсто чая, кофе, вмѣсто булочки—сухари, вмѣсто сжженного жаркого—котлеты, но все это не искушало той скуки, которую приходилось испытывать, слоняясь безъ дѣла, изъ угла въ уголъ весь день. На праздники почти всѣ уходили: кто къ родственникамъ, кто къ знакомымъ. Оставались очень немногіе, по большей части сироты, пріѣхавшіе издалека. Старшіе уходили всѣ до одного. Это обстоятельство, правда, нѣсколько, какъ будто, облегчало неприятность и скуку пансіонскаго праздника — всѣ чувствовали себя свободнѣе, чѣмъ въ будни; но все-таки было тяжело въ этой непривычной пустотѣ и недостаткѣ оживленія. Выйдешь на дворъ: тамъ два воспитанника покушаются устроить игру въ мячъ, больше никого нѣтъ. Воротишься въ пансіонъ: одинъ смотритъ въ окно, разлегшись на подоконникѣ; другой, заплетаясь ногами, лѣниво и безцѣльно ходитъ по корридору, и грызетъ ногти; третій роется въ своей конторкѣ. Въ углу, у окна, сидитъ Овѣринъ, и, углубившись, чертитъ какой-то планъ: вѣроятно, дома, который онъ наполовину уже построилъ для себя въ своей фантазіи. Тутъ же, около него помещается его пріятель Малининъ, и награфивъ журналъ, выставляетъ своимъ товарищамъ отмѣтки, въ сладкой грезѣ, что онъ уже учитель гимназіи. Своихъ недруговъ онъ казнить нулями съ минусомъ, а своихъ пріятелей поощряетъ пятерками. Больше никого нѣтъ.

Въ одно изъ такихъ воскресеній, когда мы пришли отъ обѣдни (насъ водили въ церковь фронтомъ), и, въ ожиданіи обѣда, началось безцѣльное шатанье изъ угла въ уголъ, меня кто-то позвалъ изъ корридора.

— Негоревъ, къ тебѣ пришли!

Разсуждая, кто могъ ко мнѣ прійти, я не безъ смущенія вышелъ въ корридору, и увидѣлъ брата. Онъ уже былъ въ шинели, подпоясанной тесакомъ, и стоялъ не снимая своего кивера, съ блестящимъ мѣднымъ гербомъ. Его обстригли, что къ нему очень не шло, и я не сразу узналъ его. Мы такъ не привыкли здороваться другъ съ другомъ, что исполнили эту церемонію съ большою неловкостью, и я повелъ его во дворъ.

— Чортъ-знаеть, какіе эти скоты Шрамы! сказалъ мнѣ Андрей. — Хорошо, что ты не пошелъ къ нимъ.

— А ты развѣ былъ?

— Я всё воскресенья у нихъ былъ. Я сегодня не простился, плюнулъ, и ушелъ. Этотъ мерзавецъ Альбинга хотѣлъ-было меня за уши. Да я — нѣтъ!

— Чтò же у васъ тамъ вышло? спросилъ я, предчувствуя, что вышла очень любопытная исторія.

— Ничего.

— Неужели онъ ни съ того ни съ сего хотѣлъ тебѣ надрать уши?

— Надрать! сердито сказалъ Андрей, недовольный рѣзкостью моего выраженія. — Я показалъ бы ему!...

— Да что же случилось?

— Ничего.

Это „ничего“, какъ оказалось, означало, что братъ сдѣлалъ у Шрамовъ скандалъ на всю улицу. Когда онъ шелъ къ нимъ, у него было три рубля, и онъ чувствовалъ какое-то непонятное безпокойство поскорѣе истратить свои деньги. Для этой цѣли онъ купилъ на рынкѣ цѣлую связку воздушныхъ шаровъ, изъ которыхъ сдѣлалъ очень оригинальное употребленіе. Пройдя къ Шрамамъ прямо въ садъ, онъ поймалъ тамъ маленькую собачонку Катерины Григорьевны, завязалъ ее (собачонку, а не Катерину Григорьевну) въ узелокъ, и пустилъ на воздухъ. Она полетѣла, и, конечно, начала визжать самымъ отчаяннымъ образомъ. Собралась громадная толпа народа, и въ скандалѣ должна была принять участіе даже мѣстная полиція.

— Ну, что же ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ Андрей, окончивъ свой рассказъ, пересыпанный ѣдкими замѣчаніями относительно носа, волосъ и подбородка злокачественнаго „Альбинки“, покушавшагося на неприкосновенность братниныхъ ушей.

— Ничего, сказалъ я. — Какъ тебя безобразно обстригли!

— У насъ отлично, весело. Я еще въ неранжированной ротѣ, а послѣ ружейнымъ приемамъ будутъ учить и ружье дадутъ. Ужъ я марширую, ничего... Будятъ только по утрамъ очень рано барабаномъ. Колотятъ, точно черти. Жаль, что тебя не отдали въ корпусъ!

— Все равно.

— Нѣтъ, у насъ лучше. Отчего ты такой блѣдный, точно... огурецъ? спросилъ Андрей, не затрудняясь въ отысканіи болѣе приличнаго сравненія.

— Расскажи лучше, какъ тамъ у васъ? сказалъ я, [не объясняя причинъ моей огуречной блѣдности.

— Немного строго, но хорошо. Заставляютъ постели убирать, сапоги чистить, пуговицы...

— А тебя еще не сѣкли?

— Нѣтъ, смущенно отвѣтилъ Андрей.

Очевидно, онъ лгалъ. Я не хотѣлъ его сердить, и пересталъ говорить объ этомъ. Мы замолчали.

— Нельзя ли у васъ тутъ гдѣ-нибудь билетъ подписать? спросилъ меня, наконецъ, Андрей.

— Какой билетъ?

— Намъ даютъ билеты. Вотъ. Ну, здѣсь Шрамъ и долженъ расписаться, что я былъ у него, и вель себя хорошо...

— Какъ же ты теперь? спросилъ я, разсматривая билетъ.

— Я самъ подпишу.

Мы вошли въ пансіонъ, и я показалъ брату свою конторку.

— Однако, у васъ тутъ свободно, сказалъ онъ, усаживаясь на скамью.

Онъ взялъ бумагу, и началъ пробовать почеркъ. Андрей вообще не могъ похвалиться хорошимъ почеркомъ, и, простаравшись съ минуту, едва вывелъ безобразными каракулями: „былъ одъ десяти часофъ утра сѣго числа до шести часофъ вечѣра сего числа, вель себя отлично“.

— Если ты напишешь такъ же на билетѣ, тебя высѣкутъ, сказалъ я, недовольный слишкомъ громкимъ хохотомъ, съ которымъ Андрей производилъ свое упражненіе.

Этотъ хохотъ затронулъ любопытство Малинина, и онъ, пользуясь свободой пансіонскихъ нравовъ, навалился брату на плечо, и смотрѣлъ, улыбаясь, на его работу, не подозрѣвая, что такіа вольности съ незнакомыми людьми могутъ привести къ дурнымъ послѣдствіямъ. Братъ, однакожь, вовсе, повидимому, не удивлялся фамильярности Малинина, и продолжалъ хохотать и писать, увѣряя, что на билетѣ слѣдуетъ еще обозначить, что кадетъ Негоревъ вель себя отлично, скромно и примѣрно, не пускалъ собакъ на воздушныхъ шарахъ, и заслуживаетъ похвального листа.

— Давай, я напишу, вызвался Малининъ, вообще очень любившій писать, и пачкавшій цѣлые листы, расчеркивая на разные лады свою фамилію.

— Ну, нѣ, согласился Андрей, вручая ему перо.

Малининъ былъ мастеръ своего дѣла, и мигомъ выправилъ Андрею билетъ, за что братъ, не помня себя отъ восторга, началъ трести его за плечи.

— Тебя отпустить? спросилъ онъ, оставивъ, наконецъ, Ма-

линина. — Пойдемъ гулять на валь. Купимъ яблоковъ, сядемъ и будемъ ѣсть.

Я уже давно думалъ, что хорошо бы прогуляться по незнакомому городу, и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Андрея. Мы пошли. Въ праздничный день на улицахъ было довольно людно, и между яркоцвѣтными платьями женщинъ, которыя двигались, точно боясь разлить что-нибудь, попадались офицеры, передъ которыми братъ останавливался, и дѣлалъ фронтъ. Сначала онъ краснѣлъ при выполненіи этой экзерциціи, но потомъ объявилъ мнѣ, что впослѣдствіи и ему будутъ отдавать такія же почести, а потому вытягиваться въ счетъ будущихъ благъ нисколько не стыдно. Я, однакожь, былъ объ этомъ другаго мнѣнія, и не безъ ѣдкости указывалъ Андрею на встрѣчныхъ офицеровъ, понукая его становиться скорѣе во фронтъ. Андрей уже начиналъ сердиться, когда мы дошли до кабака, и я съ ужасомъ увидѣлъ стоявшихъ въ преддверіи этого храма Ѳедора Митрича и Ивана Капитоныча. Они обнялись, чтобы общими усилиями отыскать центръ тяжести, но было очень сомнительно, что они его скоро не потеряютъ совсѣмъ, и не упадутъ въ грязь со ступенекъ кабака. По строгой инструкціи, данной мнѣ инспекторомъ, я обязанъ былъ кланяться не только учителямъ и всѣмъ ковардамъ, но даже гимназистамъ, которые были старше меня хоть однимъ классомъ, и я, поровнявшись съ пьяной грушней, снялъ фуражку.

— Подди-ко сюда! Эй ты, подди-ко сюда! пьянымъ голосомъ крикнулъ Иванъ Капитонычъ.

Я боязливо подошелъ.

— Есть у тебя деньги? не открывая зажмуреныхъ глазъ, спросилъ Иванъ Капитонычъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣтилъ я, проклиная ту минуту, въ которую я вышелъ изъ пансіона безъ денегъ.

— Ну, его къ чорту, зарычалъ Ѳедоръ Митричъ. — Пошелъ!

— Идди! Идди, подтвердилъ Иванъ Капитонычъ.

— Ну, учителя! расхохотался Андрей, когда мы отошли шаговъ двадцать отъ учителей, продолжавшихъ пошатываться на кабакомъ приступкѣ. — Вотъ такъ учителя!

Я смутился до послѣдней степени, и не могъ ничего отвѣтить ему.

— Надо поискать будочника, чтобы онъ ихъ прибралъ, смѣлся Андрей.

— Ваши учителя хороши! пробормоталъ я.

— Ужь въ кабаки не ходятъ! Ай, ай, ай, ай!

— Эти хоть вышли, а ваши учителя тамъ, въ кабагѣ, пьяные лежатъ, злобно покусился съострить я, но ничего не вышло.

Увидѣвъ, что я сержусь, понавѣ въ затруднительное положеніе, и выпутываюсь изъ него съ такой неловкостью, Андрей пришелъ въ восторгъ, и долго не могъ успокоиться отъ смѣха. Наконецъ, когда мы вошли въ городской садъ, и братъ остановился передъ торговой съ яблоками, хохотъ его нѣсколько унялся. Закупивъ яблоковъ, мы направились къ валу, но на одной аллеѣ совершенно неожиданно наткнулись на Володю и Альбина Игнатьевича, который шелъ, помахивая тросточкой, съ такой сосредоточенной задумчивостью, какъ будто обдумывалъ убійство восьми челобѣтъ съ цѣлью грабежа, или подыскивалъ рѣшму на слово „окунь“. Сзади ихъ выплывала авантажная Катерина Григорьевна, томно навалившись своими тѣлесами на руку какого-то гвардейскаго офицера. За ея спиной вдали виднѣлся блестящій крестъ на красной лентѣ, шагавшій вершечными шажками вслѣдъ за своей полнолѣсной половиной. Старикъ надѣлъ какую-то сѣрую, высокую шляпу, которая составляла ровно треть его роста, и придавала ему очень смѣшной видъ.

Встрѣча была весьма неприятная. Я невольно поклонился Володѣ; онъ холодно отвѣтилъ мнѣ, едва прикоснувшись къ козырьку своей фуражки.

— Уйдемъ отъ нихъ, чортъ ихъ возьми, шеннулъ мнѣ Андрей, толкая меня въ бокъ.

Но уйти не было никакой возможности: я раскланивался уже съ Катериной Григорьевной и старикомъ Шрамомъ.

— Здравствуйте, дѣти! томно проговорила Катерина Григорьевна, не останавливая своего церемоніальнаго плаванія бокъ о бокъ съ элегантнымъ гвардейцемъ, который, защемивъ въ глазу стеклышко, улыбался самымъ загадочнымъ образомъ. — Идите къ Володѣ, совсѣмъ, повидимому, истомившись, прогнусѣла Катерина Григорьевна, точно она стояла передъ любимымъ тираномъ, и въ истомѣ страсти приглашала его поразить себя винжаломъ въ грудь.

Дѣлать было нечего; мы съ Андреемъ пошли къ Володѣ. Альбинъ Игнатьевичъ какимъ-то страннымъ движеніемъ руки выдвинулъ меня впередъ и пошелъ рядомъ съ Андреемъ.

— Вы и убѣжали сегодня, заговорить Альбинъ Игнатьевичъ, помахивая своей тросточкой.

— Я ушелъ, сказалъ братъ.

— Нѣтъ, вы убѣжали, какъ непослушный. Это стыдно, настойчиво сказалъ Альбинъ Игнатьевичъ, и замолкъ, дожидаясь отъ брата отвѣта.

— Вы ушибете носомъ тросточку... носъ тросточкой! засмѣялся Андрей.

— Очень глупо, замѣтилъ Альбинъ Игнатьевичъ. — Гдѣ вы воспитывались?

— А вы гдѣ? Вонъ вашъ гувернеръ хочетъ съ вами поздороваться, весело сказалъ Андрей, указывая на свинью, которая чексалась рыломъ о рѣшотку сада.

— Тупо, объявилъ Альбинъ Игнатьевичъ, разыгрывая презрительное равнодушіе.

— Васъ, я думаю, иногда повертываетъ въ сторону, если вѣтеръ дуетъ съ боку и задѣваетъ за носъ, хохоталъ Андрей. — Знаете, вы на кого теперь походите?

— И не желаю знать.

— На ту птицу, которая носомъ долбитъ деревья. Вамъ тоже можно долбить дерево носомъ...

— Плоско, рѣшилъ Альбинъ Игнатьевичъ.

— Въ особенности послѣ обѣда, когда носъ у васъ бываетъ красный, какъ огонь.

— Тупо и пошло.

Вѣроятно, скоро у Альбина Игнатьевича истощился бы весь запасъ эпитетовъ къ недоброкачественности остротъ: тупо, плоско, глупо, пошло — уже были истрачены, и оставались только — площадно, дубовато и еще два, три слова, когда Катерина Григорьевна позвала Альбина Игнатьевича, и прекратила его любопытную бесѣду съ Андреемъ.

— Проводите дѣтей домой. Пусть они пьютъ чай, въ изнеможении сказала она.

Когда я слышалъ въ дѣтствѣ гнусявый голосъ Катерины Григорьевны, не видя ея, мнѣ казалось, что она говоритъ со ступеней трона; не говоритъ, а изрекаетъ великія истины. Альбину Игнатьевичу казалось, вѣроятно, это же самое, и его уши и кожа на лбу всегда приходили въ движеніе при первыхъ носовыхъ звукахъ Катерины Григорьевны. Въ этотъ разъ, какъ и всегда, готовый точно исполнять ея приказанія, онъ собралъ насъ въ кучку, и повелъ вонъ изъ сада. Во всю дорогу мы не сказали ни слова. Я ломалъ голову, съ чего бы начать разговоръ съ Володи. Андрей ѣлъ яблоки, и такъ-какъ Альбинъ Игнатьевичъ не трогалъ его больше, онъ шелъ совершенно спокойно.

Во время чая, явилась Катерина Григорьевна съ своимъ офицеромъ, и тотчасъ же спровадила насъ въ дѣтскую играть въ лото. Лото, однакожь, у насъ не составилось, такъ-какъ Андрей началъ дурачиться, и тащить меня домой. Мнѣ хотѣлось ѣсть; въ пансіонѣ я уже привѣлъ обѣдать въ полдень, и перспектива

голодать у Шрамовъ до шести часовъ была такъ непривлекательна, что я скоро сдался на призывъ брата, и началъ прощаться.

— Вы попадете на висѣлицу, мрачно сказалъ Альбинъ Игнатьевичъ, прощаясь съ Андреемъ.

— А васъ носомъ прибьютъ къ баркѣ, какъ летучую мышь, и вы будете плавать въ водѣ! захохоталъ Андрей.

— До свиданья-съ, презрительно проговорилъ Володя, не подавая намъ руки.

Мы вышли, и отправились черезъ залу прощаться съ Катериной Григорьевной.

— Ужасные дураки эти Шрамы; я ихъ терпѣть не могу, шопотомъ заявилъ мнѣ Андрей, когда мы подходили къ кабинету Катерины Григорьевны.

Никогда не запиравшаяся дверь ея кабинета неожиданно оказалась запертою, и изъ притвора торчалъ даже кусокъ драпировки. Андрей попробовалъ ручку, посмотрѣлъ въ замочную скважинку, и отскочилъ.

— Посмотри-ко, посмотри, торопливо сказалъ онъ.

Я нагнулся, и увидѣлъ самую соблазнительную картину нѣжныхъ объятій двухъ страстныхъ любовниковъ. Я увлекся зрѣлищемъ, и былъ не совсѣмъ доволенъ, когда Андрей оттолкнулъ меня, и началъ смотрѣть самъ.

— Ахъ, вы мерзавцы! ооо! заоралъ вдругъ онъ, и началъ бить въ дверь ногами и ругами.

Этотъ громъ произведенъ былъ такъ неожиданно, что я окончательно потерялся, и бросился бѣжать, не сознавая чтѣ я дѣлаю. Андрей догналъ меня въ передней, схватилъ свою аммуницію, и бросился внизъ по лѣстницѣ, съ грохотомъ волоча по ступенямъ свой тесакъ. Я послѣдовалъ за нимъ, и мы вылетѣли на дворъ, какъ сумасшедшіе. Разговаривать было некогда, и тяжело переводя дыханіе, мы молча начали одѣваться во дворѣ.

— Пойдемъ, сказалъ Андрей, подпоясавъ тесакъ.

За нами точно гнались злыя собаки; мы выбѣжали на улицу и заговорили не прежде, какъ отойдя отъ дома Шрамовъ шаговъ на сто и вполне удостоверившись, что за нами нѣтъ никакой погони.

— Будутъ помнить, впопыхахъ пробормоталъ Андрей.

— Теперь намъ больше нельзя ходить къ нимъ, сказалъ я.

— Ну, и чортъ съ ними.

— Вотъ ты что надѣлалъ!

— Зачѣмъ она измѣняетъ мужу! съ негодованіемъ восклик-

нуль Андрей. — Я вотъ еще скажу это самому старику, чтобы онъ отдулъ этого молодчика...

Самонадѣянный тонъ Андрея мнѣ не понравился, и я сказала, что хотя всякаго военнаго нетрудно отдутъ, но, вѣроятно, Шрамъ не будетъ марасть рукъ обо всякаго офицеришку. Это невинное замѣчаніе вызвало со стороны Андрея градъ ругательствъ, и мы разстались съ нимъ; взаимно поклявшись не встрѣчаться никогда болѣе.

VI.

Овѣринъ, какъ мірянинъ, в его политическія воззрѣнія.

Наступила зима. Воспитанники стали рѣже выходить на дворъ; въ пансіонѣ сдѣлалось еще сумрачнѣе, еще скучнѣе. Обыкновенно, послѣ обѣда, до пяти часовъ, когда начиналось приготовленіе уроковъ къ завтрашнему дню, давалось время для отдыха, которое каждый могъ употребить по своему усмотрѣнію. Немногіе находили ему приличное употребленіе. Какихъ-нибудь книгъ, кромѣ учебныхъ, не было, слѣдовательно, чтеніемъ заняться было нельзя, а отдыхъ самъ по себѣ уже исключалъ всякое занятіе учебными руководствами, и я, несмотря на свое пламенное желаніе изучить французскій языкъ, считалъ кошунствомъ зубрить слова въ часы, назначенные для отдохновенія. Это были очень скучные часы. Одни ходили по корридору и разсматривали давно знакомые портреты генераловъ двѣнадцатаго года, разѣшанные по стѣнамъ; другіе толпились въ сторожкѣ около печи, гдѣ Овѣринъ топилъ олово и лилъ изъ него разныя фигурки, въ которыхъ хотѣлъ изобразить какую-то художественную небрежность. Тутъ же два или три воспитанника строгади перочинными ножами лучину, сами не зная, съ какой цѣлью дѣлаютъ они это. На вопросы любопытныхъ, они отвѣчали: „да такъ, ничего“. Всѣ дожидались чая. Для чая обыкновенно нагрѣвались два ведерныхъ самовара, которые ставились на двухъ концахъ обѣденнаго стола. Чай пили очень немногіе богачи, имѣющіе свои чайники, чашки, блюдца и ложечки. Прочимъ выдавалось по ломтю чернаго хлѣба и предоставлялось право смотрѣть, какъ пьютъ чай другіе.

Праздность—матъ всѣхъ пороковъ. Скучные и праздные часы нашего отдыха внушили Сколкову очень счастливую мысль. Однажды, пользуясь отсутствіемъ Адама Ильича, онъ предложилъ сыграть комедію. Нѣкоторые изъ воспитанниковъ видали много

разъ, какъ солдаты въ казармахъ, на свѣткахъ, разыгрываютъ царя Максимилиана, и помнили почти все слова дѣйствующихъ лицъ этой краткой, но выразительной пьесы. Предложеніе Сколково было принято съ восторгомъ. Роли были розданы сообразно съ потребностями актеровъ, и вчинателю этого дѣла—Сколкову, досталась, по всей справедливости, главная роль царя Максимилиана. Въ рекреационной залѣ, увѣшанной портретами генераловъ, сподвижниковъ Александра I, и лишенной всякой мебели, поставили посреди полу надзирательское кресло; роздали актерамъ, смотря по надобности, по одной или по двѣ подпорки отъ оконъ, вмѣсто оружія, и сдѣлали другія необходимыя приготовленія. Зрители заняли свои мѣста, входныя двери заперли, и представленіе началось. Актеры помѣщались въ корридоръ, и по мѣрѣ потребности могли входить въ дверь. Первымъ явился Сколковъ, и, махая подпоркой, началъ выкрикивать какую-то рюмованную нескладницу. Отъ вдохновенія онъ раскраснѣлся, низъ куртки поднялся у него кверху, и бѣлая рубашка вытѣзла довольно широкимъ карнизомъ на его животъ.

— Не для меня ли сей тронъ сооруженъ? воскликнулъ онъ, указывая подпоркой на кресло. — Сяду я на сей тронъ, надѣну на голову корону—всему міру въ оборону, а не въ урону, возьму скипетръ и державу—всему міру во славу.

Онъ приблизился къ трону. Зрители вели себя очень неприлично: толкали другъ друга, смѣялись и острили надъ Максимилианомъ. Сколковъ, впрочемъ, не смутился.

— Сяду на сей тронъ, твердымъ голосомъ сказалъ онъ, подходя къ креслу.

Въ это время какой-то невѣжа изъ зрителей плюнулъ на самую средину трона, что произвело неописанный восторгъ и хохотъ. Сколковъ остановился въ минутной нерѣшимости: съѣсть ли ему на оскверненный тронъ, или наказать прежде дерзкаго немедленной вытряской. Скоро онъ, впрочемъ, вышелъ изъ своего затрудненія полнымъ побѣдителемъ — и виновнаго не оставилъ безнаказаннымъ, и не испортилъ роли непристойной для царскаго сана вытряской. Онъ остановился около кресла, и крикнулъ:

— Скороходъ-маршалъ, явись предъ тронъ своего монарха!

Скороходъ, вооруженный длинною подпоркою, явился.

— Что изволите приказать, все готовъ исполнять, застѣнчиво сказалъ скороходъ, улыбаясь и глотая слова.

Очевидно, артистъ не вникъ въ роль суроваго скорохода, и предпочиталъ изображать невинную дѣвицу, стыдливо изъясляющую согласіе на бракъ.

Въ роли, царь долженъ былъ призвать непокорнаго сына Адоль-

фія, но Сколковъ, вытянувъ впередъ руку съ подпоркой, въ позѣ Кутузова-Смоленскаго, свирѣпо указывающего на аптеку Гаука, крикнуть скороходу:

— Позвать ко мнѣ Онику война.

Роль Оники, при всей своей краткости, была самой эффектной въ пьесѣ. Этотъ воинъ очень искусно махалъ подпоркой надъ головой Адольфія, послѣ чего тотъ падалъ, давая зрителямъ разумѣть, что онъ обезглавленъ. Роль Оники игралъ нѣкто Савельевъ, или просто Савушка, удивительно тупой малый, который только благодаря крѣпкому сложенію, не былъ задранъ до смерти по мудрому правилу того времени: „забей девять, десятого выучи“. Онъ браво, точно фельдфебель къ ротному командиру, подошелъ къ царю.

— Отсѣчь голову непокорному... (по роли слѣдовало сказать: „непокорному моему сыну Адольфію“, но Сколковъ повернулъ отъ двери свою подпорку, и съ прежнею торжественностью указалъ на дерзкаго зрителя). — Отсѣчь голову непокорному подлецу! крикнуть онъ.

Не долго думал, Оника подошелъ къ непокорному подлецу, и со всей силы ударилъ его подпоркой по головѣ. Раздался крики, начался шумъ; въ средѣ зрителей воцарилось полное смятеніе. Можно было только слышать, какъ Сколковъ, съ спокойною торжественностью, проговорилъ:

— Оника-воинъ, возвратись въ домъ свой.

Послѣ этого, онъ вытеръ рукавомъ плевоеъ съ трона, и сѣлъ съ твердымъ намѣреніемъ продолжать свою царскую роль. Оника вышелъ; за нимъ вышелъ и зритель, получившій ударъ въ голову, и теперь неутѣшно плакавшій.

Комедія продолжалась своимъ чередомъ.

— О, дражающій родитель, не казни отецъ родной, плакалъ Адольфій, стоя на колѣняхъ передъ трономъ отца и закрываясь рукою, чтобы скрыть душившій его смѣхъ.

Молодая жена Адольфія стояла тутъ же, и, за неимѣніемъ другого занятія, обдергивала свою курточку. Эту роль исполнялъ стыдливый Малининъ, и очень портилъ ее неумѣренной застынчивостью.

— Прости его, отецъ! едва выговорилъ Малининъ, повраснѣвъ, какъ ракъ.

— Прости его, Сколковъ! кричали зрители, толкая въ бокъ и въ спину царя.

— Позвать скорохода-маршала! крикнулъ Сколковъ.

Зрители отшатнулись, въ ожиданіи Оники-воина съ его головоломной подпоркой, но на этотъ разъ, вмѣсто скорохода-маршала,

вошло двое старшихъ—Чебоксаровъ и Сеничка, пансіонскій фельдфебель, назначенный инспекторомъ въ эту должность, вѣроятно, за свои здоровые кулаки.

— Это что такое! крикнулъ онъ.

Сколковъ опѣшилъ, и поспѣшно ретировался съ кресла, но Чебоксаровъ догналъ его, и схватилъ за уши. Адольфій тоже скрылся, и на мѣстѣ происшествія оставалась только застѣнчивая жена непокорнаго сына. Малининъ, вѣроятно, увлекшись ролью, или просто потерявшись, попрежнему обдергивалъ курточку, и краснѣя, смотрѣлъ въ землю. Сеничка со всего размаха ударилъ его по щекѣ, и онъ упалъ головой на ручки кресла. Кровь повалила ручьемъ, и въ залѣ началось неописанное смятеніе. Даже самъ Сеничка оторопѣлъ.

— Ну, что вы стали? расходитесь! расходитесь! неловко закричалъ Сеничка.

Всегдашняя самоувѣренность и твердость оставила фельдфебеля, и онъ счелъ за лучшее удалиться восвояси.

— Это разбой! кричали воспитанники.—Они не смѣютъ драться! Надзирателя нѣтъ, такъ они и драться! Малининъ, иди жаловаться къ директору!

Всѣ разсматривали разсѣченное ухо Малинина, кричали и геройски ругали старшихъ. Малининъ присыпалъ больное мѣсто толченымъ сахаромъ, успокоился, и вовсе не думалъ жаловаться, но Сколковъ насильно втолкнулъ его въ сторожку, крича, что за уши драться можно, а разбивать уши до крови запрещено закономъ.

— Иди къ директору! кричалъ весь пансіонъ.

На Малинина набросили шинель, и подъ крѣпкимъ конвоемъ повели внизъ по лѣстницѣ, на дворъ.

— Стойте, господа! неужли мы пойдемъ всей аравой? остановился около калитки Сколковъ, болѣе другихъ благоразумный и опытный.

— Да, много, много.

— Мы вдвоемъ пойдемъ, а вы оставайтесь, рѣшилъ Сколковъ.

— Мы останемся, и сдѣлаемъ вотъ что, серьезно предложили Овѣринъ, сбрасывая свою шинель на снѣгъ.

Глядя на его спокойныя движенія, я подумалъ, что онъ хочетъ немного почистить свою шинель объ снѣгъ, но у него было на умѣ болѣе важное дѣло. Онъ началъ поспѣшно сгребать снѣгъ въ шинель, и, свернувъ ее, понесъ наверхъ. Другіе очень обрадовались скандалу, и съ хохотомъ начали насыпать свои шинели снѣгомъ. Черезъ минуту, по лѣстницѣ поднимались всѣ со своими ношами, покраснѣвъ отъ холода и восторга, который производилъ немолкаемый хохоть.

— Вали, серьезно сказал Овѣринъ, неторопливо высыпая снѣгъ изъ своей шинели.

— Вали-и! съ восторгомъ подхватили другіе, и въ корридорѣ образовалась большая куча снѣгу.

Началась какая-то дикая вакханалія. Въ опьяненіи отъ сознанія своего торжества, всѣ начали танцовать на кучѣ снѣга; снѣгъ таялъ, текли ручьи, и безумная пляска возрастала и возрастала въ своей ярости. У многихъ уже вылезла почти вся рубашка изъ брюкъ; на рукавахъ, отъ усиленныхъ движеній,росло столько складокъ, что обнажилась половина руки. Весь полъ корридора, зала и столовой покрылся водяными слѣдами. Все бѣгало и веселилось, кака будто завтра начиналась вакація—всѣми овладѣло какое-то непонятное затмѣніе ума. Я съ величайшимъ удовольствіемъ далъ свой чайникъ, для той цѣли, чтобы въ кухнѣ достать кипятку, и полить снѣгъ, который таялъ слишкомъ медленно. Всѣмъ почему-то хотѣлось, чтобы онъ растаялъ какъ можно скорѣе. Въ этомъ была цѣль жизни, наше радостное стремленіе въ ту минуту. Вдругъ по лѣстницѣ раздалися шаги, кто-то ихъ слышалъ, и бросился бѣжать; другіе не успѣли еще послѣдовать его примѣру, какъ обѣ половины двери распахнулись, и показалось брюхо, обтянутое сѣрымъ пальто на ватѣ. Когда я увидалъ бровый воротникъ, красную опухшую физиономію и синюю фуражку, всѣ уже въ запуски неслись по корридору. Сзади директора виднѣлись испуганныя лица Сколкова и Малинина.

— Это что такое? густымъ басомъ крикнулъ директоръ, не снимая своей фуражки съ кокардой.

Никто не отвѣчалъ. Директоръ могъ видѣть только спины бѣгущихъ воспитанниковъ. Прибѣжавъ въ классную, всѣ торопливо усѣлись на свои мѣста у конторокъ, вытащили книги, и начали тараторить вслухъ что попало. Одинъ твердилъ: *j'avais tu avais il avait*; другой съ азартомъ повторялъ: „вандалы ворвались, ворвались вандалы, вандалы ворвались, съ сѣверныхъ границъ, съ сѣверныхъ границъ“; четвертый выводилъ: „число буквъ изыка славянскаго, въ различныхъ букваряхъ различно полагается“; у карты кто-то пересчитывалъ границы Пруссіи.

Директоръ остановился въ корридорѣ, какъ былъ въ ватномъ сѣромъ пальто, въ фуражкѣ съ кокардой и галошахъ.

— Что это значить? Гдѣ надзиратель?

— Они-съ, вѣрно, вышли, суетливо сказалъ сторожъ, приготовившійся принять директорское пальто.

— Куда вышли?

— Не могу знать-съ.

Директоръ обернулся къ кучѣ снѣга, но тамъ никого уже не

было. Остался одинъ Овѣринъ, который задумчиво вертѣлъ нижнюю пуговицу курточки и дожидался повидимому, когда заговорить съ нимъ директоръ. Но послѣдній не удостоилъ его своей бесѣдой.

— Кто натаскалъ снѣгу? спросилъ онъ воспитанниковъ.

Отвѣта не было.

— Я съ вами раздѣлаюсь! мотнувъ головой, сказала директоръ. Онъ вышелъ. Всѣ, въ величайшемъ страхѣ, продолжали твердить уроки. Черезъ минуту онъ воротился, въ сопровожденіи цѣлой толпы старшихъ.

— Вы не хотите ихъ слушаться! закричалъ онъ.—Я вамъ покажу, какъ ихъ не слушаться!

Въ это время вошелъ Адамъ Ильичъ; онъ запыхался, покраснѣлъ, волосы его были въ беспорядкѣ; очевидно, онъ бѣгомъ прибѣжалъ изъ дому.

— Извините, забормоталъ онъ:—я отлучился только на минуту... Они... отъ нихъ нельзя отвернуться ни на минуту.

— Я вамъ покажу! кричалъ намъ директоръ, не обращая никакого вниманія на Адама Ильича, заискивающая улыбка котораго растянулась до ушей.

Наконецъ, накричавшись вдоволь, директоръ слегка повернулся къ Адаму Ильичу.

— Прикажете тамъ прибрать. И впередъ, любезнѣйшій, пожалуйста, не отлучайтесь. На дняхъ можетъ быть губернаторъ.

Адамъ Ильичъ побѣжалъ въ корридоръ. Директоръ повернулся къ дверямъ, всѣ вздохнули легче.

— Господа, вы, пожалуйста, смотрите за ними, наказывайте ихъ, обратился онъ къ старшимъ.—Если они не будутъ слушаться—скажите мнѣ. Слышите ли, повернулся къ нимъ директоръ:—если кто изъ васъ будетъ неслушаться старшихъ, да я узнаю—запору, каналью! А вы жаловаться вздумали на старшихъ! гаркнулъ директоръ, обращаясь къ Сколкову и Малинину, помертвѣвшимъ отъ страха. — Розогъ!

Тутъ началась, раздирающая душу, сцена. Малининъ ломалъ руки, валялся въ ногахъ у директора, цаловалъ полу его ватнаго пальто, и вымолилъ только то, что его перваго положили подъ розги. Отчаянные крики и визгъ розогъ наводили на меня такой страхъ, что я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и готовъ былъ упасть въ обморокъ.

— Палачъ! громко сказалъ, подлѣ меня, Овѣринъ. — Кровавыйца!

Онъ бросился къ своей конторкѣ, и началъ въ ней торопливо рыться, но вдругъ пошатнулся, и съ воплями упалъ на скамейку.

Съ нимъ случился истерическій припадокъ, и возмутительную экзекуцію пришлось прекратить.

Директоръ ушелъ; мы вздохнули свободно. Овѣринъ былъ уложенъ въ постель, и я пошелъ къ нему.

— Что это съ вами? спросилъ я, останавливаясь у него въ ногахъ.

— Я зарѣжу когда-нибудь этого злодѣя, съ убѣжденіемъ сказалъ Овѣринъ, безъ всякаго оттѣнка горячности. — Его нужно зарѣзать. Еслибъ былъ ножикъ, я бы и зарѣзалъ.

Серьезный тонъ его словъ размѣшилъ меня.

— На никейскомъ соборѣ Николай чудотворецъ ударилъ боготступника Арія по щекѣ. Слѣдуетъ всегда бить по щекѣ. Я его непременно ударю, рѣшительно объявилъ мнѣ Овѣринъ.

— Не хотите ли яблоковъ? предложилъ я, чтобы сказать что-нибудь.

— Какія яблоки! Вы ничего не понимаете. Я не еврей. Когда Христа мучили и били розгами и плетьюми, евреи смотрѣли на это и ничего не говорили. Богъ разсѣялъ ихъ по лицу земному. Вотъ и съ вами то же будетъ.

Овѣринъ замолчалъ и закрылъ глаза. Онъ мнѣ какъ-то говорилъ, что когда закрываетъ глаза, то видитъ царство небесное, и я, не желая теперь мѣшать ему въ этомъ пріятномъ созерцаніи, засмѣялся, и вышелъ изъ спальни. На Овѣрина невозможно было сердиться серьезно: онъ былъ „божій человекъ“, какъ называлъ его Сколковъ.

Директоръ не просто постращалъ Адама Ильича пріѣздомъ губернатора. Дня черезъ два всѣ начали съ трепетомъ ожидать его, и даже Иванъ Капитонычъ началъ являться на уроки въ трезвомъ видѣ.

Въ пансіонскихъ спальняхъ натерли полы воскомъ, и чтобы не портить ихъ, насъ заставляли снимать сапоги въ корридорѣ, и проходить до кроватей въ чулкахъ, отчего у меня и многихъ другихъ сдѣлался насморкъ. Шкафики около нашихъ кроватей, и парты въ столовой отполированы; вездѣ присутствовалъ попеременно то запахъ спирта и политуры, то запахъ непросохшаго бѣлья, известецъ, масляной краски. Бѣлье и курточки наши починили; оторванныя пуговицы строго было приказано пришить, а кто ихъ потерялъ — найти во что бы то ни стало. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, намъ выдали чистое бѣлье, переменяли одѣяла на новыя, и объявили, что сегодня навѣрное будетъ губернаторъ.

— Почистите сапоги, почистите сапоги. Сторожу выдана бутылка ваксы — спросите у него, суетился Адамъ Ильичъ, осма-

тривая насъ передъ молитвой. — Ты все еще, Овѣринъ, не пришелъ пуговицъ! Ахъ, ты Господи! А руки, руки! точно ты трубы чистилъ. Безъ булки.

„Будетъ ли губернаторъ спрашивать уроки? Если будетъ, то, вѣроятно, нѣсколько человѣкъ засѣкутъ до смерти“, соображали мы, столпившись въ сторожкѣ, чистя сапоги и пришивая пуговицы. Сколковъ былъ убѣжденъ, что если директоръ не даетъ меньше ста розогъ, то губернатору стыдно дать меньше трехсотъ.

Подъ влияніемъ этихъ соображеній, всѣ вели себя очень спокойно, такъ что Малинину, который обыкновенно становился у доски, съ мѣломъ въ рукахъ, и подъ заглавіемъ „шалили“ писалъ фамиліи разныхъ преступниковъ, строившихъ ему рожи, бросавшихъ въ него жованой бумагой и совершавшихъ другія, болѣе или менѣе злонамѣренныя пакости, — Малинину на этотъ разъ было нечего дѣлать.

Во время второго урока, среди всеобщей тишины, дверь въ корридорѣ стунула. У всѣхъ вылетѣлъ неслышный вздохъ, въ которомъ какъ будто заключалось слово — „идеть“. Въ корридорѣ раздавались смѣшанные звуки шаговъ, очевидно принадлежавшихъ нѣсколькимъ человѣкамъ. Мы съ трепетомъ слышали, какъ шаги эти скрылись въ сосѣднемъ классѣ, какъ тамъ, согласно наставленію инспектора, прокричали „здравія желаемъ“. Нашъ учитель замолчалъ и всѣ мы замолчали. Черезъ минуту опять послышались шаги; они къ намъ явственно приближались, и, наконецъ, въ классъ, среди всеобщей тишины, вошла цѣлая процессія. Впереди шелъ губернаторъ, сухощавый мужчина, съ сѣдой плѣшивой головой, затынутый, точно пробка въ бутылку, въ высочайшій красный воротникъ; густые золотые эпюлеты обвисли слишкомъ низко на его узкихъ костлявыхъ плечахъ. Само собой разумѣется, мы всѣ вскочили на ноги, едва только показался въ дверь четырехугольный носокъ губернаторскаго сапога.

— Здравствуйте, дѣти, крикнулъ губернаторъ, махнувъ своей фуражкой съ краснымъ околышемъ.

— Здравія желаемъ! пронеслось по классу.

Губернаторъ, дойдя до стѣны, повернулся назадъ.

— Застегивать крючки! застегивать! не нѣжитесь! проговорилъ онъ, подергавъ одного изъ учениковъ за воротникъ. Директоръ, инспекторъ и свита засуетились, но губернаторъ сдѣлалъ крутой поворотъ и быстро вышелъ за двери.

Въ этотъ день намъ дали щи значительно жирнѣе, жаркое было не сожжено, какъ уголь, и каша сварена на молокѣ; но на

другой день опять все пошло по старому. Настало рождество — скучные и праздные дни, которые тянулись невыносимо долго. Я значительно подвигался в изучении руководства Марго, но эта работа мало развлекала меня, и порой, глядя въ окно на валищій снѣгъ и сумракъ, наполнявшій воздухъ, я готовъ былъ плакать отъ неопредѣленной тоски, сосавшей мое сердце. Когда настали опять классы, я былъ радъ отъ души. Время полетѣло быстрѣе, и я не замѣтилъ, какъ началъ таять снѣгъ...

Однажды послѣ обѣда, къ намъ явился инспекторъ въ синемъ мундирѣ съ безобразнымъ стоячимъ воротникомъ, изъ котораго былъ высунутъ орденскій крестъ и кусокъ ленты. Всѣ засуетились. Онъ велѣлъ собираться въ церковь.

— Дѣти, сказали онъ, отвертываясь отъ Адама Ильича, который казался очень пораженнымъ:—дѣти, вы понесли большую, горькую потерю: по волѣ всемогущаго Бога, дорогой нашъ монархъ скончался.

Всѣ были очень поражены, и молча слушали инспектора.

— Теперь, господа, поидемте въ соборъ — присягнуть новому государю императору, Александру второму, тѣмъ же растроганнымъ голосомъ сказалъ инспекторъ.

— Завтра неучиться, Семень Васильевичъ? спросилъ кто-то.

Инспекторъ, какъ будто не слыша неумѣстнаго вопроса, обратился къ Адаму Ильичу.

— Такъ неожиданно и въ такой моментъ, сказалъ онъ.

— Отчего умеръ государь, Семень Васильевичъ? спросилъ одинъ старшій, изъ толпы, окружавшей инспектора.

— Отъ грипа.

— Что это такое гриппъ?

— Это какая-то горловая болѣзнь. Государь простудился. Онъ всегда одѣвался легко, какъ простой солдатъ.

По городу гудѣлъ звонъ, и отзывался набатомъ, извѣщающимъ объ ужасномъ народномъ бѣдствіи. Когда мы вышли, и отправились въ стройномъ порядкѣ въ церковь, на улицѣ происходило смятеніе. Толпился народъ; небольшія кучи людей, собравшись у домовъ, съ жаромъ разговаривали о чемъ-то; многіе бѣжали куда-то бѣгомъ; экипажи неслись полной рысью взадъ и впередъ. На дорогѣ мы встрѣтили гадеть, которыхъ вели изъ церкви въ двѣ шеренги, также, какъ и насъ. Между ними я увидѣлъ брата, который, разговаривая со своими сосѣдами, весело смѣялся. Мнѣ это очень не понравилось — минута была слишкомъ торжественна, чтобы смѣяться надъ чѣмъ бы то ни было, и я не отвѣтилъ брату на его кивокъ.

— А что, если это врутъ все, — если царь живъ, а это попусту народъ смущаютъ? услышалъ я басистый голосъ съ лѣ-

вой стороны тротуара. У воротъ какого-то двухэтажнаго барскаго дома собралась пестрая дворня, и какой-то парень, молодцовато стоя передъ компаніей горничныхъ, поваренковъ и лакеевъ, произнесъ слышанную мной фразу.

— Овѣринъ, шедшій рядомъ со мною, мгновенно оживился.

— Что если государь въ самомъ дѣлѣ живъ? въ раздумьѣ обратился онъ ко мнѣ.

— Какъ?

— Можетъ быть, это ложное извѣстіе. Ктонибудь выдумалъ.

— Вотъ!

— Можетъ быть, государь самъ захотѣлъ испытать: что будетъ, когда узнаютъ о его смерти, и нарочно велѣлъ объявить, сказалъ Овѣринъ.

Овѣрина не покидала мысль, что все это — фальшивая тревога. Ему не хотѣлось вѣрить простому несчастію, и онъ предпочиталъ вѣрить счастливому чуду.

Церковь была полна народу; мы застали только послѣднія слова манифеста, да и тѣ я нехорошо разслышалъ за толкотней и давкой. Скоро раздалось множество голосовъ, повторявшихъ слово присяги за священникомъ; этотъ глухой говоръ былъ похожъ на ропотъ деревъ во время большаго вѣтра.

По возвращеніи изъ церкви, намъ выдали кусочки крепу и приказали навязать ихъ на рукава.

VII.

Меня съкутъ розгами за участіе въ кулачныхъ бояхъ.

Послѣдній скандалъ, устроенный Андреемъ у Шрамовъ, сверхъ всякаго ожиданія, разрѣшился для насъ съ братомъ очень пріятными послѣдствіями. Катерина Григорьевна вскорѣ сама пріѣхала въ гимназію, обласкала меня, дала мнѣ коробку конфетъ и сказала, что напрасно мы такъ громко стучались въ дверь, такъ-какъ ея кабинетъ не былъ запертъ. Братъ мнѣ разсказалъ, что она такимъ же образомъ почтила своимъ посѣщеніемъ и корпусъ, гдѣ очень долго разговаривала съ Андреемъ, цаловала его, и просила ходить каждый праздникъ. При воспоминаніи объ эротической сценѣ, видѣнной нами въ кабинетѣ, я краснѣлъ отъ омерзенія, а Андрей смѣялся, передразнивая порой гвардейца, пользовавшагося расположеніемъ Катерины Григорьевны. Надо, впрочемъ, замѣтить, что мы условились съ братомъ никому не разсказывать того, что видѣли, и не нарушали этого условія.

— Разъ, когда мы возвращались отъ Шрамовъ, братъ закричалъ: „Сеня! это ты! здравствуй!“ — онъ остановилъ бѣжавшаго мальчишку, по уши уткнувшагося въ маленькій воротникъ кудой и узенькой бѣличей шубенки, покрытой синимъ потертымъ сукномъ. Было очень холодно, несмотря на начало марта, и изъ шубы видѣлись только кусочекъ красного носа и одинъ глазъ съ заиндевѣвшими рѣсницами, да верхъ бараньей шапки. Семень бѣжалъ почти бѣгомъ, и Андрей остановилъ его на всемъ лету.

— Здравствуй же! —
— Здравствуйте, неловко проговорилъ Семень, высвобождая свои руки изъ рукавовъ, сложенныхъ для тепла вмѣстѣ. Шуба распахнулась, и мы увидѣли баранью шапку, красное круглое лицо, съ пугливо бѣгавшими глазами, а внизу засаленое, сѣренькое нанковое пальто.

— Гдѣ ты живешь? какъ поживаешь? привыкъ здѣсь? отчего ты къ намъ не пришелъ? весело спрашивалъ Андрей.

— Вы какъ поживаете? спросилъ съ замѣшательствомъ Семень, очевидно незнавшій, что ему говорить.

— Ну, пойдѣмъ, Андрей, тутъ холодно, сказалъ я. Я чувствовалъ себя въ очень неловкомъ положеніи на большой улицѣ, рядомъ съ мальчикомъ, который былъ одѣтъ хуже всякаго казачка, набивающаго трубки, и очень походилъ на уличнаго мальчишку.

— Гдѣ же ты живешь? допрашивалъ Андрей, не обращая никакого вниманія на мои слова, и взялъ смущеннаго Семени за обѣ руки.

— Недалеко, здѣсь подъ горой, въ Жидовской слободкѣ.

— Вотъ и отлично! пойдѣмъ къ тебѣ! восхитился Андрей. — Намъ вѣдь рано еще являться.

— Пожалуй, только... началъ Семень.

— Что за глупости! пойдѣмъ лучше домой; когданибудь въ другой разъ, замѣтилъ я.

— Въ какой въ другой разъ! съ неудовольствіемъ передразнилъ меня Андрей. — Мы и квартиры не знаемъ...

Во всякомъ случаѣ, нужно было куданибудь идти. Стоять на людной улицѣ, гдѣ, того и гляди, ктонибудь могъ замѣтить насъ, было всего хуже.

— Пойдѣмъ же къ тебѣ; посмотримъ, говорилъ Андрей, дергая своего пріятеля за обѣ руки.

— Тамъ вѣдь у насъ нехорошо, смущенно замѣтилъ Семень.

— Что за бѣда! ничего! веди! нетерпѣливо восклицалъ Андрей, дергая Новицкаго все съ большей и большей энергіей.

— Вамъ неловко покажется.

— Ну, вотъ еще! заключилъ Андрей, и не допуская дальнѣйшихъ возвращеній, потащилъ Семена впередъ по тротуару.

Нечего дѣлать, мы пошли.

— Что же ты дѣлаешь? учишься? спрашивалъ Андрей. — А я, братъ, тебя часто вспоминалъ. Вотъ бы хорошо, кабы ты былъ тоже въ корпусѣ. Помнишь, какъ мы съ тобой дрались изъ-за барбоски, а? Все-таки въ деревнѣ лучше, чѣмъ злѣсь. А тебѣ какъ кажется?

— И мнѣ—тоже.

— Отчего это у васъ нѣтъ никакой формы?

— Не заведено.

— А у насъ и ружья даютъ, продолжалъ Андрей: — гдѣ же эта Жидовская слободка? далеко она?

— Да вотъ она.

Слободка, совершенно непроходимая, по случаю грязи, въ другія времена года, кромѣ зимы, представлялась теперь какой-то пустой деревушкой, заброшенной въ средину снѣжной пустыни. Маленькія деревянныя лачуги, съ покосившимися воротами, точно высыпанныя съ неба могучею рукой, разбросались по землѣ какъ попало. Оторванная калитка висѣла на одной петлѣ, и уныло покачивалась; выбитое стекло было заткнуто тряпкой; торчавшія изъ крышъ черныя трубы не дымились и не показывали никакого признака жизни. Вся слободка, казалось, замерзла: присутствіе живыхъ людей рѣшительно ничѣмъ не проявлялось.

— Вотъ здѣсь, сказалъ Семень, повертывая къ одному дому, и останавливаясь у запертой калитки.

Мы вошли въ крытый, темный дворъ, гдѣ стояли телеги съ завороченными назадъ оглоблями, сани, какія-то бочки, лежали дрова и проч. и проч. Пахло и дегтемъ и навозомъ. Пройдя этотъ дворъ, мы очутились на свѣту, эта часть двора не была покрыта, и тамъ навалило снѣгу по колѣно.

— Вотъ здѣсь, сказалъ Новицкій, показывая на крутую лѣстницу безъ перилъ и торчавшее надъ ней одинокое маленькое шестистекольное огошечко.

— Иди, иди! одобрительно и весело крикнулъ Андрей. Это поощреніе было очень у мѣста, такъ-какъ Семень все что-то смущался и двигался, какъ будто, очень неохотно.

Мы взобрались въ крохотную каморку, сплошь занятую лежанкой, кроватью, столомъ и двумя табуретами. Единственное окошечко, съ двумя рамами изъ синихъ бутылочныхъ стеколъ, плохо освѣщало двухъаршинное пространство, оставленное свободнымъ отъ мебели: было темно, жарко и душно. На лежанкѣ сидѣлъ, скорчивъ подъ себя ноги, широкоплечій малый лѣтъ шестнадцати,

съ круглой, какъ арбузь, головой, и что-то внимательно шилъ. Разсмотрѣвъ насъ, онъ быстро вскочилъ на ноги, и, какъ столбъ, остановился у дверей.

— Извините, смущенно пробормоталъ онъ, усиливаясь застегнуть свое нанковое пальто, на которомъ не имѣлось пуговиць, почему застегиваніе его особенно затруднялось.

— Вотъ, смущенно сказала Семень, подвигая намъ табуретки, и, очевидно, желая этимъ *вотъ* выразить: „вотъ какая конура, а вы думали — рай!“

— А это что такое? сказала Андрей, взявъ съ подоконника ящикъ изъ-подъ сигаръ, наполненный всякимъ хламомъ. Тамъ были и гвозди, и винтики, и солдатскія оловянные пуговицы, и костяжки. — А это какія записки? спрашивалъ Андрей, оставляя ящикъ и взявъ со стола тетрадь. — Что такое Гомилетика?

Не дожидаясь отвѣтовъ на свои вопросы, Андрей съ самымъ веселымъ видомъ задавалъ другіе.

— Вы здѣсь только двое и живете? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, тутъ еще третій есть, отвѣтилъ Семень, думавшій о чемъ-то другомъ.

— Гдѣ же онъ?

— Куда онъ ушелъ, Бенедиктовъ? обратился Семень къ парню, все еще нетерявшему надежды застегнуть свое пальтишко безъ пуговиць.

— Онъ вышелъ, тихо отвѣчалъ Бенедиктовъ, наклоняясь всемъ корпусомъ впередъ, изъ чего можно было заключить, что онъ сообщаетъ домашній секретъ, котораго не слѣдуетъ знать гостямъ.

— Куда же?

— На войнишку, еще тише и еще больше наклонившись впередъ, сказалъ Бенедиктовъ.

— Какъ на войнишку? куда это на войнишку? съ живостью затараторилъ Андрей.

— Дратся на войнишку пошелъ, недовольнымъ тономъ объяснилъ Новицкій.

— Съ кѣмъ же онъ дерется?

— Тамъ много; — тысячи.

— Гдѣ же? — гдѣ это? съ хохотомъ спрашивалъ Андрей.

— А вотъ тутъ по спуску.

— Ради Бога, пойдемъ туда! Сведи, душечка! Гдѣ эта войнишка? присталъ Андрей.

— А вотъ пойдемте, — мы покажемъ, неожиданно оживляясь, сказалъ Бенедиктовъ. — Пойдемте!

— Пойдемте! Пойдемте! радостно вскричалъ Андрей.

Мнѣ тоже было очень любопытно посмотрѣть войнишку, и я

не безъ удовольствія готовился идти туда, подвязывая наушники и надѣвая форменныя казенныя рукавички, между тѣмъ какъ Бенедиктовъ, надѣвъ шубу, подпоясывался полотенцемъ. Онъ улыбался до ушей, и говорилъ: „пойдемте, пойдемте, — мы вамъ покажемъ„.

Тутъ я только вспомнилъ, съ какими товарищами мнѣ придется идти по улицѣ, но скоро успокоился, сообразивъ, что едва ли насъ кто можетъ встрѣтить на жидовскомъ пустырьѣ. Этому успокоенію, впрочемъ, много способствовало то обстоятельство, что я очень заинтересовался войнишкой, про которую уже слыхаль нѣсколько разъ.

— Тебѣ бы только драться — ступай на войнишку, тамъ и дерись вмѣстѣ съ семинаристами, презрительно говорили у насъ, въ пансіонѣ, желая уколоть такихъ драчуновъ, какъ Сколковъ.

— Какъ же вы здѣсь спите втроемъ-то? спрашивалъ между тѣмъ Андрей у одѣвавшагося Семена.

— По очереди: сегодня — на кровати, завтра — на лежанкѣ, а тамъ — на полу; по очереди, отвѣчалъ добродушный Бенедиктовъ.

— Гдѣ лучше спать — на кровати или на лежанкѣ? спросилъ я, такъ-какъ мое долгое молчаніе становилось неловкимъ.

— Какъ же можно сравнить! — На лежанкѣ очень жарко, на полу холодно, а на кровати удобно, пояснилъ Бенедиктовъ, улыбаясь во всю ширину своего огромнаго рта.

Мы спустились по крутой лѣстницѣ безъ перилъ, рискуя скатиться внизъ по оледенѣвшимъ ступенямъ, прошли темный крытый дворъ и выбрались, наконецъ, на пустынную замерзшую улицу. Бенедиктовъ, какъ путеводитель, пошелъ впередъ по глубокому снѣгу, засыпавшему тротуаръ; Андрей шелъ рядомъ за Новицкимъ; я замыкалъ шествіе, соображая, что въ случаѣ надобности могу отстать отъ нихъ и сдѣлать видъ, что я человѣкъ совершенно посторонній уличнымъ мальчишкамъ, идущимъ впереди съ братомъ.

— Кто же съ кѣмъ дерется? спрашивалъ Андрей, потирая руки отъ восторга.

— Стѣна на стѣну. Съ одной—мѣщане да мы, а съ другой—ребята изъ Черкасовъ да извощики, улыбаясь, пояснилъ Бенедиктовъ, сдѣлавъ оборотъ, и иди взадъ-пятки. — Нынче только плохо. Прежде, говорятъ, Черкасовъ за рѣку наши перегоняли. Нынѣ они хлюздить начали.

— Какъ?

— Какъ плохо придется, начали колями да камнями бить нашихъ; стали засады дѣлать. Подлый народъ эти Черкасы.

Андрей схватил Семена под руку, прижались к нему, и, кривляясь от удовольствия, тащили его вперед. Когда Андрей находился в очень веселом расположении духа, на него напала прилив необыкновенной откровенности. Так случилось и в этот раз.

— А я ведь тебя не говорил, сказал он, оборачиваясь ко мне: — меня уж съели в корпус три раза.

— Тебя — такого маленького барченка — уж три раза! с восторгом воскликнул Бенедиктов, неожиданно останавливаясь и хлопая Андрея по спине самым фамильярным образом.

— Да. Уже три раза, весело повторил Андрей. — Первый раз — за то, что я молитвы не выучил. У нас по очереди читают молитву; дошла очередь до меня, а я и не знаю.

— Ай-да молодец! воскликнул Бенедиктов, опять хлопая Андрея по плечу.

— В другой раз — за то, что я смеялся во фронт, а в третий раз за сигналы. Тра-та-та-та! Знаешь? — „Слушай, первый взвод!“ Теперь я уже понял.

— Это все равно, что у нас гласы, сказал Бенедиктов. — Сколько меня ни драли, а я так и не мог выучить.

Андрей любознательствовал узнать, что это за гласы такие, и получил от Новицкого довольно удовлетворительное объяснение, которое Бенедиктов, отговариваясь невѣдѣніем, дать отказался. Брат пришел в восторг от этой премудрости, прижались еще крепче плечами к Семену, и захохотали, как сумасшедший.

Между тем мы все подвигались, и, наконец завидѣли оживленную пеструю толпу мужчин и женщин. Это были зрители войнички; самое зрѣлище было внизу, под горой.

Войничка, происходившая только в зимнее время, началась обыкновенно возней мальчишек. К шуточной драме ребят мало по малу приставали подростки, и драка становилась серьезнее. В это время стоило какому-нибудь невытерпѣвшему богатырю той или другой стороны вмѣшаться в свалку, чтобы уже кинулись все резервы обеих лагерей, и тут побоище принимало отчаянный характер.

Мы остановились в народѣ, и увидѣли довольно оживленную толпу дерущихся мальчишек. По временам с горы сбѣгал какой-нибудь паренѣ лѣтъ шестнадцати, врѣзывался в толпу, махая обѣими руками; мальчишки валились направо и налево, а он, натѣшившись достаточно, с торжеством возвращался назад.

— Пойдемте поближе, поближе, потащил нас Бенедиктов, повидимому очень воодушевившийся видом драки.

Мы протолкались впередъ, къ краю рва, и остановились около самаго спуска.

— Вонъ видите, тамъ за сараемъ-то стоятъ. Это ихніе, пояснѣли Бенедиктовъ.

За большимъ сараемъ стояла цѣлая толпа мужиковъ въ полушубкахъ и рукавицахъ. Они молодцовато поправляли шапки и оживленно разговаривали о чемъ-то. Это были извошники и черкасы. Одни изъ нихъ уходили въ сосѣдній кабакъ и снова возвращались, другіе выплясывали отъ холода извѣстную извошничью пляску и похлопывали рукавицами. На драку никто изъ нихъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія.

— А гдѣ же ваши? спросилъ Андрей у Бенедиктова, который потиралъ руки, подергивался и кривлялся на холоду.

— Наши вотъ въ этой избѣ; наши въ теплѣ сидятъ, отвѣчалъ Бенедиктовъ.—Развѣ подрагаться? весело добавилъ онъ, какъ-то особенно пожимая плечами. Его, повидимому, подмывало сильно нетерпѣніе.

— Подерись! а? слушай, подерись! иди! задержалъ его Андрей.

— Ау! вскричалъ Бенедиктовъ, и бѣгомъ понесся внизъ по спуску, махая руками, какъ вѣтреная мельница. Онъ врѣзался съ лету въ толпу, и началъ разсыпать удары направо и налево; мальчишки отскочили, и вокругъ него образовалась небольшая площадка. Со стороны черкасовъ вылетѣли два парня въ полушубкахъ и рукавицахъ, со стороны мѣщанъ тоже явились бойцы, драка сдѣлалась посерьезнѣе. Скоро мы увидѣли, что Бенедиктовъ упалъ, а черезъ нѣсколько секундъ онъ радостно вбѣжалъ къ намъ на гору; лицо его было красно и онъ дышалъ тяжело.

— Важно! проговорилъ Бенедиктовъ, тономъ человѣка, до боли нахлеставшагося въ банѣ вѣшникомъ и слѣзавшаго съ полка.

— Славно! молодцы! кричалъ Андрей, хлопая въ ладоши и судорожно потирая руки.

Драка принимала все болѣе и болѣе оживленный характеръ.

— Вонъ, наши идутъ, вскричалъ Бенедиктовъ, дергая Андрея за плечо.—Ихніе-то, ихніе какъ засуетились!

Дѣйствительно, за сараемъ происходила большая суетня. Мужики выходили впередъ, приостанавливались, и поправивъ шапки и подергавъ рукавицы, вылетали впередъ и врѣзывались въ свалку. Такъ—раздѣвшись, хорошій пловецъ смѣлой поступью подходитъ къ крутому берегу, останавливается на минуту, чтобы перекреститься, и бросается въ воду. По спуску бѣжали къ побойцу, поправляя на бѣгу свои шапки, человѣкъ пять семинаристовъ.

Бой становился очень занимательнымъ.

— Вонъ, вонъ еще наши мѣщанчики подходятъ! восторженно говорилъ Бенедиктовъ.—Вонъ, Фроль слесарь, высокій, въ черной шапкѣ-то... Ишь какъ дуетъ!

— Это въ рубахѣ-то?

— Да, да. Ишь, ишь! Ихніе привалили... Ну! съ отчаяніемъ воскликнулъ Бенедиктовъ... Ихъ ужъ очень много!

Изъ-за сарая все прибывали да прибывали новые бойцы; скоро раздались страшные крики, и мѣщане побѣжали. Черкасы ихъ преслѣдовали, толкали заднихъ въ шею, перешагивали черезъ упавшихъ, и опять бѣжали въ догонку. Мѣщане разсѣлись по снѣжному полю и попадали въ разныхъ мѣстахъ. Этотъ маневръ дѣлался на основаніи уговора не бить лежачихъ. Черкасы торжествовали полную побѣду. Вдругъ въ обоихъ лагеряхъ началось какое-то смятеніе. Лежавшіе мѣщане начали вскакивать со своихъ мѣстъ, а черкасы побѣжали назадъ. Ихъ начали преслѣдовать, также какъ за минуту они преслѣдовали сами бѣгущихъ враговъ. Тутъ мы замѣтили среди мѣщанъ какого-то верзилу, около котораго валились всѣ встрѣчные и поперечные. Рубашка его была растегнута и виднѣлась голая мохнатая грудь; изорванное пальтишко распахнулось, и вѣтеръ игралъ его полами, въ то время, когда боецъ, неистово махая руками, выдался изъ стороны въ сторону, преслѣдуя бѣгущихъ.

— Вонъ видишь,—это Сила Өадѣичъ, архирейскій басъ. Ужъ подлинно—сила, восторженно пояснялъ Бенедиктовъ.—Убьетъ! Ишь какъ! Ишь какъ!—такъ и валятся.

— Охъ, какъ славно! отлично, отлично! кричалъ Андрей, потирая руки.

Драка начала ослабѣвать, силачи ушли также быстро, какъ появились, и на сцену стали опять мало по малу выступать мальчишки. Зрѣлище становилось не такъ интереснымъ, и мнѣ скоро удалось уговорить Андрея идти назадъ.

— Сегодня еще плохая войнишка, а вотъ ты бы посмотрѣлъ въ прошлое воскресенье, говорилъ Бенедиктовъ, когда мы вступили опять въ Жидовскую слободку.—Вонъ спроси-ка его, спросика его, спроси! съ коварствомъ добавилъ онъ, толкая локтемъ въ бокъ Андрея и указывая глазами на Новицкаго.

— Ногу ушибъ, проговорилъ Семень.

— Ты дрался! съ восторгомъ вскричалъ Андрей.

— Такъ какъ-то...

Въ это время чья-то сильная рука схватила меня за плечо.

— А, негодяй! Теперь я поймалъ! Вамъ на войнишкѣ драть-

Николай Негоревъ или благополучный россиянинъ.

ся! а! грознымъ голосомъ сказала фельдфебель Сеничка, выросшій передо мной точно изъ земли.

— Можетъ быть, вы это дрались тамъ! вскричалъ я, оскорбленный до-нельзя его обидной несправедливостью.

— Что ты сказалъ, поросенокъ! съ яростью закричалъ Сеничка.

— Оставьте меня, я васъ не трогаю, съ горячностью отвѣчала я, вырываясь изъ его руки.

— Какой длинный! захохоталъ Андрей.—И этакого долгаго болвана все еще учать! ха, ха, ха! Глазищи-то какъ выпялилъ!

— Я съ тобой раздѣляюсь, прошипѣлъ Сеничка, съ безсильной яростью, отходя отъ насъ.

— Иди, голубчикъ, своимъ путемъ. Дорога скатертью! кричалъ вслѣдъ ему Андрей.

— Поцалуй пробой, да ступай домой! заоралъ на всю улицу Бенедиктовъ.

— Бока намнемъ! постращала Андрей.

— Оставь пожалуйста, — изъ-за тебя и мнѣ достанется, сказала я.

— Ужь струсилъ! экая бѣда какая!

Бѣда, однакожь, оказалась вовсе немаловажная, когда я пришелъ въ пансіонъ.

— А! Ты на войнишкѣ дерешься! Хорошо, хорошо! злорадно сказалъ Адамъ Ильичъ, когда я явился къ нему и предъявилъ билетъ.

— Я не дрался, съ трудомъ выговорилъ я.

Слезы душили меня.

— Хорошо, хорошо! Завтра это разберутъ, холодно сказалъ Адамъ Ильичъ, выбивая тактъ ногою. Слова его грозно прозвучали въ моихъ ушахъ. „Завтра разберутъ и накажутъ розгами“, долженъ бы былъ сказать Адамъ Ильичъ, потому что каждое разбирательство у инспектора кончалось поркой.

Слухъ о томъ, что я дрался на войнѣ уже прошелъ по всему пансіону.

— Неужели ты дрался на войнишкѣ? шепотомъ спросилъ меня Малининъ, давая понять, что я вполне могу довѣриться его скромности.

— Убирайся къ чорту, безцеремонно отвѣтилъ я ему.

— Ишь ты какой... Невѣжа, обиженно сказалъ Малининъ, рѣшительно не понимавшій, почему я сержусь.

Я прошелъ въ столовую, навалился на окно, и началъ смотрѣть на темнѣющую улицу. Кой гдѣ зажигались ранніе огоньки. Шли и ѣхали спокойные люди, можетъ быть, счастливые, въ

то время какъ я смотрѣлъ на нихъ, беззащитный въ моей горести. Я приложилъ обѣ ладони къ лицу, и тихо заплакалъ. Беззащитность моего положенія и моя слабость болѣе всего оскорбляли меня, и я плакалъ и захлебывался слезами отъ горя.

— Онъ плачетъ, тихонько сказалъ за моей спиной Малининъ.
— Ты ничего не понимаешь, разсѣяннымъ тономъ сказалъ Овѣринъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и дернулъ меня за руку. — Вы не плачьте.

— Оставьте меня!

— Дураки! съ убѣжденіемъ воскликнулъ Овѣринъ. — Они запрещаютъ драться. Нужно бы заставлятъ мальчиковъ, чтобы они дрались. Какой выйдетъ изъ меня солдатъ, если я не умѣю драться! Вотъ я читалъ про спартанцевъ. У нихъ даже женщины дрались, и—отлично. Если нужно было воевать, они все были готовы, и женщины могли сражаться. Прежде, когда дрались, и народъ былъ сильнѣе—вонъ въ анекдотахъ есть, что англійскій король Ричардъ-Львиное Сердце лошадь поднималъ, а германскій король Фридрихъ Барбаросса носилъ шляпу въ пятьдесятъ фунтовъ. А все отчего? Оттого, что они дрались, когда были мальчиками.

Я слушалъ Овѣрина какъ-то разсѣянно. Его слова, какъ отдѣльные звуки камертона, отдавались въ моихъ ушахъ, не производя никакого впечатлѣнія на мой умъ, занятый совершенно другимъ. Мнѣ начинало это надоѣдать.

— Къ чему вы все это говорите! Я и не думалъ драться, вскричалъ я, выведенный изъ терпѣнія.

— А! промывалъ Овѣринъ, какъ бы просыпаясь. Онъ на секунду остановилъ на мнѣ свои удивленные голубые глаза, точно что-нибудь обдумывая и на что-нибудь не рѣшаясь. — Все жъ таки, заговорилъ онъ опять:—тутъ нечего стыдиться того, что, положимъ, ты дрался на войнишкѣ. И хорошо дѣлаютъ тѣ, которые дерутся. И я бы подрался. Отчего же не подраться? Тамъ уличные мальчишки, а мы—дворяне — поэтому нельзя? Передъ Богомъ все равны, и мальчишки бываютъ лучше насъ.

Овѣринъ всегда говорилъ съ большимъ жаромъ. Чувствовалось, что онъ говоритъ не съ чужаго голоса, а самъ дошелъ до всего своимъ умомъ. Но горячность его отзывалась такой наивностью, что подчасъ была очень смѣшна. Въ этотъ разъ онъ съ такой рѣшимостью высказалъ великую истину о мальчишкахъ, что я не могъ не улыбнуться, несмотря на горе и досаду, угнетавшія меня въ то время.

— Они помогаютъ отцамъ и матерямъ работать, продолжалъ Овѣринъ на тѣму о мальчишкахъ:—они сами хлѣбъ себѣ добы-

ваютъ, а насъ кормятъ. А кто знаетъ, можетъ быть, мы слѣ-
лаемъ разбойниками, и будемъ людей рѣзать.

— *Patres conscripti! quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?* передразнилъ кто-то Овѣрина, сдѣлавъ отчаянный ораторскій жестъ.—Слушайте, слушайте! Шш! ораторствуетъ!

На другой день утромъ, только-что мы пришли въ классъ, и обыкновенный шумъ и пылъ поуспокоились, вошелъ Малининъ.

— Негоревъ, ступай, братъ, тебя инспекторъ зоветъ, боязливъ шопотомъ сказалъ онъ мнѣ.

Дрожа, какъ осиновый листъ, я всталъ съ мѣста, и торопливо пошелъ, почти побѣжалъ, въ инспекторскую комнату. Я совершенно измучился въ борьбѣ между страхомъ и надеждой, и торопился теперь узнать рѣшеніе своей судьбы, каково бы оно ни было.

Инспекторъ разговаривалъ съ Сеничкой. Тутъ же былъ и Адамъ Ильичъ, который подвинулъ меня за плечо поближе къ инспектору, и проговорилъ:

— Вотъ онъ!

— Ты, голубчикъ, не успѣлъ еще поступить, а ужъ ходишь на войнишку, страмишь всю гимназію, сказалъ инспекторъ, поднимая мою голову за подбородокъ и заглядывая мнѣ въ глаза.

— Я не дрался, едва выговорилъ я, дрожа всеѣмъ тѣломъ.

— Я видѣлъ, съ улыбкой заговорилъ Сеничка, довольно свободно жестикулируя рукой: — я видѣлъ, какъ онъ бѣжалъ, а за нимъ гнались два оборванныхъ мальчишка. И когда я его оставилъ, онъ наговорилъ мнѣ дерзостей.

— А-а! Пойдемъ-ко, пойдемъ, голубчикъ.

Инспекторъ взялъ меня за плечо. Я упалъ на колѣни.

Дальше — даже и теперь — мнѣ совѣстно вспоминать. Тогда, скрывая отъ всѣхъ, что меня сѣкли, я краснѣлъ при малѣйшемъ намежѣ, заставлявшемъ подозрѣвать, что моя позорная тайна открыта.

VIII.

Андрей покушается на мою жизнь.

Дни проходили за днями. Мы ходили въ классы, обѣдали, отдыхали, готовили уроки, ужинали, читали вслухъ молитвы и отходили бо сну. Все текло, какъ заведенная машина. По понедѣльникамъ, послѣ обѣда, приходилъ унтеръ-офицеръ, и училъ насъ маршировкѣ, по средамъ давали пироги съ говядиной, по

субботамъ инспекторъ съѣкъ за единицы и нули; по воскресеньямъ мы также скучали, пили кофе, ѣли за обѣдомъ котлеты и манную кашу.

Въ одно изъ такихъ скучныхъ безлюдныхъ воскресеній я получилъ отъ Андрея, съ какимъ-то кривымъ солдатомъ, записку слѣдующаго содержанія: „Хоть бы навѣстилъ меня; навѣсти, я въ лазаретѣ, дай солдату десять копѣекъ, привеси пожалуйста большую внигу съ картинками и апельсиновъ. Твой братъ Андрей Негоревъ“.

Мнѣ подумалось, что брата оставили безъ отпуска, и онъ, палимый желаніемъ поѣсть апельсиновъ, сочинилъ всю эту исторію; тѣмъ не менѣе, я вручилъ солдату требуемый гонорарій, отпросился, и отправился къ брату, захвативъ съ собой естественную исторію Бюффона (большую книгу съ картинками), подаренную мнѣ отцомъ. Оказалось однакожь, что Андрей дѣйствительно боленъ, и лежитъ въ лазаретѣ. Меня повели къ нему черезъ большія пустыя комнаты, уставленные сотнями кроватей съ ярыками. Кровати были убраны съ величайшимъ тщаніемъ; казалось, на нихъ никто никогда не спалъ, да и не будетъ спать: жаль мять расправленные до совершенства подушки и одѣяла, которыя выглядѣли вылитыми изъ одного куска гипсу и раскрашенными сообразно настоящему цвѣту одѣяль и подушекъ. Полы, блестяшіе какъ зеркало, такіе полы, по которымъ совѣстно было ходить, бѣлыя, какъ снѣгъ, кровати съ изваяніями одѣяль и подушекъ — повидимому предназначались для выставки, для показа, а не для жилья. Въ то время, когда я проходилъ, въ этихъ огромныхъ, холодныхъ, пустыхъ сараяхъ не было слышно ни одного живаго существа. Ни одна муха, ни одна мышь не хотѣла поселиться въ этихъ неуютныхъ пустыняхъ. Пройдя спальни, я, въ сопровожденіи служителя, вступилъ въ умывальню. Она такъ называлась, но никому бы и въ голову не пришло умывать свои руки изъ громадной мѣдной вазы, блестящей, какъ солнце, съ тѣмъ чтобы грязная вода стекала въ блестящій мѣдный бассейнъ и летѣли брызги на зеркала паркета, на чистку которыхъ потрачено столько труда.

Изъ умывальни пять или шесть ступенекъ внизъ вели въ лазаретъ. Кислый запахъ прелѣ сразу неприятно поразилъ меня. Лазаретъ состоялъ изъ небольшой комнаты съ десятью или двѣнадцатю кроватями, усовершенствованными до такой же степени, какъ и прочія кровати въ корпусѣ; полъ также былъ блестящъ; стѣны были также бѣлы; окна смотрѣли также скучно и печально, какъ будто говорили: „не вырвешься отсюда“ — точно окна тюрьмы.

Братъ былъ единственнымъ больнымъ въ лазаретѣ; онъ лежалъ въ кровати, подъ сѣяломъ. Въ ногахъ у него сидѣлъ на табуретѣ дремавшій фельдшеръ, который, слышавъ шумъ, встретился, и вскочилъ на ноги.

— Вотъ благодарю, благодарю! вскричалъ Андрей, обвивая мою шею голыми руками и цалуя меня. — Сколько ты набралъ апельсиновъ! какой добрый! поцалуй меня.

Онъ еще крѣпче обвилъ меня руками и поцаловалъ.

— Отчего ты, Никола, всегда такой какой-то? ласково сказаль онъ.

— Какой?

— Точно у тебя всегда голова болитъ.

— Нѣтъ, не болитъ, успокоилъ я его.

— Какой-то ты странный. Ты добрый мальчикъ, — я тебя люблю, только ты какъ-то... Ничего ты не говоришь. Тебя не поймешь.

— Чѣмъ же ты боленъ? Или такъ, чтобы въ классы не ходить? спросилъ я, чтобы прекратить разговоръ о моей особѣ, который грозилъ перейти на чувствительную почву.

— Да-а. Видишь: — я тебѣ скажу пожалуй — ты вѣдь мнѣ братъ...

Я замѣтилъ, что у Андрея на глазахъ навернулись слезы.

— Меня высѣкли... ужасно! съ трудомъ удерживаясь, чтобы не заплакать совсѣмъ, проговорилъ онъ.

— За что?

— Ни за что, отвѣтилъ Андрей, и зарыдалъ.

Я вспомнилъ клевету Сенечки и всѣ подробности моего несправедливаго униженія. У меня явилось даже движеніе рассказать все брату, но я тотчасъ подумалъ, что онъ послѣ будетъ смѣяться надо мной, и остановился. Я молча слушалъ глухія рыданія брата, придумывая, что бы сказать ему въ утѣшеніе, но всѣ выдуманныя слова казались такими пошлыми, что я не рѣшался ихъ выговорить. Молчаніе было знакомъ бездушія и преступной холодности къ чужому горю; но до тѣхъ поръ, покуда братъ не успокоился, я не выговорилъ ни слова, проклиная себя за неповоротливость въ придумываніи утѣшительныхъ словъ.

Вытерши послѣднія слезы, Андрей высморкался, спряталъ платокъ подъ подушки и началъ рассказывать.

— Видишь ли, — я тебѣ говорилъ, кажется, про одного ученика Баранцева. Ну, я, какъ шелъ послѣдній разъ отъ Шрамовъ, встрѣтился съ нимъ. Ну, пошли мы вмѣстѣ; идемъ, разговариваемъ. Вдругъ навстрѣчу намъ генераль. Высокій такой, толстый, сѣдой. Мы ему сѣдали фронтъ. Онъ насъ остановилъ. — Снимай,

говорить, сапоги. Я смотрю на него, думаю: не съ ума ли онъ сошелъ, а у него усы такъ и трясутся, а брови сѣдлы, точно усы, и говорить точно изъ бочки. Какъ крикнетъ на Баранцева: „садись на землю, снимай сапоги“ — я такъ и присѣлъ. Баранцевъ сѣлъ бѣдный на землю, и снялъ сапогъ. Я думалъ, что генераль убьетъ его, такъ онъ на него закричалъ. У него носки были надѣты, а у насъ велѣно портянки носить. Велѣлъ ему одѣть сапогъ; тотъ сталъ во фронтъ, а онъ на него давай кричать. Народъ около насъ собрался. Такой срамъ! я стою, жду что будетъ. У меня были подвертки надѣты, а все какъ-то страшно. Наконецъ, онъ повернулся ко мнѣ — а усы у него такъ внизъ вверхъ и ходятъ. — Снимай, говоритъ, сапогъ. Чортъ знаетъ, на улицѣ стыдно, холодно, а тутъ еще народъ собрался. Я сѣлъ подлѣ фонаря, снялъ. Онъ посмотрѣлъ, брови съежилъ: хорошо, говоритъ, одѣлся. Въ это время смотрю — нѣтъ Баранцева, и народъ смѣется. Онъ, скотина, лататы задалъ. — Убѣжалъ, ваше превосходительство, кричатъ всѣ, и хохочутъ. Генераль вырвалъ у меня изъ-за пуговицы билетъ — побагровѣлъ весь. — Маршъ, говоритъ, въ корпусъ. Я отдалъ ему честь и тоже чуть не бѣгомъ пустился отъ него спастись. Иду, иду, и оглянуться боюсь. Самъ не знаю, чего боюсь. Пришелъ въ корпусъ. Вотъ тутъ-то и вышла исторія.

Андрей остановился, взялъ апельсинъ, и началъ чистить.

— Я тутъ Муциемъ Сцеволой сдѣлался, сказалъ братъ, и захохоталъ на весь лазаретъ. — Ты знаешь, кто былъ Муцій Сцевола, который руку себѣ сжегъ? И я въ родъ его сдѣлался.

— Что за глупости, сказалъ я, не совсѣмъ довольный рѣзкимъ переходомъ Андрея отъ рыданій къ дикой веселости.

— Ты слушай. Меня такъ назвалъ самъ этотъ генераль. Я пришелъ въ корпусъ; только что раздѣлся, меня сейчасъ окружила вся почти наша рота. Я рассказалъ, какъ у меня генераль отобралъ билетъ. Тутъ же и Баранцевъ. Меня стали уговаривать, чтобы я не фискалить. Я сказалъ, что генераль и такъ узнаетъ, а я не скажу. Скажу, что недавно поступилъ, не знаю фамиліи. Баранцевъ спрятался въ умывальнѣ. Я пошелъ-было являться, а ужъ за мной идутъ. Генераль пришелъ самъ. — Кто съ тобой былъ, который убѣжалъ? спрашиваютъ. — Я, говорю, не знаю. — „Какъ-такъ?“ — Недавно поступилъ. — „А! я тебѣ покажу“. Я испугался, а сказать про Баранцева совѣстно. Принесли розогъ, начали сѣчь... Такъ больно. Я кричу во все горло: простите, простите. А генераль стоитъ и спрашиваетъ: „говори, кто съ тобой былъ“. А я кричу — простите! Самъ не знаю, почему я не могъ сказать: Баранцевъ. Совѣстно. Покуда сѣкутъ, кричишь, а какъ перестанутъ и начнетъ

генераль спрашивать, у меня языкъ не повертывается. Потому я ужь ничего не помню. Такъ и не сказалъ. Ну, потому я открылъ глаза здѣсь. Слышу, кто-то говоритъ: „очнулся, ваше превосходительство“. Ко мнѣ подходитъ генераль, погладилъ меня по головѣ, и усы у него ничего, такъ себѣ. — Молодецъ, молодецъ (Андрей сказалъ эти слова басомъ, въ подражаніе генералу)! никогда не выдавай товарищей“. Потомъ сказалъ, что я буду Муціемъ Сцеволой. А Баранцева все-таки высѣкли.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ съ перваго раза, что съ тобой былъ этотъ Баранцевъ? спросилъ я больше для того, чтобы сказать что-нибудь, такъ-какъ братъ замолчалъ и занялся апельсинами.

— Какъ зачѣмъ? Развѣ хорошо фискалить? Вѣдь я говорилъ же тебѣ, что общался.

— Зачѣмъ ты общался?

— Ну, ужь такъ.

— Самъ виноватъ, сказалъ я, недовольный легкомысліемъ брата.

— Самъ виноватъ! здѣсь нельзя быть фискаломъ, здѣсь не гимназія.

— Вонъ у тебя тутъ папиросы. Я напишу домой, что ты здѣсь куришь, сердито сказалъ я, обиженный его фразой о гимназіи.

— Пиши.

Я посидѣлъ еще недолго; мы оба неловко молчали; братъ ѣлъ апельсины, а я вертѣлъ въ рукахъ конецъ его байкового одѣяла.

— Ну, я пойду, холодно сказалъ я.—До свиданья.

— До свиданья, сказалъ Андрей, повидимому, вовсе не замѣчавшій моей холодности.

Я воротился въ гимназію въ очень недовольномъ настроеніи духа, и началъ ходить по двору, читая на стѣнахъ надписи — „скоро отпустить готовиться“, „скоро экзамены“, „скоро вакація“. Выразившаяся въ этихъ надписяхъ поэзія ожиданія счастливой минуты какъ-то неприятно дразнила меня, и я злился на брата всѣми силами своей души.

На другой день къ намъ, въ классъ, вошелъ инспекторъ.

— Господа, сказалъ онъ:—теперь будете готовиться къ экзамену. Готовьтесь хорошенько. Экзаменовать будутъ строго — на всѣхъ экзаменахъ будетъ присутствовать губернаторъ. Классовъ не будетъ до будущаго года.

Инспекторъ поклонился, точно окончивъ какое-нибудь важное священнодѣйствіе. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, и начались всегдашніе шумъ, шарканье и пыль. Своекостные радостно увязывали свои книги; нѣкоторые, второпяхъ, надѣвали при инспекторѣ на головы фуражки. Я бѣжалъ, вмѣстѣ съ другими, вверхъ

по лѣстницѣ, въ пансіонѣ, и въ ухахъ моихъ, не безъ легкаго отѣнка грусти, звучали еще слова инспектора: „классовъ не будетъ до будущаго года“.

Придя въ пансіонѣ, мы начали, какъ обыкновенно дѣлали по праздникамъ, слоняться изъ угла въ уголъ. Всѣ разсуждали о выборѣ мѣста для занятій. Для наибольшаго углубленія въ науку, передъ экзаменами дозволялось уединяться въ разныя укромныя мѣста, и каждый, понятно, выбиралъ себѣ мѣсто сообразно своимъ склонностямъ. Сорви-головы, въ родѣ Сколкова, выбирали для занятій подвалъ, или такое мѣсто, гдѣ, при случаѣ, можно было поиграть въ носки, или даже напиться пьянымъ и выспаться. Шалуны, болѣе невинные, довольствовались садомъ, гдѣ можно было поиграть въ мячъ или бильбоке. Люди, желавшія дѣйствительно заниматься, но съ тѣмъ, чтобы это сопровождалось безпрятственнымъ куреніемъ табаку, выбирали себѣ мѣста въ тѣхъ классахъ, окна которыхъ выходили на дворъ, или въ садъ. Остальныя мѣста доставались совсѣмъ невиннымъ людямъ, желавшимъ только избавиться хоть на время отъ докучливаго начальническаго надзора. Я хотѣлъ-было остаться въ столовой, гдѣ мы занимались обыкновенно, но Малининъ сбилъ меня готовиться вмѣстѣ съ нимъ и еще нѣсколькими своекоштными учениками въ карцерѣ, который у насъ, не въ примѣръ обыкновеннымъ темнымъ корридорамъ, былъ хорошо освѣщенъ, и, какъ мѣсто скорби и плѣна, былъ достаточно сносенъ.

Выбравъ мѣста, на другой день утромъ, всѣ скрылись изъ пансіона, но не для того, чтобы заниматься, а для того, чтобы, такъ-сказать, примѣриться, до какой степени удобно будетъ заниматься въ избранномъ уединеніи. Одни съ удовольствіемъ растягивались на столахъ, и оставались на нѣсколько времени съ раскрытыми книгами, находя, что такъ заниматься довольно удобно; другіе, скорчившись на окнахъ, закуривали папиросы и наслаждались свободой куренія, тоже развернувъ книги, въ которыя вовсе не смотрѣли. Третьи суетились, рѣзали билеты и писали на нихъ номера, чтобы дѣлать репетиціи экзамена. Скоро, впрочемъ, новыя мѣста примелькались и поутратили значительную часть своей первоначальной обаятельной прелести, а многимъ положительно наскучили, и они стали возвращаться оттуда по одному въ пансіонѣ. Началась обыкновенная томительная скука длиннаго праздника. Какъ всегда, только немногіе счастливыцы находили себѣ занятіе, то строгая ценки, то играя въ мячъ, то занявшись „Тремя мушкетерами“ или „Маврами при Филиппѣ четвергомъ“ — двумя книгами, ходившими по пансіону изъ рукъ въ руки, вмѣстѣ съ „Энеидой, вывоченной на изнанку“, которую, впрочемъ

игнорировали всѣ порядочные люди, за исключеніемъ Овѣрина.

— Завтра ужъ начнемъ какъ слѣдуетъ готовиться къ экзамену, рѣшительно говорилъ каждый изъ насъ вечеромъ.

Утромъ принимались за книги, но черезъ часъ, всѣмъ становилось невыносимо и читать и слушать, и начинался вялый разговоръ объ инспекторской лошади, или о томъ, сколько приблизительно денегъ воруетъ ежедневно экономъ. Потомъ, одинъ по одному, мы расходились въ разныя стороны, и занятія прекращались.

— Еще много времени—успѣемъ, утѣшительно говорилъ кто-нибудь.

— Господа, сдѣлаемте экзаменъ, упрасивалъ насъ Малининъ.

— Нѣтъ, лучше завтра, теперь жарко, отговаривались мы.

Но, наконецъ, къ великому удовольствію Малинина, уже терпяшаго всякую надежду когда-нибудь проэкзаменовать насъ, мы изъявили согласіе на экзаменъ. У Малинина все было приготовлено въ величайшемъ порядкѣ, начиная отъ билетовъ до экзаменнаго списка, гдѣ наши фамиліи были съ должнымъ тщаніемъ внесены въ алфавитномъ порядкѣ. Въ великой радости, которая всегда сопровождается азартной торопливостью, Малининъ разложилъ передъ собой экзаменаторскія принадлежности—программы, билеты, списоки и проч., усѣлся на табуретъ, откашлялся и вызвалъ:

— Барановъ.

Барановъ взялъ билетъ.

— Двѣнадцатый, посмотрѣлъ Малининъ. — Третій членъ символа вѣры, объявилъ онъ, справившись въ программѣ.

— Ну, я знаю.

— Такъ отвѣчай. Какъ читается?

— Что жъ я буду отвѣчать! Я знаю.

— Не смѣйтесь, господа, что же это! занялъ Малининъ.

— Ну тебя совсѣмъ съ экзаменомъ!

— Ну, я и поставлю вамъ всѣмъ по единицѣ.

И несмотря на нашъ общій хохотъ, Малининъ взялъ свой журналъ, и началъ проставлять въ немъ единицы, а Баранову поставилъ нуль въ квадратѣ съ двумя минусами.

Такъ готовились всѣ, а дни проходили за днями, и въ классахъ уже вывѣсили росписаніе экзаменовъ. Первый экзаменъ, изъ закона божія, долженъ былъ совершиться черезъ недѣлю, а тамъ, съ антрактами въ два и три дня, слѣдовали экзамены изъ другихъ предметовъ. Эта близость экзаменовъ нисколько не разнообразила нашей томительной скуки, и по воскресеньямъ, когда братья за книги считалось большимъ грѣхомъ, мы положительно

мучились, не зная, какъ убить свое время. А на дворѣ все таяло, распускалось, зеленѣло и оживало. Воздухъ былъ пропитанъ сыростью весны. Большую часть воскресеній я проводилъ въ пансіонѣ, такъ-какъ въ парадныхъ комнатахъ Шрамовъ было еще скучнѣе, чѣмъ въ пансіонѣ. Правда, мы съ братомъ начали-было ходить въ Жидовскую слободку, къ Новицкому, но нечесаная, нагая, вонючая бѣдность, глядѣвшая изъ всѣхъ угловъ маленькой каморки, очень смущала меня, и я не могъ отбиться отъ тоски, которая глодала мое сердце при видѣ непріятныхъ картинъ нужды. Часто случалось намъ заставить нашихъ пріятелей голодными, и Бенедиктовъ съ восторгомъ устраивалъ на нѣсколько копѣекъ великолѣпную загородную прогулку съ роскошнымъ пиромъ. Его веселость заставляла даже меня забывать мои непріятныя чувства; что касается Андрея, то онъ сдѣлался истиннымъ другомъ Бенедиктова, и приходилъ въ неподдѣльный восторгъ отъ его талантовъ, когда Бенедиктовъ — то вышивалъ, въ видѣ фокуса, полведра квасу, то притаскивалъ съ базара украденный, по пути, каравай хлѣба. Бенедиктова очень тѣшили билеты Андрея, въ которомъ было сказано, что означенный кадетъ уволенъ къ *господину* Бенедиктову. Господинъ Бенедиктовъ всегда съ особымъ удовольствіемъ подписывалъ этотъ билетъ, прибавляя аттестацію, что Андрей Негоревъ ведетъ себя въ отпускѣ, какъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣрный мальчикъ.

— Душенька, голубчикъ, пойдемъ къ Бенедиктову. Пойдешь? а? являлся ко мнѣ обыкновенно братъ по воскресеньямъ.

Для того, чтобы легче утащить меня изъ пансіона, онъ выставлялъ обыкновенно какія-нибудь приманки, въ родѣ того, что мы отправимся куда-нибудь на кладбище, гдѣ будемъ варить кофей, или полѣземъ на колокольню, гдѣ, можетъ быть, намъ позволять звонить и проч. Разъ братъ извѣстилъ меня, что мы будемъ кататься на лодкѣ. Съ весьма понятной недовѣрчивостью, я спросилъ брата о лодкѣ.

— Ужъ это устроимъ, объявилъ онъ. — Будетъ рыбная ловля.

— Кто же устроитъ?

— Я, Бенедиктовъ, Покровский и Сехель. Поѣдешь? Сейчасъ и пойдемъ. Ступай, просись.

Меня брало почему-то раздумье — не кончится ли эта рыбная ловля такъ же печально, какъ пугешествіе на войнишку.

— Что же ты? Ну! поѣдешь? тормозилъ меня Андрей.

— Поѣду. А гдѣ же лодка?

— Вотъ здѣсь въ корридорѣ стоитъ; я на ней пришлылъ, съ досадою вскричалъ братъ. — Поѣдешь, такъ поѣдешь, а не поѣдешь, такъ мы и безъ тебя уѣдемъ.

Я отпросился, и мы отправились не совсѣмъ довольные другъ другомъ. Братъ, впрочемъ, никогда не сердившійся долго, скоро началъ весело болтать о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя представлялись намъ на рѣкѣ и за рѣкой. До Жидовской слободки отъ гимназіи было довольно далеко, и я успѣлъ вдоволь наслушаться вкусныхъ описаній жаркаго и уха, которую мы сваримъ изъ наловленной рыбы; для этого нужно только немного денегъ, и Андрей, всегда тратившій свое жалованье неизвѣстно на какія потребности, очень тонко намекнулъ мнѣ, что я могу послать Бенедиктова за масломъ, лукомъ, говядиной и прочими приправами.

Маленькая каморка лѣтомъ была гораздо веселѣе, чѣмъ зимой. Окно было выставлено, двери не запирались, и вѣтеръ гулялъ въ ней, какъ дома. Впрочемъ, хозяева рѣдко сидѣли въ своей комнатѣ, а больше наслаждались прохладой на дворѣ. Мы ихъ застали сидящими на землѣ, около лѣстницы. Бенедиктовъ сшивалъ мочальной веревкой расколотое весло, и натянута веревка оборвалась именно въ то время, когда мы вошли. Красная голова Бенедиктова, красный кулакъ и кусокъ веревки отпрянули назадъ, и онъ стукнулся затылкомъ объ стѣну. Всѣ захохотали.

— Что же, скоро? спросилъ Андрей, когда смѣхъ немного успокоился.

— Видишь, дѣло нейдетъ. Съ этими веслами мы потонемъ. Придется мнѣ тебя изъ воды вытаскивать, сказалъ Бенедиктовъ, принимаясь опять за работу. — Дай-ка вонъ сюда удилице-то. Видишь, какое я тебѣ удилице выстрогалъ.

Андрей взялъ удилице, отошелъ съ нимъ, и началъ цѣлить въ носъ Бенедиктову. Тотъ, красный какъ ракъ, наклонился надъ весломъ, и съ яростью тащилъ коротенькій конецъ веревки зубами, чтобы плотнѣе завязать узелъ. Семень вынулъ изъ ящика свои удочки, и придѣлывалъ къ нимъ грузила изъ оловянныхъ солдатскихъ пуговицъ. Покровский, удивительно тупой малый, сидѣлъ на лѣстницѣ, и смотрѣлъ на работу своихъ товарищей — не то удивленными, не то сонными глазами, запустивъ руки въ волосы и виски. Повидимому, онъ ничего не понималъ, и удивленный до послѣдней степени, обдумывалъ, что они такое дѣлаютъ.

— Ну, собираться надо, сказалъ Бенедиктовъ, покончивъ съ весломъ. — Не дури — убью! крикнулъ онъ на Андрея, который на этотъ разъ попалъ ему въ носъ удилицемъ.

— А провизію, Бенедиктовъ? спросилъ Андрей, краснорѣчиво взглядывая на меня.

— Провизію купимъ дорогой.

Сборы были непродолжительны. Бенедиктовъ взвалилъ себѣ на плечи весла и удилица; Семень и Покровский захватили какіе-то узелки съ горшками и сковородками, и мы отправились. Андрей завладѣлъ лѣвой рукой Бенедиктова, и махалъ ею во все стороны, кривляясь рядомъ съ своимъ другомъ.

— Ты, Бенедиктовъ, попомъ будешь? спрашивалъ Андрей, размахивая длинной рукой Бенедиктова.

— Попомъ, серьезно отвѣчалъ Бенедиктовъ, и оба они хохотали самымъ веселымъ хохотомъ.

— И женишься? спрашивалъ Андрей, почти повиснувъ на рукѣ Бенедиктова.

— Само собой.

Они опять раздражались хохотомъ.

— И дѣти у тебя будутъ?

— Само собой.

Когда мы дошли до лавки, Бенедиктовъ передалъ свою пошу Покровскому, и отправился за покупками собственной персоной. Онъ очень любилъ стряпню, и никому не довѣрялъ дѣлъ, касающихся кулинарнаго искусства.

— Чортъ знаетъ, что-то плечо болитъ, сказалъ Покровскій, очевидно намекая на то, что, совершивъ покупки, Бенедиктовъ можетъ тащить весла на своихъ собственныхъ плечахъ, которыя, ко всему тому, вовсе не болятъ.

Но въ отвѣтъ на это, Бенедиктовъ раскатился хохотомъ, который гораздо приличнѣе было назвать грохотомъ.

— Спроси его, спроси его, Андрюха, радостно толкалъ онъ брата локтемъ въ бокъ. — Спроси его, какъ его отодрали въ огородѣ!... Вотъ братъ! О-о-охъ!

Бенедиктовъ отчаянно махнулъ руками, и закатился, умирая отъ смѣха.

— Что такое? расскажи, присталъ Андрей.

Но Бенедиктовъ не скоро собрался съ силами.

— Видишь, заговорилъ онъ наконецъ. — Видишь, подлѣ насъ есть дворъ. Ой, ой, ой, ой! и лазили мы туда дрова воровать...

— Какъ?

— Да такъ, черезъ заборъ... заборъ-то у нихъ на бокъ покосился отъ нашей стороны... Туда соскочишь, а назадъ-то ужъ и не выльзешь. Вотъ что!

Бенедиктовъ опять замеръ отъ хохота.

— Зимой было холодно... ой! Мы и пустились на хитрости: привязали къ столбу веревку; одинъ слѣзетъ туда, накидаетъ дровъ черезъ заборъ, и опять назадъ по веревкѣ влѣзетъ... Вотъ! охъ! Недавно мы вздумали кофей варить; вотъ Покровскій и по-

лѣвъ. Ой, ой, ой! Ну. Влѣвъ, спрыгнуль, а тамъ ножичкомъ—
шась, чиртъ: веревку-то и обрубили! Онъ, какъ крыса, заме-
тался въ ловушкѣ... Ой, ой, ой, ой! Тотъ его спрашиваетъ: за-
чѣмъ ты здѣсь? а онъ, знай, бѣгаетъ по двору, какъ угорѣлый...
И началъ тотъ его драть плетью!

Произнеся послѣднее восклицаніе, Бенедиктовъ остановился,
и чуть не задохся отъ хохота; онъ покраснѣлъ, и началъ тя-
жело кашлять.

— Ишь его захлснуло! съ досадою сказалъ Покровскій.

Это еще болѣе усилило смѣхъ Андрея и Бенедиктова, такъ
что мы должны были на нѣсколько времени остановиться, чтобы
дать имъ отдохнуть.

— Лопните, сердился Покровскій, еще болѣе разжигая ихъ
смѣшливость.

Въ этой веселой бесѣдѣ, мы незамѣтно дошли до рѣки. На
песчаномъ берегу чернѣлъ цѣлый длинный рядъ лодоевъ и плотоевъ.

— Вотъ эта хороша будетъ, сказалъ Бенедиктовъ, осматривая
лодки. — Пусти, барченокъ! Вотъ такъ.

И онъ съ грохотомъ бросилъ на дно лодки удилица и весла.

— Это ваша лодка? спросилъ я Бенедиктова, чтобы прервать
мое неловкое молчаніе, которое, какъ я думалъ, было замѣтно
для другихъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бенедиктовъ, начиная сталкивать лодку.

— А чья же?

— А чортъ ее знаетъ.

— А, Бенедиктовъ! вскричалъ братъ, и брызнулъ въ Бене-
диктова водой:—а мы будемъ грести. Садись, ребята!

— Вы садитесь на дно, въ середку, сказалъ намъ Бенедиктовъ.

Узелки были сложены, весла приравлены, мы сѣли и отпих-
нулись отъ берега. Отъ рѣки стался легонькій паръ, пахло сту-
деной сыростью воды, вдали разстлалась скатертью зелень про-
тивоположнаго берега; но удовольствіями плаванія и картинъ
природы намъ не пришлось наслаждаться: едва отплыли мы сажени
двѣ отъ берега, какъ въ лодкѣ показалась течь.

— Ну, выбралъ Бенедиктовъ лодку! съ хохотомъ вскричалъ
Андрей, поднимаясь на ноги, такъ-какъ вода подтекла уже во
всю средину лодки, и сидѣть было невозможно.

— Отливайте шапками, посовѣтовалъ Бенедиктовъ, продолжая
грести.—Вынь горшокъ, и отливай смѣло. Съ вами Цезарь!

Отливать однакожь не было никакой возможности; счастье
Бенедиктова было меньше прочно, чѣмъ счастье Цезаря, которому
онъ себя уподобилъ, и вода засвистѣла въ лодку фонтаномъ.

Бенедиктовъ бросилъ весло, и началъ-было отливать, но видя бесполезность своей работы, сталъ собирать весла.

— Собирай пожитки, и—вплавь. Сейчасъ потерпимъ кораблекрушеніе! скомандовалъ онъ, и бросился въ воду.—Ура!

Я съ радостью увидѣлъ, что Бенедиктовъ остановился на днѣ; вода не доходила ему выше плечь. Несмотря на это утѣшеніе, я глядѣлъ рѣшительно потеряннымъ. Андрей, хорошо умѣвшій плавать, снялъ сапоги, и выскочилъ вслѣдъ за Бенедиктовымъ.

— Бросайся! кричалъ онъ мнѣ, схватившись за бортъ лодки.

Новицкій и Покровскій тоже вылѣзли въ воду. Лодка грозила каждую минуту пойти ко дну, и я со страхомъ, схвативъ за руку Андрея, бросился въ воду. Но я напрасно надѣялся на его помощь. Брату пришла несчастная мысль выучить меня плавать, и онъ тотчасъ же отдернулъ свою руку, какъ я только очутился въ водѣ. Я съ ужасомъ пошелъ книзу, и, не находя подъ собой дна, началъ отчаянно барахтаться въ водѣ.

— Вотъ такъ, вотъ такъ! плыви, плыви! поощрялъ меня братъ, между тѣмъ, какъ я выбивался изъ силъ.

Наконецъ Семенъ подошелъ ко мнѣ, и помогъ мнѣ выбраться на мелкое мѣсто. Я былъ страшно озлобленъ на брата, и торопливо пошелъ на берегъ, придумывая язвительныя ругательства, которыми можно бы было наказать его. Бенедиктовъ снялъ съ себя пальтишко, и раскладывалъ его по дну перевернутой лодки, чтобы оно просохло на солнцѣ.

— Этотъ мерзавецъ хотѣлъ меня утопить, въ порывѣ гнѣва сказалъ я Бенедиктову.

— Зачѣмъ?

— Я не знаю, зачѣмъ ему нужна моя смерть, сказалъ я, соображая, что всего обиднѣе будетъ заподозрить брата въ покушеніи на убійство.

Изъ романовъ я зналъ, что въ виду полученія наслѣдства, одинъ братъ очень часто убиваетъ другого, и старался убѣдить себя, что Андрей отдернулъ руку именно съ цѣлью получить мое наслѣдство.

— Кто тебя хотѣлъ утопить? съ досадою сказалъ Андрей.

— Ты. Хорошо, что не удалось.

— Полно вамъ. Лучше просушимся, и поѣдемъ на другой лодкѣ, вступился Бенедиктовъ.

— Нѣтъ, ужъ благодарю васъ. Въ этотъ разъ не удалось, можетъ въ другой разъ удастся, съ мрачнымъ предвидѣніемъ сказалъ я.

— Стану я этакой дрянью заниматься—топить его! восклицалъ Андрей, развѣшивая свою шинель на солнцѣ.

Но я продолжалъ высказывать самое положительное убѣжденіе, что чуть не сдѣлался жертвой преступныхъ намѣреній брата, и не хочу больше подвергать свою жизнь опасности.

Прогулка такъ и разстроилась, но и послѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я не упускалъ случая напомнить иногда въ сердцахъ Андрею о его злодѣйскомъ покушеніи.

IX.

Овѣринъ дѣлается нигилистомъ и создаетъ теорію міра.

Дня за три, за четыре до экзамена изъ закона божія всѣ присѣли за книги, и присѣли ужъ не партіями, а въ одиночку. Я тоже принялся за катихизисъ, и мучился какъ Сизифъ многострадальный, зазубривая непонятныя опредѣленія и тексты. Всѣ ходили изъ угла въ уголь, и съ книгами въ рукахъ бормотали на память какія-то слова, что дѣлало пансіонъ очень похожимъ на сумасшедшій домъ. Одинъ Овѣринъ не брался за книги, и бродилъ въ своей обыкновенной задумчивости изъ угла въ уголь. Повременамъ, онъ останавливался передъ стѣной или окномъ, и, уперши глаза, которыми едва-ли что нибудь видѣлъ, или хотѣлъ видѣть, — стоялъ неподвижно по нѣскольку минутъ. За день до экзамена, когда я особенно торопился окончить зазубриваніе послѣдняго билета, Овѣринъ подошелъ ко мнѣ.

— Что вы это учите? спросилъ онъ.

— Катихизисъ.

— Напрасно.

— Какъ напрасно? Вѣдь послѣ-завтра экзаменъ.

— Что-жь такое! Чтобы выдержать экзаменъ, нужно выучить только одинъ билетъ. Я такъ и сдѣлалъ — и непременно выдержу экзаменъ; вотъ увидите. Мнѣ непременно достанется этотъ билетъ.

Овѣринъ взглянулъ на меня; онъ очевидно предвидѣлъ, что я попрошу объясненія, и дожидался вопроса, съ полной увѣренностью убѣдить меня двумя-тремя словами.

— На это надѣяться нельзя, съ улыбкой сказалъ я.

— Нѣтъ, можно. Я думаю, что не стоитъ учить законъ божій, не узнавши прежде точно — есть ли Богъ. Когда я узнаю это навѣрное, тогда буду учить. Я возьму верхній билетъ; если Богъ всемогущъ, онъ можетъ сдѣлать такъ, что семнадцатый билетъ будетъ лежать сверху. Тогда я отвѣчу на эк-

заменѣ, и буду учиться. Если нѣтъ, значить я хорошо дѣлалъ, что не учился закону божію.

Овѣринъ говорилъ это съ такой напряженной серьезностью, что видно было, что онъ рядомъ самыхъ сложныхъ соображеній дошелъ до своего вывода.

— Во всякомъ случаѣ, значить, закону божію не нужно учиться, сказалъ я, засмѣявшись.—Если Богъ всемогущъ, можно готовить только одинъ билетъ къ экзамену; если нѣтъ—тогда со всѣмъ ничего не нужно.

— Вовсе не въ экзаменѣ дѣло! презрительно сказалъ Овѣринъ.—Что экзаменъ!

— А что же?

— Вы ничего не понимаете, вдругъ обидѣвшись на что-то, проговорилъ Овѣринъ и отошелъ отъ меня.

Я опять принялся за книгу, но смѣшливое воспоминаніе о чудакѣ Овѣринѣ долго не давало мнѣ сосредоточиться на текстахъ катихизиса. А вокругъ, точно шмели жужжали. Многіе, зажавъ уши и наклонившись надъ книгами, съ яростью тараторили какія-то слова, непонятныя, какъ заклинаніе, для непосвященныхъ. Малининъ разложилъ передъ собой билеты, и, зажмуривъ глаза, бралъ одинъ за однимъ, свѣряясь потомъ съ программой. Ему все доставались такіе билеты, которые онъ хорошо зналъ, и онъ потиралъ руки отъ радости. Въ самый день экзамена, почти всѣ поднялись часа въ четыре утра, и не безъ волненія принялись за книги. Нѣкоторые украдкой молились Богу, и, войдя въ залу, я поймалъ тамъ Малинина, который клалъ земные поклоны. Онъ вскочилъ на ноги въ крайнемъ смущеніи, и началъ обдергивать курточку. Къ его лицу прилили волны краски, онъ пристально всматривался въ полъ, и безнокоился что-то на одномъ мѣстѣ.

— Чортъ знаетъ, иголку гдѣ-то потерялъ, сказалъ, наконецъ, Малининъ. Его стыдъ и смущеніе были безграничны. Мнѣ стало неловко, и я поспѣшилъ уйдти изъ залы; онъ проводилъ меня печальнымъ, боязливымъ взглядомъ. Вѣдныя ждалъ, что я расскажу про него всѣмъ и отдамъ на посмѣяніе его сокровенныя чувства.

Намъ выдали новыя курточки, мы одѣлись, и отправились пить чай. Немногимъ изъ насъ шло въ это утро какъ слѣдуетъ. Въ девять часовъ мы собрались внизу, въ классномъ залѣ; туда же пришли своеобразные; всѣ усѣлись на скамьяхъ, поставленныхъ безъ партъ въ нѣсколько рядовъ. Передъ краснымъ столомъ, на возвышеніи, не было даже признака какихъ-нибудь экзаменаторовъ; только грозно и молчаливо стояли вокругъ стола тяжелыя кресла, а передъ каждымъ изъ нихъ лежалъ листъ бѣ-

лой бумаги. Это было точно приготовленіе къ какому-то великому священнодѣйствію. Несмотря на раннюю пору, въ залѣ, отъ множества собравшихся учениковъ (въ этотъ день предположено было проэкзаменовать четыре класса), было жарко и тѣсно. Однакъ, при необычайномъ скопленіи народа, особеннаго шума и говора почти не было слышно: всѣмъ было не до того. Ожиданіе было невыносимо скучно. Всѣ вздыхали, перелистывали книги и молчали. Наконецъ, явился инспекторъ. Ожиданіе уразнообразилось. Явился учитель закона божія, а вскорѣ и директоръ. Всѣ они потолкались-потолкались около стола, отошли къ окну, и начали разговаривать. Скоро ли пріѣдетъ архіерей? Сердце сжималось отъ напряженнаго ожиданія. Несмотря на то, что я зналъ весь катихизисъ довольно хорошо и могъ отвѣтить на какой угодно вопросъ, дрожаніе въ неизвѣстности, между страхомъ и надеждою до боли угнетало меня. Мнѣ казалось, что можетъ случиться какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство, и я не выдержу экзамена. Чѣмъ больше мы вздыхали въ ожиданіи архіерея, тѣмъ неувѣренность моя и страхъ не выдержать экзамена усиливались все болѣе и болѣе.

Наконецъ, пріѣхалъ архіерей. Присутствующіе экзаменаторы подошли къ нему подъ благословеніе, затѣмъ была прочитана молитва и всѣ чинно заняли свои мѣста за столомъ. Начали съ нашего класса. Вызывали по двое. Ожиданіе вызова начало томить, пожалуй, еще хуже, чѣмъ ожиданіе самаго архіерея. "Такъ я отвѣчу, или хуже?", думалось каждому, слушая отвѣты своихъ товарищей. "Какъ онъ смѣшался! Какъ бы я могъ отлично отвѣтить на этотъ билетъ! Впрочемъ, и со мной это можетъ случиться".

— Овѣринъ, гдѣ Овѣринъ? захопотади вокругъ меня, и я встрепенулся какъ отъ дремоты.

— Онъ вышелъ.

— Позовите его! съ досадою крикнулъ инспекторъ, подбѣгая къ скабьямъ, на которыхъ сидѣли ученики.

Среди толпы уже проталкивался Овѣринъ, держась за нижнюю пуговицу своей курточки и успиваясь ее отвинтить. Это онъ дѣлалъ всегда, когда чувствовалъ въ чемъ-нибудь малое или большое затрудненіе. Нижняя пуговица какъ будто мѣшала ему хорошо и быстро соображать, и съ устраненіемъ ея, его умственныя способности должны были проявиться.

— Бери билетъ, сказалъ инспекторъ, подталкивая его въ спину.

Овѣринъ проткнулъ руку, взялъ билетъ, и устремилъ долгій, разсѣянный взглядъ на его номеръ. Усердіе его при отвинчиваніи пуговицы возросло до послѣдней степени; она уступила его

усилиямъ, и съ грохотомъ покатилаь по полу. Адамъ Ильичъ догналь ее, схватилъ налету, и спряталъ въ карманъ.

— Это пустяки, сказалъ Овѣринъ самымъ увѣреннымъ тономъ, глядя на столъ съ спокойной миной игрока, сходявшаго козырнымъ тузомъ и не сомнѣвающагося взять взятку.

Слова Овѣрина такъ не гармонировали съ окружающею серьезной обстановкой, что, несмотря на важность минуты, я не могъ не разсмѣяться отъ души. Архіерей и экзаменаторы, впрочемъ, дали словамъ Овѣрина не тотъ смыслъ, который онъ хотѣлъ придать имъ.

— Да, съ строгой важностью сказалъ архіерей. — Первый нумеръ: сотвореніе міра. Ты этотъ вопросъ знаешь. Отвѣчай.

— Отвѣчай, какъ эхо, повторилъ директоръ.

Овѣринъ началъ отвѣчать какъ-то нехотя, сонно и вяло, безпрестанно останавливаясь и дожидаясь вопросовъ, въ родѣ: „Ну, а сколько же сыновей было у Адама?“ — „Ну, и за что же Каинъ возмѣлъ злобу на Авеля?“ Сонливость Овѣрина сообщилаь какъ-то всему ареопату экзаменаторовъ.

— Хорошо, какъ-то разсѣянно сказалъ архіерей; онъ, какъ казалось, едва воздерживаясь отъ зѣвоты, взялъ журналъ и поставилъ тамъ четыре.

Дальше экзаменъ продолжался очень вяло; на первыхъ же словахъ архіерей останавливалъ ученика, говорилъ: „хорошо“, и отмѣчалъ въ журналѣ четыре. Тутъ нельзя было ни отличиться, ни провалиться: экзаменъ дѣлался скучнымъ, переставъ походить на азартную игру, въ которую можно было проиграть годъ жизни, а можетъ быть и цѣлую карьеру. Я, также, какъ и другіе, вышелъ очень вяло, чувствуя, что отправляю только пустую формальность. Архіерей, также, какъ и другихъ, остановилъ меня на первыхъ же порахъ, и поставилъ въ журналѣ четыре.

Я вышелъ изъ залы очень довольный, и съ удовольствіемъ встрѣчалъ веселыя лица, смѣхъ и громкую болтовню о томъ, кому какой билетъ достался, что говорилъ архіерей и проч. и проч. До обѣда оставалось еще много времени, и мнѣ скоро надоѣло шататься среди веселой, шумливой и говорливой толпы учениковъ: вездѣ шли почти одни и тѣ же разговоры. Я пошелъ въ маленькій садикъ, за баню, легъ тамъ на траву, и сталъ смотрѣть на небо, которое было безконечно глубоко и ясно; взоръ утопалъ въ мягкой, чистой лазури; кой-гдѣ торчали, точно куски ваты, бѣлыя облачка. Я люблю смотрѣть на небо, лежа на спинѣ: въ это время дышется какъ-то вольнѣе, и грудь наполняется чѣмъ-то свободнымъ и великимъ, чуждымъ всякихъ желаній. Я началъ думать объ Овѣринѣ, и не могъ не разсмѣяться, припо-

миная его комическую серьезность. Слова: „это пустяки“, казалось, и теперь еще отдавались въ моихъ ушахъ. Въ это время, подлѣ меня раздались шаги, и кто-то прошелъ мимо, чуть-чуть не наступивъ на мою голову.

— Овѣринъ! почти невольно позвалъ я.

Овѣринъ обернулся, и дико взглянулъ на меня, точно я разбудилъ его отъ сна. Онъ, видимо, унесся далеко отъ нашего брэннаго міра, и ему было дико видѣть близость живаго существа.

— Овѣринъ, повторилъ я: — о чемъ вы думаете?

Онъ молчалъ, и продолжалъ разсѣянно смотрѣть на меня.

— Что вы думаете? спросилъ я опять.

— Ничего, задумчиво отвѣтилъ онъ, подходя ко мнѣ. — А вы что?

— Я лежу. Ложитесь.

Овѣринъ молча легъ на траву, и сталъ смотрѣть на небо. Мнѣ было почему-то смѣшно, что подлѣ меня лежитъ такой чудакъ. Мы оба довольно долго молчали; мнѣ было очень весело; внутри меня дрожалъ смѣхъ.

— Знаете что? сказала вдругъ Овѣринъ.

— Что?

— Для всѣхъ ли время одинаково?

— Какъ одинаково?

— Такъ. Напримѣръ, человѣкъ живетъ восемьдесятъ лѣтъ, а себака—всего десять лѣтъ, а муха—одно лѣто, мѣсяца три. Неужели мухѣ ея вѣкъ не кажется такимъ длиннымъ, какъ и человѣку его вѣкъ—а?

— Не знаю.

— Я думаю, муха тоже думаетъ, что она живетъ лѣтъ восемьдесятъ. Даже для людей время идетъ не одинаково; говорить: „время летитъ быстро, время долго тянется, одна минута кажется годомъ“. Должно быть, муха принимаетъ каждый день за годъ. Утро — для нея весна, полдень — лѣто, вечеръ — осень, а ночь—зима. Она—маленькое животное, и вѣкъ ея короче. Какъ вы думаете?

— Да, разсѣянно сказала я:—мухѣ, я думаю, время кажется длиннѣй, чѣмъ человѣку.

— Я думаю, есть такія животныя — говорятъ, есть такія маленькія животныя, что въ одной каплѣ воды ихъ помѣщается нѣсколько сотъ — имъ, я думаю, наша минута кажется годомъ: время для нихъ идетъ еще тише, чѣмъ для мухи.

— Да.

— Этыхъ маленькихъ животныхъ въ каплѣ видно только черезъ увеличительныя стекла. Я думаю, есть животныя еще мень-

ше — въ билльонъ милльионовъ разъ, которыхъ нельзя видѣть ни черезъ какія увеличительныя стекла. Для нихъ, я думаю, одинъ мигъ кажется тысячелѣтнемъ. Покуда мы мигаемъ глазомъ, они успѣвають прожить столько же, сколько мы прожили отъ сотворенія міра. Въ то время, какъ мы мигаемъ глазомъ, у нихъ перемѣняется тысячу поколѣній: одни умираютъ, другія нарождаются. Кто знаетъ, можетъ быть, они также строятъ маленькіе города, которые мы видѣть не можемъ, а для нихъ кажутся такими же большими, какъ Лондонъ. У нихъ есть войны, великіе полководцы и государи. Они думаютъ, что живутъ съ незапамятныхъ временъ, а для насъ все ихъ существованіе — нѣсколько тысячелѣтій—одинъ мигъ. Мы закрыли глазъ—народъ этотъ началъ жить отъ Адама, строилъ города, корабли, велъ войны, а мы открыли глазъ — у нихъ конецъ міра. Знаете, я думаю, что на нашемъ тѣлѣ живутъ такіе же люди, какъ мы, только очень маленькіе, и мы ихъ не можемъ видѣть ни въ какія увеличительныя стекла. Они считаютъ наше тѣло землей, и доказываютъ, можетъ быть, что она кругла. Они строятъ на нашемъ тѣлѣ города, роютъ каналы, рубятъ лѣса, пишутъ свою исторію, и считаютъ, что отъ сотворенія міра прошло нѣсколько тысячелѣтій, и думаютъ, что конецъ міра долженъ послѣдовать черезъ нѣсколько тысячелѣтій. А всѣ эти тысячелѣтія проходятъ въ то время, покуда мы мигаемъ глазами. Двигая пальцемъ, я теперь, можетъ быть, разрушаю цѣлыя міры этихъ людей, съ городами, съ дворцами, съ лѣсами, съ разными животными: у нихъ есть и киты, и слоны, и мухи—все, какъ у насъ, только такое, что въ билльонъ билльионовъ разъ меньше нашего.

Я засмѣялся, но Овѣринъ, увлеченный своей мыслью, не обратилъ на мой смѣхъ никакого вниманія. Онъ смотрѣлъ на небо, выставивъ вверхъ руку съ согнутымъ пальцемъ, на которомъ предполагались города, дворцы, лѣса, слоны и киты, и говорилъ, какъ-будто, не мнѣ, а голубому своду, далеко простирившемуся надъ нимъ.

— Вотъ я согнулъ палецъ, и у нихъ теперь свѣтопредставленіе: они бѣгутъ по улицамъ; храмы, статуи, дома, мосты—все рушится, давить ихъ, какъ на картинѣ „Послѣдній день Помпеи“. Можетъ быть на этихъ маленькихъ людяхъ живутъ тоже цѣлыя міры еще меньшихъ людей и для нихъ тоже незамѣтныхъ, все равно какъ мы незамѣтны для земли. Я думаю, земля тоже человекъ. Мы, можетъ быть, живемъ на его пальцѣ, и наши тысячелѣтія кажутся ему мновеніемъ, терціей. Онъ согнетъ палецъ, и у насъ будетъ свѣтопредставленіе, и все разрушится. Она — этотъ великанъ — земля и не думаетъ, что мы живемъ на его

пальцѣ и строимъ города: онъ не можетъ видѣть въ свои увеличительныя стекла такихъ маленькихъ животныхъ, какъ мы. Этотъ великанъ, для котораго наше тысячелѣтiе одинъ мигъ, тоже живетъ среди другихъ людей—такихъ же великановъ—можетъ быть, онъ теперь тоже учится въ гимнази. Можетъ быть, онъ читаетъ теперь Марго, одна запятая въ которомъ равняется пространству въ тысячу разъ больше всей Европы: иначе вѣдь онъ не могъ бы видѣть запятой. Онъ положилъ палецъ на страницу, и хочетъ перевернуть листокъ. Тогда нашъ мiръ начался. Прошло семь тысячъ лѣтъ, а для него это одна миллионная терцiя, такая маленькая часть времени, въ которую онъ не можетъ ничего сдѣлать. Пройдетъ двадцать тысячъ лѣтъ—это для него мгновенiе, онъ едва успѣваетъ перевернуть въ это время страницу. Тутъ будетъ у насъ свѣтопредставленiе, а онъ и не подумаетъ, что, перевернувъ страницу, разрушилъ столько городовъ и погубилъ столько людей. Послѣ онъ захочетъ отогнать муху, и покуда махнетъ рукой, для новыхъ людей (насъ уже тогда не будетъ) пройдутъ пятьдесятъ тысячелѣтiй. Во время ея взмаха, успѣетъ создаться новый мiръ, съ городами, съ гимназиями, съ церквами — и опять разрушится, когда онъ отгонитъ муху, и положить руку на книгу. Тутъ будутъ рассказывать про Адама, будутъ учить, также, какъ мы, географiи, а онъ отгонитъ муху, и ничего этого не будетъ. Покуда земля-великанъ приготовитъ урокъ, для жителей на его тѣлѣ, для насъ, пройдутъ нѣсколько миллионновъ тысячелѣтiй и будетъ нѣсколько свѣтопредставленiй — точно также, покуда я говорилъ, для маленькихъ людей, живущихъ, напримѣръ, на моемъ пальцѣ, прошли миллионы тысячелѣтiй. Они думаютъ, что живутъ тоже на землѣ, пахутъ пашни и роютъ колодцы на моемъ пальцѣ (я, конечно, не могу этого чувствовать, какъ не чувствуетъ земля), а я отгону муху, и колодцы засыплются и цѣлые города обрушатся. Для нихъ маленький прыщикъ—величайшая гора, также, какъ Везувiй—прыщикъ, незамѣтный для земли. Вотъ муха мнѣ сѣла на палецъ: это для нихъ кажется величайшей планетой, упавшей на землю, и разрушившей цѣлую страну, такую, какъ Россiя.

Я слушалъ, и не зналъ, что подумать. Я повернулся на бокъ и началъ смотрѣть на Овѣрина. Лицо его было спокойно, глаза горѣли увѣренно. Повидимому, онъ и не подозрѣвалъ, что высказываетъ не простые, понятныя и резонныя вещи, а сообщаетъ нѣчто удивительное.

— Вотъ вы все-таки выдержали экзамень, сказалъ я, когда Овѣринъ остановился.

— Что жь! Я рассказалъ имъ, какъ сказку! презрительно сказа-
лъ онъ.

— И теперь вы вовсе не будете учиться закону божію?

— Какъ вздумается, не знаю, невнимательно сказалъ онъ,
вставъ на ноги и обдернувъ свою курточку, изъ-подъ которой,
во время лежанья, уже успѣлъ вылѣзти порядочный клокъ бѣлой
рубашки.

— А другіе экзамены, вы какъ — также будете держать? на-
смѣшливо спросилъ я.

Овѣринъ уставился на меня, и смотрѣлъ какъ-будто наблю-
дающими глазами, очень похожими на глаза мудрой совы, но на
самомъ дѣлѣ едва-ли онъ видѣлъ меня. Мысль его, можетъ быть,
носила въ томъ громадномъ городѣ, гдѣ живетъ великанъ
Земля, и онъ плохо сознавалъ присутствіе окружающихъ пред-
метовъ. Я молчалъ и онъ молчалъ. Наконецъ, Овѣринъ повер-
нулся, и медленно, задумчиво пошелъ отъ меня, двигаясь точно
лунатикъ.

На другой день, когда я отыскалъ его, чтобы посмотрѣть, го-
товится ли онъ къ слѣдующимъ экзаменамъ, Овѣринъ лежалъ
между деревьевъ, и вслухъ спрягалъ какой-то глаголъ, отставивъ
отъ себя подалеже книгу и зажмуривъ глаза.

Слѣдующіе экзамены пролетѣли очень быстро; я перешелъ,
вмѣстѣ съ Малининымъ и Овѣринымъ, въ слѣдующій классъ, и
уѣхалъ одинъ на вакацію, въ деревню. Андрей оставался въ ла-
герѣ, и лѣто я провелъ довольно скучно, читая тетрашкѣ разныя
назидательныя повѣсти и играя съ Федосей въ дурачки.

Ив. Кущевскій.

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВЪ,

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИНЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

X.

Перемѣны.

Мы возвратились къ нашимъ занятіямъ. Опять начались классы, опять мы утромъ слушали замысловатые анекдоты Якова Степаныча и ругательства пьянаго Ивана Капитоныча, опять получали кокосы отъ Федора Митрича. Опять послѣ обѣда мы начали скучать, шатаясь изъ угла въ уголь, послѣ того какъ воспоминанія и рассказы о разныхъ происшествіяхъ, случившихся на вакаціи, всѣмъ изрядно надоѣли. Потекло наше время своей обычной чередой, очень мало разнообразясь приготовленіями къ годичному торжественному акту. Несчастному Малинину предназначено было прочесть на этомъ актѣ басню Крылова: „На барскій дворъ свинья когда-то затесалась“, и Адамъ Ильичъ рѣшительно не давалъ ему покоя.

Вообще Малининъ имѣлъ много причинъ проклинать годичный торжественный актъ. Яковъ Степанычъ, узнавъ какъ-то про его красивый почеркъ, явился однажды въ пансіонъ съ фунтомъ стеариновыхъ свѣчъ и объемистой диссертацией, подъ названіемъ „Анализъ и синтезъ“, которая начиналась словами: *litera docet, litera nocet*, и вмѣщала въ себѣ несмѣтныя тысячи латинскихъ и греческихъ цитатъ. Эти цитаты Малининъ, само собой разумѣется, безпрестанно перевиралъ, и ему приходилось переписывать каждый листъ по нѣскольку разъ, укрѣпляясь въ убѣжденіи, что *litera nocet*.

Хлопоты передъ публичнымъ актомъ еще болѣе увеличились, когда узнали, что на актѣ будетъ новый губернаторъ, приѣхавшій недавно на смѣну стараго. Адамъ Ильичъ навязывалъ всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ учить какую-то французскую оду Ж. Б. Руссо, но всѣ, вѣроятно, принимая во вниманіе горькую судьбу Малинина, отмаливались отъ оды руками и ногами. Чтеніе ея такъ и пришлось исключить изъ программы годичнаго торжества. Впрочемъ, отъ этого не было большой потери, такъ какъ разныхъ рѣчей и чтеній была приготовлена цѣлая туча.

Какъ всѣ торжества, актъ открылся музыкой, которая, впрочемъ, довольно нескладно проиграла тушь при приѣздѣ губернатора. Новый губернаторъ представлялъ большой контрастъ со старымъ губернаторомъ. Старый былъ высокъ ростомъ и ходилъ прямо, точно движущійся верстовой столбъ. Новый — былъ малъ ростомъ, поджаръ и ходилъ, наклонившись всѣмъ туловищемъ впередъ, будто готовясь нырнуть въ воду. Старый былъ сановитъ, строгъ и недоступенъ. Новый былъ очень вѣжливъ, и всѣмъ улыбался, помахивая на ходу лѣвой рукой, точно говорилъ: „ужь я знаю, что все хорошо“. Старый ходилъ тихими, ровными шагами, или, лучше сказать, „тихими, но вѣрными стопами“. Новый бѣгалъ какъ-то въ притруску и вообще былъ необыкновенно юрокъ, такъ что на первый взглядъ онъ значительно уступалъ своему предшественнику во всѣхъ отношеніяхъ, не говоря уже о томъ, что былъ, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ моложе его.

Когда всѣ члены педагогическаго совѣта — всѣ учителя, на этотъ разъ побритые, причесанные и, сверхъ обыкновенія, совершенно трезвые — усѣлись, подъ предсѣдательствомъ губернатора, за тотъ же красный столъ, передъ которымъ мы держали экзамень, директоръ вышелъ на кафедру, поставленную лицомъ къ столу, а спиной къ намъ, и началъ читать годичный отчетъ о результатѣ экзаменовъ. Столько-то и такіе-то переводились въ слѣдующій классъ; столько-то и такіе-то были оставлены, за слабостію успѣховъ, еще на годъ въ томъ же классѣ. Окончили курсъ столько-то, въ томъ числѣ Роговъ (онъ же Сеничка) и Чебоксаровъ, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса, какъ означено въ такой-то статьѣ. Директоръ поклонился, и сошелъ съ кафедры, на которую тотчасъ же вылѣзъ Яковъ Степанычъ со своимъ „анализомъ и синтезомъ“. Онъ долго кривлялся и махалъ руками, выкрикивая что-то, какъ кажется, ни для кого непонятное. Мы стояли во фронтѣ, и несмотря на строгій запретъ, кашляли и сморкались въ строю, выражая этимъ свою крайнюю скуку и неудовольствіе. Къ большой радости всѣхъ присутствующихъ

щихъ, Яковъ Степанычъ, наконецъ, въ послѣдній разъ махнулъ въ воздухъ своимъ „анализомъ и синтезомъ“, и сошелъ съ кафедръ, передъ которою робко вышелъ несчастный Малининъ. Онъ ужасно смутился, покраснѣлъ, и въ страшномъ припадкѣ кашля, какъ сорока, пролепеталъ свою басню. Послѣ этого, Иванъ Капитонычъ началъ читать свое сочиненіе о свойствахъ русскаго глагола. Не успѣлъ онъ доѣхать до половины этого почтеннаго труда, какъ губернаторъ началъ суетливо ежиться и торопиться, точно онъ забылъ дома платокъ. Иванъ Капитонычъ, поймавъ выразительный взглядъ директора, пробросилъ нѣсколько лучшихъ страницъ, и прочиталъ только конецъ, заявляющій, что русскій глаголь труднѣе всѣхъ другихъ глаголовъ поддается изученію иностранца. Отъ неподвижной вытяжки во фронтѣ, у насъ отекали ноги, и мы съ удовольствіемъ увидѣли, что губернаторъ, взявъ у директора какой-то листокъ, началъ вызывать учениковъ, удостоившихся похвальныхъ листовъ и другихъ наградъ. Мы пожаловали латинскій словарь Кронеберга, а Овѣринъ получилъ похвальный листъ, который его, кажется, очень смутилъ.

Когда кончился актъ, нашъ обѣдъ былъ уже готовъ, и мы въ стройномъ порядкѣ, церемоніальнымъ маршемъ, въ сопровожденіи всего синклита, отправились къ столу. Губернаторъ, улыбаясь, попробовалъ супъ, и махнулъ лѣвой рукой, точно говоря: „я зналъ, что супъ хорошъ“.

Опять потекли дни за днями своимъ обычнымъ чередомъ. Невритые учителя съ водочнымъ запахомъ, съ ругательствами и криками также нагоняли на насъ страхъ по утрамъ, опять мы скучали послѣ обѣда, опять жужжали вечеромъ, какъ шмели, приготовляя уроки къ завтрашнему дню. Перебранки другъ съ другомъ, систематическіе выговоры Адама Ильича, обыденные толки о томъ, что сегодня высѣкли такого-то, а вчера такого-то— все это пошло своимъ чередомъ. Правда, въ первыхъ числахъ случилось необычайное обстоятельство: директоръ не пошелъ съ отмытками, и такимъ образомъ единицы и двойки остались безъ привычнаго возмездія; но объ этомъ потолковали съ недѣлю, и забыли. Послѣ этого событія, пронесся смутный слухъ о томъ, что Иванъ Капитонычъ попалъ пьяный въ часть, и былъ представленъ полиціей съ разбитой рожей въ контору дирекціи, но и объ этомъ обстояествѣ также скоро забыли. Въ пансіонѣ было скучно, какъ и прежде. Разница была только та, что съ выходомъ Чебоксарова и Сенички, число старшихъ какъ будто значительно уменьшилось и они сдѣлались не такъ грозны и неприступны. Дерзкая мысль, что старшіе такіе же

смертные, какъ и мы, укрѣплялась въ насъ все болѣе и болѣе. Да и сами старшіе, потерявъ своихъ лучшихъ представителей, какъ будто, уже не такъ свято вѣрили въ непреложность своей деспотической власти надъ младшими, и съ меньшей самоувѣренностью раздавали намъ подзатыльники и пощечины.

Словомъ, мы незамѣтно дожили до чрезвычайнаго происшествія. Однажды, когда только что окончилась первая лекція и ученики со всѣхъ классовъ посыпали въ пустую залу, гдѣ стоялъ еще столъ, покрытый запыленнымъ краснымъ сукномъ, и кафедра—туда вошелъ тихими задумчивыми шагами директоръ.

— Дѣти, сказалъ онъ: — я долженъ проститься съ вами: я уѣзжаю.

Онъ остановился, чтобъ перевести духъ, а можетъ быть и въ ожиданіи шумныхъ выраженій нашего сожалѣнія. Но мы молчали и ждали, что будетъ дальше.

— У васъ будетъ новый директоръ, сказалъ онъ, махнувъ синимъ картузомъ съ кокардой. — А до тѣхъ поръ, пока онъ пріѣдетъ, мою должность будетъ исправлять Семень Васильевичъ.

Послѣ этого директоръ повернулъ отъ насъ свое брюхо (онъ повертывался залпомъ, какъ флюгеръ), и исчезъ въ дверяхъ.

По поводу отставки директора начался оживленные толки, при чемъ высказывались различныя, болѣе или менѣе вѣроятныя причины его увольненія. Сколковъ думалъ, что директоръ проигралъ и пропилъ казенныя деньги, а Овѣринъ какъ-то сказалъ мнѣ, что директору давно слѣдовало уволиться, такъ-какъ жирный человѣкъ не можетъ хорошо выполнять никакой должности, будучи исключительно занятъ разными мыслями о пьянствѣ и обжорствѣ. Новый директоръ, назначенный изъ учителей какого-то дѣвичьяго института и написавшій даже какой-то учебникъ для благородныхъ дѣвицъ—тоже не былъ оставленъ безъ вниманія. Впрочемъ, всѣ предположенія относительно его пороковъ и добродѣтелей были рѣшительно голословны, и тотъ, кто сегодня былъ убѣжденъ, что учителя благородныхъ дѣвицъ вообще имѣютъ кроткій характеръ, завтра безъ всякаго затрудненія приходилъ къ мысли, что, не имѣвъ возможности сѣчь дѣвицъ, и теперь дорвавшись до розогъ, онъ поспѣшитъ наверстать долгій постъ, и такимъ образомъ будетъ пороть на пропалую.

Вскорѣ послѣ отъѣзда директора, Ѳедоръ Митричъ явился въ классъ въ особенно мрачномъ расположеніи духа. Онъ тяжело опустился на стулъ, подперъ голову руками, и надолго воцарилось грозное молчаніе. Наконецъ, онъ какъ бы очнулся, и подошелъ къ партамъ.

— Негоревъ, сказалъ онъ тихимъ, брюзгливымъ тономъ, какимъ говорятъ только что проснувшись послѣ сильнаго похмѣлья. Я всталъ на ноги.

— Что у васъ сегодня? спросилъ онъ тѣмъ же тономъ. Видно было, что онъ хотѣлъ ко мнѣ придратъся. — Отвѣчай.

Я прочиталъ ему урокъ. Онъ слушалъ молча, повременамъ иронически кивалъ головой. Когда я кончилъ, онъ заставилъ меня чертить на доскѣ карту той страны, про которую я только что рассказывалъ. У насъ никогда не чертили карты, и потому, естественно, я началъ чертить что-то совсѣмъ неподходящее. Федоръ Митричъ торжествовалъ.

— Да! Да! говорилъ онъ съ злобной ироніей. Отличный ученикъ! Да и зачѣмъ теперь учиться! вовсе не надо учиться! — Изъ-за чего учиться? Умные люди выдумали, что конфетами надо прохочивать къ ученю. Такъ и будемъ знать, будемъ конфеты носить! Чортъ бы васъ побралъ, болваны! вдругъ съ яростью закричалъ Федоръ Митричъ, какъ будто мы дѣйствительно забылись до дерзкаго требованія конфетъ. — Хороши вы будете! Будете свиной пасти! Поди-ко сюда!

Я робко подошелъ.

— Ты конфетъ хочешь! конфетъ хочешь! конфетъ хочешь! закричалъ онъ, сопровождая каждое свое восклицаніе ударомъ кулака въ мою невинную голову. Но такъ-какъ я закричалъ, онъ прекратилъ свое упражненіе, яростно крикнувъ мнѣ: "брысь на мѣсто!" — и повелъ уже рѣчь къ цѣлому классу.

— Я буду васъ учить конфетами — кокосами, ананасами! Вы у меня узнаете конфеты!

Федоръ Митричъ продолжалъ кричать громче и громче. На губы у него выплыла бѣлая слюна, какъ у всѣхъ раздраженныхъ паралитиковъ, идѣлала его похожимъ на бѣшеную собаку, лающую съ пѣной у рта.

— Ахъ вы щенки! дворяне! Конфетами ихъ учи!

Долго еще кричалъ онъ на эту тему. Наконецъ, въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на стулъ, и замеръ; слышно было только тяжелое дыханіе, да по робкому движенію губъ можно было замѣтить, что онъ еще не совсѣмъ успокоился, и, можетъ быть, собирается только съ силами, чтобы поднять еще сильнѣйшую бурю. Но звоногъ помѣшалъ ему.

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Капитонычъ устроилъ тоже сцену, очень похожую на эту. Онъ, по обыкновенію, явился вполъняна, сѣлъ на стулъ, и крикнулъ:

— Ну, читай какой-нибудь дубина!

— Я — дубина, Иванъ Капитонычъ, позвольте читать, крикнулъ Сколковъ.

Иванъ Капитонычъ взглянулъ на него, и почему-то вдругъ оскорбился.

— Кто это? закричалъ онъ, — А, это ты! Иди-ка сюда, господинъ дубина.

Сколковъ вышелъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, для чего ты, дубина, живешь? началъ Иванъ Капитонычъ: — что изъ тебя выйдетъ? Еслибъ ты былъ дѣйствительно хоть небольшой дубовой палкой, изъ тебя можно было бы сдѣлать трость, а теперь куда ты годишься? Бить тебя, и то ничего не подѣлаешь. Не бить? Да какъ не бить? Вѣдь ты въ каторгу пойдешь, разбойникъ, если тебя не бить. Вотъ ты — дворянинъ, ничему ты не учишься, вѣсть будетъ нечего, пойдешь воровать, и всѣ этакъ пойдете, и сдѣлается вѣдь у насъ, наконецъ, цѣлое царство воровъ, такъ что и воровать не у кого будетъ. Не бей васъ! Дворяне! Потому-то и бить нужно, что дворяне. Неграмотный мужикъ пойдетъ землю копать, а ты не пойдешь: ты воровать только пойдешь.

Слушая такія рѣчи, мы не совсѣмъ понимали, въ чемъ дѣло, покуда бодливый Яковъ Степанычъ не открылъ намъ, что губернаторъ просилъ инспектора не забывать, что его попеченіямъ ввѣрены дѣти дворянъ, сѣчь которыхъ не совсѣмъ прилично.

— Мудрятъ-мудрятъ, сказали Яковъ Степанычъ: — посмотримъ, что будетъ.

Извѣстіе объ отмѣнѣ розогъ всѣхъ очень смутило. Въ самомъ дѣлѣ, что-то будетъ? Какъ-то не вѣрилось даже, что начальство рѣшится на такую смѣлую реформу, какъ уничтоженіе розги, и въ голову лѣзли разныя нелѣпныя предположенія относительно того, что мы будемъ дѣлать въ отсутствіи спасительнаго регулятора. Во всѣхъ трепетала неясная мысль, что должно произойти что-то чрезвычайно необыкновенное, что-нибудь въ родѣ громаднаго скандала. Нѣтъ больше розогъ, нѣтъ больше преграды, и бурный потокъ хлынетъ, и потопитъ все. Но ничего не хлынуло, ничто не было потоплено и разрушено. Мы попрежнему аккуратно готовили свои уроки, находились въ совершенномъ повиновеніи у Адама Ильича и инспектора, и не думали бить стеколъ.

Толкуя между собой, мы высказывали разныя предположенія относительно того, чѣмъ замѣнять розгу, и какъ теперь будутъ карать лѣность, строптивость, дурную чистку сапоговъ, злоупотребленія мѣломъ съ цѣлью написанія на спинѣ Адама Ильича разныхъ неподобающихъ словъ, и другія преступленія и пороки. Малининъ, принадлежавшій тоже нѣкоторымъ образомъ къ „мир-

нимъ вонителямъ, правды блюстителямъ“, такъ-какъ на его обязанности лежало записывать на черную доску лѣннихъ, и на красную прилежныхъ, высказаль предположеніе, что теперь главной мѣрой наказанія будетъ внесеніе на черную доску, и каждый, попавшій на нее три раза, будетъ исключенъ изъ гимназіи навсегда. Сколковъ никакъ не могъ повѣрить, что такая важная сторона его существованія, какъ порка, можетъ исчезнуть невозвратно.

— Это пустяки, говорилъ онъ. — Посмотрять-посмотрять, да опять драть начнутъ.

А время все шло, и мы скоро перестали удивляться, что насъ не водятъ въ сторожку, и не заставляютъ кричать подъ розгами.

Однажды случилась такая невѣроятная вещь, что Иванъ Капитонычъ явился на урокъ въ достаточно трезвомъ состояніи, и вздумаль сдѣлать диктовку. Въ то время, какъ онъ громкимъ баритономъ застучаль отдѣльные слоги какой-то рѣчи о Финляндіи, „прекрасной въ своей дикости“, въ классъ совершенно неслышно вскочилъ губернаторъ, точно онъ къ самымъ дверямъ приплыль на лодкѣ, и только у порога выскочилъ на твердую землю. На немъ была сѣрая солдатская шинель, въ рукахъ онъ держаль фуражку съ краснымъ околышемъ. Мы опѣшили, и какъ-то растерянно, одинъ по одному поднялись съ мѣстъ, а не всеъ вдругъ, какъ бы слѣдовало. Иванъ Капитонычъ потеряль еще больше нашего. Книга изъ рукъ его выскользнула на полъ, и я ясно замѣтилъ, что онъ дрожалъ всемъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы еще здѣсь? рѣзко крикнуль губернаторъ, махнувъ намъ рукой, чтобы мы сѣли.

— Здѣсь, ваше превосходительство, едва въ силахъ былъ отвѣтить Иванъ Капитонычъ: такъ дрожалъ онъ весь, и такъ дрожаль его голосъ.

— Вамъ давно сказано, чтобы вы подавали въ отставку. Я съ вами распоряжусь иначе.

Губернаторъ повернулся, и побѣжалъ изъ класса.

— Ваше превосходительство!! съ умоляющимъ трепетомъ дрожаль голосъ Ивана Капитоныча.

И онъ бросилъ вслѣдъ за губернаторомъ.

Послѣ этого я уже никогда не видаль Ивана Капитоныча; другіе встрѣчали его на улицахъ, около кабаковъ, безчувственно пьянаго, оборваннаго, съ разбитымъ лицомъ. Такъ и погибъ онъ гдѣ-нибудь смертью всехъ русскихъ геніевъ: или отъ побоевъ на порогѣ кабака, или въ больницѣ отъ бѣлой горячки.

Когда ушелъ губернаторъ, мы узнали, что черезъ недѣлю бу-

детъ экзаменъ тѣмъ изъ великовозрастныхъ мудрецовъ, которые, въ пристальномъ изученіи четырехъ правилъ ариметики, оставались въ одномъ классѣ болѣе двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого распоряженія, большинство пансіонскихъ старшихъ закопошилось; всѣ начали толковать объ экзаменахъ и предстоящемъ затѣмъ исключеніи изъ гимназій.

— Мелочь-то, мелочь-то какая останется! Клопы одни, съ сокрушеніемъ говорилъ одинъ старшій другому.

— Да. А прежде бывало: Никитинъ, Казанцевъ, Бурдинъ! У самого полиціймейстера лошадей угоняли! Все равно, что студенты!

— Мелочь останется, — ужъ такой свободы не дадутъ, какъ прежде.

Такия лебединыя пѣсни можно было слышать во всѣхъ углахъ. Почти всѣ были недовольны новыми порядками. Изъ третьегониковъ никто и не думалъ готовиться къ экзамену: они примирились съ своей долей, и думали только о близкомъ возвращеніи въ родительскіе дома. Они ходили подвое по корридору, и сладко разсуждали:

— Знаешь, что я думаю?—я попрошу у отца денегъ, и буду торговать рыбой. У насъ рыба очень дешева: я буду скупать и привозить сюда. Заведу свою барбу—отлично будетъ! Устрою себѣ тамъ каюту этакую небольшую, оклею ее обоями, поставлю кресла, диванъ. Вѣдь это недорого будетъ стоить.

— Да, размышляя, отвѣчаетъ другой:—и сдѣлать ее темную, чтобы лампочка такая матовая тамъ горѣла, или свѣча за абажуромъ.

— И дѣвчонку туда, робимъ шопотомъ прибавляетъ первый, потирая руки отъ восторга.

Наконецъ насталъ день экзамена, собрался педагогическій совѣтъ, и пріѣхалъ губернаторъ. Комедія началась съ шестаго класса. Одинъ изъ двадцатилѣтнихъ юношей заявлялъ, что семью восемь будетъ семьдесятъ-восемь, другой читалъ пофранцузски: „юнь жонъ, генонъ, ки луи“, четвертый объявлялъ Лиссабонъ главнымъ городомъ Пиринейскаго полуострова; и, на вопросъ губернатора, какаѣ тамъ губернія, смѣло отвѣчалъ: „Лиссабонская“ и проч. и проч.

Кончилось тѣмъ, что всѣхъ экзаменованныхъ рѣшили исключить изъ гимназій.

— Прощайте, господа! съ натянутой веселостью и радостью говорили старшіе; они возвращались въ пансіонъ бѣгомъ, махая книгами и стараясь шумѣть какъ можно больше, но по всему было замѣтно, что они смущены.

— Теперь мы вольные казаки! съ большей неловкостью кричали они во все горло.

На другой день „вольные казаки“ не пошли въ классы, а остались въ пансіонѣ, но едва-ли они были счастливы. Это, впрочемъ, и понятно: казакамъ приходилось слѣзть съ теплой печи, сѣдлатъ на морозѣ коней, и ѣхать въ неизвѣстный походъ, по глубокимъ сугробамъ, подъ буранами и мятелицами. Многіе, повидимому, были созданы для гимназій: они, казалось, въ ней родились и выросли, не подозревая, что можно жить, не просыпаясь по звонку, обѣдать, не приходя за столъ фронтомъ, уходить изъ дома, не спросясь у надзирателя и проч. и проч. Многіе не знали, или не имѣли вовсе родныхъ, и если ходили въ отпускъ, то ходили къ родственникамъ и знакомымъ своихъ товарищей. Почти все они, съ наивнымъ спокойствіемъ, предполагали и теперь отправиться въ свой длинный отпускъ къ тѣмъ же людямъ, которые терпѣли ихъ по воскресеньямъ только ради своихъ сыновей. Одинъ по одному, по два и по три лѣтливо уходили исключенные изъ пансіона. Старшая спальня пустѣла и пустѣла. Остался наконецъ только одинъ исключенный. Ему было некуда идти, не было даже какого-нибудь рубища, чтобы надѣть его и сдать казенное платье. Это былъ очень добродушный малый—Савельевъ, или просто Савушка, котораго любили даже младшіе, такъ-какъ онъ не гордился своимъ старшинствомъ и не пользовался никогда своими правами и привилегіями.

— Куда ты пойдешь, Савушка? спрашивали его воспитанники.

— А чортъ его знаетъ. Пойду куда глаза глядятъ. Пойду въ лѣсъ, сострою избушку на курьихъ ножкахъ, да и буду жить.

Начальство, чтобы избавиться наконецъ отъ Савушки, великодушно согласилось выпустить его на скользкій жизненный путь въ казенной курточкѣ и штанахъ. Савушка просилъ-было шинель, но ему объяснили, что исключеннымъ давать отъ казны ничего не полагается, вручили бумаги, и пригласили отправиться куда угодно. Савушка уходилъ въ одной курточкѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ бумаги, составлявшія все его имущество, а правой прощался съ нами.

— Прощайте, братцы; прощай, Оеда, совался онъ изъ стороны въ сторону съ натянутой веселостью. — Можетъ, больше не увидимся.

Онъ жаль чью-то руку, крѣпко жаль и крѣпко кусаль себя губы, но слезы все-таки потекли. Савушка хотѣлъ-было поскорѣй задать стрелача, но его остановилъ за плечо нѣкто Грачевъ, ученикъ изъ пятаго класса.

— Какже онъ такъ пойдетъ, господа? Дадимъ ему что-нибудь. Вотъ у меня есть партикулярное пальто...

— Полноте, полноте, господа! что вы? съ чего это? отпирался обѣими руками Савушка.

Мы были очень рады предложенію Грачева. Всѣ жалѣли Савушку и хотѣли помочь ему, но не знали какъ это сдѣлать. Мы тотчасъ же бросились въ спальню, и вытащили изъ шкафиковъ свои богатства.

— Вотъ, братцы, кisetъ. Валите въ мой кisetъ, говорилъ одинъ изъ старшихъ, вытряхивая на платокъ махорку изъ своего кисета.

— Полноте, полноте, говорилъ Савушка, котораго держали нѣсколько человекъ, чтобы онъ не улизулъ какъ-нибудь.

— Ты, Савушка, вотъ надѣнь пальто, а потомъ шапку.

— Пойди, давай мѣняться сапогами. У меня новые казенные сапоги.

— Вотъ тебѣ шапка.

Всѣ хлопотали вокругъ Савушки. Энтузіазмъ дошелъ до того, что Овѣринъ изъ всѣхъ силъ навязывалъ ему свою казенную шинель, увѣряя, что его самого исключать за растрату казенныхъ вещей, и тогда онъ пойдетъ вмѣстѣ съ Савушкой копать артезианскіе колодцы, вообще мало извѣстные въ Россіи, но хорошо знакомые ему по описанію, прочтенному въ „Наукахъ и художествахъ“ *Библиотеки для чтенія*.

Наконецъ хлопоты съ Савушкой были конченны: деньги были собраны, вещи завязаны въ узелъ, и самъ онъ одѣтъ. Начали прощаться; всѣ по нѣскольку разъ проталкивались къ нему, и жали ему руку.

— Прощай! заходи. Зайдешь когда-нибудь? слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Зайду! Полноте, господа, благодарю,— что вы? говорилъ Савушка.

— Гдѣ же ты, Савушка, будешь ночевать? спросилъ кто-то.

Этотъ прозаическій вопросъ очень охладилъ наше восторженное состояніе.

— Тебѣ, Савушка, надо нанять квартиру, сказалъ кто-то.

Я вдругъ вспомнилъ почему-то бѣдную квартиру Новицкаго и Бенедиктова, и мнѣ показалось, что болѣе приличное помѣщеніе для Савушки пріискать очень трудно. Я остановилъ Савушку, готоваго въ девяносто-девятый разъ выйти въ дверь, и сказалъ Грачеву, что знаю въ Жидовской слободкѣ очень добрыхъ семинаристовъ, могущихъ пріютить, по крайней мѣрѣ на одну ночь, предметъ нашихъ заботъ и попеченій.

— Семинаристы? тупо переспросилъ Савушка, очевидно, въ попыткахъ непонимавшій ровно ничего.

Я съ горячностью объяснилъ, до какой степени хороши и великодушны тѣ семинаристы, о которыхъ я говорю, и всё потребовали, чтобы я сообщилъ Савушкѣ адресъ моихъ знакомыхъ. Кто-то замѣтилъ-было, что семинаристы ужасные мерзавцы и что вообще не слѣдуетъ якшаться съ этими долгогривыми чертями, но меня все-таки потащили въ столовую, и, подъ диктовку двадцати человѣкъ, я написалъ къ Новицкому нѣсколько словъ объ удивительныхъ качествахъ подателя письма.

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ прощаній, рукопожатій и всякихъ напутствованій, Савушка убѣжалъ бѣгомъ изъ пансіона.

Къ воскресенью общій энтузіазмъ къ Савушкѣ значительно простылъ, и только мы съ Овѣринымъ значились въ отпускномъ журналѣ уволенными къ господину Савельеву. Овѣринъ недавно пришелъ къ убѣжденію, что русскіе сдѣлаютъ самое лучшее, если поступятъ всё до одного въ солдаты, и всю дорогу толковалъ о необходимости завоевать Европу, Азію, Африку, Америку и Австралію. Терпѣливо слушая его бредни, мы незамѣтно дошли до Жидовской слободки. Сверхъ всякаго ожиданія, мы застали у нашихъ пріятелей Андрея. Онъ въ восторгѣ тресъ Савушку за плечи, и очень весело смѣялся надъ смущеніемъ своего новаго знакомаго, который покраснѣлъ отъ стыда и смотрѣлъ изподлобья порядочнымъ быкомъ.

XI.

На военномъ положеніи.

Время проходило; новый директоръ не пріѣзжалъ; носились слухи, что онъ заболѣлъ и пріѣдетъ не скоро. Федоръ Митричъ, вѣроятно почуявъ, что и ему не сдобровать, зашилъ и пересталъ ходить въ гимназію. Учитель арифметики умеръ отъ удара. Мы остались почти безъ учителей; преподаваніе шло крайне плохо. Было переходное время: все дѣлалось кое-какъ, въ ожиданіи новаго порядка; всё говорили себѣ: вотъ пріѣдетъ директоръ, тогда... Между тѣмъ приблизились экзамены, но они были исполнены, какъ пустая формальность. Братъ въ этомъ году, какъ и въ прошломъ, остался въ лагеряхъ, и я уѣхалъ на вакацію одинъ съ Савушкой, котораго Андрей втиралъ отцу въ управляющіе, посылая еженедѣльно письма съ самыми восторженными похвалами талантамъ и добродѣтелямъ своего протеже. Въ теченіе лѣта Савушка

бродилъ по полямъ и уходилъ въ лѣса, стараясь избѣгать обѣдъ вмѣстѣ съ нами, такъ-какъ онъ не совѣмъ ловко владелъ ножомъ и вилкой, а потому очень боялся навлечь на себя насмѣшки Лизы, или строгія замѣчанія тетюшки. Когда я, уѣзжая съ вакаціи, спросилъ отца, поѣдетъ ли со мною Савушка, отецъ замѣтилъ, что ему одинаково нечего дѣлать и въ городѣ и въ деревнѣ, а потому пусть уже лучше останется здѣсь. Я воротился въ городъ одинъ. Тамъ ждало меня много новостей. Старикъ Шрамъ умеръ безъ меня, а жантильный Альбинъ Игнатьичъ исчезъ неизвѣстно куда; у Володи былъ новый гувернеръ—красивый мужчина, высокаго роста, съ обширнымъ лбомъ и небольшою лысиной. Онъ плавнымъ голосомъ говорилъ какія-то безконечныя рѣчи о долгѣ, алтарѣ, святости и вѣрности призванія, прочитывая повременамъ цѣлыя стихотворенія, въ родѣ: „По чувствамъ брата мы съ тобой“ или, „Я видѣлъ рабскую Россію“. Онъ мнѣ казался недосыгаемо великимъ, и я, ничего не понимая, просиживалъ по цѣлымъ часамъ, вслушиваясь въ журчаніе его рѣчи, катившейся правильными темпами струя за струей.

Директоръ все еще не пріѣзжалъ. Начались опять классы; опять безотрадная скука въ свободное время. Въ пансіонѣ, правда, поступили новички, при помощи которыхъ можно бы было устроить какую нибудь игру, но амбіція не позволяла намъ снисходить до знакомства съ ребятишками. Оставалось одно — слоняться по прежнему, ничего не дѣлая, изъ угла въ уголъ. Изъ всего пансіона только два счастливца нашли себѣ приличныя занятія и не скучали отъ праздности. Малининъ сшилъ изъ лучшей голландской бумаги нѣсколько красивыхъ тетрадей, и лучшимъ почеркомъ переписывалъ туда „Подробную Исторію Устрялова“—рѣдкость, имѣвшуюся въ пансіонѣ всего въ одномъ экземплярѣ. Овѣринъ, получившій отъ своей тетки десять рублей, истратилъ всю эту посылку на погунку военныхъ сочиненій и географій. Онъ перечерчивалъ изъ книгъ Михайловскаго-Данилевскаго планы разныхъ мѣстностей, разставлялъ въ нихъ войска по собственному усмотрѣнію и одерживалъ по нѣскольку блистательныхъ побѣдъ, въ одинъ день надъ турками и французами. Онъ очень возставалъ противъ мира, заключеннаго нѣсколько мѣсяцевъ назадъ съ союзными державами, доказывая, что военныя дѣйствія слѣдовало только перенести изъ Севастополя во внутренность Крыма, и тогда непріятель несомнѣнно погибъ бы своей смертью, подобно тому, какъ погибла великая армія Наполеона въ двѣнадцатомъ году.

Скоро, впрочемъ, и всѣ мы нашли себѣ дѣло, или, правиль-

нѣе, его очень обязательно позаботился найти для насъ мой старшій пріятель, Сколковъ. Онъ былъ теперь первымъ силачомъ въ пансіонѣ, съ нимъ не смѣлъ никто тягаться, и онъ приобрѣлъ надъ всѣми почти деспотическую власть. У него была бабушка, которой пришла въ голову нелѣпая и несчастная мысль вознаграждать двадцатилѣтняго внука, за успѣшный переходъ изъ третьяго класса въ четвертый, деревянной саблей, съ хорошо обдѣланными кожаными ножнами. Возвратившись съ этой наградой въ пансіонъ, Сколковъ задумалъ устроить игру въ солдатки, и сдѣлать изъ пансіона нѣкоторое подобіе полка, само собой разумѣется, заранѣе назначая себя главнымъ начальникомъ этого военного отряда. Всѣ съ удовольствіемъ согласились на предложеніе Сколкова, и принялись за устройство деревянныхъ ружей и сабель. Несмотря на то, что я не терпѣлъ маршировки, танцевъ и вообще какихъ бы то ни было упражненій, требующихъ силы и ловкости, скука заставила меня согласиться, и я, за небольшое денежное пожертвованіе на вооруженіе и украшеніе войска, получилъ отъ Сколкова чинъ офицера. Овѣринъ, за свое неусыпное рвеніе при вербовкѣ войска, былъ назначенъ ротнымъ командиромъ, въ чинѣ майора. Малинина Сколковъ сдѣлалъ войсковымъ писаремъ, приказавъ изготовить въ наискорѣйшемъ времени формулярные списки всѣхъ военныхъ чиновъ. Весь пансіонъ былъ за работой: клеили, строгали, рѣзали, рубили, плели. Одинъ раскрашивалъ для Сколкова висячіе генеральскіе эполеты, сплетенные изъ газетной бумаги; другой выбивалъ изъ свинцовыхъ пломбъ медали, кресты и другіе знаки отличія.

Наконецъ, всѣ приготовленія были окончены: формулярные списки написаны, ордена и медали выбиты, оружіе и военныя регаліи готовы. Сколковъ велѣлъ барабанщику бить сборъ въ желѣзное ведро, исполнявшее должность барабана.

— Стройся! скомандовалъ Сколковъ, украшенный бумажными эполетами, лентами и крестами.

Мы построились какъ умѣли. Всѣ держали въ рукахъ обстроганныя деревянныя палки. Овѣринъ выравнивалъ своей деревянной саблей ряды, сохраняя такой серьезный видъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ майоромъ. Сколковъ прошелся по фронту, покручивая воображаемые усы и обвода, какъ онъ вѣроятно думалъ, проницательнымъ взглядомъ свое подначальное войско.

— Здравствуйте, ребята!

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство! крикнули мы въ отвѣтъ.

— Господинъ поручикъ Негоревъ.

Я вышелъ.

— Отберите себѣ десять рядовыхъ, унтеръ-офицера и ефрейтора. Вы займете постъ на главной гауптвахтѣ... у бани, тихо прибавилъ Сколковъ.

Я отправился къ мѣсту назначенія.

Поставивъ еще карауль подъ начальствомъ поручика Дерябина у менѣе главной гауптвахты, у подвала, Сколковъ велѣлъ Овѣрину дѣлать ученье. Овѣринъ, обыкновенно вялый и сонный, тутъ оживился до невѣроятности. Онъ бѣгалъ, кричалъ, ругался, вездѣ поправлялъ ошибки, показывалъ, какъ нужно дѣлать ружейные приемы и маршировать. Ученье длилось довольно долго. Большая часть моихъ солдатъ, соскучившись караулить баню, разошлась въ разныя стороны. Остались барабанщикъ съ часовымъ, да и тѣ, сидя на приступицѣ, о чемъ-то переругивались, въ преступной забывчивости относительно важности своего поста на главной гауптвахтѣ.

— Оставь. Ей-богу, по мордѣ тресну, клялся барабанщикъ.

— Тронь; попробуй, храбро приглашалъ часовой.

— Чтѣ это такое? крикнулъ Сколковъ, возвращавшійся съ ученья и вѣроятно ожидавшій генеральскихъ почестей на главной гауптвахтѣ. — Господинъ поручикъ, чтѣ это у васъ такое?

Нѣсколько генеральскихъ шинковъ и пощечинъ успокоили дерущихся, и они, со слезами на глазахъ, вытянулись во фронтъ.

— Весь карауль обратился въ бѣгство, а вы спите! кричалъ на меня Сколковъ. — Извольте отправляться подъ арестъ. Только на первый разъ не предаю васъ суду... Барабанщикъ, бей сборъ.

Плачущій барабанщикъ забилъ сборъ, и отрядъ, подъ предводительствомъ Овѣрина, который сохранялъ самый серьезный видъ, предсталъ, въ стройномъ порядкѣ, предъ генеральскія очи. Поручику Багрову приказано было смѣнить меня, майору Грачеву съ десятью рядовыми отыскать бѣглецовъ, а майору Овѣрину отправить меня на гауптвахту (въ подвалъ) и держать тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ, впредь до приказанія.

Сырой и холодный подвалъ проходилъ подъ всѣми комнатами гимназіи. Овѣринъ, отобравъ мою деревянную саблю, распорядился отвести меня въ самую дальнюю, глухую и совершенно темную коморку. Отъ сырости едва можно было дышать; подъ ногами вязла какая-то липкая грязь.

— Я не пойду туда, серьезно объявилъ я Овѣрину.

— Введите его, сказалъ Овѣринъ тѣмъ хладнокровнымъ то-

номъ, какимъ докторъ приказываетъ завязать въ горячечную рубаху ругающагося и бѣснущагося сумасшедшаго.

— Послушайте! Наконецъ, здѣсь страшно! отчаянно вскричалъ я.

— Для солдата ничего не должно быть страшно, утѣшилъ меня Овѣринъ, и, несмотря на мои сопротивленія, я былъ втолкнуть въ казематъ.

Подъ ногами липла вязкая грязь; кругомъ было черно, какъ въ чернильницѣ. Въ себя отъ досады и злости, я началъ бороться съ двумя мальчиками, поставленными на часахъ Овѣринимъ, но они, по его приказанію, били меня по рукамъ своими палками, и я принужденъ былъ отступить отъ входа.

— Я не буду больше играть. Это ужъ не игра, крикнулъ я вслѣдъ Овѣрину, но не получилъ никакого отвѣта. Я готовъ былъ лопнуть отъ злости, пока, прислонившись къ стѣнѣ, дожидаясь, скоро ли меня освободятъ.

Майоръ Грачевъ безъ труда переловилъ мой бѣглый караулъ, и я долженъ былъ засвидѣтельствовать—кто изъ солдатъ прежде другихъ рѣшился на преступленіе побѣга съ часовъ.

— Вы свободны, господинъ поручикъ, встрѣтилъ меня Сколковъ. — Вашъ караулъ пойманъ.

— Я назначаю надъ бѣглыми военный судъ, сказала Сколковъ. — Майоръ Овѣринъ будетъ предсѣдателемъ суда, а вы— Грачевъ, Негоревъ, Дерябинъ и Багровъ — членами, Малининъ дѣлопроизводителемъ. Судите строже. На первый разъ не слѣдуетъ давать потачки.

— Слушаю-съ, почтительно отвѣтилъ Овѣринъ. Онъ съ важностью сдѣлалъ генералу фронтъ, и побѣжавъ въ столовую, оттуда немедленно принесъ „военно-энциклопедическій лексиконъ“, два тома котораго онъ недавно купилъ цѣною тридцати утреннихъ булокъ, лишившись такимъ образомъ этихъ послѣднихъ на цѣлый мѣсяць. Положивъ передъ собой „военно-энциклопедическій лексиконъ“, Овѣринъ чинно открылъ засѣданіе суда. Обвиняемыхъ выводили по одному.

— Ты бѣжалъ? серьезно спрашивалъ Овѣринъ, какъ настоящій предсѣдатель военно-уголовнаго суда.

— Бѣжалъ, улыбаясь отвѣчалъ подсудимый.

— Кто тебя подговаривалъ?

— Никто.

— Напиши.

Подсудимый расписывался на особомъ листочкѣ, приготовленномъ Малининимъ съ заголовкомъ: „показаніе унтеръ-офицера Плотникова“ или — „показаніе рядоваго Петра Оадѣва“.

— Ихъ нужно строго наказать, сказала Овѣринь. — Господинъ дѣлопроизводитель, пишите въ приговорѣ: „Плотникову двѣ тысячи сквозь строй“. Десять человекъ... двадцать тысячъ, считалъ Овѣринь: — не лучше ли, для сокращенія, одинъ ударъ жгутомъ за сто ударовъ шпицрутенами? спросилъ онъ.

Мы молчали.

— Сей часъ же и будемъ наказывать, весело объявилъ Сколковъ, и велѣлъ бить сборъ.

Когда выстроилось войско, вывели арестантовъ. Они были очень веселы и довольны своей ролью. Малининъ прочиталъ приговоръ унтеръ-офицеру Плотникову, тотъ съ величайшей готовностью протянулъ руки, которыя крѣпко на крѣпко привязали платками къ концу палки.

— Крѣпко ли свиты жгуты? спросилъ Сколковъ, и началъ осматривать жгуты. Жгуты оказались въ достаточной степени жесткими.

Плотникова повели за палку; удары посыпались, и онъ съ первыхъ же шаговъ съезжился и пересталъ улыбаться.

— Тише, господа! Что вы! вѣдь больно! протестовалъ онъ.

— Крѣпче, крѣпче! подзадоривалъ Сколковъ.

— Ой, ой, ой! заоралъ Плотниковъ, и началъ приплясывать, сясь оторвать руки отъ палки, но онъ были привязаны крѣпко, и онъ волей-неволей долженъ былъ двигаться впередъ, подъ ударами жгутовъ.

— Я не буду больше играть! съ гнѣвомъ вскричалъ Плотниковъ, когда экзекуція окончилась, и его отвязали отъ палки. Послѣ этого, онъ счелъ уже дѣло конченнымъ, и пошелъ-было прочь, но Сколковъ ударилъ его по щецѣ съ такой силой, что несчастный свалился на землю.

— Ты не будешь больше? Не будешь? яростно кричалъ генералъ, надѣлая унтеръ-офицера крѣпкими пинками и въ бока, и въ спину, и въ плечи.

— Оооо! буду... буду! закричалъ Плотниковъ.

Послѣ этой сцены, преступники перестали улыбаться, и со страхомъ дожидались своей очереди. Ефрейторъ Гуляевъ и восемь рядовыхъ были наказаны не легче Плотникова, и многіе изъ нихъ послѣ, вечеромъ, показывали другъ другу на спинѣ довольно изрядные синяки, предостерегающіе на будущій разъ караулить баню съ большей внимательностью.

Овѣринь, повидимому, поклялся заморить насъ на ученьяхъ, и мы, обливаясь потомъ, маршировали по два и по три часа сряду. Наконецъ ему пришла въ голову счастливая мысль начать обученіе сапернымъ работамъ и приступить къ устройству крѣ-

пости. Но въ это время въ войскѣ открылся страшный ропотъ; пошли беспорядки, и Овѣринъ потерялъ всякую возможность заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ засѣданія въ военно-уголовномъ судѣ, и постановленія приговоровъ.

Въ промежутокъ времени между выходомъ изъ-за обѣда и началомъ вечернихъ занятій мы были заняты только нещаднымъ битьемъ другъ друга жгутами. Сколковъ изъ генерала всецѣло превратился въ палача, и исполнялъ приговоры Овѣрина съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ, какого нельзя купить ни за какія деньги. Овѣринъ былъ безпощаденъ, настойчивъ и неумолимъ, какъ умалишенный, забившій себѣ въ голову, что онъ майоръ и предсѣдатель военно-уголовнаго суда. Глубоко вѣря въ свой штабъ-офицерскій чинъ, онъ исполнялъ свои обязанности съ спокойной совѣстью человѣка, служащаго хорошему дѣлу.

Вся эта военщина надоѣла самымъ рѣшительнымъ образомъ, и я отъ души завидовалъ Грачеву, котораго Сколковъ уволилъ недавно въ своемъ приказѣ въ безсрочный отпускъ. Съ нѣкотораго времени Сколковъ началъ выпускать указы по полку, и мы, въ листочкахъ, писанныхъ чоткимъ почеркомъ Малинина, читали длинные списки конфирмацій надъ разными чинами. Тутъ же, какъ будто въ знакъ того, что начальство, умѣя казнить, умѣетъ и миловать, помѣщались свѣдѣнія о пожалованныхъ чинахъ и орденахъ. Между прочими и я получилъ капитанскій чинъ и какой-то орденъ именно въ тотъ самый день, когда Сколковъ занялъ у меня на самый короткій срокъ четвертакъ.

Между тѣмъ положеніе наше становилось окончательно невыносимымъ. Надзиратели часто приходили въ шесть и семь часовъ, чтобы прогнать насъ для занятій въ столовую, и насъ мучили за маршировкой еще дольше. Вечера становились темными, но это не препятствовало Овѣрину производить ученья и гонять ослушниковъ сквозь строй. Я совсѣмъ потерялъ терпѣніе, и началъ искать союзниковъ, чтобы общими силами возстать противъ возмутительной тираніи Сколкова и Овѣрина. Недовольныхъ было очень много. Одинъ по одному почти всѣ солдаты и офицеры моей роты присоединились къ заговору съ цѣлю ниспроверженія существующаго порядка вещей, и мы очень храбро бранили Сколкова на нашихъ тайныхъ совѣщаніяхъ.

— Не повѣсятъ же насъ наконецъ, воодушевлялъ я моихъ робкихъ соумышленниковъ. — Скажемъ завтра, что не хотимъ больше играть, и конецъ. Силой тащить не смѣютъ.

— Только ужъ въ первый скажите, предложилъ мнѣ одинъ

рядовой, бойкій мальчикъ перваго класса, котораго почти ежедневно гоняли сквозь строй за непочтеніе къ начальникамъ.

— Хорошо, я скажу первый, съ отчаянной рѣшимостью проговорилъ я.

Это обѣщаніе, данное въ горячую минуту, заставило меня, когда я остался одинъ, очень и очень призадуматься. Признаться сказать, я не безъ волненія ожидалъ завтрашняго дня, и нѣсколько разъ въ мою голову приходила даже мысль отказаться отъ непосильной войны со Сколковымъ, но въ этомъ случаѣ меня ожидало позорное обвиненіе въ трусости. Страшны и позорны побои, по всей вѣроятности, ожидающіе меня, но они все-таки лучше неуваженія, а, можетъ быть, и презрѣнія.

Послѣ обѣда, когда настало время идти на дворъ и вынимать спрятанное въ подвалѣ оружіе, мы остались въ пансіонѣ. Я очень обрадовался, узнавъ, что Сколковъ былъ уже на дворѣ, и ожидалъ свою армію. Овѣринъ никогда не дрался, и его боялись все-таки меньше Сколкова, а потому мы очень храбро столпились въ кучку, и ждали открытія военныхъ дѣйствій.

— Идите, идите на дворъ, господа, задумчиво сказалъ Овѣринъ, подходя къ намъ съ самымъ дѣловымъ видомъ.

— Мы не хотимъ больше играть, съ усиліемъ выговорилъ я.

— Мы не хотимъ, повторили мои сообщники.

— Что? съ неожиданною яростью вскричалъ Овѣринъ, хватая меня за шиворотъ съ такой силой, что я чуть не задохся. — Бунтъ! Арестовать его! ведите!

Овѣринъ ткнулъ меня впередъ, и я, не видя ни откуда помощи, пошелъ подъ конвоемъ моихъ соумышленниковъ.

Меня отвели въ темный подвалъ, куда скоро явился и Овѣринъ со своимъ „военно-энциклопедическимъ лексикономъ“. Слѣдствіе шло недолго; заговоръ былъ открытъ сполна, такъ-какъ многіе думали заслужить пощадку чистосердечнымъ признаніемъ, и подсудимыхъ набралось до пятнадцати человекъ. Надежды ихъ на пощадку совершенно не оправдались: всѣхъ ихъ жестоко отодрали жгутами, а меня, какъ главнаго злоумышленника, Овѣринъ приговорилъ къ разстрѣлію. У меня въ карманѣ былъ отличный перочинный ножикъ, купленный мной недавно за полтора рубля. Я ощупалъ его, и мнѣ пришла въ голову счастливая мысль. Я объявилъ, что желаю сдѣлать важныя показанія и могу ихъ объявить только главнокомандующему (Сколковъ уже давно возвелъ себя въ это достоинство). Когда онъ явился, я пожелалъ говорить съ нимъ одинъ на одинъ, и предложилъ ему принять отъ меня въ подарокъ перочинный ножъ.

— Пусть разстрѣляютъ, сказалъ мнѣ Сколковъ: — это ничего, ты опять будешь въ томъ же чинѣ.

— Нѣтъ, какъ же это? Вѣдь ежели разстрѣляютъ, я не могу больше служить.

— Это пустяки!

— Нѣтъ, ты ужь пожалуйста—я больше не буду...

— Хорошо, хорошо, торопливо согласился Сколковъ, запрятывая ножикъ въ карманъ.

Но когда меня вывели для исполненія приговора, оказалось, что я совершенно напрасно подкупалъ Сколкова: Овѣринъ былъ того мнѣнія, что разстрѣлянные, какъ мертвецы, не могутъ занимать какихъ бы ни было должностей въ арміи.

Экзекуція совершилась съ должнымъ торжествомъ. Мнѣ завязали глаза и поставили спиной къ столбу, на верху котораго была прилѣплена страница бѣлой бумаги. „Измѣнникъ и бунтовщикъ“ огромными готическими буквами было награвировано на этой страницѣ искуснымъ Малининымъ. Между пуговицъ мнѣ воткнули мой формуляръ, и дѣлопроизводитель военно-уголовнаго суда Малининъ началъ читать приговоръ, которымъ я, на основаніи извѣстныхъ статей закона, приговаривался, за бунтъ и измѣну, къ смертной казни разстрѣляніемъ.

— Цѣлся! командовалъ Овѣринъ.—Пли! Теперь вы мертвый и изгоняетесь навсегда изъ общества. Можете уходить, вяло добавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Едва ли кто-нибудь когда-нибудь былъ такъ радъ своей смертной казни, какъ я. Благодаря ей, я навсегда избавлялся отъ маршировки, ружейныхъ приемовъ, отъ карауловъ и всякихъ другихъ неприятностей: было чему радоваться. Другіе поняли это очень хорошо, и едва-ли не во всемъ нашемъ войскѣ находился хоть одинъ человѣкъ, нежелавшій отъ всей души быть какъ можно скорѣе разстрѣляннымъ. Дня черезъ два Овѣринъ приговорилъ къ разстрѣлянію Малинина и еще двухъ другихъ злоумышленниковъ, тыкавшихъ его въ брюхо и спину деревянными саблями, съ очевидной цѣлью лишить жизни председательствующаго въ военно-уголовномъ судѣ.

По всей вѣроятности, Овѣринъ скоро разстрѣлялъ бы и остальную половину арміи, а можетъ быть добрался бы и до самого Сколкова, еслибы неожиданно не убѣдился, что всѣ военные заслуживаютъ такого же презрѣнія, какъ разбойники и убійцы. Послѣ этого онъ, на вопросъ Сколкова: „Почему вы нейдете на службу, господинъ полковникъ“, въ разсѣянности не совсѣмъ почтительно отвѣчалъ: „Убирайтесь къ чорту, господинъ дуракъ“.

и пообѣщался пустить въ голову главнокомандующаго горчичницей, если тотъ вздумаетъ тронуть его хоть пальцемъ.

Сколкоу ничего больше не оставалось, какъ вложить свою деревянную саблю въ ножны, и, скрѣпя сердце, распустить неразстрѣлянную половину своей арміи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XII.

Я ПРИОБРѢТАЮ ЛИБЕРАЛЬНЫЯ УВѢЖДЕНІЯ.

Новый гувернеръ Володи замѣнилъ не только Альбина Игнатьевича, но, кажется, и гвардейскаго офицера. По крайней-мѣрѣ, Катерина Григорьевна что-то жмурилась и таяла, слушая какъ звучно и плавно катится его „смѣло и свободно льющееся слово“. Иваницкій (его фамилія), картинно развалившись въ креслѣ или присловившись къ притолокѣ, по цѣлымъ часамъ говорилъ что-то своимъ звучнымъ, гортаннымъ голосомъ, останавливаясь по временамъ на секунду, чтобы поправить свои рѣдкіе волосы, зачесанные назадъ, и едва пригрывавшіе небольшую лысину, которая придавала ему очень интересный видъ. Сколько я ни сиделъ вслушиваться въ однотонные звуки его баритона — смыслъ его словъ какъ-то ускользалъ отъ меня. Это, впрочемъ, не мѣшало мнѣ имѣть наивное увѣжденіе, что онъ говоритъ очень краснорѣчиво, объ очень прекрасныхъ вещахъ. Эти *куда-то, что-то, къ чему-то*, о которыхъ онъ постоянно твердилъ, сбивали меня съ толку, и я рѣшительно считалъ Иваницкаго, благодаря этимъ, ничего незначащимъ словамъ, умнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ человѣкомъ.

Онъ иногда приносилъ журналы и читалъ ихъ своимъ ровнымъ баритономъ. Я всѣми силами старался вслушиваться, но понималъ очень мало. Однажды, оставшись одинъ въ комнатѣ, я съ любопытствомъ началъ дерелистывать какой-то толстый журналъ того времени.

— Вы, кажется, никогда ничего не читаете, съ высокоумной невнимательностью сказалъ Володя, вошедшій въ комнату и оставившійся передо мной въ позѣ наблюдателя, заложивъ руки въ карманы панталонъ.

Слова его произнесены были тѣмъ брюзгливымъ тономъ, какимъ говорятъ лакею: „ты, Алексѣй, кажется, никогда не моешь руки“—и я не могъ не сконфузиться.

— Я хотѣлъ васъ попросить — не могу ли я взять съ собой что-нибудь прочесть? съ величайшей неловкостью едва выговорилъ я, чувствуя, что лицо мое горитъ отъ краски.

— Можете.

Я взялъ книги, и мы съ Малиновымъ засѣли на цѣлый день, читая по очереди, вслухъ, все по порядку. Въ первый же день мы прочли три повѣсти средней величины и какую-то не то обличительную, не то публицистическую статейку, какъ припомню, называвшуюся „Чудеса въ рѣшетѣ“.

— Да! да! вотъ, братъ. Славно, одобрялъ Малиновъ.

Мы сразу поняли, что живемъ въ весьма замѣчательное время, когда происходятъ вещи очень необыкновенныя. Да и были бы мы большими олухами, еслибъ не поняли этого! Въ одной повѣсти выставлялся богачъ откущикъ, отъявленный мошенникъ, охающий и стенающий, что прошло его время и что явились какіе-то проклятые либералы. До этого печальнаго положенія довелъ откущика бѣдный, но честный писецъ—представитель проклятаго либерализма. Этотъ восторженный юноша былъ такъ краснорѣчивъ, что мы должны были къ ряду прочитывать по нѣсколько страницъ, наполненныхъ превосходными доказательствами, что воровать и подливать воду въ воду недобросовѣстно. Повѣсть кончалась однакожъ тѣмъ, что порокъ, при помощи разныхъ незаконныхъ интригъ, восторжествовалъ надъ добродѣтелью, и молодой либераль уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, впрочемъ, скоро, благодаря своей расторопности и своимъ талантамъ, обратилъ на себя вниманіе начальства, и занялъ важный государственный постъ. Узнавъ объ этомъ, откущикъ пришелъ въ ярость, и воскликнулъ: „вотъ времена-то!—мальчишки, щенки лѣзутъ въ люди, а почтенный заслуженный человекъ ничего не можетъ съ ними подѣлать!“

Другая повѣсть была юмористическая, и, если не ошибаюсь, называлась „Моя тетушка“. Тутъ осмѣивалось ханжество, и весь юморъ заключался преимущественно въ томъ, что тетушка на цѣлыхъ десяткахъ страницъ читала такія молитвы: „около града Іерусалима спала Пречиста Дѣва“... Агашка, ты ужъ заснула, окаянная! подай платокъ... „Спала еси Дѣва, видѣла сонъ чуденъ и явень“... выпусти кота-то, вишь онъ пищитъ, на дворъ хочеть.“ Передъ тетушкой чѣмъ-то особенно провинилась ея дѣвка Агашка, и она заперла ее въ комнату, а сама ушла въ церковь, молиться Богу. Комната, волею автора, оказалась угарной, и

Агашка умерла, что, впрочем, несколько не опечалило набожную тетку: она справила похристиански, чинно до послѣднихъ мелочей Агашкины похороны, и начала служить панихиды за упокой Агашкиной грѣшной души. „Много еще у насъ, на святой Руси, есть такихъ пустырей, восклицалъ въ заключеніе авторъ, — пустырей, гдѣ живутъ на тучной почвѣ всякія тетушки и дядюшки; но... не лучше ли помолчать до времени?“

— Это цензура не пропустила, должно быть, съ благоговѣйнымъ удивленіемъ сказалъ Малининъ.

Онъ говорилъ шопотомъ, изъ предосторожности, чтобы кто-нибудь не подслушалъ нашего разговора.

Третій рассказъ намъ понравился больше всего. Въ немъ описывалась какая-то гимназія, „только не кievскаго учебнаго округа“, какъ не безъ остроумія пояснялъ авторъ. Тамъ выставялся плутъ экономя, изъ скардености коловшій сахаръ собственными руками; выставялись глупцы учителя, вѣрующіе въ домовыхъ, и ученики, наряжающіеся домовыми. Одинъ толстый учитель, пробѣжавъ по всему двору за такимъ домовымъ, настигаетъ его наконецъ, хватаятъ за шиворотъ, и восклицаетъ: „ахъ, ты ракала!“ Эту сцену мы съ величайшимъ хохотомъ перечитали разъ пять, находя, что учитель, названный Кустодіемъ Пудовичемъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на Ивана Капитоныча.

„Чудеса въ рѣшетѣ“ мы не совсѣмъ поняли, но сочинитель ругался такъ хлестко, что эту статью нельзя было прочесть безъ высокаго наслажденія. Въ ней авторъ спорилъ съ какимъ-то *Туземецъ* (должно быть псевдонимъ), обличая нѣкоего Б. и рассказывая, какъ лицо, названное этой невинной буквой, похитило нѣсколько тысячъ рублей, назначенныхъ на освѣщеніе города. „Ткните же свой носъ, г. *Туземецъ*, — я знаю, что ваше гладко выбритое рыльце въ пуху!“ восклицалъ безпрестанно авторъ, и послѣ каждаго періода ставилъ многоточіе...

Чтеніе намъ очень понравилось, и мы положительно не могли оторваться отъ книгъ, прочитывая одну статью за другой. Къ намъ присоединились Грачевъ и еще нѣсколько человѣкъ, такъ что въ пансіонѣ образовался нѣкотораго рода литературный кружокъ, и послѣ обѣда, вмѣсто того, чтобы скучать и шататься безъ дѣла, мы сидѣли въ пустой залѣ, увѣшанной портретами сподвижниковъ императора Александра перваго, читая въ слухъ, по очереди, новѣсти, рассказы и обличительныя статейки.

Въ недѣлю я успѣлъ набраться такой премудрости, что въ воскресенье встрѣтилъ брата съ нѣкоторымъ высокимъ брiемъ, и даже въ разговорѣ сдѣлалъ тонкій намекъ, что Андрей еще кой-чего многого не смыслить. Братъ, впрочемъ, не понялъ этого

намека, а можетъ быть и не слыхалъ его, такъ-какъ онъ въ это время показывалъ Овѣрину принесенный съ собой стереоскопъ. [Вообще въ послѣднее время они очень подружились и я не безъ удивленія замѣтилъ однажды, что Овѣринъ поправляетъ какое-то стихотвореніе, написанное рукой брата и очевидно принадлежавшее вдохновенной музѣ Андрея.

Въ это воскресенье мы пошли съ нимъ къ Шрамамъ, такъ-какъ мнѣ нужно было отнести прочитанныя книги, и взять новыя. Андрей былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, и я рѣшился спросить его о стихахъ.

— Да. Я каждый вечеръ пишу стихи, объявилъ онъ мнѣ. — Я тебѣ покажу: у меня ихъ много.

Андрей вытащилъ тоненькую тетрадку, и подалъ мнѣ ее. Тамъ было довольно много стихотвореній, помѣщенныхъ по порядку, подъ разными рубриками: „оды божественныя“, „оды торжественныя“, „размышленія“, „элегіи“ и проч. Все это кончалось эпиграмами. Тетрадка, очевидно, побывала въ рукахъ Овѣрина, такъ-какъ на многихъ страницахъ встрѣчались его поправки; даже одна рубрика „оды торжественныя“ была передѣлана имъ въ „оды глупыя“, что, впрочемъ, вѣроятно, не понравилось брату: онъ захерилъ: „оды глупыя“, и опять написалъ: „оды торжественныя“.

— Какъ же ты хочешь быть поэтомъ, и ничего не читаешь, сказала я брату, возвращая тетрадь.

— А чтѣ-жь читать? съ недоумѣніемъ спросилъ Андрей.

Я началъ ему рассказывать, сколько прекрасныхъ вещей читали мы въ книгахъ, которыя я несъ, и онъ слушалъ меня такъ внимательно, какъ не слушалъ, кажется, никогда въ жизни. Послѣ этого Андрей тоже набралъ у Шрамовъ книгъ, и занялся чтеніемъ. По поводу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, у насъ съ братомъ установились на нѣкоторое время довольно дружественныя отношенія, и мы начали съ нимъ разговаривать, и даже спорить о прочитанныхъ статьяхъ. Такъ-какъ мы отыскивали вездѣ косвенный смыслъ, думая, что авторъ запрятываетъ свою контрабандную идею какъ можно дальше, чтобы провести ее черезъ цензорскій шлагбаумъ, то для самыхъ наивныхъ предположеній и толковъ открывалось широкое поле, и спорамъ не было конца.

Овѣринъ, узнавъ отъ брата, что въ новыхъ книгахъ пишется что-то удивительное, тоже пристрастился къ чтенію, и сталъ просиживать надъ журналами положительно цѣлыя ночи, вытаскивая для этой цѣли сальныя свѣчки изъ ночниковъ. Когда

мы прочитывали книги, Володя покровительственно бралъ ихъ съ собой, и на другой день привозилъ новыя.

— Читайте, читайте, улыбайся, говорилъ онъ, какъ будто хотѣлъ прибавить: „читайте, забавляйтесь, дѣти, въ этомъ нѣтъ ничего вреднаго“.

Порой онъ свисходилъ до нѣкоторыхъ объясненій, и мы узнавали, что такая-то неподписанная статья принадлежитъ Писареву, который пишетъ очень хорошо, что надъ Якушкинымъ смѣяться не слѣдуетъ, что—*богъ* псевдонимъ Добролюбова и проч. и проч. Впрочемъ, всѣ эти объясненія онъ давалъ, небрежно улыбаясь, и показывая видъ, что говоритъ такъ, больше для собственнаго удовольствія, чѣмъ для нашего поученія.

Въ занятіяхъ литературой прошло незамѣтно мѣсяца три, пока мы дождались новаго директора. Адамъ Ильичъ объявилъ намъ эту новость, прибѣжавъ въ пансіонъ, какъ сумасшедшій. Нечего и говорить, что тотчасъ же началась суетня, метенье половъ, чищеніе дверныхъ ручекъ, обтиранье столовъ и проч. и проч. Намъ немедленно выдали чистое бѣлье и новыя курточки.

— Ахъ, да ради-Бога почистите сапоги! пуговицы пришейте! причешите головы! съ отчаяніемъ кричалъ въ разныхъ мѣстахъ Адамъ Ильичъ, то появляясь въ сторожкѣ, то мелькая по корридору, то съ отчаяніемъ садясь на кровать въ спальнѣ.

Наконецъ, онъ поймалъ какъ-то Овѣрина, за котораго боялся больше всего, и котораго теперь потащилъ въ сторожку умывать и причесывать. Съ гребенкой въ рукѣ, Адамъ Ильичъ чесалъ Овѣрину волосы, и умолилъ его не дѣлать скандаловъ.

— Ужъ вы, пожалуйста, господинъ Овѣринъ, не брякните чего-нибудь новому директору, говорилъ онъ, вертя въ своихъ проворныхъ рукахъ голову Овѣрина, какъ какой-нибудь кочанъ капусты.

— Мм... мычалъ только Овѣринъ, какъ быкъ, котораго ворочаютъ за рога.

Не успѣлъ Адамъ Ильичъ покончить съ нимъ, какъ кто-то прибѣжалъ сказать, что директоръ пріѣхалъ въ пансіонъ.

— Эхъ, ужъ спрячьтесь лучше куда-нибудь, вскричалъ Адамъ Ильичъ, бросая гребенку.

Онъ побѣжалъ встрѣчать директора, и прибавлялъ, и прибавлялъ рыси, съ ужасомъ замѣчая, что Овѣринъ, въ незастегнутой курточкѣ, преслѣдуетъ его по пятамъ.

Директоръ вошелъ въ дверь, складывая свой зонтикъ. Онъ очень спокойно снялъ шляпу, и вѣжливо поклонился намъ.

— Здравствуйте, господа!

— Здравствуйте, громко отвѣтилъ Овѣринъ, совершенно упу-

стившій изъ виду, что въ этомъ случаѣ было бы весьма прилично поклониться.

На лицѣ Адама Ильича изобразилось самое пламенное желаніе провалиться сквозь землю.

— Будьте добры, не кладите такъ пальто, а повѣсьте его: оно намокло дождемъ, съ величайшей вѣжливостью сказалъ директоръ, обращаясь къ служителю, который, въ суетѣ, хотѣлъ положить его пальто на ларь.

Это *вы*, обращенное съ солдату, показалось намъ такъ милымъ и оригинальнымъ, что мы надолго изгнали изъ употребленія „сердечное ты“, и даже мальчишка-сапожникъ, съ намазаннымъ ваксой лицомъ, приходившій отбирать наши сапоги въ починку, удостоивался обращеній въ такомъ родѣ: „потрудитесь, пожалуйста, расколотить и мои сапоги“.

Директоръ былъ высокій, худощавый мужчина, съ лицомъ такого цвѣта, какого бываетъ потусклый мѣдный пятакъ. Вообще наружность его заключала въ себѣ очень мало красиваго, но его спокойныя манеры и мягкій голосъ, и добродушныя складки вокругъ рта придавали ему очень симпатичный видъ. Мы съ перваго раза почувствовали къ нему нѣкоторую долю почтенія, и стали совѣститься тѣхъ доблестныхъ шалостей, которыми гордились при старомъ директорѣ.

Съ пріѣздомъ новаго директора явились и новые порядки. Всякая военная субординація: хожденіе шеренгами къ обѣду, пѣніе молитвъ и проч. были уничтожены; солдатчина значительно стала ослабѣвать, и изъ пансіона мало по малу началъ вывѣтриваться казарменный запахъ. Въ преподаваніи также произошли нѣкоторыя измѣненія. Ѳедоръ Митричъ съ своими кокосами и ананасами навсегда удалился въ отставку. Географію началъ преподавать Яковъ Степанычъ, а на его мѣсто учителемъ словесности пріѣхалъ нѣкто Иванъ Ивановичъ, бакалавръ какой-то духовной академіи, маленькій человекъ съ такой смѣшной наружностью, что съ перваго же раза ему надавали множество названій: „финтикъ“, „мухрышка“, „волчокъ“, „фортунка“ и проч. и проч. Поджарый, сухой, гибкій и живой, какъ ящерица, съ своимъ бѣлобрысымъ лицомъ и бѣлыми багенбардами, каждый волосъ которыхъ торчалъ отдѣльно, какъ въ круглой щеткѣ для чищенія ламповыхъ стеколъ, онъ напоминалъ тѣхъ карриатурныхъ подбъчихъ, которые являются только на театральныхъ подмосткахъ, съ чернилкой на пуговицѣ и перомъ, заткнутымъ за ухо.

Поступленіе новаго учителя ознаменовалось пробной лекціей, въ ожиданіи которой Малининъ соорудилъ цѣлое зданіе предпо-

ложеній относительно того, какъ директоръ будетъ экзаменовать при насъ Ивана Иваныча и поправлять его ошибки. Но ничего подобнаго не произошло: директоръ всю лекцію молча просидѣлъ за партой, подлѣ Овѣрина, между тѣмъ, какъ Иванъ Иванычъ, съ азартомъ бѣгая по классу, и ежеминутно угрожая вспрыгнуть на столъ, выкрикивалъ намъ исторію буквы юсь, и производилъ слово *ганза* отъ исконнаго славянскаго слова—*союзъ*, причемъ онъ съ величайшей энергіей гнусавилъ: „ѣнза, гѣнза, гонза, ганза“, и немилосердо стучалъ мѣломъ въ доску. Онъ бѣгалъ по классу, какъ мышь, попавшая въ ловушку, и отыскивающая дырочку для выхода; лобъ его морщился, уши двигались, носъ попеременно краснѣлъ и блѣднѣлъ, а руками онъ махалъ съ такой энергіей, что надо было удивляться, какъ онъ у него не оторвется.

Но Иванъ Иванычъ былъ полезенъ для насъ не столько своими ученѣйшими записками по логикѣ и риторикѣ, сколько тѣмъ, что почти всѣхъ пріохотилъ къ чтенію, раздавая свои книги и журналы. Мы отъ него въ первый разъ услышали о Вѣлинскомъ, и перестали прокидывать въ журналахъ страницы, отмѣченныя сухимъ и скучнымъ словомъ *критика*.

Какъ-то незамѣтно дни проходили за днями, и мы дѣлались все либеральнѣе и либеральнѣе часъ отъ часу. Малининъ списалъ въ превосходную тетрадку стихотворенія Рылѣева и Огарева, и даже, съ явной опасностью для своей жизни, заучилъ эти стихотворенія наизусть, пряча, впрочемъ, самую тетрадку подъ корыто, на чердакѣ, куда бѣгалъ по двадцати разъ въ день посмотрѣть, не отыскала ли полиція слѣдовъ его преступленія.

Словомъ, мы начали мыслить, рассуждать, понимать, смотрѣть и совершать всѣ другія интеллектуальныя отправленія нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Преподаваніе пошло какъ-то осмысленнѣе, и, ко всеобщему удивленію, много самыхъ застарѣлыхъ лѣнтяевъ начали мало-по-малу проявлять свои способности къ наукамъ. Яковъ Степанычъ былъ, повидимому, этимъ очень недоволенъ, и сокрушаясь, что Багровъ знаетъ свой урокъ, разводя руками, восклицалъ: „и ты, Брутъ!“.

Въ пансіонѣ стало вовсе не скучно, и только ужъ немногіе блаженные бродили изъ угла въ уголъ, ничего не дѣлая и дожидаясь весны, послѣ которой можно было навсегда возвратиться подъ родительскій кровъ. Къ числу этихъ „сырыхъ и убогихъ“ принадлежалъ и Сколковъ, который въ послѣднее время совсѣмъ осовѣлъ, пересталъ говорить и дико смотрѣлъ на все, происходившее вокругъ него, можетъ быть, думая, что всѣ помѣшались, и скоро настанетъ царство антихриста. Въ самомъ

дѣлѣ, по тому восторгу, съ которымъ мы жили тогда, насъ легко было принять за помѣшанныхъ. Пансіонъ походилъ на городъ, въ которомъ или случилось землетрясеніе, или выругали губернатора въ газетахъ — на городъ въ смятеніи, когда восторженные граждане, забывъ все, кромѣ общаго дѣла, сообщаютъ первымъ встрѣчнымъ подробности великаго событія, свои мнѣнія о немъ, свои предположенія и надежды. Мы съ утра до ночи общими силами разсуждали и читали, читали и разсуждали. Здѣсь хвалили новую критическую статью, тамъ разсказывался сюжетъ обличительнаго романа, въ третьемъ мѣстѣ съ паѳосомъ декламировали стихотворенія. Все это, конечно, было очень дико отставному главнокомандующему, Сколкову, немогшему понять, въ чемъ дѣло, изъ-за чего всѣ вокругъ него бѣсятся, кричатъ, сердятся и радуются. Онъ чувствовалъ, что отрѣзанъ отъ своихъ прежнихъ товарищей, какъ ломоть, которому уже не пристать къ хлѣбу, и, безъ особой печали узнавъ о своемъ исключеніи изъ пансіона, ушелъ, почти не простившись съ нами.

Грачевъ, терпѣливѣе насъ читавшій серьезныя статьи, скоро сдѣлался нашимъ руководителемъ въ дѣлѣ литературныхъ пресупѣній, тоже нѣкоторымъ образомъ главнокомандующимъ, въ родѣ Сколкова. Погрузившись въ ученость, онъ преслѣдовалъ насъ за увлеченіе романами и повѣстями, и читалъ вслухъ скучнѣйшія ученныя статьи, прикидываясь, что чепухистые и, никому не понятныя трактаты о какихъ-то божественныхъ чертахъ, по Канту и Гегелю, доставляютъ ему истинное удовольствіе. Къ нашему благополучію, Грачевъ былъ не очень стоекъ въ своей учености, и иногда, какъ онъ выражался, „позволялъ себѣ прочесть дѣльную повѣсть“. Но и тутъ удовольствіе вполнѣ отравлялось тщетными критическими поисками какой-то идеи, которую всѣ авторы, по мнѣнію Грачева, чтобы обмануть цензора, всегда скрываютъ съ величайшимъ тщаніемъ. Дѣло доходило до крупныхъ ругательствъ и распеканій, когда, на примѣръ, наивный Малининъ объявлялъ смѣлую догадку о томъ, что Достоевскій въ „Бѣдныхъ людяхъ“ хотѣлъ высказать чрезвычайно новую мысль: бѣдность не порокъ.

— Бѣдность умственная — нищета духомъ — вотъ это вашъ порокъ! восклицалъ Грачевъ.

— Ну, я ошибся, жалобно сознавался Малининъ.

— Идіотъ! отвертывался отъ него Грачевъ.

Вообще, мы начали побаиваться Грачева, и онъ, безъ всякаго сопротивления, забралъ бразды деспотическаго правленія надъ нами. Скоро мы приучились со страхомъ смотрѣть на послѣднія страницы дочитываемой повѣсти. Слово *конецъ* всегда было сиг-

наломъ къ открытію мучительнаго экзамена: какъ кто оцѣнилъ и понялъ идею повѣсти. Самое лучшее было отвѣчать: „я не совсѣмъ понялъ“, ибо въ этомъ случаѣ могло постигнуть только злобное замѣчаніе: „неудивительно: у васъ въ головѣ вѣтры ходятъ“. Но высказать прямое мнѣніе о повѣсти, значило подвергнуть себя такой нравственной пыткѣ, которая стоила самаго жестокаго наказанія розгами. Происходила сцена въ родѣ слѣдующей.

— Ну, какъ вы думаете — какую идею хотѣлъ здѣсь провести авторъ?

— Онъ хотѣлъ выставить характеръ такого человѣка... робко, запинаясь, говорилъ кто-нибудь.

— Какого человѣка?

— Такого, который ни во что не вѣритъ.

— Напримѣръ, во что же не вѣритъ этотъ человѣкъ? допрашивалъ Грачевъ.

— Да ни во что не вѣритъ, отчаянно отвѣчалъ экзаменуемый, окончательно выбиваясь изъ силъ.

— Я, напримѣръ, не вѣрю, что въ васъ есть хоть капля смысла — значить ли это, что я ни во что не вѣрю? По вашему выходитъ такъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ сбившись съ толку, шепталъ отвѣтчикъ.

— Ну, такъ во что же это *во все* не вѣритъ герой? Да, наконецъ, развѣ вѣра или безвѣріе относятся къ характеру? Развѣ мой характеръ измѣнится, если я перестану вѣрить, что вы — дуракъ набитый? съ горячностью кричалъ Грачевъ.

— Нѣтъ, произносилъ совсѣмъ убитый отвѣтчикъ.

— Такъ что же вы городите чепуху!

Наконецъ, послѣ множества самыхъ придиричивыхъ вопросовъ и самыхъ оскорбительныхъ колкостей, Грачевъ, съ увѣренностью всякаго авторитета, начиналъ объяснять, что Писемскій, въ романѣ „Тысяча душъ“, старался провести іезуитскій принципъ: „цѣль оправдываетъ средства“, или, что Тургеневъ, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ ясно доказалъ, что человѣкъ, потерявшій энергію и дошедшій до отчаянія — никуда не годится.

Въ январѣ, мы, по предложенію Ивана Ивановича, подписались вскладчину на нѣсколько газетъ и журналовъ. Въ залѣ, прежде пустынной и скучной, теперь образовалась очень оживленная читальная комната. Всѣ новые газеты и журналы лежали тамъ на столѣ, и послѣ обѣда, когда приходили своекоштные, тамъ было бы очень весело, еслибы не мѣшала Грачевъ.

— Позвольте-ко мнѣ эту книжку, сухимъ начальническимъ

топомъ говорилъ онъ.—Вы пустячки читаете, а мнѣ нужно тутъ посмотрѣть одну дѣльную статью.

Своекоштные часто не соглашались уступать дѣльному человѣку дѣльныя статьи, а потому безпрестанно выходили самыя непріятныя сцены. Разъ даже дѣло чуть не дошло до драки, когда Грачеву понадобилось прочитать дѣльную статью, напечатанную именно въ той книжкѣ, которую читалъ Овѣринъ. Сдѣлавъ свое высокомѣрное обращеніе и не получивъ никакого отвѣта, Грачевъ взялся за обложку книги.

— Позвольте-съ, съ презрительной настойчивостью сказалъ онъ.

Овѣринъ молчалъ, какъ бы не замѣчая его. Когда Грачевъ потянулъ къ себѣ книгу, онъ поднялъ на него глаза, спокойно подвинулъ книгу назадъ, и сосредоточенно продолжалъ читать.

— Позвольте-съ; я вамъ говорю, серьезнѣе повторилъ Грачевъ, и потянулъ къ себѣ книгу.

Овѣринъ стукнулъ его кулакомъ по протянутой рукѣ, задумчиво подвинулъ къ себѣ книгу и продолжалъ читать.

Грачевъ отдернулъ руку, и замахнулся, чтобы ударить Овѣрина, но, вѣроятно, вспомнивъ, что либеральные принципы запрещаютъ драться, остановился и презрительно сказалъ:

— Я не мѣшаю. Забавляйтесь, миленькій дурачокъ: играйте въ бирюльки.

Отъ дурачка, само собой разумѣется, не послѣдовало никакого отвѣта.

Весь этотъ годъ я почти исключительно былъ занятъ чтеніемъ постороннихъ книгъ, и передъ экзаменами мнѣ пришлось позаботиться, чтобы не остаться на другой годъ въ томъ же классѣ. Экзамень, впрочемъ, прошелъ благополучно. Лоттерея съ билетами и программами была навсегда отмѣнена, и насъ спрашивали все пройденное въ теченіе года. Директору стоило много труда сдерживать инквизиторскія замашки учителей, и хотя они, по прежнему, видѣли въ насъ, на экзаменахъ, своихъ кровныхъ враговъ, которыхъ слѣдуетъ всѣми силами довести до бѣдственной единицы, но не смѣли уже употреблять тѣхъ подлыхъ фокусовъ, какіе употребляли прежде для того, чтобы сбить съ толку робкаго ученика, доказать ему, что онъ ничего не знаетъ и поставить въ журналѣ единицу. Яковъ Степанычъ вздумалъ-было спросить кого-то — которымъ королемъ отъ Пипина Короткаго былъ Петръ Пустынникъ, но директоръ быстро перебилъ ученика, хотѣвшаго что-то отвѣтить, и велѣлъ ему идти на мѣсто.

Для меня экзамены кончились какъ нельзя болѣе благополучно. Грачевъ и Володя остались на другой годъ въ пя-

томъ классѣ, и такимъ образомъ, всё мы: Овѣринъ, Малининъ и я сдѣлались одноклассниками этихъ великихъ людей.

Въ этомъ году, на вакаціи, мнѣ было скучнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Я считалъ себя уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ съ честными убѣжденіями, а потому, понятно, не могъ не дичиться тетушки, Авдотьи Николаевны, Федосьи и Лизы, которая очень выросла и вышла теперь изъ всякаго повиновенія старшимъ. Не говоря уже объ Авдотѣ Николаевнѣ, надъ которой она смѣялась въ глаза, она преслѣдовала даже тетушку, заучивая самыя пикантныя мѣста изъ тѣхъ книгъ, которыя ей строго запрещалось читать, и, въ видѣ сюрприза, за обѣдомъ или чаемъ, рассказывая лучшія мѣста „Египетскихъ ночей“ Пушкина или гоголевскую сцену у вѣдьмы Солохи.

Тетушка приходила съ самому рѣшительному убѣжденію, что человѣкъ, который женится на Лизѣ, принужденъ будетъ или застрѣлиться отъ горя, или бѣжать изъ отечества за границу.

XIII.

Журналы: „Опытъ“ и „Наблюденіе“ полемизируютъ.

По возвращеніи съ вакаціи, когда вновь начались классы, Иванъ Ивановичъ на первый же урокъ явился съ краснымъ лицомъ, и, противъ обыкновенія, прошелся, а не проскакалъ, раза два вдоль комнаты. Послѣ этого, онъ, забѣгавъ, какъ всегда изъ угла въ уголъ, забарабанилъ слѣдующую рѣчь: „Когда Пушкинъ былъ въ лицѣ, между его товарищами образовался литературный кружокъ, и начали издавать журналы: *Для удовольствія и Пользы, Юные Пловцы, Неопытное Перо, Лицейскій Мудрецъ*. Тамъ Пушкинъ и его товарищи помѣщали свои первые опыты и это, вѣроятно, много содѣйствовало развитію ихъ. Я хотѣлъ вамъ предложить, господа, вмѣсто сочиненій на темы, начать родъ маленькаго рукописнаго журнала или сборника. Какъ вы думаете, можно ли и удобно ли это“?

Иванъ Ивановичъ замолчалъ и еще притче забѣгалъ по классу. Мы всё тоже молчали.

— Какъ же — нужно будетъ поручить редакцію журнала кому-нибудь одному? спросилъ Володя, обращавшійся всегда довольно свободно съ учителями.

— Да. Я такъ полагаю. Вотъ хоть вы, Негоревъ и Малининъ, обратилъ къ намъ Иванъ Ивановичъ, какъ къ лучшимъ ученикамъ въ классѣ. — Обязанность редакторовъ, впрочемъ, пассивная

обязанность. Вы, надѣюсь, господа, не будете въ претензїи, что я сразу указалъ на нихъ. Вѣдь это все равно. Согласны ли вы?

— Согласны! отвѣтили всѣ хоромъ.

— Я полагалъ бы назвать нашъ журналъ „Опытомъ“. Какъ вы полагаете?

Иванъ Иванычъ, отъ восторга, притче и притче бѣгалъ по классу.

— Можно бы назвать: „Гимназическій Курьеръ“, „Гимназическій Вѣстникъ“, „Телеграфъ“ или что нибудь въ родѣ этого, предложилъ Володя.

— Нѣтъ, *гимназическій* — это слишкомъ частно, слишкомъ узко: интересы узки. Лучше просто — *Опытъ*. Статьи разныхъ авторовъ ужъ конечно придется переписывать въ одну тетрадку. Объ этомъ озаботятся редакторы. Они также должны наблюдать за орфографїей. Я бы полагалъ раздѣлить журналъ на отдѣлы: *беллетристика*, *критика* и *смѣсь*. Въ *критикѣ* можно бы помѣщать разборы новыхъ журнальныхъ повѣстей, а въ *смѣси* разныя мелкія статьи. Можно помѣщать и стихотворенія. Изъ васъ, господа, никто не пишетъ стиховъ?

Не дожидаясь отвѣта на этотъ нескромный вопросъ, Иванъ Иванычъ продолжалъ бѣгать по классу и тараторить о томъ, какъ должно вести новый журналъ. Рассказы и повѣсти, по его мнѣнію, не должны были имѣть предметомъ исключительно гимназическій бытъ; въ *смѣси* онъ совѣтовалъ не помѣщать чего бы то ни было, отзывающагося сплетней и личностью, и при этомъ нѣсколько разъ повторилъ, что онъ „умываетъ руки“ и представляетъ веденіе журнала на полную нашу отвѣтственность.

Всѣ мы очень горячо приняли предложеніе Ивана Иваныча, и почти весь остальной день только и толковали о журналѣ.

— Ты купи министерской бумаги: знаешь, по шести гривенъ десть, а я ужъ перепису, говорилъ мнѣ Малининъ.

— Я вамъ напишу о значеніи Бѣлинскаго, въ *критику*, покровительственно заявлялъ Володя.

— У меня тоже есть на примѣтѣ кое-что, конфиденціально радовалъ редакцію Грачевъ.

— А вы, Овѣринъ, не напишете что-нибудь? спросилъ я.

— Не знаю; мнѣ некогда, угрюмо отвѣчалъ онъ.

Когда, черезъ нѣсколько дней, все поуспокоилось и я началъ соображать, чѣмъ мы наполнимъ первый номеръ, оказалось, что редакція черезчуръ изобиловала учеными сотрудниками и терпѣла большой недостатокъ въ беллетристахъ. Изъ поэтическихъ произведеній не было ничего, кромѣ небольшого стихотворенія, похищеннаго Малининымъ у Овѣрина, котораго я уприсилъ усту-

нить этот плод его невинной музы первому номеру „Опыта“ — Какъ теперь помню, въ стихотвореніи говорилось: „Я лежалъ на травѣ, и смотрѣлъ на небо; взгляды тонулъ въ мягкой лазури, и думалось мнѣ: что, если я оторвусь отъ земли и полечу въ эту бездну? Какъ только я это подумалъ, земля перестала держать меня на своемъ магнитѣ, и я полетѣлъ въ воздухъ. Вотъ уже прошло сто лѣтъ, а я все лечу; прошла тысяча лѣтъ, а я все лечу, не видя подъ собой дна бездны. Я лечу день и ночь въ чистомъ утреннемъ воздухѣ, вдали отъ земныхъ дѣлъ. Хорошо летѣть“. Стихотвореніе было названо — *Смерть*, но при всей его прелести, довольствоваться имъ однимъ для беллетристическаго отдѣла было невозможно. Я предложилъ-было Грачеву написать какой-нибудь рассказъ, но онъ съ важностью отвѣтилъ мнѣ, что эти пустячки не его дѣло и что онъ занятъ весьма серьезной ученой статьей о языкѣ животныхъ. Я привязался къ Малинину, чтобы онъ, какъ редакторъ, непременно написалъ къ первому номеру повѣсти.

— Что же я напишу! Ты ужь лучше самъ напиши: тебѣ ловчѣе, жалобно отиѣкивался Малининъ.

Не знаю, ловчѣе ли мнѣ бы писать повѣсти, чѣмъ Малинину, но дѣлать было нечего, я рѣшился украсить первый номеръ „Опыта“ своимъ собственнымъ художественнымъ произведеніемъ. Какую же идею выбрать для повѣсти? — *Бѣдность — не порокъ, старо. Семеро одного не ждутъ? Хлѣба край подъ сѣлю рай, хлѣба ни куска — вездѣ тоска?* Пошлый матеріализмъ. Чтò бы такое? *У семи нянекъ дитя безъ глаза? Доброму вору все впору?* Глупо, и идея подлая... Я перебралъ всѣ пословицы, и все-таки не нашелъ такой идеи, которую бы стоило развить въ повѣсти моего сочиненія. Не знаю, какимъ родомъ, но только послѣ долгихъ и глубокихъ соображеній, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль доказать въ повѣсти, что никакія усилія не могутъ сломить природной склонности къ чему-нибудь, или какъ говорятъ, — призванія. Я радостно потеръ руками, и въ мысляхъ у меня мелькнуло хорошее заглавіе: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“.

Но какъ доказать эту идею? Выставить двухъ братьевъ: одного, положимъ, склоннаго... къ чему? — Ну, къ музыкѣ, а другаго — къ живописи. Родители не поняли ихъ склонностей, и хотятъ сдѣлать изъ музыканта живописца, а изъ живописца — музыканта. Ну, тутъ ихъ страданія, и, наконецъ, они погибаютъ. Отлично! Я сообщилъ счастливую идею своей повѣсти Грачеву.

— Ничего, — идея такъ себѣ: порядочная, одобрилъ онъ, и я рѣшился немедленно приняться за работу.

„Вася и Никола играли въ саду. — Какой прекрасный видъ! сказалъ Вася, взглядываясь въ даль. — Прислушайся, Вася, къ бляенію овецъ — тутъ есть своя высокая музыка! воскликнулъ Никола“.

— Но я ихъ выставлю обоихъ добродѣтельными: тутъ не можетъ быть никакой борьбы съ порокомъ. Гораздо интереснѣе выставить одного негодлемъ... Но что же онъ негодное будетъ дѣлать въ дѣтствѣ? Бить лягушекъ, мучить собакъ, давить кошекъ, а когда выростетъ, сдѣлается убійцей. Онъ — старшій сынъ, его любятъ отецъ и мать, а младшаго брата, живописца, ненавидятъ. Старшій узнаетъ о склонности младшаго къ живописи, и начинаетъ завидовать, что тотъ лучше его рисуетъ картинки. Родители хотятъ отправить младшаго въ академію художествъ, но старшій, чтобы сдѣлать зло брату, объявляетъ, что онъ самъ желаетъ быть въ академіи. Покорные родители отправляютъ его въ академію, а младшаго отдаютъ въ гимназію. Старшій, какъ будущій убійца, любитъ красный колеръ, и въ его картинахъ всегда преобладаетъ цвѣтъ крови. Ну, потомъ онъ, какъ-нибудь, сначала дѣлается игрокомъ, проигрываетъ отцовское имущество, дѣлается нищимъ, хочетъ ограбить богатаго старика... Дальше очень просто. Младшій дѣлается великимъ живописцемъ, старшаго выводятъ въ кандалахъ на площадь, къ позорному столбу. Младшій при этомъ присутствуетъ, вдохновляется, и это сюжетъ его лучшей картины. Заглавіе очень подходитъ: человекъ, склоннаго къ убійству, учать живописи, но онъ все-таки дѣлается убійцей. *Какъ волка ни корми — онъ все въ лѣсъ глядитъ.* Отлично.

Сообразивъ все это, я присѣлъ, и дня въ два написалъ три листа довольно мелкимъ почеркомъ. Когда повѣсть была окончена, я прочелъ ее Малинину и Грачеву.

— Отлично! Ты хорошо сочинилъ, рѣшилъ Малининъ.

— Да, ничего. Идея проведена довольно вѣрно, одобрилъ Грачевъ.

— Я сегодня же и начну переписывать.

— Нѣтъ, я хотѣлъ-было пустить передовой статьей — мою о языкѣ животныхъ... Впрочемъ, все равно — переписывайте, дозволилъ Грачевъ.

Ученѣйшая статья о языкѣ животныхъ подвигалась впередъ, однакожь, очень туго, и была сдана Малинину послѣ всѣхъ. Раньше была доставлена статья о значеніи Вѣлинскаго, и Володи прочелъ ее въ нашей залѣ, которую уже всѣ звали библиотекой.

Кромѣ своей повѣсти и этихъ двухъ ученыхъ статей, я хо-

тѣль украсить номеръ еще стихотвореніемъ Малинина, и настоятельно потребоваль, чтобы онъ тоже сдѣлалъ съ своей стороны вкладъ въ общую сокровищницу. Но бѣдный Малининъ, терпѣливо промучившись часа полтора и истощивъ весь свой поэтическій талантъ на первую строчку: „грущу,—все сердце бѣдное въ клочкахъ,“ явился ко мнѣ и печально объявилъ, что у него нѣтъ вдохновенія. Послѣ этого мнѣ оставалось только посовѣтовать ему изорвать начало стиховъ въ такіе же клочки, въ какихъ находилось его сердце, и дожидаться пока осѣניתъ его поэтическое вдохновеніе.

Наконецъ, номеръ былъ почти совершенно готовъ, и чистенько переписанъ Малининымъ на лучшей министерской бумагѣ, по шести гривенъ за дестъ. Составъ его былъ слѣдующій: 1) *Два брата*, повѣсть Николая Негорева, 2) *Смерть*, стих. Сергѣя Овѣрина, 3) *Значеніе Бѣлинскаго*, статья Владиміра Шрама, 4) *Колесо*, стих. Николая Лебедева, 5) *Языкъ животныхъ*, статья первая Сергѣя Грачева, 6) *Смѣсь*: „Замѣчательное изъ недавно прочитаннаго“—Николая Лебедева; „Гипотеза о второмъ пришествіи“ Якова Протопопова.

Когда толстенькая тетрадка нашего журнала была вполне готова, виньетка превосходно разрисована и точно обозначено, на основаніи закона, мѣсто печатанія, въ типографіи Малинина, фамиліи редакторовъ—того же Малинина и Николая Негорева, и подписано: печатать позволяется, но съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ „Цензоръ С. Грачевъ,“—когда все это было совершенно, мы преподнесли первый номеръ „Опыта,“ на просмотръ Ивану Ивановичу.

На другой день онъ принесъ нашъ „Опытъ,“ забѣгалъ по классу, и залпомъ произнесъ свой приговоръ.

— Конечно, monsieur Негорвь, у васъ еще не тверда рука... Очень хорошенькое стихотвореніе Овѣрина. Впрочемъ, я не совѣтоваль бы особенно увлекаться стихотворной формой: объ ученыхъ статьяхъ я ничего не скажу, а ужъ гипотеза о второмъ пришествіи—я не знаю, что это такое.

Эта гипотеза была, дѣйствительно, такой удивительной вещью, что даже наша невзыскательная редакція не вдругъ рѣшилась ее помѣстить въ журналъ; но такъ-какъ авторъ жилъ на квартирѣ у Ивана Ивановича, мы сочли не совсѣмъ удобнымъ отказать ему. По предположенію Протопопова, второе пришествіе должно совершиться очень нескоро, такъ-какъ на небѣ есть безчисленное множество планетъ, населенныхъ такими же грѣшниками, какими были древніе евреи, греки и римляне. Иисусъ

Христось, просвѣтивъ римлянъ, евреевъ и грековъ, на землѣ, по мнѣнію автора, не можетъ оставить грѣшниковъ другихъ планетъ непросвѣщенными, и, если онъ на каждой планетѣ будетъ проводить по столку же лѣтъ, сколько прожилъ на землѣ, то второе пришествіе не можетъ воспослѣдовать раньше 35 миллионѡвъ лѣтъ, даже считая число планетъ равнымъ всего только одному миллиону.

Послѣ того, какъ „Опытъ“ осяятился такимъ образомъ, побывавъ въ рукахъ Ивана Иваныча, мы отнесли его въ бібліотеку и положили, для всеобщаго свѣдѣнія, рядомъ со настоящими журналами и газетами. Имъ тотчасъ же завладелъ Овѣринъ, и, несмотря ни на какія просьбы, не отдалъ его до тѣхъ поръ, покуда не дочиталъ до конца. Послѣ этого „Опытъ“ былъ прочитанъ торжественно, вслухъ, при многочисленномъ стеченіи слушателей, и заслужилъ всеобщее одобреніе.

— Ничего, братъ, ловко, одобряли авторовъ скромные люди, нечитавшіе ничего кромѣ учебниковъ.

— Слогъ недурень и идея есть, тономъ знатоковъ говорили завзятые посѣтителы бібліотеки.

„Опытъ“ вышелъ въ субботу. На другой день, въ воскресенье, напившись чаю, я вошелъ въ бібліотеку, и засталъ тамъ брата. Въ послѣднее время мы совсѣмъ перестали ходить къ Шрамамъ, такъ-какъ, по праздникамъ, въ бібліотеку приходило много своекоштныхъ, и у насъ въ пансіонѣ было очень весело. Андрей всѣ воскресенья проводилъ въ гимназіи; онъ сошелся почти со всѣми *на ты*, сдѣлался совершенно своимъ человѣкомъ, и даже обѣдалъ и ужиналъ съ нами.

Теперь, братъ сидѣлъ въ бібліотекѣ надъ развернутой тетрадю „Опыта“, курилъ папиросу и напѣвалъ солдатскую пѣсню, которую кадетскіе патриоты считали очень смѣшной.—

За святую Русь впередъ

Двинемтесь рядами:

Зейденштокеръ насъ ведетъ

И Цурмилень съ нами!

— Ты это меня что ли убійцей выставилъ? спросилъ Андрей.

— Вовсе нѣтъ. Нужно же было какъ нибудь провести идею.

— Знаю я—идею!—Ишь! себя благонравнымъ живописцемъ выставилъ, а меня убійцей!

Братъ началъ смѣяться, и не замѣчалъ, что Овѣринъ его тащить за руку. Наконецъ, послѣдній, потерявъ терпѣніе, ткнулъ его кулакомъ въ бокъ.

— Что? обернулся Андрей.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Т. СХСІV. — Отд. I.

27

Я вообще не любилъ разговаривать съ братомъ при постороннихъ, и былъ очень радъ, что Овѣринъ утащилъ его отъ меня въ корридоръ. Тамъ они начали прохаживаться, при чемъ Андрей, къ всегдашнему негодованію Овѣрина, нетерпѣваго никакихъ ласкъ, старался повиснуть на его рукѣ и прижаться къ нему какъ можно ближе.

— Такъ отдѣлаешь ихъ, отдѣлаешь? съ восторгомъ говорилъ онъ, тормоша соннаго Овѣрина.

— Ахъ, оставьте меня пожалуйста! брыкался тотъ.

— У насъ къ воскресенью будетъ готово? да?

— Да, объявилъ Овѣринъ. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ оттолкнулъ отъ себя Андрея, и пошелъ въ столовую.

Въ слѣдующее воскресенье, съ появленіемъ Андрея, появился въ бібліотекѣ сюрпризъ: новый журналъ. Рукопись его сохранилась у меня, и, просматривая теперь чистенькую тетрадку, переписанную рукой Бенедиктова, — мнѣ живо припоминается то невозвратимое время, когда мы всѣ были вмѣстѣ, и сердце мое сжимается грустью, какъ будто сейчасъ только простился со мной и уѣхалъ навсегда любимый дорогой человекъ. Чувствуется печальное безсиліе: возвратить или замѣнить чѣмънибудь минувшее.

Прежде всего, мнѣ вспоминается Бенедиктовъ, какимъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ:—въ грубой холщевой рясѣ, въ измятой поповской шляпѣ, румяный и здоровый, онъ сидѣлъ въ телегѣ, рядомъ съ молодой бабенкой—его женой, и, чмокая губами, дергалъ возжи замореной клячонки.

Послѣ этого, видится мнѣ Овѣринъ, вѣчно серьезный, ничему несмѣющійся и неудивляющійся, смотрящій на все такъ же спокойно, какъ смотритъ меланхоликъ на бѣснующихся, смѣющихся, дерущихся, ругающихся, говорящихъ всякую дичь, плачущихъ и танцующихъ своихъ товарищей. Чрезвычайно правильно и соразмѣрно сложенный, онъ очень походилъ на одного изъ американскихъ дикарей, въ томъ видѣ, какъ ихъ изображаютъ, смѣлой и красивой поступью прохаживающихся по дѣвственнымъ лѣсамъ. Овѣринъ былъ совсѣмъ не цивилизованъ, и въ его манерахъ не было и тѣни подленькихъ ухватокъ, встрѣчающихся не только у людей, но даже у домашнихъ животныхъ; онъ вездѣ былъ простъ до поразительности въ своихъ антично благородныхъ движеніяхъ. Все это, съ лошадиными глазами, глядѣвшими безъ всякаго выраженія, дѣлало его до послѣдней степени страннымъ, и часто очень смѣшнымъ.

Гдѣ-то онъ теперь, великодушный чудакъ?

Рукопись начинается слѣдующимъ образомъ:

НАБЛЮДЕНІЕ.

Журналъ, ежемѣсячно падающій съ неба, не имѣющій ни редактора, ни типографіи, ни цензора.

* * *

Будь онъ проклятъ, растлѣвающимъ —
Пошлай онытъ—умъ глупцовъ!

Н. Некрасовъ.

Одинъ ученый мужъ посоветовалъ издавать журналъ въ гимназій, на томъ основаніи, что Пушкинъ въ лицей тоже издавалъ журналъ. Начали издавать журналъ; вотъ онъ вышелъ—появился, появился, причесанный и приглаженный, какъ благонамѣренный Ваня изъ «Друга дѣтей», Ваня, который всегда чистилъ свои штаники и сапожки, вслѣдствіе чего дѣлается генераломъ, а, черезъ немного времени, попадаетъ въ царство небесное. Мы не хотимъ подобиться этому Ванѣ, а предпочитаемъ появиться со своимъ «Наблюденіемъ» подобно развратному Оедѣ, который не чистилъ никогда штаниковъ и сапоговъ, вслѣдствіе чего сдѣлался свинопасомъ, а черезъ немного времени, попалъ въ геену огненную. Мы предпочитаемъ потому походить на развратнаго Оеду, что не можемъ походить на благопристойнаго Ваню: мы хотимъ мыслить, а Ваня не можетъ мыслить, потому что благопристойному человѣку правилами приличій мыслить строго воспрещается. Благопристойный человѣкъ не смѣетъ подумать того, что не думаютъ другіе; онъ хорошо помнитъ азбуку, въ которой училъ, что кротость, цѣломудріе, смиреніе и щедрость—суть добродѣтели, а гордость, сластолюбіе, честолюбіе и скудость—суть пороки, и не смѣетъ сказать, что честолюбіе—добродѣтель, а лакейское смиреніе—порокъ. Мы же, какъ развратный Оеда, не боимся сдѣлать подобную неблагопристойность. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что журналъ «Опытъ» явился, и явился подъ редакціей двухъ благопристойныхъ мальчиковъ—Николи Негорева и Миши Малинина. Эхъ, вы пеклеванники съ патогой! Кислосладкіе бублики!—Редакторы! Что такое редакторъ?—Человѣкъ, дерзко на себя принимающій власть рѣшать, что хочетъ читать публика и чего она не хочетъ. Этой-то ужасной язвы общества, этихъ-то гасильниковъ просвѣщенія, этого-то позора человѣчества и XIX столѣтія, редакторовъ-то, гимназическій журналъ могъ бы вполне избѣгнуть. Но какъ же избѣгнуть?—Вѣдь это, значитъ, поступить такъ, какъ не поступаютъ другіе; справьтесь хоть въ самой азбукѣ—благопристойному человѣку этого дѣлать никогда не полагается. Подъ статьями принято подписываться,—нельзя же было и благопристойнымъ мальчикамъ не подписаться. Вотъ и явились всѣ на лицо: Никола Негоревъ, Волода Шрамъ, Сережа Грачевъ. Какъ будто не все равно, Никола или Сережа написавъ ту, или другую нелѣпность? Они даже цензора и типографію подписали, которой не имѣется. Нельзя же!—другіе такъ дѣлаютъ.

Но что же пишутъ благопристойные мальчики? Нечего и говорить, конечно, пишутъ благопристойныя вещи. Никола Негоревъ доказываетъ въ безцвѣтнѣйшей повѣсти очень вѣрную мысль, что сапожникъ такъ и родится сапожникомъ, и сколько его ни учи возить воду, онъ никогда не сдѣлается водовозомъ: все будетъ мечтать о шилѣ, да о дратвѣ. Въ доказательство

этого, онъ, видите ли, рассказываетъ, что были два брата: одинъ былъ рожденъ убійцей, и сколько его ни учили живописи, онъ ничему не научился, и совершилъ все-таки убійство; другой родился живописцемъ, и какъ ни учили его русской грамматикѣ, онъ остался безграмотнымъ человѣкомъ, но отличнымъ живописцемъ. Егго: если я родился отъ плотника, я больше имѣю склонности тесать доски, чѣмъ сынъ министра. Сынъ министра болѣе сына плотника способенъ управлять государствомъ; сынъ полководца—командовать арміей, сынъ солдата—стоять на часахъ и проч. Поэтому, сына хорошаго министра нужно какъ можно скорѣе сдѣлать министромъ, а сына полководца—полководцемъ. Сыну же бѣднаго плотника нечего и думать сдѣлаться художникомъ, писателемъ или полководцемъ, а должно полагать свое стремление исключительно въ обтесываніи досокъ. Вообще, самое лучшее, раздѣлить государство на касты, какъ это было въ древнемъ Египтѣ. Такъ думали въ древности, такъ думали въ средніе вѣка, передавая сыну хорошаго рыцаря титулъ барона и власть надъ леномъ, такъ думаютъ и теперь; какъ же благопристойнымъ мальчикамъ думать иначе?

Всѣ толкуютъ, что Бѣлинскій былъ великій критикъ, и благопристойный мальчишъ Володя Шрамъ толкуетъ это же самое. Всѣ хвалятъ повѣсти Тургенева, и благопристойный мальчишъ Никола Лебедевъ хвалитъ повѣсти Тургенева.

Только къ чему они толкуютъ то, что уже давно перетолковано, и хвалятъ то, что давно расхвалено?

Знаете ли вы, милые мальчики, что глупѣйшіе изъ васъ на званомъ пиру оказались умнѣйшими? Знаете ли, что нелѣпая и безграмотная статья о языкѣ животныхъ, читается съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ ваши умныя рѣчи о томъ; что Бѣлинскій былъ хорошій критикъ, а Тургеневъ—хорошій романистъ? Прочитавъ о томъ, что обезьяны имѣютъ свой языкъ, я все-таки подумалъ немного, пока убѣдился, что обезьяны лишены дара слова. А надъ вашими писаньями никто не задумается.

Но довольно! Я и такъ много размѣшалъ передъ вами бисера, милые паньки! Паточкой васъ надо кормить; за то, что вы умно себя ведете, я вамъ кашлю патоки.

Послѣ этого „рветъ и мечетъ“ (если можно сдѣлать такое существительное) Овѣрина, помѣщена была слѣдующая чепуха, принадлежащая перу Андрея.

КОМЕДІЯ ПЕРЕДЪ ВТОРЫМЪ НУМЕРОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Андрей Негоревъ, благодѣтельный геній.

Николай Негоревъ, редакторъ «Опыта» и вмѣстѣ съ тѣмъ убійца своего родного брата.

Мишка Малининъ, разбойникъ изъ Муромъ и тоже редакторъ «Опыта».

Владимиръ Шрамъ, ископаемый идиотъ, большая рѣдкость, имѣющаяся при редакціи «Опыта».

Грачевъ, изъ свиней.

Свинья.

Корыто.

Дураки.

Шрамъ. — Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, распахавшій впервые заглохшее поле русской критики, былъ сынъ бѣднаго лекаря (славыши собакѣ

лай, тытушинный крикъ, блеваніе козловъ и всякіе другіе скверныя звуки; входятъ оба редактора, за ними небольшая свита изъ дураковъ).

Николай Негоревъ (*Малинину*).—Прочти, мой другъ, новую повѣсть.

Малининъ (*читаетъ*).—«Два брата: Андрюша и Николашка, повѣсть въ двухъ лицахъ. Николашка былъ ужасный подлець, а Андрюша былъ добрый человѣкъ.

Николай Негоревъ.—Поправь: Андрюшка былъ ужасный подлець, а Никола — хороший человѣкъ.

Малининъ (*читаетъ*).—Николашка постоянно занималъ деньги у добраго Андрюши, и никогда не отдавалъ ихъ ему. Разъ Николашка сманилъ Андрюшу на войнишку...

Шрамъ (*перебиваетъ*).—Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, распахавшій впервые... (*одинъ изъ дураковъ бьетъ его по рылу, онъ умолкаетъ; въ это время входятъ нѣсколько дураковъ, и вносятъ корыто, вымазанное тушей*).

Малининъ (*осматривая корыто*).—Я замѣчаю: на гущѣ понадѣланы какіе-то знаки. Это, кажется, какое-то сочиненіе на свинскомъ языкѣ.

Николай Негоревъ.—Позвать Грачева: онъ изъ свиней, и хорошо знаетъ свинскій языкъ.

Грачевъ (*входитъ*).—Что угодно? (*начинается страшный шумъ; дураки лаютъ пособачьи, мяукаютъ покошачьи и кокурикаютъ попытушиному*).

Шрамъ (*читаетъ*).—Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, распахавшій впервые... (*Грачевъ бьетъ его по рылу; онъ умолкаетъ*).

Николай Негоревъ.—Въ редакцію прислана статья (*указывая на корыто*). Возьмите, пожалуйста, эту рукопись и прочтите намъ.

Грачевъ (*беретъ отъ дураковъ корыто*).—Почеркъ знакомый и корыто знакомое: гдѣ-то я угодился изъ этого корыта. (*Читаетъ*). «Хотя редакція «Опыта» и сотрудники этого журнала принадлежатъ къ презрѣнной двуногой породѣ людей, но по своему слогу и по своимъ прекраснымъ мыслямъ, они вполне заслуживаютъ быть поставленными на ряду со свиньями».

Дуракъ (*входитъ, докладываетъ*).—Одинъ изъ сотрудниковъ желаетъ видѣть редактора.

Николай Негоревъ.—Проси.

Свинья (*входитъ и останавливается, съ удивленіемъ глядя на Грачева*).—Хрю, хрю-рю-хрю!

Грачевъ.—Кого я вижу! Это она—моя божественная Хавронья! Хрю-рю!

Свинья.—Хрю-рю-хрю!

Грачевъ.—Хрю-рюхъ! (*Свинья бросается въ его объятія, они обнимаются, и целуются. Молчаніе. Нѣмая картина трогательнаго свиданія двухъ нѣжныхъ любовниковъ. Грачевъ о чемъ-то тихо разговариваетъ со свиньей на свинскомъ языкѣ*).

Свинья (*продолжая находится въ объятіяхъ Грачева*).—Рюхъ-тюхъ-рю-рю?

Грачевъ.—Предметъ моей страсти спрашиваетъ редакцію «Опыта», получена ли ея статья о свинской литературѣ.

Шрамъ (*подвертывается*).—Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, распахавшій... (*Грачевъ бьетъ его по рылу; онъ отходитъ*).

Николай Негоревъ.—Статья вашей невѣсты будетъ помѣщена въ слѣдующемъ номерѣ.

Грачевъ.—Хрю-хрю. (*Нѣжно обнявшись со свиньей, уходятъ*).

Николай Негоревъ.—Дураки, уведите идіота въ хлѣвъ, привяжите на цѣпь, и дайте ему немного сѣна, только поглядывайте, чтобы онъ не ушелъ. (*Дураки уведатъ подъ удочы Шрама; Малининъ и Николай Негоревъ ос-*

таются одни). Другъ мой! Добродѣтельный братъ мой не выходитъ у меня изъ головы. Я его ненавижу. Онъ невиненъ, и добръ, какъ ангелъ, а я золь, какъ дьяволь. Онъ уменъ, а я глупъ; ты знаешь: я глупъ непроходимо...

Малининъ.—По глупости, ты почти равенъ со мной.

Николай Негоревъ.—Я написалъ на него канальскую повѣсть, ничего не подѣйствовало: всѣ знаютъ его ангельскую доброту. Какъ бы мнѣ убить его? Я пробовалъ утопить его, но не утопалъ. Душа горитъ! Мнѣ хочется пить. Дай пить, да посвисти: я не могу пить, если подлѣ меня не свиститъ кто-нибудь (*Малининъ свиститъ, подобно кучеру, попящему лошадь*). Николай Негоревъ *пѣтъ*). Я такъ золь! Мнѣ хочется отвести душу: вели позвать идиота. (*Дураки вводятъ подъ узды Шрама; Николай Негоревъ бьетъ его нѣсколько времени, и, натѣшившись едовою, приказываетъ вести идиота на водопой; дураки вводятъ его*).

Малининъ.—Что, теперь тебѣ лучше?

Николай Негоревъ.—Нѣтъ. Я все думаю, какъ бы насолить брату (*въ раздуми*). Теперь я отмстилъ ему тѣмъ, что началъ писать свои глупости, срамите его фамилію. Но я отмщу ему еще больше: я сочетаюсь законнымъ бракомъ со свиньей, на которой хочетъ жениться Грачевъ. Этотъ тоже очень расхвастался своимъ свинскимъ языкомъ! Женюсь. Пусть Андрея Негорева, извѣстнаго всему городу съ лучшей стороны, зовутъ деверемъ свиньи!

Малининъ.—Хавронья смотрѣла на тебя довольно благосклонно.

Николай Негоревъ.—Женюсь.

Андрей Негоревъ (*неожиданно появляется*. Грозно). — Стой, мерзавецъ!

Николай Негоревъ (*падаетъ въ ноги брату*).—Прости меня!

Андрей Негоревъ.—Говори: «простите, ваше превосходительство» (*величественно*). Я за заслуги произведенъ въ генералы.

Николай Негоревъ.—Простите, ваше превосходительство! (*цалуетъ у своего благодѣтеля правую руку и лѣвую ногу*).

Андрей Негоревъ.—Ты хотѣлъ утопить меня, я простилъ тебя; ты хочешь жениться на свиньѣ — я прощаю тебя, — мало этого! — я хочу тебя осчастливить (*Николай Негоревъ цалуетъ полу шинели своего благодѣтеля*). Я буду издавать журналъ «Наблюденіе», и беру тебя къ себѣ на посылы (*Николай Негоревъ прыгаетъ въ восторгъ*). Твоего идиота я возьму къ себѣ въ кабинетъ, посажу въ банку со спиртомъ. Грачеву дамъ помойную яму — онъ тамъ можетъ жить безъ заботы со своей молодой женой. Малинина, Лебедева, Протопопова, отохлю въ деревню, чтобы выходились на подножномъ корму, и освобождаю ихъ на годъ отъ всякихъ работъ: на нихъ не будеть возить ни воды, ни сѣна. Дурацкій журналъ прекратите! (*Дѣлаетъ величественный жестъ. Осчастливленные наконецъ Николай Негоревъ и Малининъ отъ восторга благодарности, падаютъ ницъ, и со слезами цалуютъ слѣды ногъ своего благодѣтеля*).

Послѣ этого шли мелкія извѣстія, въ родѣ этого:

Тула. Мѣстныя мастерскія озабочены приготовленіемъ скоророды, которую будеть лизать въ аду извѣстный клеветникъ Николай Негоревъ, оклеветавшій своего родного брата, и проч., и проч.

За мелкими извѣстіями идетъ длинная статья Овѣрина, названная „Здравый смыслъ“, гдѣ онъ предаетъ послѣдній мучительному распятію, и размышляетъ, такъ-сказать, на вонь-тараты. Тутъ есть доказательства, что взятки полезны, что воду въ водку подливать очень хорошо, что Аскоченскій очень ум-

ный человекъ, что Пушкинъ — дуракъ, что самое лучшее быть сумасшедшимъ и проч. и проч.

„Вы меня считаете сумасшедшимъ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. — Знаете ли вы, любезные баричи, что вы говорите мнѣ такой комплиментъ, какого не могутъ выдумать во сто лѣтъ ваши слабыя головки? Вы—грязь, а все выдѣляющееся изъ грязи лучше грязи. Вы—вода, а сумасшедшій—капля масла, плавающая сверху воды, и нежелающая съ ней соединяться. Я горжусь, что вы признаете меня сумасшедшимъ, и гордился бы въ миллионъ разъ больше, еслибъ зналъ, что я дѣйствительно сумасшедшій“.

„Какъ почтененъ — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — отецъ семейства, берущій взятки! Онъ ведетъ борьбу съ закономъ и приличіями, упорную, борьбу, въ которой онъ, можетъ быть, изнемогаетъ, но онъ счастливъ при видѣ радости дѣтей, для счастья которыхъ жертвуетъ своей репутацией и жизнью. „Вы, Николинъ Негоревъ, не будете брать взятки, потому что не смѣете: боитесь, что о васъ скажутъ. Ваши дѣти будутъ умирать, а вы не возьмете взятки, на томъ основаніи, что другіе считаютъ это порокомъ“.

Журналъ заключался двумя письмами въ редакцію, сочиненными Андреемъ. Одно отъ старика-чиновника Чернилкина, героя моей повѣсти, сдѣлавшагося жертвой убійства. Онъ объясняетъ, что живъ и здоровъ, и что Николай Негоревъ, въ своей повѣсти, гнусно наклеветалъ на бѣднаго живописца за то только, что живописецъ нарисовалъ ему, Негореву, очень похожій портретъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ сходство съ сѣройблочной лошадию какого-то поручика Анучина. Въ другомъ письмѣ нянька Федосья убѣждала читателей не вѣрить Николаю Негореву, такъ-какъ онъ съ измалолѣтства имѣлъ врожденную склонность къ вранью, и, даже играя въ дурачки, всегда плутовалъ и обманывалъ ее, няньку, и своего честнаго и великодушнаго брата Андрея. Въ концѣ было помѣщено стихотвореніе: „Подойнись мнѣ снился во снѣ“, изъ буренки—съ коровьяго языка перевелъ Сергѣй Грачевъ. Это была единственная фамилія автора, подписанная подъ статьей „Наблюденія“: ни Овѣрнинъ, ни братъ не подписались, вѣроятно, соображая, что рѣшительно все равно, тотъ или другой написалъ ту или другую нелѣпность.

Появленіе новаго журнала возбудило большой фуроръ, и Андрей не могъ успокоиться отъ хохота, съ восторгомъ видя, какъ ругаются и отплеиваются читатели.

— Ну, что-жь ты это написалъ? говорилъ ему обиженный

Малининъ. — Когда я разбойничалъ? Я и въ Муромѣ не былъ никогда!..

— Чортъ-знаетъ, какая чепуха! сказала я, стараюсь скрыть свою досаду.—Въ заглавіи сказано, что я—убійца своего роднаго брата, а въ сценѣ нѣтъ никакого убійства.

— Ну, это сказано для красоты слога, засмѣялся Андрей.

— Вѣроятно, для красоты слога ты и это написалъ, что я у тебя постоянно беру въ долгъ деньги, и никогда ихъ не отдаю. Вѣдь найдутся дураки, которые повѣрятъ твоимъ глупостямъ.

— А пусть вѣрятъ!

— Это ужъ положительно безсовѣстно, тѣмъ болѣе, что не я у тебя, а ты у меня берешь деньги, и никогда ихъ не отдаешь, точно такъ же, не я тебя, а ты меня хотѣлъ утопить, сказала я, совсѣмъ разсердившись.

Видя это, Андрей пришелъ въ величайшій восторгъ, и залился самымъ веселымъ хохотомъ. Я даже плюнулъ, и чуть не попалъ на Грачева, который въ это время подошелъ къ намъ.

— Не подумайте, что я сержусь на шутку, сказала онъ брату:—я смѣялся, какъ лордъ Пальмерстонъ, читая остроуны на свой счетъ въ Пончѣ.

— Вотъ какъ! и въ Пончѣ даже острять на вашъ счетъ! сказала Андрей, но Грачевъ не слушалъ его, такъ-какъ въ это время пришелъ Овѣринъ, котораго авторъ „Языка животныхъ“ не могъ терпѣть всѣми силами своей львиной души.

— Ну, батинька, какую вы тутъ безстыдную дичь нагородили! сказала Грачевъ, подсакивая къ Овѣрину.

— А вамъ обидно? равнодушно спросилъ Овѣринъ, усаживаясь читать газеты.

— Нисколько! Развѣ можно обижаться глупостями! принужденно разсмѣялся Грачевъ.—Я сейчасъ говорилъ вотъ ему, что все не обижаюсь на его шутку... Но все-таки я скажу, что вы написали ужаснѣйшую чепуху, должно быть, это у васъ какъ-нибудь со сна случилось?

— Со сна? невнимательно повторилъ Овѣринъ, и погрузился въ чтеніе газеты.

— А! вотъ и вы! Прочтите-ка, батинька, прочтите-ка! подскочилъ Грачевъ къ только что вошедшему Володѣ, подавая ему тетрадь „Наблюденія“.

Грачевъ вообще въ это утро былъ какъ-то неловокъ, и хотя всѣми силами старался казаться совершенно спокойнымъ и непринужденнымъ, но излишняя развязность выдавала его. Видно было, что онъ, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ, какъ

человѣкъ, получившій оплеуху, и желающій увѣрить другихъ, что ударъ пришелся по плечу. По бойкой развязности, похожей на бахвальство, съ которой онъ подалъ Володѣ тетрадь „Наблюденія“, замѣтно было, что Грачеву думалось въ это время: „я ужъ похлебаль солоно, попробуй-ка и ты; посмотримъ, будешь ли такъ невозмутимо спокоенъ, какъ я“.

Шрамъ взялъ тетрадь, и началъ читать статью Овѣрина. Въ радостномъ ожиданіи той минуты, когда Володя, со всего разбѣга, наткнется на его пасквиль, Андрей тихонько потиралъ руки и корчилъ очень хитрыя гримасы кому-то изъ стоявшихъ противъ него гимназистовъ.

— Кто это писалъ? сказалъ Володя, прочитавъ первыя строки андреевской комедіи.—Такъ и пахнетъ кабакомъ! Какія площадныя ругательства!

Не дочитавъ нѣсколько строкъ до конца комедіи, Володя швырнулъ отъ себя тетрадь „Наблюденія“.

— Какъ не совѣстно класть сюда этакую мерзость!

— Чѣмъ же мерзость? Вы прочитайте! съ насмѣшливой услужливостью сказалъ Андрей, взявъ въ руки тетрадь.— „Твоего идиота Шрама возьму къ себѣ въ кабинетъ, посажу въ банку со спиртомъ“, громко продекламовалъ Андрей.

Всѣ захохотали. Володя сознавалъ, что онъ находится въ очень глупомъ положеніи; лицо его поблѣднѣло; губы дрожали отъ злости.

— Гдѣ вы воспитывались? прошипѣлъ онъ.

— Въ первомъ р-скомъ кадетскомъ корпусѣ, весело отвѣчалъ Андрей.

— Въ казармѣ, пробормоталъ Володя, взявъ фуражку, и торопливо ушелъ изъ зала.

На другой день Шрамъ, еще задолго до начала классовъ, пошелъ въ учительскую комнату, и поднесъ Ивану Ивановичу тетрадь „Наблюденія“.

— Новое періодическое изданіе, съ усмѣшкой сказалъ онъ.

Иванъ Ивановичъ началъ перелистывать журналъ съ проворной торопливостью бѣлки, роющей лапками въ мѣшкѣ кедровыхъ орѣховъ. Къ первому уроку онъ успѣлъ перемять всѣ страницы, и явился къ намъ въ классъ такой красный, что мнѣ даже показалось, будто его волосы на бакенбардахъ, каждый изъ которыхъ торчалъ совершенно самостоятельно не въ ту сторону, куда другой, немного покрылись краской стыдливости, разлившейся широкимъ заревомъ по всему лицу Ивана Ивановича. Онъ побѣгалъ-побѣгалъ по классу, рѣшительно бросилъ тетрадку „Наблюденія“ на столъ, и частая, звонкая рѣчь посыпалась у

него, точно онъ опрокинулъ кадку съ сухимъ горохомъ. Только при усиленномъ вниманіи можно было понять, что онъ недоволенъ статьей Овѣрина, и очень ратуетъ противъ мысли, что благопристойность исключаетъ возможность мышленія.

— Всѣ великіе люди были благопристойны, заключилъ онъ.

— Укажите хоть на одного, вдругъ сказалъ Овѣринъ, не поднимаясь со скамьи, какъ этого требовала бы вѣжливость. — Никто изъ нихъ не былъ благопристойнымъ.

— Кто же неблагопристоенъ? Русскіе великіе люди? Ермилъ Костровъ, что всегда готовъ, за одинъ полштофъ, написать сто стиховъ, кончающихся на *овъ*? съ горячностью барабанилъ Иванъ Иванычъ. — Кто же?

— Всѣ. Кто изъ великихъ людей говорилъ то же самое, что всѣ говорили? сонно спросилъ Овѣринъ.

— Изъ дѣйствительныхъ великихъ людей развѣ только Жанъ Жакъ Руссо... барабанилъ Иванъ Иванычъ, не слушая Овѣрина.

— Не въ томъ дѣло, не въ Руссо, почти дерзко сказалъ Овѣринъ:—а въ томъ, что я жалкое ничтожество, если мыслю и дѣйствую, соображая, что скажутъ обо мнѣ другіе.

— Это нелѣзность! вскричалъ Иванъ Иванычъ, бакенбарды котораго рѣшительно покраснѣли, и прыгали, и бѣгали вмѣстѣ съ ушами, съ носомъ и другими частями его тѣла.

Сухой, звонкій горохъ сыпался на полъ; ничего нельзя было понять изъ частой рѣчи, похожей на трещанье пожарной трещетки. Овѣринъ нѣсколько разъ пытался что-то сказать, но Иванъ Иванычъ неся, какъ перекатиноле, рѣшительно внѣ возможности остановиться.

— Ну, этакъ нельзя говорить, рѣшилъ Овѣринъ, разводя руками.

Побѣгавъ еще съ четверть часа и ни на секунду не умолкая, Иванъ Иванычъ схватилъ тетрадь „Наблюденія“ съ такой горячностью, какъ будто хотѣлъ кого-нибудь ударить ею.

— Что это такое? „Одинъ ученый мужъ посовѣтовалъ издавать журналъ“. Ужъ и это очень рѣзко! Бокъ совершенно справедливо признаетъ рѣзкость вѣрнымъ признакомъ недостатка образованія...

— Развѣ лучше бы было, еслибъ я сказалъ „неученый мужъ“? какъ будто нехотя спросилъ Овѣринъ.

Иванъ Иванычъ покраснѣлъ еще сильнѣе и запрыгалъ еще прытче.

— Но, это еще все ничего, барабанилъ онъ.—Дальше... (Иванъ Иванычъ такъ яростно переброевалъ нѣсколько страницъ, что чуть ихъ совсѣмъ не вырвалъ изъ тетрадки) ужъ это ни на что

не похоже: *Шрамъ-ископаемый* — что такое ископаемый? — *Идіотъ*. Развѣ могутъ быть ископаемые ідіоты? Да, наконецъ, это просто оскорбленіе, ругательство!

— Совсе не ругательство. Идіота нельзя же назвать мудрецомъ. Идіотъ — такъ ідіотъ и есть, съ убѣжденіемъ отозвался Овѣринъ.

Володя всталъ съ видомъ несправедливо оскорбленнаго благороднаго человѣка.

— Позвольте мнѣ уйдти отсюда, проговорилъ онъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе Ивана Ивановича, и устроить сцену. Но Иванъ Ивановичъ слышалъ горохъ своей рѣчи, и ничто въ мірѣ не могло, кажется, остановить отчаяннаго потока его краснорѣчія. Володя вышелъ, и сдѣлалъ большую ошибку, потому что лишился удовольствія слышать, какъ Иванъ Ивановичъ, преслѣдуя фразу за фразой, на голову разбивалъ обоихъ авторовъ „Наблюденія“.

— „Что хочетъ читать публика и чего она не хочетъ“, читалъ Иванъ Ивановичъ.— Недосказана фраза: публика можетъ не хотѣть многого: не хотѣть, чтобы ее поливали водой, чтобы сѣкли и проч. На концѣ фразы пропущенъ вопросительный знакъ. Во всей фразѣ вы возстаете противъ опеки редакторовъ. Но какъ же обойтись безъ редакторовъ? и проч. и проч.

Раздался звонокъ; Иванъ Ивановичъ положилъ подъ мышку „Наблюденіе“, и отеръ потъ съ лица.

— Я обойду все классы, и прочту вашъ журналъ со своими комментаріями, сказалъ онъ.— Все узнали ваши мнѣнія, пусть все узнаютъ и противоположныя мнѣнія — мои мнѣнія.

И цѣлый день онъ бѣгалъ по классамъ, съ величайшей горячностью стараясь разрушить авторитетъ (какъ онъ, вѣроятно, думалъ) Овѣрина и Андрея.

— Каково васъ на всехъ вселенскихъ соборахъ проклинаютъ? сказалъ я, отыскавъ Овѣрина.

— Глупецъ! презрительно сказалъ онъ, разумѣется относя этотъ эпитетъ не ко мнѣ, а къ Ивану Ивановичу.

Послѣ этого Иванъ Ивановичъ принялъ самое горячее участіе въ судьбѣ „Опыта“, и началъ просматривать все статьи, прежде ихъ помѣщенія въ журналѣ. Слѣдующій номеръ вышелъ у насъ черезъ двѣ недѣли. Въ немъ были помѣщены статьи новыхъ сотрудниковъ: прежніе, исключая меня и Малинина, кажется, навсегда отказались отъ участія въ гимназической литературѣ.

— Вы ничего не дадите въ этотъ номеръ? спросилъ я какъ-то Володю.

— Нѣтъ, ужь благодарю васъ. Я не желаю быть мишенью для ругательствъ вашего брата, высокоумно отвѣчалъ онъ.

— А вы, Грачевъ? обратился я къ стоявшему тутъ же ученому жениху Хавроньи.

— Ну, ихъ! все это глупости! презрительно сказалъ авторъ изслѣдованія о языкѣ животныхъ.

Во второй номеръ втѣснились даже четвертоклассники, и я, съ крайнимъ моимъ неудовольствіемъ, долженъ былъ согласиться на требованіе Ивана Иваныча помѣстить рассказъ „Охота за кротоми“, лишенный всякой идеи. Но, что всего досаднѣе — этимъ пустынькимъ рассказомъ невѣжественные читатели интересовались гораздо больше, чѣмъ моей повѣстью, въ которой, по всеобщему приговору знающихъ людей, великая идея о врожденности талантовъ была проведена очень недурно.

Выпустивъ второй номеръ, мы ждали, что скажутъ Овѣринъ и Андрей, но они ничего не сказали. Съ Андреемъ въ это время случилась скверная исторія. Онъ очень неосторожно подсмѣялся надъ какимъ-то толстымъ офицеромъ въ корпусѣ, и послѣдній вздумалъ-было надрать ему уши, но Андрей, считавшій себя уже довольно солиднымъ мужчиной (ему было семнадцать лѣтъ), протестовалъ противъ этого намѣренія ударомъ въ брюхо. Такая дерзость кадета противъ офицерскаго брюха была величайшимъ преступленіемъ, и Андрея надолго посадили въ какую-то „Потѣшную цитадель“, построенную въ корпусномъ саду, еще чуть ли не во времена Петра Перваго. Туда сажали только такихъ важныхъ преступниковъ, для которыхъ обыкновенный карцеръ считали недостаточно крѣпкимъ.

Я хотѣлъ-было навѣстить брата, и мы ходили вмѣстѣ съ Малининымъ въ корпусъ, но видѣли только „Потѣшную цитадель“, маленькій, развалившійся домишко съ рѣшетчатыми окнами: къ Андрею насъ не допустили.

— Скоро ли его выпустятъ? спросилъ я швейцара.

— Не могу знать — какъ рѣшатъ.

— А какъ вы думаете?

Солдатъ помялся, и нерѣшительно отвѣтилъ, что Андрей, по всей вѣроятности, угодитъ подъ красную шапку.

— Вѣдь это нехорошо, если его отдадутъ въ солдаты; ты бы хлопоталъ, наивно посоветовалъ мнѣ Малининъ.

Однакожь, при всемъ желаніи хлопотать за Андрея, я могъ только извѣстить о случившемся отца. Исторію, впрочемъ, при помощи старыхъ знакомыхъ отца, удалось кой-какъ замять, хотя Андрей все-таки просидѣлъ въ „Потѣшной цитадели“ болѣе трехъ

недѣль. Въ этихъ обстоятельствахъ, ему, понятно, было не до „Наблюденія“.

Овѣринъ въ это время тоже забылъ свой журналъ. У него умерла тетка, и къ нему явился попечитель, нѣкто Ароновъ — первый р—скій богачъ, который заявилъ ему, что онъ можетъ, если захочетъ, переселиться изъ пансіона на вольную квартиру, но Овѣринъ не изъявилъ на это согласія, и попросилъ только пятьдесятъ рублей на книги. На эти деньги онъ купилъ себѣ соломенную шляпу (разсуждая, что чѣмъ легче головной уборъ, тѣмъ онъ меньше отягощаетъ голову и мѣшаетъ мыслить) и кипу книгъ. Еще мечтая сдѣлаться великимъ полководцемъ, онъ успѣлъ пристраститься къ математикѣ, и теперь налегъ на этотъ предметъ съ такимъ усердіемъ, что совершенно пересталъ ходить въ библиотеку. Проводя цѣлые дни съ книгой въ рукахъ, Овѣринъ перемѣнялъ только положенія своего тѣла. Уставши сидѣть, онъ становился къ окну, и, высоко держа передъ глазами книгу, простаивалъ въ позѣ статуэтти донъ-Кихота по нѣскольку часовъ, не замѣчая, что первоклассники и второклассники окружаютъ его въ такихъ же точно позахъ, какъ онъ, съ книгами въ рукахъ и потѣшаютъ на его счетъ присутствующую публику.

Вообще „Наблюденіе“ прекратилось; но братъ не оставилъ своей литературной дѣятельности. Онъ вышелъ изъ заключенія въ какой-то раздумчивости: ему долго стыдно было признаться, что онъ сталъ ненавидѣть ту военную службу, которой прежде восхищался, но, наконецъ, онъ признался, написавъ съ этой нарочитой цѣлью особую повѣсть, подъ названіемъ: „Въ Потѣшной цитадели“, которую и принесъ мнѣ какъ-то въ воскресенье. Герой этого разсказа, вовсе неспособный къ военной службѣ, страдалъ, по волѣ деспота-отца, въ корпусѣ, вслѣдствіе чего рѣшился сдѣлать преступленіе, чтобы быть исключеннымъ изъ ненавистнаго заведенія. Но за преступленіе его садятъ только въ „Потѣшную цитадель“. Здѣсь Андрей очень трогательно описывалъ свои страданія подъ арестомъ, дѣлая повременамъ злобныя отступленія то по поводу деспотизма родительской воли, то по поводу систематической жестокости военной дисциплины и солдатской выправки.

Ивану Иванычу очень понравилась его статья, и мы помѣстили ее, къ удовольствію автора, въ ближайшемъ же номерѣ „Опыта“. Это былъ послѣдній номеръ нашего журнала. Мы выросли, и наша литература казалась намъ смѣшной дѣтской игрой: не смотря на подстрекательство Ивана Иваныча, никто не хотѣлъ больше писать. Да и самъ ученый бакалавръ скоро сталъ ка-

заться намъ очень наивнымъ и смѣшнымъ со своими ученѣйшими записками по логикѣ и теоріи поэзіи.

— Ты сбереги этотъ номеръ, сказалъ мнѣ Андрей, принося зачитанную тетрадь „Опыта“ со своей статьей. — Какъ поѣдешь домой, покажи папашѣ мою статью.

— Не его ли ты выставляешь подѣ видомъ тирана-отца?

— Нѣтъ, я такъ хочу... я тебя прошу, смущенно и серьезно отвѣчалъ Андрей. Вообще къ нему очень не шла серьезность, и онъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не смѣялся, чувствовалъ себя очень неловко и казался какъ будто сердитымъ.

Въ послѣднее время онъ что-то чаще и чаще началъ дѣлаться серьезнымъ. Это было очень странно; къ довершенію всего, отецъ, никогда ничего неписавшій намъ, началъ присылать на имя Андрея какія-то нелѣпыя письма. — „Любезный Андрюша, писалъ разъ отецъ, — я глубоко раскаиваюсь, и подаль въ уѣздный судъ прошеніе: хочу, по твоему совѣту, опредѣлиться писцомъ, и служить впредь по штатской службѣ. Отецъ твой Николай Негоревъ“.

— Что это такое? спросилъ я брата, прочитавъ ему письмо.

— Глупости, мрачно отвѣчалъ Андрей.

Въ другой разъ на бумагѣ, въ которую было завернуто наше мѣсячное жалованье, приславшееся прежде безъ всякихъ комментарій, я нашелъ слѣдующую надпись, сдѣланную рукой Савушки: „Я не согласенъ съ тобой: стрѣляется только презрѣнная военщина: штатскому человѣку приличнѣе удавиться. Пистолеть въ карманѣ не носи: найдутъ какъ-нибудь — выдерутъ розгами. Отецъ Николай Негоревъ“.

Братъ не давалъ мнѣ никакихъ объясненій, и я догадывался только, что это, по всей вѣроятности, отвѣты на его письма, посылаемые тайкомъ отъ меня въ деревню.

XIV.

Я дебютирую какъ очень молодой человѣкъ.

Когда я пріѣхалъ на вакацію, перейдя изъ пятого въ шестой классъ, Авдотья Николаевна уже не было, и изъ комнатъ совершенно исчезъ отвратительный жасминный запахъ. Сестра была ужъ не дѣвочкой, а почти дѣвушкой, и тетка наединѣ, по секрету, объяснила мнѣ, что съ сестрами, въ такомъ возрастѣ какъ она, взрослымъ братьямъ не совсѣмъ прилично цаловаться даже

въ радостную минуту прибытія на каникулы. Отецъ хворалъ, и не вставалъ съ кресель.

— Ну, что, какъ поживаешь? спросилъ онъ меня, когда я пришелъ въ кабинетъ поздороваться съ нимъ. — Скажи пожалуйста—что это нашъ Андрей, съ ума сходитъ что-ли?

— Не знаю, отвѣчалъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Да ты выдаешься съ нимъ?

— Видаюсь.

— Что же онъ такое, — говорилъ что-нибудь тебѣ?

— Ничего; онъ просилъ меня только дать вамъ прочесть его повѣсть.

— Глупость, я думаю, какая-нибудь.

Я все-таки сходилъ къ себѣ наверхъ, вынулъ изъ чемодана „Опытъ“ со статьей брата, и положилъ его передъ отцомъ.

— Онъ показывалъ тебѣ свои письма? — Нѣтъ? ну, вонъ посмотри, въ правомъ ящикѣ...

Тучное тѣло отца задрожало отъ смѣха.

— Вотъ Богъ далъ чадо-то! Укоряетъ меня, что я въ военной службѣ вѣкъ загубилъ! Жаль — когда я опредѣлился — съ нимъ нельзя было посоветоваться, съ усиленіемъ отъ душившего его смѣха проговорилъ отецъ, со слезами на глазахъ.

Я началъ разбирать письма; они были написаны, какъ будто въ бреду, съ такой горячей мальчишеской задорностью, что, читая ихъ, нельзя было не улыбнуться.

Вотъ одно письмо:

„Любезный папаша! Чаша страданій моихъ переполнилась. Я не могу больше терпѣть. Каждый лишній часъ въ корпусѣ кажется мнѣ вѣчностью. Между тѣмъ, какъ мой братъ развивается и сдѣлается полезнымъ гражданиномъ, я терзаюсь презрѣніемъ къ самому себѣ. Куда я буду годенъ въ военной службѣ? Я чувствую въ глубинѣ души, что вовсе неспособенъ быть военнымъ. Если я останусь здѣсь, если вы меня не возьмете изъ этого ада, будетъ что-нибудь одно: или я умру отъ тоски и отчаянія, или я застрѣлюсь. Я предпочитаю послѣднюю смерть, и всегда ношу съ собой заряженный пистолетъ. Ради Бога поспѣшите—не доведите меня до отчаянія, до самоубійства! Я приѣду въ деревню, и въ одинъ годъ догоню Николу; мы вмѣстѣ поступимъ въ университетъ. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ. Одинъ мигъ — и меня не будетъ существовать: я буду лежать съ раздробленнымъ черепомъ“.

Когда я кончилъ пересматривать послѣднія письма Андрея, въ которыхъ онъ безпрестанно выражалъ самое рѣшительное желаніе умереть, или выйти изъ корпуса, — отецъ попросилъ

меня прочитавъ его статью. Онъ до слезъ хохоталъ надъ наивными усиліями Андрея утопить въ ложкѣ воды, обличить и всачески уязвить тирана-отца, томящаго сына въ военной службѣ, въ то время какъ тотъ всѣми силами своей благородной души рвется на гражданское поприще.

— Какъ ты думаешь, улыбаясь спросилъ меня отецъ, когда я кончилъ чтеніе: — въ самомъ дѣлѣ онъ хочетъ въ университетъ, или это такъ, дурь одна?

— Какъ же не хотѣть въ университетъ! Изъ корпуса его выпустятъ какимъ-нибудь жалкимъ прапорщикомъ, а тутъ...

— Что же тутъ?

— Тутъ открывается широкое поле...

— Какое поле? насмѣшливо спросилъ отецъ.

Я смотрѣлъ въ то время на университетъ, какъ на нѣкое святилище, въ которое стоитъ только войти, чтобы немедленно сдѣлаться уже порядочнымъ мудрецомъ. Я даже чувствовалъ какое-то благоговѣнное недоувѣріе, что настанетъ когда-нибудь минута, въ которую и я, недостойный, ступлю на порогъ этого святилища. Такъ думаетъ о Іерусалимѣ богобоязненная старушка, отправляющаяся изъ Москвы ко святымъ мѣстамъ. Я съ такимъ жаромъ началъ объяснять отцу значеніе университета, такъ горячо выставлять преимущества университетскаго образованія передъ жалкой выучкой въ кадетскомъ корпусѣ, что долго не замѣчалъ, что отецъ снисходительно посмѣивается надо мной, какъ посмѣиваются отцы надъ глупостями своихъ наивныхъ дѣтей.

— Не мое дѣло, вдругъ остановилъ меня отецъ: — онъ ужъ не маленькій; пусть идетъ, коли хочетъ, въ университетъ, только, кажется, ничего изъ этого не будетъ...

— Ужъ это отъ него зависитъ, съ убѣжденіемъ сказалъ я, какъ человекъ вполне понимающій важность обсуждаемаго вопроса.

— Ого! Ты ужъ басомъ началъ говорить, засмѣялся отецъ. — Позови-ко сюда вашего американскаго болотнаго жителя.

Такъ отецъ называлъ почему-то Савушку, который успѣлъ уже совершенно приручиться и сдѣлаться въ домѣ своимъ человекомъ, хотя все еще не приобрѣлъ достаточнаго навыка при обращеніи со столовыми ножами, вилками и ложками. Онъ жилъ уже во флигелѣ, въ комнатѣ умершаго Михѣича, и принялъ на себя нѣкотораго рода дѣловой видъ. При тетужкѣ Савельевѣ исполнялъ должность чтеца, и вѣроятно мучился не меньше меня надъ сочиненіями разныхъ госпожъ Жанлисъ, Генъ и другихъ; у отца онъ былъ письмоводителемъ и дѣлопроизводителемъ по

всѣмъ его дѣламъ, не исключая объясненій съ исправникомъ и написанія писемъ къ родственникамъ и знакомымъ. Несмотря на эти трудныя обязанности, Савушка находилъ время заниматься охотой и употреблялъ для этой цѣли отцовское ружье и Барбоску, котораго, за старостію лѣтъ, не привязывали на цѣпь. — „Одно ружье ужь испортилъ, портить другое; жду, скоро ли придетъ за третьимъ“, съ комическимъ сокрушеніемъ говорилъ отецъ, вида длиннаго, носатаго, загорѣлаго американскаго болотнаго жителя, отправляющагося съ огромнымъ ягдташемъ и Барбосомъ на охоту, или возвращающагося съ оной, всегда налегкѣ, безъ всякой добычи.

Отецъ съ Савушкой занялись сочиненіемъ прошенія къ корпусному начальству, а я взялъ повѣсть брата, и отправился читать ее теткѣ и сестрѣ. Съ первыхъ же строкъ обѣ слушательницы начали безпрестанно перебивать меня, и я долженъ былъ на время приостановиться, чтобы удовлетворить ихъ жгучее любопытство.

Сестра смѣялась, и закидывала меня вопросами — что такое „Потѣшная цитатель“, есть ли тамъ крысы и какой, примѣрно, величины, кормили ли тамъ брата и, если кормили, то чѣмъ именно, и проч. и проч. Тетка, напротивъ, не только не выказывала никакого сочувствія къ автору, но приходила въ положительную ярость отъ неприличной рѣзкости и грубости тона, увѣряя, что она всегда говорила, что изъ Андрея выйдетъ большой грубиянъ, а пожалуй и разбойникъ.

— Объ отцѣ-то! Ахъ ты Господи! Показывалъ ты ему это? ужасалась тетушка непочтительностью брата къ родителямъ.

— Показывалъ.

— Что же онъ?

— Смѣется.

— Ему хоть кожь на головѣ теши, онъ все будетъ смѣяться.

Я хотѣлъ-было продолжать, но тетушка нашла, что такія мерзости нельзя слушать молодой дѣвушкѣ, а потому велѣла мнѣ отнести „Опытъ“ и спрятать въ чемоданъ какъ можно дальше отъ Лизы. Это, однакожь, не помѣшало мнѣ прочесть Лизѣ (конечно одинъ на одинъ) не только „Опытъ“, но и „Наблюденіе“ со статьями Овѣрина, за которыя тетушка приговорила бы автора, покрайней мѣрѣ, къ колесованію.

— Какой онъ дуракъ! вскричала сестра, когда я кончилъ статью Овѣрина.

— Ну, не всѣмъ дуракъ; поумнѣе насъ съ тобой, сказалъ я, недовольный легкостью, съ какой она произнесла свой рѣзкій приговоръ надъ моимъ товарищемъ.

— Онъ говорить, что нужно дѣлать все неприличное. Значить, можно садиться на полъ, класть ноги на столъ, ѣсть руками, горячо сказала Лиза.

— Вовсе не то. Не нужно только стѣсняться приличіями. Напримѣръ, не принято ѣсть руками, но если нѣтъ вилокъ — не нужно оставаться голодомъ, боясь нарушить приличія. Напримѣръ, ты встрѣчаешь въ обществѣ глупца, который лжетъ что нибудь, обличить его считается неприличнымъ, а ты обличи...

Я былъ въ томъ возрастѣ, когда составляются самые великолѣпные планы будущаго, и когда человѣкъ особенно склоненъ обращать другихъ въ своихъ вѣру, поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ занялся просвѣщеніемъ сестры, и немедленно сказалъ ей рѣчь страницъ въ восемь убористой печати, гдѣ выложилъ всѣ свои либеральныя сокровища, положительно доказавъ, что у насъ многое и многое, а въ особенности приличія, такъ устарѣло, что никуда не годится. Сестра съ удивленіемъ слушала меня, но, кажется, довольно внимательно.

— Если мнѣ, напримѣръ, жарко, спросила она: — значить, я могу ходить безъ платья, въ одной рубашкѣ?

— Конечно, можно, съ увѣренностью отвѣтилъ я.

Лиза засмѣялась, но, вѣроятно, мои доводы произвели на нее свое впечатлѣніе, такъ-какъ послѣ этого она весь вечеръ шаталась по саду, напѣвала подѣ носъ какую-то пѣсню, и что-то обдумывала. Не знаю, до чего она додумалась, только передъ чаемъ Лиза спросила меня, какъ выглядить изъ себя Овѣринъ, блондинъ онъ или брюнетъ?

Недѣли черезъ двѣ, когда я только что всталъ съ постели и одѣлся, въ мою комнату неожиданно вошелъ братъ. Онъ былъ все еще въ военной формѣ, но погоны были уже оборваны, да и весь свой ненавистный мундиръ онъ, кажется, нарочно засалилъ и порвалъ во многихъ мѣстахъ. Въ ногахъ у него терлась какая-то лягавая собачонка, смотрѣвшая такъ же пугливо, какъ ея хозяинъ, теперь очень походившій на отрепаннаго и грязнаго блуднаго сына, возвратившагося въ родительскій домъ, послѣ печальныхъ завтраковъ изъ одного корыта со свиньями.

— Я прямо къ тебѣ прошелъ, сказалъ онъ тѣмъ осторожнымъ и торопливымъ голосомъ, какимъ переговариваются два вора, влѣзая въ окно. — Что папаша?

— Ничего, съ изумленіемъ отвѣчала я.

— Ты никому не говори, что я пріѣхалъ... Папаша очень сердится?

— Конечно, сердится; еще бы ты писалъ такія глупости, по-

стращаль я брата, желая ему отплатить за то, что онъ тайлся отъ меня со своими письмами.

— Что же онъ говорилъ?

Братъ очень часто обманывалъ и мистифировалъ другихъ, и еще недавно мы съ Малининымъ, какъ дураки, прогулялись, по его милости, въ Жидовскую слободку смотрѣть слона, котораго даже и не думали привозить въ нашъ городъ; мнѣ въ это время пришла въ голову жестокая мысль отомстить ему сразу и за слона, и за всѣ его прежнія пакости.

— Онъ ждетъ все тебя, говорилъ что-то Ефиму: кажется, тебя хотятъ высѣчь на конюшнѣ, сказалъ я.

— А, чортъ ихъ возьми!—пусть же дождаются! вдругъ крикнулъ на меня Андрей, точно я его дожидался, чтобы отодрать на конюшнѣ.

Прокричавши это, онъ хватилъ шапку, повернулся къ дверямъ, и вмѣстѣ съ собакой побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Я не на шутку испугался, и былъ очень радъ, когда мои покаянные крики остановили наконецъ Андрея. Но онъ возвратился ко мнѣ въ комнату съ видимой недовѣрчивостью, можетъ быть, думая, что я устроилъ ловушку и хочу предать его Ефиму, злорадно дождающемуся на конюшнѣ возвращенія своего прежняго друга.

— Ладно. Пусть! сказалъ Андрей, бросая объ полъ свою фуражку съ отчаянной рѣшимостью человѣка, восклицающаго: „будь что будетъ—живой не сдамся!“

Я кой-какъ уговорилъ Андрея; мы заперли въ комнатѣ собаку, и отправились вмѣстѣ къ отцу.

Братъ, впрочемъ, видимо не довѣрялъ мнѣ. Войдя въ кабинетъ, онъ остановился изъ предосторожности въ дверяхъ, и ждалъ какъ его приметъ отецъ, очевидно намѣреваясь задать стрекача при первомъ намежѣ на конюшню.

— Ну, что, сочинитель, не раздробилъ себѣ черепа? сказалъ отецъ.

Это, кажется, успокоило опасенія Андрея насчетъ конюшни со всѣми ея ужасными послѣдствіями.

— Вы не сердитесь, папаша, миленькій! вскричалъ онъ, и бросился цаловать отцу руки и лицо.

Вообще Андрей никогда не сдерживалъ своихъ порывовъ, и между тѣмъ какъ меня всегда останавливала мысль—понравится ли другому дурное изліяніе моихъ чувствъ, — братъ, если ему это хотѣлось, кидался на шею, не справляясь о послѣдствіяхъ. Отецъ ласково отстранилъ его рукой, и погладил по головѣ.

— Что же, будешь готовиться въ университетъ? То-то, я думаю, книгъ-то, книгъ-то навезъ съ собой!

— Я не привезъ, смущенно сказалъ братъ. — Вѣдь у Николи есть книги.

— Не привезъ?! съ удивленіемъ воскликнулъ отецъ, точно до этого Андрей всегда привозилъ съ собою цѣлыя фуры книгъ. — Куда же ты истратилъ пятьдесятъ рублей?

— Я купилъ понтера, тихо проговорилъ Андрей.

— Что?

— Я купилъ понтера-собаку.

— Это хорошо, я самъ слыхалъ, что съ собаками гораздо лучше готовиться въ университетъ, чѣмъ съ книгами. Гдѣ же твой понтеръ? Охъ!

Туловище отца трянулось отъ смѣха, точно корона дерева, дрожащая на вѣтру всѣми своими листьями, глаза его наполнились слезами; нѣсколько секундъ онъ сидѣлъ съ разинутымъ ртомъ, захлебнувшись смѣхомъ и не будучи въ состояніи издать ни одного звука.

— Покажи его... наконецъ, съ усиліемъ проговорилъ отецъ.

Андрей нехотя отпирался за понтеромъ, и не совсѣмъ нѣжно втолкнулъ свою, ни въ чемъ неповинную, покунку въ кабинетъ. За нимъ вошли тетка и сестра, съ удивленіемъ смотрѣвшія на отрепанную курточку Андрея и на его собаку, которая боязливо поджала хвостъ и имѣла большое желаніе спрятаться куда-нибудь подъ стулъ. Отецъ осматрѣлъ собаку и объявилъ, что Андрея надули, такъ-какъ какъ этотъ понтеръ вовсе не годится для охоты, но, что, впрочемъ, онъ, можетъ быть, годенъ для приготоовленія въ университетъ.

Несчастный понтеръ все лѣто не давалъ брату покоя, и онъ, въ концѣ концовъ, изо всѣхъ силъ возненавидѣлъ это бѣдное животное. Но, несмотря на это, Андрей не оставлялъ свою собаку безъ дѣла, и каждый день таскалъ ее, вмѣстѣ съ Барбоской и Савушкой, на охоту. Сначала оба охотника довольствовались однимъ ружьемъ, но потомъ Андрей, вѣроятно, нашель, что они такимъ образомъ сжигаютъ слишкомъ мало пороха и пугаютъ очень недостаточное число воробьевъ, а потому убѣдиль меня выпросить у отца другое ружье. Послѣ этого, братъ сталъ исчезать на цѣлыя дни, и только громкая и частая пальба около усадьбы давала чувствовать его присутствіе. Со мной онъ почти не говорилъ и еще меньше объяснялся съ сестрой и теткой, которыхъ всѣми силами старался избѣгать, а потому мы ничего не могли отвѣтить отцу на его вопросы касательно намѣреній Андрея о поступленіи въ университетъ.

Мнѣ самому очень хотѣлось поговорить съ Андреемъ, и такъ-какъ для этого всего удобнѣе было отыскать его гдѣ-нибудь въ

лѣсу, я отправился на поиски. Къ моей неудачѣ, Андрей почему-то въ это время пересталъ стрѣлять, и я пробродилъ довольно долго, покуда наткнулся на стогъ, подъ которымъ онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ какимъ-то парнемъ, жевавшимъ что-то, подставивъ руку подъ подбородокъ, чтобы крошки не падали на землю.

— Вотъ зачѣмъ такъ у насъ—и отпороли бы, съ увѣренностью поканчивалъ Андрей какой-то споръ, очевидно происшедшій у нихъ съ мужикомъ.

— Конечно, мужикомъ быть вольнѣе. Кто говоритъ! соглашался его собесѣдникъ.

— Еслибъ я былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы ничего не думалъ, сказалъ Андрей, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ волновался изсушающими думами и заботами.

— Ну, и у насъ то же бываетъ...

Мужикъ не договорилъ, такъ какъ въ это время я вышелъ изъ-за стога, и онъ вскочилъ на ноги, неловко поклонившись мнѣ при этомъ.

— Ступай, любезный, своею дорогой. Мнѣ съ тобой, Андрюша, поговорить нужно, сказалъ я, сядя около брата, на сѣно.

— Зачѣмъ ты его прогналъ? Что такое?

Я помолчалъ, не зная, съ чего начать разговоръ. Андрей лежалъ играя шомполомъ своего ружья.

— Что же ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь поступить въ университетъ? наконецъ неловко спросилъ я.

— Нѣтъ, я шучу!

— Пора бы тебѣ ужъ готовиться...

— Убирайся ты, пожалуйста, къ чорту со своими совѣтами.

— Ты не поступишь въ университетъ, рѣшительно сказалъ я.

— Тѣмъ лучше.

Андрей всталъ и ушелъ, оставивъ меня въ самомъ обидномъ положеніи человѣка, укушеннаго собакой, которую онъ хотѣлъ погладить и приласкать. Я полежалъ, полежалъ на сѣнѣ, и съ досадой пошелъ домой. Нечего и говорить, что это обстоятельство еще больше разъединило насъ съ Андреемъ. Я придумалъ до тысячи блестящихъ остротъ, которыми надоѣдалъ брату въ теченіе всего лѣта, и мы немного примирились съ нимъ только передъ моимъ отъѣздомъ въ городъ, когда онъ началъ давать мнѣ разныя порученія къ Новицкому, Бенедиктову и Овѣрину. Между письмами и стихами для Овѣрина, Андрей отправлялъ въ городъ и своего пресловутаго понтера. Эту рѣдкость онъ предназначалъ сначала для Бенедиктова, а такъ-какъ я весьма основательно замѣтилъ, что Бенедиктову самому ѣсть нечего, а

потому понтеръ у него, по всей вѣроятности, скоро издохнетъ— Андрей перемѣнилъ свое намѣреніе, и велѣлъ отдать свою собаку Ольгѣ, которая живетъ у Шрамовъ.

— Развѣ она тамъ? спросилъ я.

— Да. Я въ нее влюбленъ, извѣстилъ меня на всякій случай братъ.—Только къ этимъ Шрамамъ теперь совсѣмъ не стоитъ ходить: къ нимъ столько набирается всякихъ проклятыхъ бабъ, студентовъ и офицеровъ, что просто проходу нѣтъ.

— Она ужь, я думаю, большая, взрослая? спросилъ я, вспоминая рыжую дѣвочку, грызшую себѣ ногти.

— Кто? засыпая, спросилъ братъ. Разговоръ нашъ происходилъ вечеромъ, когда мы ужь улеглись въ постели.—Да, Большая. Настоящая Психея. Чтѣ бы ей такое написать съ тобой?

— Я не повезу письма.

— Но вѣдь ты повезешь же понтера?

— И понтера—ужь не знаю...

Братъ, впрочемъ, настоялъ на томъ, чтобъ я утромъ забрала письма, которыя онъ приготовить и оставить на столѣикѣ, а также увезъ съ собой и его понтера, котораго у него просила уже Ольга и который ему ужь давно сдѣлался бѣльмомъ на глазу.

Утромъ, онъ, уходя, заперъ собаку въ комнатѣ, и она разбудила меня своимъ визгомъ. Я встала и начала собираться въ дорогу. Утро было какое-то сѣренькое, облака заволакивали солнце, и было довольно холодно. Я очень лѣниво укладывался, не призывая никого помочь мнѣ, чтобы не ускорить часъ отъѣзда. Въ комнату неожиданно вошла сестра.

— Что нужно? грубо спросилъ я, недовольный, что она помѣшала мнѣ быть одному.

— Андрюша ужь ушелъ? спросила Лиза, оглядывая всѣ углы, какъ будто надѣясь найти Андрюшу подъ столикомъ или въ рукомоиникѣ. Этотъ тщательный обзоръ, конечно, долженъ былъ убѣдить ее, что брата нѣтъ въ комнатѣ; но она не уходила, очевидно придя не затѣмъ, чтобъ повидаться съ Андреемъ.

— Никола, сказала она, наконецъ, лаская собаку, чтобы не смотрѣть на меня. — У тебя дѣла Андрюшина статья?

— Цѣла... А что?

— Оставь мнѣ ее...

— Зачѣмъ тебѣ?

— Такъ, тихо отвѣчала она, совсѣмъ наклонившись надъ собакой.

Лиза была очень смущена; мнѣ стало жаль ее. Я понялъ, что бѣдная дѣвочка, встрѣчавшаяся съ посторонними мужчинами

только въ романахъ, создала себѣ въ Овѣринѣ героя, котораго рвалась всѣми силами любить, и ей хотѣлось имѣть у себя какую-нибудь вещь, прикосновенную неизвѣстному предмету ея страсти.

Я вынулъ театрадъ „Наблюденія“, и отдалъ ей.

Лиза, сдѣлавъ небрежный видъ, начала перелистывать статью Овѣрина.

— Какъ зовутъ этого Овѣрина? перѣшительно спросила она.

— Сергѣй Степанычъ.

— Странное имя, пробормотала сестра, но покушеніе еще разъ улыбнуться совсѣмъ погубило ее: она окончательно смѣшалась, покраснѣла, и, не видя ни какого спасенія, бросилась съ тетрадкой бѣжать внизъ по лѣстницѣ.

Когда вещи мои, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, были уложены, пришелъ Савелій и доложилъ, что готовы лошади. Я попросилъ его устроить понтера какънибудь въ тарантасѣ, но, впрочемъ, такъ, чтобы онъ не убѣжалъ; отправился проститься съ отцомъ, и чрезъ нѣсколько минутъ ѣхалъ уже въ городъ, соображая, что женская хитрость чрезвычайна. Мнѣ казалось, что сестра не безъ тонкаго политическаго разчета откладывала спросить у меня статью Овѣрина до послѣднихъ минутъ передъ отбѣздомъ, когда я уже не могъ, еслибъ и хотѣлъ, выдать кому-нибудь ея тайну и выставить ее на смѣхъ.

Такъ-какъ въ пансіонѣ было не совсѣмъ удобно долго держать собаку, я отправился къ Шрамамъ въ первый же праздникъ, и представилъ Андреева понтера Ольгѣ. Ей было лѣтъ семнадцать, но она едва-ли могла сокрушить своими прелестями еще чье-нибудь сердце, кромѣ Андреева. Сухая и неуклюжая какъ щетка, съ пестрымъ лицомъ и рыжими волосами, — она еще, къ довершенію всего, согласно тогдашней модѣ, не носила юбокъ и стригла волосы въ кружокъ, что дѣлало ее очень похожей на фигуру одного изъ тѣхъ турковъ, на которыхъ прежде, во время масляницы и пасхи, пробовали силу, ударяя кулакомъ по головѣ. Судя повсему, Андрей былъ очень невзыскателенъ относительно женской красоты.

— Вотъ вамъ собачка, улыбаясь сказалъ я, выдвигая впередъ глупаго понтера, который очень смутился въ богатой залѣ, поджалъ хвостъ и лѣзъ назадъ въ дверь.

— Зачѣмъ онъ ее возилъ съ собой? небрежно сказала Ольга, высоко шелкнувъ пальцами, чтобы подманить къ себѣ собаку, продолжавшую свою ретираду въ переднюю.

— Онъ съ ней охотился, сказалъ я.

— Что, онъ думаетъ поступить въ университетъ?

— Да, кажется.

— А вы?

— Я тоже.

— Значить, мы всё будем вмѣстѣ. Если курите, пожалуйста не стѣсняйтесь, проворно проговорила Ольга, и убѣжала отъ меня, вслѣдъ за собакой. Въ это время она такъ сильно походила на ободраную кошку и такъ мало имѣла сходства съ Психеей, что я невольно улыбнулся, припомнивъ слова брата.

Къ вечеру собралось довольно много молодыхъ людей—студентовъ и офицеровъ, явившихся, за неимѣніемъ собственныхъ дѣлъ, потолковать о дѣлахъ госуларственныхъ, и такъ-какъ я въ то время еще очень мало интересовался судьбами Россіи, мнѣ сдѣлалось немного дико въ этомъ просвѣщенномъ и говорливомъ обществѣ.

Господи, какое тутъ было смѣшеніе языковъ! Каждый, повидимому, употреблялъ всё усилія, чтобы какъ можно меньше слушать. Въ одномъ углу волосатый, жиденый господинъ умилялся надъ драгоцѣнными свойствами русскаго мужичка, находя, что этотъ мужичокъ необыкновенно смѣтливъ, добръ, великодушень, терпѣливъ, мужественъ и вообще такъ хорошъ, что Господу Богу слѣдуетъ радоваться, создавши такого превосходнаго мужичка. Молодой человекъ, съ грубыми, рѣзкими манерами, сидѣвшій противъ него, вполнѣ соглашался съ нимъ, но предполагалъ, что намъ не слѣдуетъ увлекаться геніемъ русскаго народа, а нужно вездѣ кричать, пародируя фразу Дантона: „образованности, образованности, еще и еще образованности.“ Въ другомъ мѣстѣ какой-то студентъ доказывалъ, что чтеніе романовъ развращаетъ, и что всё романы Диккенса не стоятъ маленькаго изслѣдованія о маленькомъ животномъ изъ породы раковъ, живущемъ на его носу. Тутъ говорилось, что нѣмцы наши учителя; тамъ слышалось, что нѣмцевъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе гнать изъ Россіи. Одинъ былъ убѣжденъ, что Россія земледѣльческая страна; другой доказывалъ, что она „дѣвственная,“ а отнюдь не земледѣльческая; третій находилъ, что она не земледѣльческая и не дѣвственная, а переходная. Кто-то считалъ Тургенева величайшимъ писателемъ, и кто-то кричалъ, что Тургеневъ отсталъ отъ вѣка и современныхъ требований... И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ царствовала Катерина Григорьевна.

Прислушиваясь къ стрекотанью неопытныхъ молодыхъ людей, къ хлесткому бряканью солидныхъ мужчинъ и къ вѣскимъ золотымъ рѣчамъ авторитетовъ, я могъ схватить только отдѣльныя русскія и французскія фразы, и въ головѣ моей ходилъ какой-

то хаосъ. Я не понималъ рѣшительно ничего, и хотѣлъ уже было-удалиться въ уголь, соображая, что я лишній—съ посконнымъ рыломъ въ калашномъ ряду, какъ ко мнѣ подскочилъ какой-то молодой человекъ въ очкахъ, и остановилъ меня.

— Вы, вѣроятно, поступите къ намъ въ университетъ? спросилъ онъ такъ быстро, какъ будто я сидѣлъ въ вагонѣ двигавшагося поѣзда, а онъ стоялъ на платформѣ. Самое живое любопытство выражалось на его дрябломъ, безхарактерномъ лицѣ, украшенномъ жиденькой бороденкой, въ которой онъ царапался своими длинными модными ногтями.

— Позвольте узнать вашу фамилію? также быстро спросилъ онъ, утѣшившись, что я имѣю благое намѣреніе поступить въ университетъ.

— Негоревъ.

— Стульцевъ, съ живостью поклонился мнѣ молодой человекъ, поправивъ лѣвой рукой свои очки.

Послѣ этого, онъ безъ церемоніи взялъ меня подъ руку, и поставилъ въ печальную необходимость прогуливаться такимъ образомъ по залѣ.

— Скажите пожалуйста, кто этотъ толстый подлѣ Катерины Григорьевны? спросилъ я его въ то время, какъ онъ готовился что-то заговорить.

— А! невнимательно сказалъ Стульцевъ, видимо недовольный тѣмъ, что я интересуюсь толстякомъ. Онъ поправилъ свои очки, приналегъ слегка на мою руку и конфиденціально сообщилъ: „это ужасная свинья, я хочу написать на него повѣсть.“

— Вы пишете? почтительно спросилъ я.

— Да—а, съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Стульцевъ.

— Вы не подписываете своей фамиліи?

— Нѣтъ, я никогда не подписываю, сказалъ Стульцевъ тѣмъ тономъ, какимъ говоритъ гвардейскій офицеръ: „нѣтъ, я никогда не беру жалованья: отдаю его писарямъ на водку.“—Вы на какой факультетъ думаете поступить?

— Не знаю—думаю на юридическій.

— Беретъ раздумье! Меня тоже брало, знаете, раздумье, когда я поступалъ: на какой факультетъ поступить? Наконецъ я посоветовался съ N, говорилъ Стульцевъ, называя фамилію одного извѣстнаго писателя.

— Онъ вамъ знакомъ? спросилъ я объ N.

— Да. Очень милый человекъ...

— Вретъ, вретъ все, вы не слушайте! смѣясь, сказалъ вдругъ какой-то студентъ, подходя къ намъ.

— Ну! Ну! что ты! сказалъ Стульцевъ, стараясь придать своимъ

словамъ тонь легкаго удивленія, но ничего не вышло: студентъ громко захохоталъ; Стульцевъ задергалъ очками и уничтожился, однакожь все еще повторялъ: ну, ну! ну! что ты! какъ будто онъ относилъ эти слова къ слегка брыкавшейся лошади, которую ласково трепали рукой по шеѣ.

— Стыдно, Аркадій Алексѣичъ, стыдно новичковъ ловить! смѣясь, говорилъ студентъ.

— Ну! Ну! перестань! уговаривалъ Стульцевъ, глядя отъ насъ въ другую сторону.

— Вѣдь этакая торба вранья! Чтò онъ вамъ вралъ такое?

— Ничего, отвѣчалъ я, отпуская Стульцеву всѣ его грѣхи относительно меня.

Въ это время Ольга, съ другаго конца зала, позвала зачѣмъ-то студента, и онъ отошелъ отъ насъ.

— Вѣдь вотъ тоже баринъ! брюзгливо заговорилъ Стульцевъ, и какъ-то чувствовалось, что все его убогое существо переполнено мелкой безсильной злобой. Онъ походилъ на разъяренную овцу, злобно бьющую ногами землю, вслѣдъ волку, уносящему ея ягненка.

— Вотъ тоже баринъ — либераль — всѣ они либералы! — а обольстили дѣвушку, сманилъ ее отъ родителей... Ну! и бросилъ теперъ бѣдную, а она беременна.

Чтобъ успокоить какъ-нибудь его овечью ярость, я послѣшилъ перемѣнить разговоръ. Правду сказать, мнѣ ужъ изрядно надоѣло бесѣдовать съ нимъ, но уйдти не было никакой возможности, такъ-какъ Стульцевъ прилипъ къ моей рукѣ, и выражалъ самыя твердыя намѣренія вступить со мной въ продолжительный разговоръ.

— Вы на какомъ факультетѣ? спросилъ я.

— На естественномъ; впрочемъ, я теперь рѣдко бываю въ университетѣ: занять посторонней работой. Вы знаете — я описываю флору здѣшной губерніи. Очень интересная работа!

Стульцевъ началъ мнѣ тотчасъ же сообщать интересныя подробности своихъ интересныхъ занятій, вскользь упомянувъ, что онъ членъ географическаго общества и принимаетъ дѣятельное участіе въ географическомъ журналѣ.

Я убѣжденъ, что немного есть положеній хуже того, въ которое я попалъ, слушая назойливаго враля, злоупотребляющаго чужой деликатностью и заставляющаго слушателя тоже лгать и прикидываться, что онъ вѣритъ всѣмъ его безсовѣстнымъ лжамъ. Мнѣ было досадно и обидно, что какой-то пошлякъ, увѣренный въ своемъ превосходствѣ надъ другими, такъ нагло и наивно дурачить меня своими ненавистными, хвастливыми розказнями

про то, что онъ еще въ дѣтствѣ убилъ волка, что Паскевичъ былъ его дядя, что ему по наслѣдству достался аеролитъ, величиною въ кулакъ, который вѣситъ триста пудовъ, и проч. и проч.

Стульцевъ, слегка придерживая меня подъ руку, какъ будто для того, чтобы я не убѣжалъ, не переставалъ говорить и поддерживать свои очки съ самымъ дѣловымъ и самоувѣреннымъ видомъ.

Я старался сбить его вопросами, но ничего не помогало. На вопросъ—какой онъ уроженецъ, Стульцевъ отвѣчалъ, что мать его была испанка, а отецъ сибирякъ и что, благодаря этой счастливой помѣси, онъ получилъ необыкновенно здоровую комплекцію, позволяющую ему до сихъ поръ, несмотря на разрушительное влiяніе сидячей жизни, поднимать десять пудовъ одной рукой. Я спросилъ, постоянный ли онъ житель Р. или только пріѣзжій,—Стульцевъ отвѣчалъ, что онъ здѣсь живетъ довольно давно, но имѣя большую склонность къ путешествіямъ, намѣренъ отправиться къ сѣверному полюсу, и уже вступилъ объ этомъ предметѣ въ переписку со многими нѣмецкими учеными. Словомъ, сколько я ни пытался остановить потокъ надоѣдливаго вранья, — родникъ стульцевской лжи оказывался рѣшительно неизсякаемымъ. Подъ конецъ, онъ мимоходомъ объявилъ мнѣ, что состоитъ членомъ центрального европейскаго революціоннаго комитета, и, къ величайшему моему удовольствію, освободилъ мою руку, такъ-какъ въ это время ему принесли чай, который онъ имѣлъ неосторожность потребовать.

— Куда же вы? вскричалъ Стульцевъ, видя, что жертва уходитъ. — Я сейчасъ.

Но я, пообѣщавъ скоро воротиться, успѣшилъ отретироваться, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не исполнять своего обѣщанія. Опасаясь могущаго быть преслѣдованія съ его стороны, я направился къ дверямъ на террасу; но тамъ шелъ такой шумъ и говоръ, что я невольно остановился въ нерѣшимости, идти ли туда. Въ то время, какъ я въ раздумьѣ стоялъ такимъ образомъ между огнемъ и пыломъ, мы неожиданно столкнулись съ Аннинькой, которую я узналъ потому только, что слышалъ раньше о ея возвращеніи изъ института. Маленькая дѣвушка-сибгурушка очень выросла, и на мои глаза очень похорошѣла. Ея бѣлые, кудельные волосы были заплетены въ двѣ косы, и придавали ея круглому лицу съ большими открытыми глазами откровенный и простодушный деревенскій видъ, хотя ея слабосильныя манеры, дышавшія особенной женственной мягкостью и нерѣшительностью, вовсе не напоминали живыхъ и упругихъ движеній рабочихъ деревенскихъ женщинъ. Ко всему этому она

имѣла привычку краснѣть при каждомъ словѣ и такъ смущаться, что являлось серьезное опасеніе: вотъ, вотъ розовая Аннинька провалится сквозь землю.

— Здравствуйте, Аннинька, остановилъ я ее за руку. — Давно вы пріѣхали?

Она не узнала меня, покрасилъ до кончика ушей и дико смотрѣла на мое лицо своими большими глазами.

— Гдѣ вы были цѣлый день, что я васъ не видалъ?

— Я гостила, едва слышно отвѣтила она.

— Вы, вѣрно, меня не узнаете. Помните, вы у насъ бывали въ Негоревкѣ?

— Вы были маленькимъ мальчикомъ, а гдѣ вашъ братъ?

Аннинька, очевидно, не знала что ей говорить. Волненіе ея было чрезвычайно, и она спросила о братѣ едва слышнымъ шопотомъ.

— Братъ былъ въ корпусѣ, а теперь онъ вышелъ оттуда, хочетъ поступить въ университетъ. Онъ живетъ теперь въ деревнѣ. Какъ вамъ правится здѣсь послѣ Петербурга?

Но Аннинька, вмѣсто того, чтобы отвѣтить мнѣ, проскользнула въ дверь на террасу, торопливо протолкалась до лѣсенки, и убѣжала въ садъ, оставивъ меня на жертву Стульцеву. Онъ уже подходилъ...

Я бросился къ своей фуражкѣ, и, не прощаясь ни съ кѣмъ, убѣжалъ отъ Шрамовъ почти съ той же поспѣшностью, съ какой мы бѣжали некогда съ Андреемъ, послѣ нелѣпнаго грома у дверей кабинета Катерины Григорьевны. Теперь я отправился въ Жидовскую свободку, чтобы доставить братнины письма по адресу.

Въ маленькой каморкѣ я засталъ одного Бенедиктова. Онъ лежалъ на койкѣ, которая сдѣлалась ему уже давно коротка, читалъ какія-то записки, и, упираясь ногами въ потолокъ, старался перевернуться. Бенедиктовъ любилъ смѣшивать полезное съ пріятнымъ.

— Нашъ Семень Новицкій теперь бариномъ сдѣлался, извѣстилъ онъ меня, съ своей обыкновенной широкой улыбкой.

— Какъ такъ?

— Добылъ уроки, и переѣхалъ отсюда. Теперь я здѣсь одинъ остался. „Я — царь, я — рабъ, я — червь, я — богъ“, пояснилъ Бенедиктовъ, и захохоталъ. — А гдѣ Андришка?

— Онъ въ деревнѣ. Вотъ вамъ письмо. Гдѣ же теперь живетъ Новицкій?

Уже было довольно поздно, и, взявъ адресъ Новицкаго, я раздумывалъ—заходить ли къ нему сегодня, такъ-какъ нужно было

торопиться въ пансіонъ. Но простившись съ Бенедиктовымъ и идя къ гимназіи, я проходилъ почти мимо квартиры Семена. Судьба, кажется, въ этотъ день назначила испытать мое терпѣніе въ разныхъ назойливыхъ бесѣдахъ, и я зашелъ къ Новицкому на минутку.

Онъ занималъ довольно большую, но сырую, холодную и почти пустую комнату. Я засталъ Семена въ очень странной агитаціи. Онъ, снявъ сюртукъ, въ одномъ жилетѣ, ходилъ по комнатѣ, съ живостью размахивалъ руками и о чемъ-то, кажется, говорилъ самъ съ собой. Судя по всему, его обстоятельства очень измѣнились къ лучшему, и на немъ была полотняная, а не ситцевая рубашка, когда-то возбудившая у Андрея столь чувствительныя намѣренія купить Семену новое бѣлье. Но на меня произвело очень непріятное впечатлѣніе то, что отъ Новицкаго пахло водкой, и, кажется, онъ былъ немного пьянъ.

— Вотъ хорошо, что вы пріѣхали; я давно васъ ждалъ, сказали вы мнѣ. — У васъ въ гимназіи основана, кажется, маленькая бібліотека? Нельзя ли нашимъ семинаристамъ присоединиться?

— Отчего же. Я думаю, можно.

— Оно, конечно... какъ бы это сказать?—конный пѣшему не товарищъ... А все-таки, знаете...

— Почему же? сказалъ я.

— Какъ же можно сравнить, на примѣръ, васъ и меня?

Очевидно, Новицкій придирался къ какому-то разговору.

— Вы немного выше меня ростомъ, улыбаясь сказалъ я.

— Нѣтъ, не то. Вы въ пеленкахъ узнали то, что, можетъ быть, я и теперь не знаю. Вамъ говорили: не хватайся за огонь — онъ жжетъ, а мы узнали, что онъ жжетъ ужъ тогда, когда всѣ руки себѣ пережгли. Доходи тутъ до всего своимъ умомъ! Хочешь шагнуть въ эту сторону, смотришь—тебя за это били, шагаешь въ другую сторону—тебя за это бьютъ...

Попавъ на эту дорогу, Новицкій, разгоряченный виномъ, могъ такъ шагнуть въ откровенномъ разговорѣ, что ему пришлось бы потомъ долго стыдиться за свою слабость, и я, очень недовольный, что онъ выбралъ меня мишенью своихъ откровеній, поспѣшилъ прервать его вопросомъ: какъ онъ устроился.

— Устроился! Что устроился! Устроился изъ кулька въ рожку! гдѣ намъ! Я вамъ серьезно говорю. Эта негодная бѣдность изломала меня, да и многихъ насъ. У бѣдняковъ отнимаютъ не одинъ кусокъ хлѣба, а и честь, и нравственность, и совѣсть: всѣ божьи дары... Вотъ, на примѣръ, вы имѣли средства

еще въ дѣтствѣ узнать, что воровать дурно, а я... Помните, какъ я укралъ ножикъ?

— Когда это? спросилъ я, вполне понимая, что о такихъ вещахъ лучше говорить забывчиво.

— Какъ будто вы не помните! Знаете ли, вы произвели во мнѣ переворотъ. Душа—ненужная роскошь для нищаго. У насъ и не признавали души, да у меня и не было ее, кажется. Насъ били, драли, ругали, но всего этого я не боялся. Встрѣтивъ васъ, я началъ бояться заслужить презрѣніе. Да. Вы открыли во мнѣ нравственную сторону...

— Извините, мнѣ некогда, сказалъ я, даже немного оскорбленный этимъ пьянымъ разговоромъ.

— Нѣтъ, видите ли, вы имѣло громадное вліяніе на мое развитіе.

— До свиданья, рѣшительно проговорилъ я.

Новицкій сказалъ мнѣ на дорогу еще нѣсколько глупостей, и проводилъ, объявивъ, что завтра, рано утромъ, онъ зайдетъ въ гимназію, поговорить со мной еще объ этомъ же предметѣ.

Ив. Кущевскій.

Мартъ 2 1876.

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВЪ,

или

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССИЯНИНЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XV.

Я дѣлаюсь вполне взрослымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прїѣздѣ съ вакаціи, я получилъ письмо за черной печатью, писанное рукой брата и начившееся, какъ начинаются обыкновенно всѣ письма этого рода: „Съ душевнымъ прискорбіемъ я поставленъ въ необходимость извѣстить тебя объ общемъ нашемъ горѣ и проч.“ Отецъ скончался.

Спустя недѣлю послѣ этого письма, я получилъ другое письмо, писанное рукой сестры, подѣ диктовку тетушки, которая тоже съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщала меня, что братъ до того увлекся охотой, что грозитъ окончательно сдѣлаться лѣснымъ бродягой и никогда не поступить въ университетъ. На ея желаніе переѣхать въ городъ, такъ-какъ „жалко было бы губить въ деревнѣ жизнь молодой дѣвушки“, братъ отвѣчалъ самымъ рѣшительнымъ протестомъ, вѣроятно, принимая въ соображеніе, что на городскихъ улицахъ воспрещено стрѣлять изъ ружей полицейскими правилами. Въ концѣ—тетушка спрашивала мое мнѣніе, переѣзжать имъ, или не переѣзжать въ городъ, выражая рѣшительно намѣреніе не обращать больше вниманія ни на какіе протесты, въ случаѣ моего согласія на ихъ переѣздъ.

Читая это письмо, я испыталъ то поразительно прїятное чув-

ство, которое, впрочем, испытывает новопожалованный генералъ, слыша въ первый разъ титулъ превосходительства. Тетушка за мной признавала право рѣшительнаго голоса въ семейныхъ дѣлахъ, и я чувствовалъ, что теперь въ моихъ рукахъ радостныя думы сестры о городской жизни и упрямое желаніе тетушки восторжествовать надъ Андреемъ. Въ моей власти было обрадовать ихъ или опечалить. Къ брату я былъ совершенно равнодушенъ; къ сестрѣ же я чувствовалъ, если не привязанность, то нѣкотораго рода жалость—и мнѣ нечего было колебаться. Я въ тотъ же вечеръ послалъ письмо, въ которомъ изъяслялъ рѣшительное мое желаніе видѣть тетушку и сестру въ городѣ, прибавляя, что братъ можетъ поступать какъ ему угодно—можетъ даже переселиться совсѣмъ въ лѣсъ, и вести тамъ жизнь царя Навуходоносора. вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я отправилъ брату длинное посланіе, которое написалъ сгоряча, совершенно упустивъ изъ виду, что я все-таки еще не глава семейства, хотя тетушка и обращается ко мнѣ за совѣтами. Я упрекалъ Андрея въ праздности и лѣности, обличалъ въ жестокости относительно тетки и сестры и заклиналъ оставить праздность—мать всѣхъ пороковъ, рисунъ мрачную картину его будущаго раскаянія, когда онъ не поступитъ въ университетъ и останется навсегда некончившимъ курсъ кадетомъ, умѣющимъ только ѣсть, пить и стрѣлять изъ ружья.

Но я упустилъ еще изъ виду и то, съ кѣмъ имѣю дѣло. Черезъ недѣлю братъ прислалъ мнѣ отвѣтъ. „Возлюбленный отецъ и наставникъ!—писалъ онъ—я провожу время въ праздности, а вы занимаетесь науками, и, впрочемъ, отъ усиленныхъ занятій, у васъ совершенно помрачилось то очень маленькое зернышко смысла, которое мы едва замѣтили“, и проч. и проч.

Письмо мое однакожь сдѣлало свое дѣло: братъ, несмотря на свой ругательскій отвѣтъ, рѣшился пріѣхать въ городъ. Послѣ этого началась длинная переписка о томъ, способенъ ли Савушка остаться въ деревнѣ за управляющаго, о томъ, сколько будетъ стоить передѣлка нашего дома въ городѣ, и проч. и проч. По поводу послѣдняго обстоятельства мнѣ пришлось отправиться къ нашему попечителю Бурову, и я съ удивленіемъ узналъ, что это именно тотъ толстый либералъ, котораго я встрѣчалъ въ салонѣ Катерины Григорьевны, и котораго Стульцевъ похвасталъ выставить цѣликомъ въ какой-нибудь своей повѣсти. Онъ жилъ со своимъ громаднымъ семействомъ въ большомъ каменномъ домѣ, и я, подъ конвоемъ лакея, едва добрался до его кабинета, проходя черезъ длинный рядъ комнатъ, гдѣ я встрѣчалъ—то играющихъ дѣвочекъ, то даму, читающую

книгу, то молодого человека за фортепиано. „Ну, ужь слѣдующая комната должно быть кабинетъ“, думалъ я; но въ слѣдующей комнатѣ сидѣла дѣвушка и вышивала что-то въ пальцахъ, и мы проходили ее, такъ же какъ другія.

— Садитесь пожалуйста, съ кроткимъ дѣловымъ выраженіемъ сказалъ Буровъ, когда я отрекомендовался ему и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Онъ имѣлъ странную привычку махать рукой по своимъ гладко обстриженнымъ волосамъ, какъ будто они всегда были въ поту и ему было всегда жарко. Рыхлое бѣлое лицо его имѣло какое-то жалостное плачущее выраженіе; бѣлыя, мягкія, точно ватныя, руки постоянно тряслись, точно надъ какимъ сокровищемъ, и видя его въ просторномъ кабинетѣ, передъ большимъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, я почему-то вспомнилъ Плюшкина, хотя изящно одѣтый, полный и во всѣхъ отношеніяхъ приличный Буровъ нисколько не походилъ по своей наружности на Плюшкина.

— Я получилъ вчера письмо отъ вашей тетушки, какимъ-то тихимъ, жалостнымъ голосомъ сказалъ Буровъ, тщательно вычистивъ перо и втыкая его въ дробь. Тутъ же онъ осторожно сдунулъ маленькую пылинку съ бѣлаго листа и, взявъ въ свои дрожащія руки костяной ножикъ, медленно заговорилъ:—я завтра поговорю съ архитекторомъ и попрошу его осмотрѣть вашъ домъ. Всѣ необходимыя передѣлки будутъ зависѣть, конечно, отъ васъ, а потому вы потрудитесь осмотрѣть домъ вмѣстѣ съ нимъ. Съ нимъ вы поговорите и слѣжайте ему свои указанія. Вы—какъ думаете—здѣсь остаться по окончаніи курса?

— Да, я буду въ университетѣ.

— А послѣ?

— Я думаю здѣсь.

— Въ такомъ случаѣ нечего жалѣть денегъ на перестройку. Впрочемъ, все это будетъ зависѣть отъ васъ. Вы зайдете ужь сами къ архитектору.

Я всталъ. Буровъ тоже вскочилъ на ноги и махнулъ ладонью два два надъ своими стриженными волосами, какъ будто сгоняя муху. Онъ подалъ мнѣ свою мягкую ватную руку, и мы распростались.

Это было мое новое торжество; я былъ радъ, но изъ всѣхъ силъ наблюдалъ за собой, чтобы не имѣть глупо-торжественнаго вида импанинига или вновь пожалованнаго генерала, Мысль, что я официально признанъ взрослымъ, что теперь кое-что будетъ *зависѣть отъ меня* ласкала и щекотала мою гордость, и мнѣ даже казѣ-то неловко было видѣть себя въ курточкѣ и вѣрить, что я все еще нахожусь въ пансіонѣ. Всѣ старанія мои были

направлены къ тому, чтобъ не выдать своихъ мыслей, не выказать радости, гордости, или вообще какой бы то ни было перемены характера. Въ послѣднее время я какъ-то привыкъ всюду ходить съ Малининымъ, и не хотѣлъ на этотъ разъ нарушить своей привычки, чтобы не подумали, что перемена моего положенія произвела на меня какое-нибудь впечатлѣнiе. Впрочемъ, я съ торжествомъ выдержалъ свою роль, и, проходя вмѣстѣ съ архитекторомъ по запыленнымъ комнатамъ пустаго дома, довольно легко дѣлалъ равнодушный видъ человѣка, привыкшаго вести серьезныя разговоры о передѣлкѣ домовъ.

— Однакожь тутъ хорошо будетъ устроено, сказалъ Малининъ, когда мы, простившись съ архитекторомъ, возвращались назадъ въ гимназію.— Неужели ты не радъ, что тебѣ достался такой домъ? Вѣдь хорошій домъ!

— Не особенно, съ важностью вполне понимающаго человѣка сказалъ я.

По окончаніи работъ, мы съ Малининымъ обошли по только что просохшей краскѣ половъ всѣ пустыя комнаты, и нашли, что все сдѣлано вполне удовлетворительно. Черезъ день я перѣхалъ изъ пансіона въ новый домъ; Малининъ съ грустью проводилъ меня.

— Къ тебѣ можно будетъ когда-нибудь прійти? спросилъ онъ, прощаясь, чтобъ воротиться въ пансіонъ.

— Что за дикій вопросъ! Конечно—можно.

— Нѣтъ, можетъ быть, неловко, когда прійдутъ...

Я посѣдшилъ успокоить Малинина, что прійдутъ не звѣри, а люди, а потому большой неловкости въ его посѣщеніяхъ быть не можетъ.

Въ началѣ мая явился Андрей съ прислугой въ лицѣ мальчишки Сеньки, и поселился въ домѣ, развлекаясь на первое время продолжительными совѣщаніями съ портными и сапожниками. Со мной онъ былъ очень ласковъ и нѣжно благодарилъ, что я устроилъ его комнату съ выходомъ въ садъ такъ, какъ онъ желалъ. Всегда неумѣренный въ своихъ чувствахъ, онъ предлагалъ мнѣ даже, въ знакъ благодарности, помѣняться комнатами, такъ-какъ моя была нѣсколько меньше и значительно скромнѣе его. На другой день по пріѣздѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ друзей: Бенедиктова, Овѣрина и Новицкаго и повелъ ихъ осматривать домъ.

— Молодецъ! молодецъ! широко улыбаясь, говорилъ Бенедиктовъ, какъ будто братъ самъ своими руками такъ хорошо наклеилъ обои, вырасилъ полы и выштукатурилъ потолки.

Овѣринъ нашелъ, что все сдѣлано хорошо, но въ залѣ слѣ-

довало бы поставить гѣроновъ фонтанъ для освѣщенія воздуха, тѣмъ болѣе, что такой фонтанъ стоитъ очень недорого; кромѣ этого, онъ находилъ нужнымъ замѣнить въ комнатѣ Андрея обыкновенную кровать висячей матросской койкой, на которой очень здорово спать, и притомъ очень пріятно качаться.

По окончаніи осмотра, Андрей отправилъ Сеньку за виномъ, и мы, какъ слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ, распили полбутылки шампанскаго за прочность и благополучіе вновь устроеннаго дома.

Вскорѣ пріѣхала и тѣтушка съ сестрой и цѣлымъ обозомъ всякаго хозяйства. Тѣтка осталась очень довольна передѣлками въ домѣ, а восторгъ сестры могъ развѣ сравниться только съ восторгомъ ея горничной Натальи. Обѣ онѣ въ почтительномъ молчаніи обошли раза два всѣ комнаты, осторожно притрогиваясь по пути къ обоямъ, пробуя дверныя ручки и посматривая въ зеркала. Оставшись довольными обоями, ручками и зеркалами, онѣ ушли въ Лизину спальню, и стрекотали тамъ до вечера самымъ восторженнымъ образомъ.

На другой день тѣтка съ сестрой отправилась съ визитомъ къ близкимъ родственникамъ, и за обѣдомъ мы узнали, что тѣтушкѣ очень не понравилась Катерина Григорьевна, а сестра почему-то съ перваго взгляда возненавидѣла Володю, и увѣрилась, что Ольга сдѣлалась гордянкой, и возмечтала о себѣ нивѣсть что такое. Тѣтушка остроумно увѣряла, что Катерина Григорьевна, на старости лѣтъ, штукатуруется, точно кукла изъ нарикмахерской. Сестра съ своей стороны находила, что Володя модничаетъ еще больше матери, и для этой цѣли носить длинные волосы, которые, къ стыду своему, вѣроятно, каждое утро завиваетъ желѣзными щипцами. Володя, дѣйствительно, въ послѣднее время началъ носить пиджаки какого-то дикаго сѣраго цвѣта, модныя, широкія брюки и длинные волосы; ко всему этому онъ иногда прибавлялъ синіе очки и мягкую, пуховую шляпу, прозванную въ гимназіи *анаевской*: до того она была либеральна.

Тѣтушка, всегда увѣрявшая, что она была принята въ высшемъ московскомъ обществѣ, не поцеремонилась, однакожь, такъ холодно принять у себя Катерину Григорьевну, что та надолго перестала насъ беспокоить своими визитами. Володя, всегда оказывавшій нѣкоторую брюзгливость къ нашему сообществу, на первый разъ посѣтилъ насъ довольно благосклонно, и я, можетъ быть, сошелся бы съ нимъ въ это свиданіе значительно ближе, еслибъ не мѣшали Андрей и Лиза, которые вообще смотрѣли на него очень недружелюбно.

Наша жизнь въ новомъ домѣ потекла совершенно на подобіе жизни въ деревнѣ, съ той только разницею, что не было такой скуки. Андрей, просиживал до полуночи, пересталъ вставать съ зарей, что, впрочемъ, не мѣшало ему мѣшать мнѣ спать вечеромъ, когда онъ обыкновенно являлся въ мою комнату, и, сидя на моей постели, рассказывалъ на сонъ грядущій свои дневныя похождения. Обѣдали мы въ тѣ же часы; въ тѣ же часы пили чай, и послѣ чая тѣтушка также читала краткія наставленія о томъ, какъ слѣдуетъ себя вести молодой дѣвушкѣ, нежелающей, чтобы ея будущій мужъ застрѣлился или бѣжалъ изъ отечества за границу. Лиза въ это время сдѣлалась предметомъ всеобщихъ попеченій, и на нее изливались со всѣхъ сторонъ самыя противоположныя наставленія. Андрей сдѣлался ультра-радикаломъ, и проповѣдывалъ ей полную свободу и равноправность женщинъ; тѣтушка тянула ее въ крайне-консервативную сторону, а я воспитывалъ въ ней умѣренно-либеральные принципы тогдашняго „Русскаго Вѣстника“, который былъ въ большой модѣ.

У насъ ежедневно бывали Новицкій и Малининъ; послѣдній, въ первый же визитъ по пріѣздѣ Лизы, объявилъ мнѣ, что онъ въ нее влюбленъ.

— Отъ сна и отъ ѣды отбило, извѣстилъ онъ меня черезъ нѣсколько времени.

Я, шутя, посоветовалъ ему принять слабительнаго, и онъ пришелъ въ такое негодованіе, которое было вовсе несвойственно его кроткой душѣ. Любовь дѣлаетъ чудеса.

— Ты не понимаешь чувствъ!... Циникъ. Слабительное! разазартился Малининъ.

Вообще, по всему было замѣтно, что его существованіе отравлено не на шутку. Приходя къ намъ, онъ по большей части молча садился въ уголь, и, предаваясь тоскливымъ мечтамъ, сопѣлъ носомъ, какъ влюбленный купидонъ.

Новицкій тоже сдѣлался у насъ своимъ человѣкомъ. Тѣтушка рѣшительно влюбилась въ него, и ничего не дѣлала безъ его совѣта, выставляя Семена образцомъ почтительности, столь рѣдкою въ молодыхъ людяхъ. Она значительно постарѣла, и не замѣчала, что подъ почтительностью Новицкаго, съ которой онъ ставилъ ей подъ ноги скамейку, заключалось много оскорбительной снисходительности къ старухѣ. Чтобы какимъ-нибудь деликатнымъ манеромъ доставить Семену, въ вознагражденіе за почтительность, нѣсколько лишнихъ рублей мѣсячнаго дохода, тѣтушка предложила ему давать уроки Лизѣ. Лиза, къ великому неудовольствію Малинина, согласилась учиться, и уроки пошли довольно аккуратно.

Я не могъ смотрѣть безъ смѣха, какъ несчастный Малининъ мѣлѣлъ, тлѣлѣлъ и облизывался, глядя на Лизу, сидящую рядомъ съ Новицкимъ, котораго онъ возненавидѣлъ всеми силами своей души. Каждая ошибка Семена на урокъ приводила бѣдняка въ настоящий восторгъ, и онъ немедленно сообщалъ мнѣ объ ней, вѣроятно, надѣясь подорвать авторитетъ Новицкаго въ педагогическомъ дѣлѣ.

Андрей тоже какъ-то подмѣтилъ, что Малининъ собираетъ пуговицы и ленточки, которыя случалось терять Лизѣ, и потомъ, удалясь въ садъ, вздыхаетъ надъ этими предметами, цалуя пуговицы и съѣдая цѣликомъ ленточки. Вслѣдствіе этого братъ уговорилъ Лизу терять какъ можно больше лентъ и пуговицъ, вѣроятно, ожидая, что Малининъ когда-нибудь объѣстся лентами или подавится пуговицей. Кромѣ всего этого, онъ убѣдилъ влюбленнаго поднести предмету своей страсти какое-нибудь стихотвореніе, и рекомендовалъ, какъ самое лучшее и подходящее къ случаю: „По синимъ волнамъ океана“. Малининъ хотя и ѣлъ ленточки, но все-таки былъ не такъ глупъ, и поднесъ Лизѣ другое стихотвореніе: „Въ полдневный жаръ, въ долину Дагестана“, — съ рисункомъ, какъ онъ лежалъ въ этой долинѣ, и какъ у него „глубокая въ груди чернѣла рана“.

Вообще эта несчастная любовь доставляла намъ много удовольствія, и порой мы хохотали, какъ сумасшедшіе. Къ довершенію нашей веселости, Андрей познакомился со Стульцевымъ, и въ короткое время узналъ, что онъ имѣетъ странную привычку сдергивать очки, когда его бьютъ, становится къ стѣнѣ и кричать: „Ну, ну, полно, что за шутки! Очки разобьешь“. Надъ Стульцевымъ даже не брезговала смѣяться тѣтушка, приходившая въ крайнее изумленіе предъ этимъ моремъ вранья. За столомъ, если у насъ обѣдалъ Стульцевъ, обыкновенно происходилъ турниръ, въ которомъ принимали участіе все безъ исключенія, соперничествуя другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи самыхъ нелѣпыхъ лжей. Стоило Стульцеву рассказать, что онъ видѣлъ китайскую кошку, величиною въ кулакъ, чтобы братъ тотчасъ же рассказалъ про мышей съ горошину, которыхъ ловить стульцевская кошка, а Новицкій сообщилъ устройство наперстка, которымъ ловятъ этихъ мышей, и проч. и проч.

— Отчего ты, Стульцевъ, всегда врешь? убѣдительно говорилъ ему Малининъ.

— Ну. Ну что? отлынивалъ Стульцевъ, притворяясь, что онъ вовсе не слышитъ словъ Малинина.

Утромъ, по обыкновенію, братъ провожалъ меня въ гимназію, и часто просиживалъ въ бібліотекѣ до окончанія классовъ. Такъ-

какъ въ седьмомъ классѣ повторялось все старое, знакомое, мы часто не ходили на уроки, проводя время въ библіотекѣ, гдѣ собиралось много народа изъ гимназистовъ и семинаристовъ, и было очень весело. Овѣрину къ этому времени почему-то не понравился русскій шрифтъ. Дойдя до мысли, что печатный шрифтъ долженъ вполне соответствовать современному письменному шрифту, а не древнему полууставу, онъ, послѣ многочисленныхъ математическихъ выкладокъ, изобрѣлъ новый русскій шрифтъ, и читалъ намъ въ библіотекѣ длинныя лекціи о красотѣ и преимуществахъ своихъ буквъ передъ тѣми, которыя употребляются теперь. Не довольствуясь этимъ, онъ забралъ у своего попечителя за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ свое жалованье, заказалъ пунсоны, и предполагалъ не только отлить новыя буквы, но даже напечатать ими свое сочиненіе о новомъ русскомъ шрифтѣ.

Грачевъ къ этому времени окончилъ нелѣпнѣйшую статью, подъ названіемъ „Ученость и религіозность“, и наводилъ на всѣхъ ужасъ, предлагая прочесть хоть небольшіе отрывки изъ своего произведенія. Новицкій предлагалъ ему поставить эпиграфомъ къ этому сочиненію: „ничего въ волнахъ не видно“, а Андрей находилъ, что слѣдуетъ совсѣмъ перемѣнить заглавіе, и назвать „утреннее размышленіе kota въ сапогахъ“. Послѣ серьезныхъ опасеній, чтобы рукопись не пропала какъ-нибудь на почтѣ, Грачевъ, наконецъ, отправилъ свой трудъ въ одну петербургскую редакцію, и началъ нетерпѣливо рыться въ журналахъ: не отпечатана ли его стаѣя? Кто-то помогъ ему отыскать на послѣдней страничкѣ журнала слѣдующій отвѣтъ: „Въ г. Р. г. Г-ву. Ваша религіозность не подвержена никакому сомнѣнію; къ сожалѣнію, мы того же не можемъ сказать о вашей учености. Со статьей вамъ можно пріютиться въ *Домашней Бесѣдѣ*“. Надъ этимъ послѣднимъ журналомъ, какъ извѣстно, въ то время тяготѣло такое проклятіе, что одно прикосновеніе къ нему могло навсегда погубить репутацію человѣка, и намѣшкамъ надъ Грачевымъ не было конца. Послѣ этого все его значеніе утратилось, и онъ навсегда пересталъ уже свысока обличать другихъ въ бездѣльничествѣ, выставляя себя жрецомъ настоящаго серьезнаго дѣла, мученикомъ ученой скуки и сухости.

Послѣ Грачева, тонъ общественному мнѣнію библіотеки началъ задавать Шрамъ, который въ своемъ сѣро-дикомъ пиджакѣ, въ широкихъ штанахъ, съ синими, золотыми очками на носу стоялъ на такой высотѣ либерализма, до которой никто изъ насъ не могъ достигъ. Онъ дѣлалъ свои замѣчанія еще болѣе

свысока, чѣмъ Грачевъ, и его презрительныхъ насмѣшекъ боялись всѣ гораздо больше, чѣмъ прежнихъ дубовыхъ грачевскихъ остротъ. Подъ угрозой этихъ насмѣшекъ, мы ревностно наблюдали другъ за другомъ, и я могу поручиться, что въ то время мы были истинными, чистокровными либералами болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ жизни. Володя былъ строгъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ Грачевъ. Тотъ позволялъ, по крайней-мѣрѣ, читать что угодно, а теперь держать въ рукахъ повѣсть, которая почему-нибудь не нравилась главнокомандующему, — было уже величайшимъ преступленіемъ.

Овѣринъ въ этомъ случаѣ могъ по всей справедливости гордиться своимъ сумасшествіемъ. Онъ совсѣмъ не поддадалъ стѣсненіямъ, относившимся до другихъ, и безъ всякаго страха читалъ, говорилъ и дѣлалъ все, что ему вздумается. Впрочемъ, слишкомъ занятый съ одной стороны математикой, а съ другой — русскимъ шрифтомъ, Овѣринъ сталъ совсѣмъ мало читать и даже рѣдко просматривалъ газеты. Онъ начерталъ себѣ слѣдующую программу: прежде всего онъ изучитъ математику, потомъ примется за естественныя науки, затѣмъ перейдетъ къ социальнымъ, изучитъ философію, и сдѣлается великимъ писателемъ. До тѣхъ же поръ, покуда онъ не покончитъ съ математикой, заниматься чѣмъ-нибудь другимъ было бы, по его мнѣнію, глупымъ упражненіемъ сапожника въ печеніи пироговъ. Этотъ планъ Овѣринъ открылъ Малинину, въ которомъ находилъ всегда терпѣливаго и ласковаго слушателя, согласнаго съ какимъ угодно парадоксомъ. Впрочемъ, я этимъ не хочу сказать, что Овѣринъ искалъ или желалъ имѣть когда-нибудь слушателей; я увѣренъ, что чувствуя сильную потребность высказаться, онъ, безъ всякихъ затрудненій, объяснилъ бы все что нужно первому дереву, попавшемуся въ саду. Онъ и относился къ своимъ слушателямъ такъ, какъ къ деревьямъ, разговаривая точно актеръ съ суфлѣрской будкой. Малининъ, выслушавъ Овѣринскій планъ, вдругъ вздумалъ замѣтить — по какой же причинѣ Овѣринъ отрывается отъ математики и заботится о красотахъ русскаго шрифта. Замѣчаніе попало не въ бровь, а въ глазъ, и Овѣринъ очень смутился.

— Отчего? переспросилъ онъ. — Во-первыхъ, я тутъ тоже занимаюсь математикой: это задача, а вотъ вторыхъ... Видишь ли ты — математика для меня обѣдъ, а шрифтъ — пирожное.

Вѣроятно, въ радостномъ порывѣ, что онъ такъ легко выпутался изъ затрудненія, Овѣринъ улыбнулся, и слегка ударилъ ничего непонимающаго Малинина по плечу.

— Послушай, Овѣринъ, отчего ты такой пенююхъ? сказала вдругъ Малининъ: — все ты съ книгами: вонъ и руки у тебя

всегда въ мѣду перепачканы. Ты этакъ скоро умрешь; человѣку нужны развлеченія. Ты прежде хоть купаться ходилъ, а теперь и купаться тебѣ лѣнь ходить: какъ старуха, все сидишь надъ книгами.

— Да—а, въ размышленіи сказалъ Овѣринъ, отходя однакожь опять къ своимъ книгамъ, къ своему мѣду и доскѣ.

Но, сверхъ всякаго чаянія, замѣчаніе Малинина не пропало даромъ. Овѣринъ рѣшилъ, что для него необходимы удовольствія. Но какія же удовольствія?—Овѣринъ, вѣроятно, довольно долго думалъ надъ этимъ вопросомъ, потому что выдумалъ наконецъ для себя очень занимательное удовольствіе.

Разъ, въ воскресенье, мы съ братомъ зашли мимоходомъ въ гимназію, узнать не получены ли новыя журналы, и такъ—какъ ихъ не было—стали спускаться назадъ по лѣстницѣ. Насъ догналъ Овѣринъ.

— Куда ты? спросилъ Андрей.

— Тутъ, недалеко.

— Да куда же?

— Тутъ... Не знаешь ли, гдѣ поближе кабакъ?

Овѣринъ произнесъ свой вопросъ съ такой заботливой серьезностью, съ какой возвратившійся на родину солдатъ спрашиваетъ—не знаютъ ли, куда дѣвалась избушка его родныхъ. Слова всякаго другаго были бы приняты, конечно, за шутку, но услышавъ отъ Овѣрина, что онъ направляется въ кабакъ, мы ни на минуту не усомнились, что цѣль его настоящаго путешествія дѣйствительно ближайшій питейный домъ.

— Въ кабакъ! вскричалъ Андрей.—Зачѣмъ же?

— Хочу напиться, задумчиво отвѣчалъ Овѣринъ тихимъ тономъ, какимъ говорятъ: „хочу купить тысячу билетовъ перваго займа съ выигрышами“.

— Съ горя? спросилъ я.

— Нѣтъ,—видите ли, озабоченно началъ Овѣринъ:—видите ли, мнѣ дѣйствительно нужны удовольствія. Нельзя же все сидѣть надъ книгами нелюдимомъ! Я думалъ—что бы такое? Другіе находятъ удовольствіе въ танцахъ. Я не умѣю танцевать, а то сходилъ бы въ садъ, когда никто не мѣшаетъ, протанцевать тамъ гдѣ нибудь, и воротился бы...

Напряженная серьезность Овѣрина вызвала съ нашей стороны такой хохотъ, что мы долго не могли слушать его.

— Театры отнимаютъ много времени, продолжалъ Овѣринъ, вѣроятно изумляясь, чему мы смѣемся.—Верховая ѣзда—ничего бы, надо опять много денегъ: лошадь надо покупать, да, наконецъ, я не умѣю и ѣздить. Ну, и верховая ѣзда, кромѣ того, не всѣмъ

же нравится. Пьянство нравится всѣмъ. Мастеровой работаетъ цѣлую недѣлю, а въ воскресенье напивается. Вотъ и я такъ буду...

Овѣринъ съ увѣренностью смотрѣлъ въ даль и ровнымъ, твердымъ шагомъ шелъ впередъ. Намѣреніе его было непреклонно.

— И напьешься? смѣясь спросилъ братъ.

— Напьюсь. И тебѣ тоже совѣтую, съ любезнымъ простодушіемъ предложилъ Овѣринъ.—Я знаю, вы не пьете даже шампанскаго, обратился онъ ко мнѣ:—а потому васъ не приглашаю. Намъ съ тобой двухъ штофовъ достаточно. У меня есть деньги.

Братъ пришелъ въ восторгъ, и немедленно объявилъ свою твердую рѣшимость тоже идти въ кабакъ.

— Пойдемте лучше къ намъ—тамъ есть водка, можете напиться какъ угодно, уговаривалъ я.

— Нѣтъ, мы пойдемъ въ кабакъ! отвѣтилъ Андрей.

— Отчего же не пить въ кабакѣ на свои деньги! удивился Овѣринъ.

— Васъ тамъ отколотятъ...

— Мы сами отколотимъ. Ну, вонъ кабакъ. Пойдемъ и ты съ нами, весело говорилъ Андрей, обрадовавшійся скандалу.

— Я еще не сошелъ съ ума. Андрей, вѣдь ты дѣлаешь скандалъ на весь городъ! У насъ есть сестра... истощался я въ убѣжденіяхъ.

— У меня нѣтъ сестры, разсудительно объявилъ Овѣринъ.— До свиданія!

И оба они скрылись въ дверяхъ, изъ которыхъ выхлынуло какой-то безобразный гамъ и визгливый голосъ, покрывавшій этотъ гамъ:

Хлѣба—нѣтъ

Соли—нѣтъ,

Смѣхъ какой!

— Чортъ съ ними, пробормоталъ я, и съ яростью воротился домой одинъ.

На вопросъ сестры, гдѣ Андрюша, я объявилъ, что Овѣринъ положительно сошелъ съ ума, а такъ-какъ братъ всегда былъ дуракомъ, то неудивительно, что они сошлись теперь, и отправились вмѣстѣ въ кабакъ. Я былъ очень раздраженъ, и не щадилъ колкостей, чтобы всячески унижить Овѣрина и брата. Но на сетру слова мои произвели совершенно обратное дѣйствіе. Она покраснѣла, и взглянувъ на ея лицо, я ясно увидѣлъ, что она готова бы сію же минуту полетѣть въ кабакъ, вслѣдъ за предметомъ своей нелѣпой страсти, котораго она, впрочемъ, не видала еще ни разу въ жизни!

Я замолчалъ.

— Отчего этотъ Овѣринъ не ходитъ къ намъ? чрезъ минуту нерѣшительно спросила меня сестра,

— Если ты хочешь вѣшаться на шею къ этому сумасшедшему, можешь сама сходить къ нему. Онъ тебѣ докажетъ, какъ дважды два, что буква ш безобразна, какъ... вотъ какъ ты! почти закричалъ я на сестру.

— Что ты кричишь! Шелъ бы съ ними въ кабакъ, тамъ и кричалъ бы, раздражительно сказала Лиза, и ушла отъ меня.

Я остался одинъ злиться и проклинать всѣхъ, начиная съ Овѣрина до сестры. Когда, передъ обѣдомъ, пришелъ Малининъ, я даже не утерпѣлъ не обругать и его за то, что онъ навелъ Овѣрина на поганую мысль объ удовольствіяхъ.

— Что такое!—ничего, простодушно объяснилъ мнѣ Малининъ.—Овѣринъ упалъ въ обморокъ, ему сдѣлалось дурно. Ну, Андрей и привезъ его на извозчикѣ домой. Мы вмѣстѣ съ Андрюшей пришли.

Въ это время явился Андрей, и я значительно успокоился тѣмъ, что онъ не былъ пьянъ. Оказалось, что Овѣринъ, основательно разсуждая, что по малости пить не стоитъ, спросилъ въ кабакѣ сразу четверть ведра. Но когда они съ Андреемъ вышли по третьей рюмкѣ, Овѣрину сдѣлалось дурно, и онъ, что называется, раскисъ вполнѣ. Братъ отдалъ водку чиновникамъ, сидѣвшимъ въ кабакѣ, и привезъ больнаго Овѣрина, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, въ гимназію.

На другой день у Овѣрина была головная боль, что, конечно, ему очень не нравилось, и онъ объявилъ, что никогда больше не намѣренъ развлекаться какимъ бы то ни было удовольствіемъ, объяснивъ, что математика для него такой же завлекательный романъ, какъ „Три Мушкетера“, что каждое мѣсто, на которомъ онъ останавливается, для него лучшая патетическая сцена, и онъ не можетъ успокоиться отъ волненія: что будетъ дальше?

XVI.

Любовныя дѣла Овѣрина и Малинина.

Начались экзамены; черезъ недѣлю мы должны были навсегда проститься съ гимназіей. Всѣ очень были заняты послѣдними выпускными экзаменами, а Малининъ и Грачевъ, соперничествовавшіе получить единственную гимназическую стипендію въ университетѣ, съ какимъ-то яростнымъ азартомъ ходили изъ угла

въ уголь, и зубрили вслухъ всякую чепуху, долженствовавшую составить ихъ земное благополучіе. Впрочемъ, Малинину очень мѣшало въ его занятіяхъ составленіе особой *росписи покупокъ*, которая предстояло ему сдѣлать по окончаніи курса, чтобы обзавестись хозяйствомъ. Эта работа представляла неодолимые затрудненія, такъ-какъ въ первой росписи заключалось 307 предметовъ, начиная отъ циммермановской шляпы до стеклянной плевальницы, — на сумму до двухъ тысячъ рублей, а Малининъ не могъ даже и мечтать получить изъ казны болѣе 80 рублей на экипировку. Приходилось сокращать роспись, и на каждомъ шагѣ рѣшать очень трудныя диллемы, въ родѣ того: что нужнѣе, этажерка или фланелевые штаны. Погруженный съ одной стороны въ составленіе *росписи*, съ другой въ приготовленіе къ экзаменамъ, Малининъ почти пересталъ вздыхать о Лизѣ, и совершенно не трогалъ прекраснаго альбома, который недавно купилъ и успѣлъ уже наполовину испачкать стишками Фета, Вѣшенцова, Всеволода Крестовскаго и иныхъ.

Овѣринъ совершенно игнорировалъ экзамены, и не только не готовился къ нимъ, но даже не пришелъ ни на одинъ изъ нихъ. Онъ переѣхалъ изъ пансіона къ Новицкому, гдѣ ему очень понравился продавленный клеенчатый диванъ, на которомъ, какъ онъ находилъ, было столь же удобно спать, какъ въ лодкѣ, — и по цѣлымъ днямъ, не вставая, лежалъ съ книжкой въ рукахъ.

Грачевъ готовился къ экзамену, кажется, за всѣхъ, и безъ усталости ходилъ по корридору, обременяя свою память и космографіей, и славянскими глаголами, и русскими основными законами, и новѣйшей исторіей по Гервинусу. Кто-то замѣтилъ ему, что стипендія, по всей вѣроятности, достанется Малинину.

— Пусть достается; я все-таки пойду въ университетъ, поступлю сторожемъ и буду слушать лекціи, какъ Мартинъ Лютеръ, черезъ щелку! съ хвастливой горячностью истиннаго героя отвѣчалъ Грачевъ.

Къ сожалѣнію, онъ на дѣлѣ былъ далеко не такъ приверженъ къ наукамъ, какъ Мартинъ Лютеръ, да, наконецъ, и романтическое желаніе сдѣлаться изъ любви къ наукѣ университетскимъ сторожемъ, въ наше время смѣшно, а потому Грачевъ, когда стипендія досталась не ему, а Малинину, — предпочелъ сдѣлаться писцомъ, оставивъ намѣреніе слушать лекціи черезъ щели и замочныя скважины.

Экзамены кончились 20-го іюня; 21 числа былъ день моего рожденія, и мы, съ братомъ, рѣшили задать приличное этимъ двумъ случаямъ торжество. Рѣшено было пригласить Шрамовъ, Вуровыхъ, нѣкоторыхъ гимназистовъ, и — самое главное — Овѣрина.

п Стульцева, безъ котораго, какъ выразился братъ, и праздниѣкъ будетъ не въ праздниѣкъ.

Послѣ обѣда, за которымъ мы, наканунѣ моего рожденія, со-зѣщались кого пригласить, Малининъ шепнулъ мнѣ, что хочетъ о чемъ-то поговорить со мной по секрету. Мы отправились въ мою комнату; Малининъ сѣлъ на стуль, и началъ разсѣянно смотрѣть на черное полотно, висѣвшее надъ моимъ письменнымъ столомъ, въ золотой рамкѣ и долженствовавшее изображать со-бой ночь въ Обдорскѣ. Въ Обдорскѣ, какъ извѣстно, ночи бы-ваютъ очень темныя, такъ что разглядѣть что нибудь довольно трудно, но, очевидно, Малининъ, уставивши глаза въ картину, вовсе не хотѣлъ ничего разглядывать, а только старался протя-нуть время, не рѣшался начать своего объясненія.

— Ну, что же надо? спросилъ я его.

— Видишь ты, у насъ вообще въ Россіи этотъ глупый кан-целярскій порядокъ... Вездѣ приходится начинать съ старшаго помощника, младшаго подсекретаря, товарища хранителя нитоеѣ для сшиванія дѣлъ...

— Ты, вѣрно, не о хранителѣ нитоеѣ хотѣлъ говорить по секрету.

— Нѣтъ.

Малининъ началъ съ горечью порицать формализмъ, который поглощаетъ деньги на то, чтобы у насъ же еще отнимать вре-мя—а время тѣ же деньги, говорятъ англичане. Англичане—хо-рошій народъ, и не терпятъ такихъ глупыхъ порядковъ, какъ мы. У нихъ парламентъ...

Я понялъ, что подвергаюсь опасности выслушать двоирамбъ английскому парламентаризму, и самымъ рѣшительнымъ образомъ потребовалъ, чтобы Малининъ открылъ мнѣ наконецъ свой секретъ. Секретъ этотъ, какъ оказалось, заключался въ томъ, что, бла-годаря канцелярскому порядку, Малининъ, къ величайшему своему огорченію, не можетъ получить своихъ восьмидесяти рублей ранѣе двухъ недѣль, а такъ-какъ ему не хотѣлось явиться на нашъ праздниѣкъ въ курточкѣ, онъ просилъ дать ему теперь же средства приобрѣсть приличный его возрасту костюмъ.

— Зачѣмъ же ты мнѣ говорилъ объ английскомъ парламентѣ?

— Совѣстно, пробормоталъ Малининъ, и началъ пристальнѣе всматриваться въ непроглядный мракъ обдорской ночи.

— Что же ты купишь себѣ?

— Я ужъ выбралъ,—такой же пиджакъ, какъ у Шрама.

И дѣйствительно, на другой день, у насъ вечеромъ, среди многочисленнаго собранія, красовались два сѣро-дикихъ пиджака. Но какая разница была между ними! Между тѣмъ какъ Мали-

нина никто не замѣчалъ, Володя просто царствовалъ: въ одномъ мѣстѣ онъ ругалъ Шульце-Делича, въ другомъ острилъ надъ Воскобойниковымъ; здѣсь рассказывалъ анекдотъ про Бакунина, тамъ смѣялся надъ Стульцевымъ, который дергалъ очками, и съ наивнымъ непониманіемъ, бормоталъ: ну, ну, — ну что?

Во всѣхъ комнатахъ стояли, ходили, сидѣли, курили и пили чай множество народа. Кто толковалъ о рочдельскомъ обществѣ, кто о комедіи Львова, кто сообщалъ ненапечатанное стихотвореніе Некрасова... всѣ говорили. Володя переходилъ отъ группы къ группѣ, и намъ оставалось только завидовать той свободѣ и легкости, съ какой онъ умѣлъ сказать въ время остроу, въ время поправить очки, гдѣ слѣдуетъ улыбнуться, или небрежно поцолкать своими длинными ногтями и съ задумчивымъ видомъ почмокать языкомъ, валя будто что нибудь пробуя и смакуя. Его небрежная легкость и свобода въ обществѣ могли сравниться развѣ только съ той беззаботностью, съ которой путались между ногами ольгинъ понтеръ и Овѣринъ. Послѣдній явился въ замазанной мѣломъ курточкѣ, и когда притащившій его Андрей, насильно напяливъ на него свой сюртукъ, выпустилъ его въ залу, то началъ задумчиво разгуливать по комнатамъ, точно оцъ былъ въ пансіонскомъ корридорѣ. Стольнувшись носомъ къ носу съ Ольгой, онъ спросилъ ее, не помнитъ ли она, какую даму, въ отель Рамбуле, лечилъ Вуатюръ отъ лихорадки, пугая ее медвѣдами; но не получивъ отвѣта, самъ тотчасъ же замѣтилъ, что это, впрочемъ, все пустяки и что тутъ дѣло не въ имени, а въ фактѣ. Видя дикаря, свободно и непонятно расхаживающаго по всѣмъ комнатамъ, многіе обратили на него вниманіе, и скоро Овѣринъ сдѣлался предметомъ общаго разговора.

— Говорятъ, онъ сильно занимается математикой, сообщали въ одномъ мѣстѣ.

— У него идея-фиксъ, рѣшилъ одинъ изъ безчисленныхъ племянниковъ Бурова, и началъ доказывать, что великіе люди отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ только тѣмъ, что имѣютъ идею-фиксъ, вслѣдствіе чего, въ обществѣ, они обыкновенно кажутся сумасшедшими.

Андрей рассказалъ нѣсколько анекдотовъ объ Овѣринѣ, и они начали переходить изъ кружка въ кружокъ.

— Кто знаетъ, можетъ быть, онъ гений, томно сказала Катерина Григорьевна.

— Да, всѣ великіе люди отличаются странностями, снисходительно замѣтилъ сидѣвшій подлѣ нея Буровъ, махнувъ ладонью надъ своими стриженными волосами.

Въ это время, во мнѣ подошелъ Новицкій. Онъ нечаянно

оборвалъ часовую цѣпочку, и попросилъ у меня щипчиковъ поправить ее. Мы отправились ко мнѣ въ комнату, и на дорогѣ я спросилъ у него, какъ они зажили съ Овѣринимъ и, кстати, почему Овѣринъ не купилъ себѣ никакого платья, тогда какъ—я слышалъ—онъ не дальше недѣли взялъ у своего попечителя двѣсти рублей.

— Еслибъ я зналъ, какъ онъ распорядится съ этими деньгами, я бы не поцеремонился отнять ихъ у него, сказалъ Новицкій.—Покуда онъ доѣхалъ до меня, ужъ у него не было и половины—но и съ остальной онъ хорошо распорядился!

Дѣйствительно, Овѣринъ очень оригинально распорядился со своимъ достояніемъ. Изъ первой сотни онъ далъ двадцатипятирублевую бумажку служителю въ гимназіи, чтобы тотъ кормилъ какую-то собаку, и уходя изъ пансіона, столько же роздалъ на чай служителямъ. На улицѣ его остановила какая-то нищая, а у него не было меньше пятидесятирублевой бумажки; онъ подумалъ, что ужъ если на собаку истрачено двадцать-пять рублей, то на человѣка совершенно справедливо истратить вдвое больше, и отдалъ деньги. Остальные сто рублей пошли болѣе дѣльно: Овѣринъ купилъ груду колбасъ, полпуда свѣчь, два корова хлѣба, стопу бумаги и проч., а остальные отдалъ хозяйкѣ впередъ за квартиру—кажется, года за полтора.

Когда рассказывалъ мнѣ все это Новицкій, въ сосѣдней комнатѣ, у Андрея, послышался шумъ: братъ торопливо запираетъ дверь на замокъ.

— Стойте-ка, что это дѣлаетъ Андрей? сказалъ Новицкій, опуская щипчики, которыми правилъ свою цѣпочку.

Мы начали прислушиваться. Оказалось, что Андрей выдумалъ очень скверную шутку.

Услышавъ, что Овѣринъ ходилъ въ кабакъ, выпилъ тамъ три рюмки, и захмѣлѣлъ, Стульцевъ, со свойственной ему неумѣренностью, объявилъ, что прежде выпивалъ по четверти ведра одинъ, и не хмѣлѣлъ, а теперь можетъ выпить—четверть-не четверть,—а все штофа два. Андрей позвалъ его въ свою комнату, вынулъ изъ чемодана пистолеть, который некогда носилъ въ карманѣ, съ цѣлью безвременно лишитъ себя жизни, и объявилъ Стульцеву, что онъ долженъ умереть или выпить полный графинъ водки.

— Ну, ну — я виноватъ! ну! поджавъ хвостъ, и выставивъ впередъ руки, чтобы не видать грозное дуло андреева оружія, забормоталъ Стульцевъ.

Андрей, въ порывѣ благороднаго негодованія, повторилъ, что Стульцевъ не долженъ ждать пощады, что ему слѣдуетъ—или

пить водку, или читать „Отче нашъ“ въ ожиданіи близкой кончины.

— Ну! я виноватъ! ну, ударь меня! (Стульцевъ сдернулъ очки, и выставилъ впередъ свое лицо) ну! что же ты? почти плача, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, я тебя убью. Молись.

— Ну! ну! заплакалъ Стульцевъ, падая на колѣни, и закрывая себя руками, выставленными впередъ вмѣстѣ съ очками, о которыхъ онъ уже пересталъ заботиться, разставаясь съ жизнью. Андрей увѣрялъ, что тогдашняя поза Стульцева очень напоминала позу Моисея, ужаснувагося передъ купиною огненной, какъ это изображено въ иллюстрированномъ ветхомъ завѣтѣ. Братъ чуть-чуть не расхохотался, и поспѣшилъ спустить курокъ своего пистолета, трагически вскрикнувъ: „умри, злодѣй!“ Несмотря на то, что, за неимѣніемъ пистона, собачка произвела только легкій щелчокъ, со Стульцевымъ случилось такое сверное обстоятельство, что Андрей принужденъ былъ дать ему свое бѣлье.

— Ну, ну, господа... ну, вы только, ради Бога, не говорите, со слезами умолялъ Стульцевъ, совершая свой туалетъ при помощи Сеньки, который не могъ удержаться отъ смѣха и фыр-калъ себѣ въ кулакъ.

Мы дали Стульцеву клятвенное обѣщаніе въ скромности, и воротились къ гостямъ. Стульцевъ, точно рыбка, выпущенная въ свѣжую воду, весело заходилъ по залѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, а вскорѣ ему удалось поймать какого-то новичка, и онъ, увѣряя послѣдняго, что имѣетъ серебряную медаль за спасеніе погибавшихъ, совершенно забылъ, что часъ назадъ самъ едва спастся отъ смерти.

Воротаясь въ залу и не видя Овѣрина, я началъ беспокоиться, не случилось бы какого скандала. Съ этой мыслью я обошелъ всѣ комнаты, но его нигдѣ не было. Правда, фуражка его находилась на лицо, но отъ такого человѣка, какъ Овѣринъ, можно было ожидать всего, и не было бы ничего удивительнаго, еслибъ онъ, по забывчивости, несмотря на довольно холодный вечеръ, отправился домой безъ фуражки. Впрочемъ, прежде чѣмъ окончательно убѣдиться въ этомъ, я рѣшился осмотрѣть садъ, хотя холодъ вовсе не располагалъ къ прогулкамъ.

Я пошелъ черезъ комнату Андрея, и, когда началъ спускаться по лѣстницѣ изъ фонарика, къ величайшему удивленію увидѣлъ идущихъ по дальней аллеѣ Овѣрина и Лизу. Они шли подъ руку. Овѣринъ шелъ, опустивъ голову, какъ бы нехотя, тѣмъ же шагомъ, какимъ онъ прогуливался по пансіонскому корридору.

не замѣчая, что Малининъ или Андрей держать его подъ руку. Сестра шла бокомъ, смотрѣла въ лицо Овѣрину, и, казалось, что-то съ оживленіемъ говорила ему. Романъ обѣщаль быть юмористическимъ, и я не могъ стерпѣть, чтобы не узнать лучшую сцену—объясненіе въ любви. Скрывшись за густо переплетенной изгородью кратегуса, я скоро догналъ ихъ, и такъ-какъ сестра въ это время весело пригласила Овѣрина съестъ на скамейку, мнѣ оставалось только пригнурнуть подъ вѣтвями изгороди и приготовиться слушать, что я и исполнилъ.

Оба молчали. Я слышалъ трепетное дыханіе сестры: очевидно, она на что-то рѣшилась. Овѣринъ, выпучивъ глаза, смотрѣлъ въ даль, на край неба, гдѣ уже начинали выплывать звѣзды.

— Вы знаете, это я вамъ писала, проговорила наконецъ Лиза.

Овѣринъ не слыхалъ.

— Послушайте, Овѣринъ,—это я вамъ писала, а не Наталья Петрова... у меня ваши письма, я ихъ берегу, сказала сестра, захлебываясь отъ волненія.

— А! пріятно изумился Овѣринъ.

— Овѣринъ, поцалуйте меня! вдругъ страстно вскрикнула сестра, прижимаясь къ нему.

— Зачѣмъ? не двигаясь, спросилъ Овѣринъ.

Сестра, очевидно, была поражена; она даже не отодвинулась отъ Овѣрина, не сдѣлала никакого движенія и долго не могла сказать ни слова. Овѣринъ спокойно и сосредоточенно смотрѣлъ впередъ, на небо, точно онъ держалъ чью-нибудь руку и считалъ удары пульса.

— Вы не любите меня? тихо спросила сестра.

— Нѣтъ... люблю; отчего же не любить?

— Я некрасива, прошептала Лиза.

Овѣринъ посмотрѣлъ на нее. Мнѣ какъ-то никогда не приходило въ голову справиться, красива или некрасива сестра, и я теперь тоже взглянулъ на нее, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Увидѣвъ ея блестящіе глаза съ большими рѣсницами, крупныя волны волосъ и тонкую талію, какъ змѣя, выбѣгавшую изъ-подъ кожанаго пояса, я сразу рѣшилъ, что она очень и очень недурна, и что всякій другой, на мѣстѣ Овѣрина, не былъ бы такимъ олухомъ.

— Нѣтъ, вы очень красивы, съ убѣжденіемъ сказалъ Овѣринъ, окончивъ свой осмотръ.

Сестра вскочила, обвила его шею руками и звонко поцалова-

ла. Овѣринъ, повидимому, нисколько этому не удивился; онъ только слегка отстранилъ ее рукою и тихо перевелъ духъ.

— Видите вы эту звѣзду, сказалъ онъ:— вонъ направо?

— Гдѣ?

Сестра, вѣроятно, еще надѣялась, что Овѣринъ отъ звѣзды поэтически перейдетъ къ изліянію своихъ чувствъ, но она горько ошиблась. Овѣринъ скоро заговорилъ объ Уранѣ, о Нептунѣ, и началъ объяснять ей вычисленія Леверье, послужившія къ открытію новой планеты. Такъ-какъ ни Уранъ, ни Нептунъ, ни Леверье вовсе не интересовали меня, а кромѣ того, съ одной стороны было холодно, съ другой же нельзя было сомнѣваться въ цѣломудріи Овѣрина, а потому я рѣшился воротиться домой, оставивъ Лизу, въ видѣ наказанія, поскучать часокъ другой на холодкѣ, слушая математическія поясненія Овѣрина. Я пошелъ, и до меня доносились еще по вѣтру спокойнѣя слова Овѣрина: „притягательная сила... центростремительная сила... отклоненіе“...

Когда я проходилъ въ свою комнату, чтобы обсушить немного промокшія ноги, зала уже значительно опустѣла, но по дорогѣ меня все-таки задѣвали слова: эманципація, непогрѣшимость, Гарибальди, обскуранты, знамя прогресса, Тургеневъ, патриотизмъ и проч. и проч. У дверей моей комнаты со мной столкнулся Малининъ. Толки этого вечера на него произвели, повидимому, потрясающее впечатлѣніе, и онъ смотрѣлъ очень разстроено.

— А у насъ, должно быть, скоро будетъ революція?! тихо сказалъ онъ, не то съ большимъ страхомъ, не то съ большой увѣренностью.

— Гдѣ „у насъ“? раздражительно спросилъ я, предчувствуя услышать глупость.

— У насъ, въ Россіи.

— Ты останешься у насъ ночевать?

— Нѣтъ, ужь я домой пойду. Неловко въ первый же день, и вдругъ дома не ночевать. Хозяйка чортъ-знаетъ что обо мнѣ подумаетъ.

— Не видалъ ты—Шрамы уѣхали?

— Уѣхали.

— Ну, такъ я лягу спать.

— Прощай. Пойду на новоселье. Вотъ что, Николай Николаичъ (Малининъ въ первый разъ въ жизни называлъ меня такимъ образомъ, и эти слова вышли у него какъ-то застѣнчиво),— я хотѣлъ завтра... Нѣчто въ родѣ новоселья... Можно? И хотѣлъ

пригласить Лизавету Николавну... А? какъ ты думаешь, Николай Николаичъ? Я думаю, кофей...

Малининъ совсѣмъ разстроился.

— Хорошо, завтра.

— Ну, такъ я буду ждать...

— До свиданья.

Я легъ, и началъ было дремать, когда въ сосѣдней комнатѣ братъ зашаркалъ спичками, и черезъ минуту явился ко мнѣ съ зажженной свѣчей.

— Ты не спишь? Гдѣ Малининъ?

— Онъ ушелъ. Зачѣмъ тебѣ?

— У него завтра кофей...

Братъ сѣлъ ко мнѣ на постель, и началъ говорить объ Аннинькѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ. Его восторженные похвалы ея бѣлыми волосамъ, розовому лицу и ея необыкновенно приятной наивной глупости очень мѣшали мнѣ задуматься надъ маленькимъ выговоромъ, который я приготавливалъ для сестры, по поводу ея любовныхъ похождений. Къ утру, впрочемъ, я успѣлъ составить довольно назидательную рѣчь, и отправился къ Лизѣ.

Когда я вошелъ, она лежала на диванѣ и читала книгу. Я съ медленной серьезностью поставилъ стулъ къ дивану, сѣлъ на него, и дожидаясь, что Лиза спроситъ меня, зачѣмъ я пришелъ; но она молчала.

— Чтò ты писала Овѣрину? спросилъ я наконецъ.

— Ничего не писала, небрежно отвѣчала Лиза.

Она продолжала глядѣть въ книгу, вѣроятно думая, что разговоръ будетъ не на столько интересенъ, чтобы для него стоило отрывать отъ чтенія.

— Чтò ты писала Овѣрину? настойчивѣе спросилъ я.

— Ничего.

— Я знаю, что ты писала; знаю, что онъ тоже писалъ къ тебѣ и что ты бережешь его письма. Я знаю, что ты вчера...

Лиза вскочила съ дивана, и, очень покраснѣвъ, посмотрѣла мнѣ въ глаза.

— Какъ ты узналъ?

— Какъ я узналъ—тебѣ все равно. Дѣло въ томъ, что я все знаю.

— Хорошо, пробормотала Лиза. Она бросилась къ комоду, и начала дрожащими руками, съ лихорадочной послѣдностью перебирать стоявшія тамъ бездѣлушки, при чемъ флаконъ съ какими-то духами полетѣлъ на полъ. Это раздражило Лизу, и она начала кидать, вслѣдъ за нимъ, на полъ, все чтò ни попадало

подъ руку. По лицу ея текли молчаливыя слезы; губы дрожали отъ злости и оскорбленія, и она изо всей силы мѣтала объ полъ и гребенки, и банки съ помадой, и щетки. Я молчалъ. Она нашла наконецъ ключъ, сердито выдвинула верхній ящикъ комода, и начала тамъ рыться такъ азартно, что оттуда вылетѣло на полъ нѣсколько носовыхъ платковъ и какая-то коробочка. Скоро она выхватила изъ комода какія-то бумаги, и хотѣла ихъ разорвать, но я схватилъ ее за руки.

— Отдай, сказалъ я.

— Ни за что! захлебываясь злыми слезами, проговорила Лиза.

Она, впрочемъ, не думала сопротивляться мнѣ серьезно, и скоро уступила моимъ усиліямъ, въ изнеможеніи упавши на диванъ и разразившись громкими рыданіями.

Я началъ разбирать бумаги. Это были три длинныхъ письма Овѣрина, обращенныхъ, какъ видно было изъ первыхъ строкъ, къ Натальѣ Петровнѣ—такъ звали горничную Лизы, отъ имени которой, вѣроятно, и писала ему сестра.

— Отдай ихъ ему... съ усиліемъ проговорила Лиза, среди рыданій, которыя душили ее и коверкали ея лицо въ безобразныя гримасы.—Онъ надо мной смѣется! Пусть! Смѣйтесь надо мной! Я не боюсь!

Рыданія ея становились громче и громче. Я подошелъ къ ней, и взялъ ее за руки.

— Лиза, голубушка, полно—успокойся! никто не будетъ смѣяться, ласково сказалъ я.

Сестра прижалась къ моей груди своимъ заплаканнымъ лицомъ.

— Тебѣ онъ все рассказалъ? смѣялся? прошептала она.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ и никогда никому не скажетъ. Я самъ все слышалъ...

— Никому не говори, опять прошептала сестра, прижимаясь ко мнѣ, какъ будто просила защиты.

— Никому не скажу.

— И отдай мнѣ письма, нервнительно прибавила Лиза.

Она успокоилась и сѣла на диванъ.

Ужь много разъ сравнивали улыбку на плачущемъ лицѣ хорошенькой женщины съ солнцемъ, весело освѣщающимъ землю, только что обмытую дождемъ. Глядя на улыбающуюся Лизу, по щекамъ которой еще блестѣли полоски слезъ, я былъ совсѣмъ обезоруженъ и цѣликомъ забылъ назидательную рѣчь, приготовленную мной для изобличенія всего неприличія ея поступковъ съ Овѣринымъ.

— Нашла же ты предметъ для ухаживанья, смѣясь, сказалъ

я: — вотъ, скорѣе этотъ (я разумѣль бюстъ Крылова, стоявшій на каминѣ) слѣзетъ отсюда и будетъ объясняться въ любви, чѣмъ Овѣринъ.

— Я люблю его, въ порывѣ откровенности, рѣшительно объявила Лиза.

— Съ чего ты начала писать ему? Чортъ-знаетъ, дичь какая!

— Такъ... Онъ отвѣчалъ мнѣ; я думала, что и онъ меня любить, а онъ говоритъ, что всѣхъ любить... Я не знаю, что это за чудакъ! Впрочемъ, онъ сказалъ, что я хорошенькая, и звалъ къ себѣ пить чай съ паюсной икрой. Я ему назначаю свиданіе на валу, а онъ мнѣ говоритъ: лучше ко мнѣ придите — у меня есть паюсная икра, и мы будемъ пить чай съ икрой!... Ничего не понимаетъ! Икра, говоритъ, очень питательна, и съ сладкимъ чаемъ очень вкусна!

Лиза начала смѣяться. Я разбиралъ овѣринскія письма. Каждая красная строка начиналась такъ: „Вы спрашиваете, какъ я смотрю на назначеніе женщины. Женщина прежде всего — человѣкъ, допустимъ даже, что человѣкъ слабосильный и слабоумный и проч.“, или: „Вы спрашиваете, какъ я смотрю на бракъ. Я не думалъ еще объ этомъ, и не могу сообщить своего рѣшительнаго мнѣнія; Впрочемъ, судя по тому, что нѣкоторые животныя, напр. аисты, повидимому, признають бракъ...“ и проч. и проч. Последнее письмо оканчивалось очень деликатнымъ приглашеніемъ прекратить переписку: „мнѣ совсѣмъ некогда теперь обдумывать отвѣты на ваши вопросы. Вы читайте книги, сами дойдете какъ нибудь до всего“. Тонъ писемъ вездѣ былъ таковъ, какъ будто они были писаны не къ незнакомой женщинѣ, а къ хорошему другу. Овѣринъ, очевидно, нисколько не удивлялся, что какая-то Наталья Петрова интересуется его возрѣніями на бракъ, на положеніе женщины и другіе предметы, вызывающіе на размышленіе.

— Во всякомъ случаѣ, ты, пожалуйста, оставь Овѣрина въ покоѣ, сказала я, свертывая письма и возвращая ихъ сестрѣ. — Изъ этого ничего не выйдетъ, кромѣ того, что надъ тобой будутъ потѣшаться, какъ надъ Малининымъ.

— Бѣдненькій! Посмотри, — я думаю, онъ исходилъ верстъ десять (сестра показала мнѣ буметъ изъ какихъ-то дрянныхъ желтенькихъ цвѣточковъ). Просилъ меня никому не говорить. Я какъ-то смотрѣла атласъ, и сказала, что никогда не видала этого цвѣтка — онъ вотъ и принесть.

Сестра засмѣялась.

— Вотъ, влюбись въ него. За него можешь выйти замужъ, онъ будетъ ухаживать за тобой.

— Ну, что! презрительно сказала сестра. — Онъ какой-то кисель!

Кисель былъ легокъ на поминѣ. Онъ постучался въ дверь и робко вошелъ къ намъ въ своемъ сѣро-дикомъ пиджакѣ. Я совершенно забылъ о его новосельи съ кофеемъ, и Малининъ, вѣроятно соскучившись дожидаться, явился поторопить насъ собственной персоной.

— Что же вы... не хотите... Николай Николаичъ! Лизавета Николаевна! бормоталъ онъ.

Андрея не было дома, и мы отправились къ Малинину вдвоемъ съ сестрой. Онъ занималъ небольшую, чистенькую комнату, въ которой пахло уютнымъ тепломъ. Надобно было удивляться, откуда Малининъ, занявъ у меня всего третьяго дня деньги, набралъ для своего гнѣзда столько бѣлизны и чистоты, и я сильно подозреваю, что онъ не спалъ на подушкахъ, которыя были убраны въ бѣлоснѣжныя наволочки со старенькими кружевами. Одѣяло было бѣлое, такъ что кровать Малинина изображала изъ себя нѣкоторымъ образомъ ложе невинности. У изголовья стоялъ маленькій столикъ, вѣроятно, недавно натертый деревяннымъ масломъ — такъ онъ блестялъ. На столикѣ стояла стеариновая свѣчка въ блестящемъ подсвѣчникѣ, должно быть, для того, чтобы показать, что Малининъ иногда наслаждается чтеніемъ, лежа въ постели. На комодѣ, точно также натертомъ деревяннымъ масломъ, былъ разставленъ цѣлый рядъ всякихъ зеркальцевъ, щеточекъ, баночекъ, скляночекъ, коробовъ, коробочекъ, тетрадогъ и книжечекъ, расположенныхъ очень красиво и симметрично. На письменномъ столѣ Малинина была тоже выставка разныхъ дешевыхъ галантерейныхъ вещей. Чернильницы, перья, чугунныя пенельницы, пресспапье разныхъ сортовъ, ножницы, ножички, печати, костяные счеты и проч. были разставлены такъ искусно, что къ столу было боязно прикоснуться, чтобы не разрушить гармоніи порядка и красоты, писать же на немъ не было никакой возможности. Словомъ, сердце радовалось, глядя на благоустройство малининской комнаты, и Малининъ, какъ добрый боберъ, видимо очень дорожилъ этимъ благоустройствомъ, такъ что, когда Лиза сѣла на кровать, онъ съ большой торопливостью бросился пересаживать ее на стулъ.

— Вамъ такъ удобнѣе, трогательно говорилъ онъ. — Вотъ, Николай Николаичъ, сигары...

— Да вѣдь ты знаешь, что я не курю.

— Ну, все равно...

Я открылъ у него письменный столъ, гдѣ лежало множество прекрасныхъ тетрадей; мнѣ бросился въ глаза какой-то листо-

чекъ, лежавшій сверху. Это была смѣта: „сигаръ гаванскихъ, лучшихъ, десять штукъ; сигаръ рижскихъ—десять штукъ, папирсъ Сырейщикова двадцать-пять штукъ, кофею—фунтъ“.

Малининъ подкрался сзади, и вырвалъ у меня листокъ.

— Ну, зачѣмъ же? раскраснѣвшись, сказалъ онъ.

— Это твои покушки?

— Да...

— Зачѣмъ же табакъ? спросила Лиза. — Вѣдь вы не курите.

— А гости...

Малининъ сказалъ это съ такой наивной увѣренностью, что Лиза пришла въ восторгъ, схватила его за голову и взъерошила ему густо напомаженные волосы.

Малининъ совсѣмъ потерялся, и умеръ бы отъ счастья, если бы въ это время его хозяйка не принесла на подносѣ кофе со всякими печеньями. Онъ, какъ облитый кипяткомъ, бросился къ столу и чуть не повалилъ по дорогѣ маленькій столикъ со свѣчей, поставленной у кровати. Не помня себя отъ счастья, онъ началъ такъ растерянно хлопотать и угощать насъ, что сердце сжималось отъ жалости. И было отчего растеряться самымъ жалкимъ образомъ: онъ въ этотъ день былъ имянинникомъ въ квадратѣ.

XVII.

Святилище наукъ.

Дни проходили за днями; приближалось время начала лекцій въ университетѣ, и мы начинали толковать о выборѣ факультетовъ. Впрочемъ, все это дѣлалось мимоходомъ; лѣтніе дни проходили скоро и весело, и говорить хоть о мало-мальски серьезныхъ вещахъ какъ-то не хотѣлось. У насъ съ утра обыкновенно собиралось довольно много знакомыхъ, и уже непременно присутствовали Новицкій, Малининъ и Аннинька, которая очень подружилась съ сестрой. Лиза приняла ее, нѣкоторымъ образомъ, подъ свое покровительство и не жалѣла трудовъ, посвящая Анниньку во всѣ тяжкія тогдашняго либерализма. Бѣдная институтка, казалось, ничего не понимала; она краснѣла, мигала своими хорошенькими глазками и старалась оборвать розовенькими пальчиками кончикъ носоваго платка. Я былъ долгое время въ глубокомъ убѣжденіи, что Аннинька, по милости институтскаго воспитанія, отупѣла и оглуѣла до состоянія настоящихъ провинціальнахъ барышенъ, въ томъ видѣ, какъ ихъ всегда

изображаютъ въ комедіяхъ и повѣстяхъ; но, мало по малу, началъ въ этомъ разубѣждаться. Какъ оказалось, она тоже знаетъ толкъ въ идейкахъ, и даже имѣетъ оригинальный способъ выраженія ихъ—прелестно-простодушный и застѣнчивый.

Очень хорошо понимая, что лучший способъ стать замѣтнымъ и выдѣлиться хоть немного изъ несмѣтныхъ дюжинъ либераловъ—это проповѣдывать (въ то время необходимо было что нибудь проповѣдывать) консервативныя идеи, я сдѣлался консерваторомъ, и любилъ обрывать Малинина, Лизу, Андрея и другихъ либераловъ, которые мнѣ были подъ силу. Мои проповѣди не пропали для Анниньки даромъ.

Я въ этомъ убѣдился, когда Лиза какъ-то занеслась на модную тему объ угнетеніи женщинъ. Само собой разумѣется, при этомъ варварство мужчинъ, закрывшихъ передъ бѣдной женщиной всѣ дороги къ самостоятельности, было выставлено въ заслуженно-гнусномъ видѣ.

— Кто хочетъ быть самостоятельной, это не трудно, сказала вдругъ Аннинька.

Нечего и говорить, что Лиза пришла въ изумленіе, близкое къ негодованію.

— Я могу наняться въ прачки, и не буду ни отъ кого зависѣть, кротко пояснила Аннинька.

Лиза, съ горячностью, возразила, что у бѣдной прачки, какъ у женщины, нѣтъ никакой карьеры, между тѣмъ какъ мужчина можетъ сдѣлаться изъ писца министромъ.

— И мы бы, можетъ быть, составили карьеру, еслибы умѣли писать и могли сдѣлаться писцами. Нѣтъ, Лизанька, ужъ такъ устроено, что мужчина долженъ работать, а мы наслаждаться... Такъ, вѣдь, Николай Николаичъ?

— Аннинька пѣла съ моего голоса, и я тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ея наивную пѣсенку. Андрей, влюбившійся въ Анниньку „со всѣмъ пыломъ юношеской страсти“, тоже находилъ, что къ ней очень идетъ консерватизмъ и либералкой она была бы не такъ мила. По поводу своей несчастной страсти, братъ началъ меня особенно долго беспокоить по ночамъ, то объясняясь въ любви, то читая свои стихи, которые онъ цѣлыми грудями отправлялъ въ петербургскіе журналы, вырѣзывая потомъ напечатанныя стихотворенія и наклеивая ихъ на стѣны у себя въ комнатѣ, чтобы каждый проходящій могъ видѣть, что тутъ живетъ поэтъ. Относительно любовныхъ успѣховъ Андрея мнѣ приходилось выслушивать очень странныя вещи. Братъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы молчаливо страдать и вздыхать, подобно Малинину. Нечего и говорить, что онъ, почувствовавъ

себя влюбленнымъ, тотчасъ же объяснился въ любви, и такъ-какъ не получилъ отъ Анниньки никакого рѣшительнаго отвѣта, то продолжалъ привязываться къ ней каждый день.

— Я ее рѣшительно не понимаю, говорилъ онъ мнѣ, бывало, сидя на моей постели.—Сегодня, въ саду, я началъ ее цаловать, она кинулась ко мнѣ, но потомъ вдругъ оттолкнула меня, начала плакать—и кричить: „Отойдите, отойдите, — не троньте меня“. Бойтся, должно быть.

Такія сцены, конечно, охладили бы пылъ всякаго другаго, но не Андрея. У него дѣло дошло до того, что онъ показалъ мнѣ однажды изрядный синякъ на груди, полученный во время горячаго объясненія въ любви, когда Аннинька, побѣжавъ отъ него, неосторожно захлопнула двери.

— Нѣтъ, она, должно быть, влюблена въ когонибудь, въ раздумьѣ говорилъ Андрей. — Она на тебя что-то смотритъ очень странно; все краснѣетъ.

Я имѣлъ такъ мало претензій влюблять когонибудь въ себя, что предположеніе Андрея показалось мнѣ смѣшнымъ; но потомъ я и самъ сталъ замѣчать, что Аннинька смотритъ на меня, дѣйствительно, нѣсколько странно и какъ-то боязливо протягиваетъ мнѣ свою руку. Впрочемъ, на все это, среди споровъ, шума и смѣха, которые царствовали у насъ, я мало обращалъ вниманія.

Почти каждое утро, являясь къ намъ, Новицкій сообщалъ какоенибудь происшествіе съ Овѣринимъ, и день уже начинался смѣхомъ. Овѣринъ къ этому времени успѣлъ свести нѣкоторыя, очень пріятныя, знакомства, какъ-то: со своей прачкой и съ пьяницей-сапожникомъ, жившимъ въ ихъ домѣ. Старуха-прачка, вѣроятно, считала его за блаженнаго, и приходила къ нему подъ окно поговорить — то о пропавшей простынѣ, то о сынѣ, который былъ въ солдатахъ, и Овѣринъ всегда очень внимательно успокаивалъ и утѣшалъ ее. Менѣе невинны были его отношенія съ сапожникомъ. Этотъ послѣдній познакомился съ нимъ очень оригинальнымъ образомъ, попросивъ, Христа ради, пяточокъ на опохмѣлку. У Овѣрина были деньги, и онъ далъ ему. Черезъ четверть часа сапожникъ явился, уже значительно повеселѣвшій, благодарить своего благодѣтеля.

— Что, теперь лучше? спросилъ Овѣринъ.

— Лучше.

— И голова не болитъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ хорошо.

— А если теперь еще выпить?

— Еще будетъ лучше.

Овѣринъ удивился, и далъ ему еще пяточокъ. Сапожникъ

явился черезъ нѣсколько времени, и, дѣйствительно, былъ еще веселѣе.

— А если теперь еще вы выпьете? спросилъ Овѣринъ.

— Теперь отлично бы еще выпить.

Овѣринъ передавалъ въ этотъ день сапожнику до десяти пяточковъ, и съ удивленіемъ наблюдалъ, что новый его знакомый часъ отъ часу пьянѣетъ сильнѣе и сильнѣе, а, наконецъ, взявъ послѣдній пяточокъ, не можетъ уже выразить языкомъ своей глубокой благодарности, и замертво падаетъ на землю.

Выснавшись подъ овѣринскимъ окошкомъ, сапожникъ уже не попросилъ, а потребовалъ у Овѣрина пяточка, какъ у единственнаго виновника своей болѣзни.

Такъ-какъ вообще отказывать, да еще въ деньгахъ, было вовсе не въ характерѣ Овѣрина, то сапожникъ скоро понялъ всю выгоду своего положенія, и въ короткое время пропилъ у своего благодѣтеля всѣ деньги. Дѣло дошло до того, что Овѣринъ занялъ у Семена шестьдесятъ копѣекъ, и рѣшился питаться однимъ хлѣбомъ, впредь до получки своего жалованья.

Но у Овѣрина было платье. Попечитель его, видя, съ какимъ ребенкомъ ему пришлось водиться, самъ распорядился сшить Овѣрину довольно приличную одежду. Къ сожалѣнію, не вся она пошла въ прокъ. Въ то время, когда Овѣринъ питался однимъ хлѣбомъ, его пріятель-сапожникъ вовсе не полагалъ оставить своей привычки напиваться пьянымъ, несмотря на то, что ему было категорически объяснено, что денегъ больше нѣтъ.

— У васъ есть разныя вещицы—можно бы заложить на время, намекнулъ какъ-то сапожникъ, окончательно истомленный продолжительной трезвостью.

— А вотъ фракъ—я его все-равно не ношу! догадался Овѣринъ.

Фракъ былъ пропитъ; очередь доходила до сюртука, когда Новицкій замѣтилъ, что не все платье у Овѣрина на лицо, и отобралъ у него, посредствомъ какой-то хитрости, ключъ отъ комода. Съ этого времени, когда въ распоряженіи Овѣрина ничего не осталось, кромѣ хлѣба (онъ всегда покупалъ его короваями, на томъ основаніи, что черствый хлѣбъ удобоваримѣе мягкаго), свѣчь, колбасы, паюсной икры и мѣлу, сапожнику взять было нечего, и дружба начала значительно охлаждаться, тѣмъ болѣе, что въ это время Овѣринъ, занятый усовершенствованіемъ лейденской банки, не находилъ даже времени разговаривать со своимъ другомъ.

Нечего и говорить, что онъ поступалъ на математическій факультетъ.

Остальные мои знакомые стремились на медицинскій или на естественнй факультетъ (естественныя науки только что начали входить тогда въ моду). Не говоря уже о Шрамѣ и братѣ, даже Малининъ однажды сказалъ мнѣ: „я думаю, что лучше изучать естественныя науки, напримѣръ, физиологію... Нужно же, наконецъ, знать строеніе своего собственнаго тѣла“.

— Чѣмъ же ты послѣ будешь питать это тѣло, когда узнаешь его строеніе? спросилъ я.

Малининъ не понялъ.

— Сдѣлаешься пьяницей-учителемъ естественныхъ наукъ? яснѣ спросилъ я.—Дальше не пойдешь со своей физиологіей.

— Да, это правда—нѣтъ карьеры, но, все-таки, естественныя науки... Впрочемъ, на какой ты факультетъ поступишь, на такой и я.

— Естественныя науки скоро выйдутъ изъ моды, сказала я:—мы лучше поступимъ на юридическій. Вонъ толкуютъ все о новомъ судопроизводствѣ.

— Это дѣйствительно! съ восторгомъ вскричалъ Малининъ, очевидно удивляясь, что ему не пришла въ голову раньше эта простая мысль.

Такимъ образомъ рѣшено было осчастливить Россію двумя новыми юристами. Вскорѣ я узналъ, что и Новицкій тоже поступаетъ на юридическій факультетъ, раздумавъ сдѣлаться медикомъ, по той причинѣ, какъ онъ объяснилъ, что „плохой медикъ вреденъ, а плохой юристъ, при честныхъ намѣреніяхъ, все-таки можетъ быть полезнымъ“.

Все наши дамы тоже рвались въ университетъ, и преимущественно для изученія естественныхъ наукъ и „узнанія строенія своего собственнаго тѣла“. Ольга, знавшая довольно порядочно новыя языки, вбила себѣ въ голову, что ей стоитъ только поучиться немного древнимъ языкамъ и исторіи, чтобы сдѣлаться русскимъ Маколеемъ. Лиза и Леночка (одна изъ безчисленныхъ племянницъ Бурова), вмѣстѣ съ другими, рѣшились изучать естественныя науки, и составили даже какой-то адресъ къ университетскому начальству, который я, впрочемъ, разорвалъ, разсердившись на Лизу по поводу одного скандала. Какъ-то разъ, перессорившись съ Ольгой (ссорились онѣ каждый день), она убѣжала отъ Шрамовъ домой одна. Недалеко отъ нашего дома ее остановилъ пьяный извозчикъ, и пригласилъ куда-то ѣхать съ собой.

— Сейчасъ, сказала Лиза, поставила ногу на тумбу, сняла съ ноги резиновую галошу, и успѣла ею ударить разъ пять по лицу извозчика, остолбенѣвшаго отъ удивленія. Къ счастью, въ это

время шель мимо квартальный, знавшій сестру въ лицо, и ея сумасбродство сошло ей съ рукъ совершенно безнаказанно. Андрей, восхищавшійся всякой глупостью, не могъ нарадоваться геройству сестры, и всякій разъ цаловаль ее, вспоминая исторію съ галашей. Я смотрѣль на ея подвигъ нѣсколько иначе, и, даже разорвавъ адресъ, считаль сестру недостаточно наказанной, заявивъ, что, сверхъ этого, никогда не пущу ее въ университетъ.

Впрочемъ, послѣдней угрозы невозможно было выполнить, такъ-какъ въ первый же день открытія университетскихъ лекцій, у насъ произошла жестокая перепалка, обѣщавшая повторяться каждое утро до тѣхъ поръ, покуда я не сведу Лизу въ университетъ. Пришлось успокоить ее увѣреніями, что завтра она будетъ въ университетѣ. Въ первый день мнѣ хотѣлось какъ можно внимательнѣе заняться лекціями, и я былъ радъ, что избавился отъ сестры, которая могла нарушить мое спокойствіе, даже въ такомъ случаѣ, еслибы Андрей, вообще нетерпѣвшій возиться съ женщинами, согласился взять ее на свое попеченіе.

Наконецъ, мы вступили въ святилище наукъ, со страхомъ божіимъ и трепетомъ, съ бѣлыми тетрадкама въ карманахъ, а Мадлиннъ, сверхъ того, съ пучкомъ тщательно и остро-преостро очиненныхъ карандашиковъ. Это было во вторникъ. Въ росписаніи, прилѣпленномъ въ сѣняхъ, среди объявленій: „продаются прошлогоднія записки политической экономіи профессора Слѣщова“, „продаются логарифмы Коллета“, „ищутъ товарища въ комнату“ и проч., въ росписаніи значилось, что въ этотъ день, на первомъ курсѣ юридическаго факультета, имѣютъ быть три лекціи: законъ божій, исторія русскаго законодательства и энциклопедія юридическихъ наукъ.

Когда мы пришли, въ корридорѣ уже толпился народъ и царствовало шмелиное жужжаніе, столь знакомое мнѣ по гимнази. Между молодежью, по большей части одѣтой довольно неказисто, виднѣлись и солидные старички, съ крестами на шеяхъ, и офицеры, и два-три женскихъ платья. Старые студенты ходили съ новичками, и посвящали ихъ въ университетскія тайны; новички съ замираніемъ сердца внимали ихъ сообщеніямъ и мотали на усъ ихъ совѣты.

— У васъ что вторая лекція? спрашиваль старый студентъ новичка, котораго онъ, повидимому, приняль подъ свое милостивое пѣствованіе и покровительство.

— Исторія русскаго законодательства, скромно отвѣчалъ новичокъ.

— Фіалковскій?! презрительно сказалъ студентъ.—Мины подъ фортецію правды подводить будетъ. А потомъ?

— Энциклопедія.

— Герць. „Декартъ — отецъ науки“, прошамкалъ студентъ, вѣроятно передразнивая профессора Герца.

— Вотъ Фіалковскій—это дѣльный малый, слышалось въ другомъ мѣстѣ, а Герць—этотъ былъ, кажется, губернеромъ при Симѣ, Хамѣ и Іафетѣ.

— Годится въ погодинское древлехранилище, прибавлялъ кто-то.

— Вы не подписывайтесь горяча на записки, совѣтовалъ дальше студентъ новичку.—Тутъ иногда фокусы бываютъ.

— Эй, математики, идите въ аудиторію!

— Я вамъ, пожалуй, подарю герцовскія записки...

— Надо будетъ купить Менделѣева...

— У васъ на первой лекціи попь?

— Попъ. Да я не пойду слушать...

„Либеральство“, высказанное съ такой хвастливостью, мнѣ очень не понравилось, и я нарочно скорѣе пошелъ въ аудиторію. Тамъ почти никого не было, но Малининъ уже сидѣлъ на передней скамейкѣ, передъ нимъ лежала раскрытая тетрадка и остроочиненный карандашикъ. Я сѣлъ подлѣ него.

— Скоро ли онъ придетъ? благоговѣйнымъ шопотомъ спросилъ Малининъ, точно мы были въ алтарѣ.

Я не отвѣчалъ. Вскорѣ пришелъ Новицкій, сѣлъ подлѣ меня, и началъ рассказывать, что Андрей чуть не подрался въ курильной комнатѣ съ какимъ-то семинаристомъ, который цѣлой непобѣдимой арміей силлогизмовъ доказывалъ, что поступать въ университетъ тому, кто хочетъ учиться, глупо, и что онъ, семинаристъ, поступилъ сюда съ единственнымъ намѣреніемъ сдѣлаться какъ можно скорѣе титулярнымъ совѣтникомъ.

— Андрюша еще не знаетъ, какія диковинки нашъ братъ, семинаристъ, сможетъ доказать, если захочетъ, сказалъ Новицкій.

— Овѣринъ здѣсь? спросилъ я.

— Нѣтъ, не пошелъ.—„Чего я, говоритъ, тамъ не видалъ“. Купилъ ведерную бутылъ, и устроиваетъ изъ нея лейденскую банку.

Въ это время вошелъ священникъ, сопровождаемый толпою слушателей, которые начали торопливо размѣщаться. Подлѣ Новицкаго сѣлъ какой-то господинъ съ сѣдыми бакенбардами, и началъ неподвижно смотрѣть на кафедру, точно какая-нибудь статуя. Священникъ поправилъ — или, какъ говорятъ — выпро-

сталъ волосы, по привычкѣ всѣхъ священниковъ, и началъ довольно скромно, безъ всякой аффектаціи дѣлать очеркъ стороннихъ источниковъ для исторіи первыхъ временъ христіанства. Онъ говорилъ очень спокойно и внятно; мнѣ лекція его очень понравилась, тѣмъ болѣе, что онъ сообщалъ факты, совершенно для меня новыя. Я даже нѣсколько сердился, когда не совсѣмъ вѣжливыя слушатели, входя и выходя изъ аудиторіи, нарушали тишину. Между прочими пришелъ и Стульцевъ. Онъ съ дѣловымъ выраженіемъ, налету кивнулъ намъ головой, и остановился у притолоки, на самомъ видномъ мѣстѣ. Когда профессоръ произнесъ послѣднюю стереотипную фразу: „это мы разсмотримъ въ слѣдующей лекціи“, Стульцевъ подскочилъ къ намъ.

— Я нарочно пришелъ сюда, чтобы поймать васъ, сказалъ онъ.— Не выдали ли вы здѣсь Владиміра Александровича и Ольгу Петровну?

— Не видалъ, сказалъ я.

Малининъ началъ спрашивать у него что-то о священникѣ, а мы съ Новицкимъ пошли вслѣдъ за другими въ корридоръ.

— Ну, ну, и онъ тоже ошибается — онъ матеріалистъ, говорилъ сзади насъ Стульцевъ Малинину.

— Вонъ, кажется, нашъ либераль и кавалеръ съ семействомъ, указалъ Новицкій на Володю, проталкивавшагося вдали, вслѣдъ за двумя какими-то юбками.— Не пойдемте къ нимъ. Пойдемте въ курильную... Боже мой, Софья Васильевна! васъ здѣсь совсѣмъ затолкали. Какъ вы здѣсь? вскричалъ Новицкій, протягивая обѣ руки маленькой дѣвушкѣ, которую толпа народа дѣйствительно прижала къ стѣнѣ, и жаль было смотрѣть, какъ она трусливо оглядывалась по сторонамъ, выжидая возможности пройти.

— Не знаю, какъ и выбраться, проговорила дѣвушка, какъ будто прося прощенія, такимъ мягкимъ голосомъ, какимъ говорятся самыя душевные слова. Этому мягкому, до крайности симпатичному и теплому голосу вполне соответствовала вся ея робкая, скромная дѣтская фигурка, съ тихими и робкими манерами. Глазки ея смотрѣли съ такой мольбой о пощаду, съ такой выжидательной боязливостью, улыбка имѣла такой жалостный характеръ, и, наконецъ, не то вздрагиванья, не то ужимки ея маленькаго беззащитнаго тѣльца были такъ характерны, что все это придавало ей видъ забитаго болѣзненнаго ребенка, надъ головой котораго занесенъ тяжелый кулакъ. Этотъ ребенокъ уже давно потерялъ надежду умилостивить чѣмъ-нибудь своихъ гонителей, кромѣ безропотной готовности переносить всякія пытки и наказанія; онъ даже считаетъ за дерзость

просить пощады словами: о ней робко молить болѣзненная улыбка и тоскующій взглядъ. Софья Васильевна не была красива; маленькое личико ея было смугло, черные волосы были гладко и скромно причесаны, въ платьѣ замѣчалась бѣдная опрятность, вопреки тогдашней модѣ дыръ и пятенъ, изъ которыхъ, по выраженію Диогена, глядѣло честолюбіе; но въ этой маленькой женщинѣ видно было столько простой нѣжности и женственности, что чувствовалось какъ-то хорошо и мягко, глядя на нее.

— Постойте, я васъ выведу, сказалъ Новицкій.

— Ахъ, будьте столько добры.

Это *столько добры*, сказанное ея мѣлкимъ, всегда просящимъ прощенія голосомъ, вовсе не походило на обыкновенное—*будьте столь добры*.

— Какъ вы сюда попали?

— Я хотѣла подписаться на записки, да оказывается—очень поторопилась.

Мы проводили ее въ швейцарскую. Новицкій подаль ей потертый черный бурнусъ; она взяла зонтикъ и протянула намъ руку.

— Скажите пожалуйста, когда это надо придти?

— Да ужъ вы не ходите; я вамъ подпишусь, улыбаясь сказалъ Новицкій.

Софья Васильевна, стоя съ протянутой рукой, объяснила какія ей нужны записки, и начала прощаться.

— До свиданья, господинъ Новицкій. Благодарю васъ. До свиданья, господинъ...

Она затруднилась и покраснѣла.

— Негоревъ, подсказалъ Новицкій. Это — Софья Васильевна Лохова.

— До свиданья, господинъ Негоревъ.

Софья Васильевна подала мнѣ свою маленькую ручку, боязливо улыбнулась, и пошла своей мягкой торопливой походкой, про которую можно было сказать: „идеть какъ пишеть“.

— Знаете вы, кто это? спросилъ Новицкій, когда мы поднимались вверхъ по лѣстницѣ.

— Лохова—фамилія что-то знакомая.

— Это—дочь извѣстнаго Лохова.

— Неужели!

„Извѣстный Лоховъ“ былъ извѣстенъ съ очень дурной стороны—какъ шулеръ и мошенникъ, надувшій на нѣсколько тысячъ простодушное р—свое кучество водопроводами, и уже содржавшійся въ это время въ острогѣ.

— Да, замѣчательная женщина, сказала Новицкій.

— Это онъ ее такъ забить? спросилъ я, думая про Лохова.

— Вовсе нѣтъ; — съ чего вы взяли, что она забитая! Это только съ виду такъ кажется; она не забитая.

— Она, вѣрно, не съ нимъ живетъ?

— Нѣтъ, когда онъ былъ на свободѣ, они жили вмѣстѣ, и теперь она помогаетъ ему въ острогѣ. Вотъ, не надо ли вамъ переписчицу—вы хотѣли издавать записки?

— А развѣ она переписчица?

— И переводчица и гувернантка. Покупаетъ книги, занимается ботаникой, и перебивается съ хлѣба на квасъ. Я думаю, никогда и не обѣдаетъ: такъ, чаекъ съ булочкой, да и будетъ. Однако пойдемте; кажется, ужъ у насъ профессоръ...

Дѣйствительно, когда мы пришли, профессоръ уже входилъ на кафедру. Это былъ молодой человѣкъ высокаго роста, очень красивой наружности, изысканно одѣтый. Безукоризненная рубашка съ плойкой, украшенная тонкимъ какъ червячокъ чернымъ галстучкомъ, была застегнута золотыми пуговками. На открытомъ жилетѣ красовалась новомодная часовая цѣпь съ широкими кольцами, сапоги блестѣли какъ зеркало, и весь онъ блестѣлъ особенной, щеголеватой эlegantностью. Взойдя на кафедру, онъ навалился на нее, и небрежно, слегка свѣсилъ къ намъ голову. Звучный гортанный голосъ отдавался по всей аудиторіи той тресковатостью, какая слышна, когда щепаютъ лучину.

Въ моихъ ушахъ до сихъ поръ слышится его рѣчь, пересыпанная всякими цитатами изъ регламентовъ, указовъ, манифестовъ и лѣтописей. Онъ читалъ веселія лекціи, и его аудиторія всегда была полна слушателями — „бить батоги нещадно“, отчеканивалъ онъ — и мы хохотали. „Мучился Шишковъ на колу, и пѣлъ псалмы. Курбскій прибавляетъ, обращаясь къ царю: *тебя было, пса, на такой вострой престолъ посадить алма притывать*. Надо думать Шишковъ пѣлъ басомъ“, серьезно говорилъ онъ — и мы хохотали. Лекція прошла очень весело. Когда я началъ соображать, въ чемъ она состояла, въ головѣ моей почему-то выльзъ образъ Якова Степаныча, рассказывающаго забавный анекдотъ о Барковѣ. Въ лекціи не было никакой связи, хотя профессоръ заявилъ вначалѣ, что намѣренъ раздѣлить исторію русскаго законодательства на періоды—но о періодахъ онъ не сказалъ ни слова. Цитируя, для смѣха, Котошихина, какъ Иванъ Грозный своего сына „осномъ своимъ въ гробъ претвори“, онъ переходилъ къ петровской дубинѣ, ни съ того, ни съ сего рассказывалъ анекдотъ о князѣ-папѣ, припоминалъ, по поводу пьянства послѣдняго, изрѣченіе Владиміра Краснаго

Солнышка: „Русь есть веселіе пити“, и обращался къ временамъ начала Руси. „Мины подь фортецію правды подводить“, припомнились мнѣ слова студента о Фіалковскомъ, и мнѣ эта фраза, взятая тоже изъ указа Петра-Перваго, показалась очень мѣткой.

— Отличный профессоръ! съ восторгомъ сказалъ Малининъ. Мы шли въ это время по корридору.

— Яковъ Степанычъ, раздражительно поправилъ я.—Скоро будетъ рассказывать анекдоты о Барковѣ.

— Ну, ужъ ты!.. выразилъ свое неудовольствіе Малининъ.

— Вотъ невинная душа, похвалилъ его Новицкій.—Помнишь что-нибудь изъ лекціи? Шишковъ басомъ пѣлъ? а?

— Нетолько это, а все! съ твердостью отвѣчалъ Малининъ.

— И фендриковъ помнишь? Умникъ.

— Ну, что какъ у васъ? весело подошелъ къ намъ Андрей.— У насъ химію Штокгауеръ отлично читаетъ.

— Два фокуса показалъ, добавилъ чей-то неуклюжій голосъ сзади Андрея.

Оказалось, что голосъ этотъ принадлежалъ семинаристу—оппоненту Андрея. Онъ былъ небольшой сухощавый человѣкъ, съ арбузной головой, перерѣзанной почти пополамъ широчайшимъ ртомъ, который онъ, повидимому, очень заботился держать закрытымъ, потому что, разинувъ свою пасть, чтобы сказать фразу, онъ тотчасъ же стучалъ челюстью и наглухо сжималъ губы, которыя были такъ тонки, что отъ закрытаго рта оставался на арбузной головѣ только небольшой красноватый шрамъ.

— Послушайте, что вы ко мнѣ привязались? шутя сказалъ ему Андрей.

Ротъ семинариста былъ плотно закрытъ, и онъ не отвѣчалъ ничего.

— У васъ были дамы? спросилъ Малининъ у Андрея.

— Одна, за то—дѣлхъ два генерала и одинъ юнкеръ.

— Шалопаи! проговорилъ семинаристъ, слѣша закрыть свой ротъ.

— Почему же?

— Я не скажу; не хочу спорить.

— Никогда не спорь; скорѣе будешь титулярнымъ совѣтникомъ, посоветовалъ Новицкій.

— У насъ больше ничего нѣтъ, я пойду домой, сказалъ Андрей.—Monsieur Крестоцвѣтовъ, пойдемте ко мнѣ завтракать, обратился онъ къ семинаристу.

— И я пойду съ вами: что-то ѣсть хочется, лѣнливо потягиваясь, проговорилъ Новицкій.

— А третья лекція? остановилъ я его.

— Ну ее! эту дребедень можно и дома узнать... Сегодня, для перваго дня, вѣроятно, повѣрки шинелей не будетъ...

Для Новицаго и Крестоцвѣтова, какъ и для всѣхъ стипендіатовъ, существовала очень неприятная повѣрка шинелей, производимая однимъ усерднымъ субъинспекторомъ, и для нихъ очень важно было присутствовать въ университетѣ со своимъ верхнимъ платьемъ, такъ-какъ стипендіата, неявившагося десять разъ въ теченіе мѣсяца, лишали стипендіи. Впослѣдствіи, когда бесполезная затрата времени на слушаніе лекцій сдѣлалась особенно обременительной, многіе изобрѣтательные люди нашли возможнымъ вполнѣ замѣнять себя верхнимъ платьемъ, и стоворчивый Малининъ, всегда посѣщавшій лекціи съ большей акуратностью, часто носилъ въ университетъ по пяти фуражекъ, чтобы вывѣсить ихъ тамъ на нумера отсутствующихъ товарищей, вводя такимъ образомъ въ большое заблужденіе бдительнаго субъинспектора.

Оставшись одинъ съ Малининымъ, я воротился въ аудиторію, и сѣлъ тамъ въ углу. Какое-то тяжелое недоумѣніе угнетало меня, и всѣ мои попытки разсѣять его были тщетны; наконецъ, я просто рѣшилъ, что у меня сегодня разстроены нервы, и я воспринимаю впечатлѣнія не такъ, какъ слѣдуетъ. Я постарался раздуть свое вниманіе и приготовился какъ можно сосредоточеннѣе слушать вошедшаго профессора. Это былъ едва двитавшійся отъ дряхлости, желтый старикъ, утонувшій своей маленькой головкой въ огромномъ, тугонакрахмаленномъ жабо. Онъ шамкалъ такъ тихо, что я едва слышалъ половину говоренаго, хотя сидѣлъ довольно близко къ каѳедрѣ. Говорилось о Беконѣ Веруламскомъ, и профессоръ дѣлалъ столько ошибокъ, что становилось жаль, зачѣмъ онъ не просмотрѣлъ передъ лекціей хоть какого-нибудь новаго учебника по исторіи литературы. Я очень мало читалъ по предмету, о которомъ говорилось, но и мнѣ отжившія понятія старика казались какимъ-то смѣшнымъ, ничтожнымъ лепетомъ ребенка, разсуждающаго о политикѣ.

Я возвращался домой изъ храма науки въ самомъ неприятномъ расположеніи духа. Не знаю, потому ли, что я ожидалъ встрѣтить настоящій храмъ, университетъ произвелъ на меня точь въ точь такое же впечатлѣніе, какъ „битва русскихъ съ кабардинцами“ — романъ, надъ которымъ плакалъ въ гимназій палачъ Жилинскій, и розыскивая который я обходилъ всѣ книжныя лавки, имѣвшіяся въ городѣ. Купивъ книгу, я приступилъ

*

къ ней какъ къ причастью, и — о, разочарованіе! — такъ озлобился, что бросилъ книгой въ невиннаго Малинина, поинтересовавшагося узнать, что я читаю. Возвращаясь изъ университета подъ вліяніемъ самаго тяжелаго разочарованія, я и теперь поступилъ съ Малининымъ немного деликатнѣе, чѣмъ прежде, назвавши его глупцомъ за то только, что онъ спросилъ, не забылъ ли я свою тетрадь. Я ее бросилъ въ аудиторіи вмѣстѣ съ карандашемъ.

Бѣдный Малининъ, видя, что я не въ духѣ, поспѣшилъ проститься со мной у какого-то трактира, куда пошелъ обѣдать, и я воротился домой одинъ. Въ корридорѣ меня встрѣтилъ Савелій, и конфиденціально сообщилъ, что у Андрея гости.

— Сенька-то, Сенька — такъ ящиками пиво и таскаетъ! съ сокрушеніемъ добавилъ онъ. Вообще этотъ вѣрный слуга, считавшій меня баринкомъ, а Андрея баричемъ, себя — дворецкимъ, а Сеньку — казачкомъ, ненавидѣлъ послѣдняго до мозга костей, и употреблялъ все усилія, чтобы всячески напакостить своему легкомысленному врагу, являвшемуся нѣкоторымъ образомъ представителемъ молодого лакейскаго поколѣнія, столь ненавистнаго старой дворовой прислугѣ.

Когда я вошелъ въ свою комнату, за дверями, у брата, шелъ громкій споръ: Андрей и Крестоцвѣтовъ не давали другъ другу говорить.

— Все это — чепуха, и англичане — чепуха, слышался голосъ Крестоцвѣтова.

— Отчего же на сѣверѣ не было такого рабства, какъ на югѣ? кричалъ Андрей.

— И на сѣверѣ было рабство, вмѣшивался голосъ Стульцева.

Я вошелъ въ комнату Андрея; тамъ было ужасно накурено; у дверей стояла корзина съ пустыми бутылками. Новицкій сидѣлъ съ ногами на двухъ стульяхъ, и курилъ сигару; Стульцевъ лежалъ на кушеткѣ; Андрей съ жаромъ ходилъ по комнатѣ, подсакивая повременамъ къ Крестоцвѣтову, сидѣвшему на подоконникѣ, свѣсивъ ноги, которыми онъ болталъ для развлечения.

Новицкій немного покраснѣлъ уже отъ пива, и весело сказалъ мнѣ, что тутъ разыгрывается въ лицахъ басня о трехъ мужикахъ и что онъ очень вошелъ въ роль того благоразумнаго человѣка, который, не вступая въ бесполезные споры, предпочитаетъ заботиться о своемъ желудкѣ.

— Два мужика спорятъ, а третій пьетъ, смѣясь сказалъ онъ, выпивая стаканъ пива.

Мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь разяснить свои недоумѣнія, и я рѣшился пощупать Новицкаго, какъ онъ думаетъ объ универ-

ситетѣ. Не вступая ни въ какіе умные разговоры, онъ вообще рѣдко высказывалъ о чемъ-нибудь свои мнѣнія, но веселость, внушенная ему выпитымъ пивомъ, подавала мнѣ надежду на успѣхъ.

— Какъ вамъ нравится университетъ? спросилъ я, чокаясь съ нимъ стаканами.

— Да какъ вамъ сказать?—ничего...

— Знаете, я пожалуй согласенъ съ м—г Крестоцвѣтовымъ, что въ нашемъ университетѣ немногому научишься. Какъ вы думаете?

— Я, право, ничего не думаю, а просто буду получать по двадцать-три рубля въ мѣсяцъ, и буду ходить въ университетъ до тѣхъ поръ, пока не представится возможности получать больше.

— Но еслибъ вы не получили стипендіи, вы не ходили бы въ университетъ?

— Не знаю, какъ бы нашелъ выгоднѣе. Университетъ отправляетъ на казенный счетъ за границу и удостоиваетъ званія профессора, съ жалованьемъ въ три тысячи рублей въ годъ... Но, впрочемъ, все это пустяки: не подумайте, что я мѣчу въ профессора.

— Какой пошлый матеріализмъ! проворчалъ Стульцевъ на своей кушеткѣ.

— Скажи пожалуйста, Стульцевъ—я давно тебя хотѣлъ спросить: вѣрно тебя въ дѣтствѣ сильно били палкой по головѣ? спросилъ Новицкій.

— Ну! Зачѣмъ? Никто не билъ.

— Отчего же ты такъ глупъ?

Стульцевъ, не найдя нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ празднаго любопытства, отворотилъ отъ нашего стола свою поганую бороденку, и началъ слушать спорящихъ. Новицкій вскорѣ всталъ и ушелъ въ залу, гдѣ хохотали и шумѣли Лиза, Леночка и офицеръ — Буровскій племянникъ; такъ-такъ Новицкій тоже былъ въ веселомъ расположеніи духа, то съ его появленіемъ, хохотъ еще болѣе увеличился, началась возня и бѣганье по всѣмъ комнатамъ, чего я вообще терпѣть не могъ. Можно было уйти въ свою комнату, и заняться чѣмъ-нибудь вдали отъ шума, но на этотъ разъ, за стѣной, тянулся споръ о преимуществахъ вольнонаемнаго труда передъ обязательнымъ; братъ ругалъ Тенгоборскаго; Крестоцвѣтовъ, не защищая послѣдняго, находилъ, что трудъ того и другого рода различаются только по названію. Читать подъ музыку этого спора не было никакой возможности, и я надѣлъ пальто, чтобы успокоиться какъ-ни-

будь на чистомъ воздухѣ, но меня увидалъ Стульцевъ, и навязался идти гулять вмѣстѣ. Дорогой онъ началъ мнѣ рассказывать какую-то сплетню про Новицкаго, увѣряя, что тотъ еще въ семинаріи судился за растлѣніе невинной дѣвушки. Я его не слушалъ, и былъ очень радъ, когда онъ разстался со мной у одного дома, объявивъ, что тутъ живетъ его любовница, какая-то очень образованная женщина, знающая ботанику не хуже его самого, Стульцева.

Идя безъ всякой цѣли впереди по улицѣ, я какъ-то незамѣтно дошелъ до дому Шрамовъ. — „Не зайдти ли? мелькнуло у меня въ головѣ, — узнаю, какъ понравился университетъ Володѣ, и кстати посмотрю эту стыдливую институточку Анненьку“.

Когда я вошелъ и снималъ пальто, меня увидѣла горничная Катерины Григорьевны, и сказала, что Владиміръ Александровичъ и всѣ уѣхали куда-то, а дома осталась одна барышня, да и у той болятъ зубы. Ожидая политическаго разговора съ Ольгой, я уже началъ раскаяваться, что пришелъ, но уйдти назадъ было неловко.

Комнаты были пусты; на террасѣ бѣлѣлось чье-то платье, и я пошелъ туда. Тамъ сидѣла Анненька и о чемъ-то думала надъ раскрытой книгой. Встрѣтивъ ее вмѣсто Ольги, я былъ больше чѣмъ пріятно изумленъ; у меня въ груди ударилося сердце и дрогнуло подъ колѣнками.

— Вы однѣ? сказалъ я больше для того, чтобы сказать что-нибудь.

Анненька отвѣчала мнѣ не вдругъ. Она была замѣтно смущена моимъ приходомъ, и краска широкой волной покрыла ея лицо. Она закрыла книгу, и слегка оттолкнула ее отъ себя.

— У васъ болятъ зубы? съ участіемъ спросилъ я.

— Нѣтъ, не особенно. Мнѣ не хотѣлось ѣхать сегодня.

Между нами началось самое неловкое молчаніе. У меня билось сердце отъ страсти, которая овладѣла всѣмъ моимъ существомъ и которую я не могъ подавить. Впрочемъ, не знаю, пробовалъ ли я въ то время подавить ее. Я думалъ, какъ бы поумнѣе выйдти изъ затруднительнаго молчанія.

— Чтò вы читали? наконецъ спросилъ я, чувствуя, что глупѣе и несвоевременнѣе этого вопроса ничего не можетъ быть. Я взялъ книгу, и развернулъ ее. Это были стихотворенія Баратынскаго. — Какъ вамъ нравится?

— Ничего. Вы читали?

— Читалъ.

Опять воцарилось глубокое молчаніе. Я чувствовалъ, что краснѣю не меньше Анненьки, мной овладѣла какая-то пронзитель-

ная холодная дрожь, и я поднялся съ мѣста, съ отчаянною рѣшимостью покончить чѣмъ-нибудь наши взаимныя томленія.

— Пройдемтесь, Анненька, здѣсь что-то какъ будто жарко, съ большой неловкостью сказалъ я.

— Пойдемте.

Она быстро подала мнѣ свою дрожавшую горячую руку. Мы пошли по дрянному шрамовскому садику, точно разрисованному на землѣ; деревьевъ совсѣмъ не было, такъ что двѣ мыши, объясняющіяся въ любви, были бы видны въ немъ за версту. Я шелъ и проклиналъ себя, не будучи въ состояніи совладѣть съ какой-то бессмысленной нерѣшительностью, мѣшавшей мнѣ свободно говорить и дѣйствовать. Между тѣмъ, отъ волненія или отъ чего другаго, Анненька тяжело повисла на моей рукѣ.

— Анненька, любите вы меня? едва выговорилъ я, прижимая ея руку къ своимъ губамъ. Она порывисто выхватила ее у меня, крѣпко обняла мою шею, и мы начали лихорадочно целоваться, съ какой-то дикой радостью, съ какимъ-то упоеніемъ, сжигающимъ насъ обоихъ.

— Пойдемъ въ бесѣдку, едва слышно прошептала Анненька, прижимая свое пылавшее лицо къ моей щекѣ.

Это было очень кстати, такъ-какъ насъ давно могли замѣтить. Мы бѣгомъ побѣжали въ бесѣдку.

Сумасшедшіе полчаса, проведенные тамъ, я никогда не забуду. Анненька плакала, смѣялась, целовала меня, но ничего не говорила. Всякія слова опошлили бы нашу восторженность, и какъ только я заговорилъ, мы тотчасъ же отрезвились.

— Поправь волосы, улыбаясь и целуя Анненьку, сказалъ я.

— Никому не говори! прошептала она, и закрыла лицо руками.

— Развѣ такія вещи рассказываютъ!

Я засмѣялся, и началъ целовать ей лицо и руки. Она вся дрожала и горѣла, какъ загнанная горячая лошадь; ноздри ея широко раздувались, и она дышала очень неровно.

— Пойдемъ поскорѣе назадъ; пожалуй, замѣтятъ, со страхомъ прошептала она. — Впрочемъ, пусть замѣтятъ! О, мой милый!

Анненька крѣпко сжала меня и впиалась губами въ мою щеку.

— Не безпокойся, никто не замѣтитъ, сказалъ я, погладивъ ее по волосамъ.

— Пойдемъ въ разныя стороны, какъ будто мы были не вмѣстѣ, металась Анненька, рѣшительно не понимая что она дѣлаетъ и говоритъ.

— Что за нелѣпость! Пойдемъ вмѣстѣ!

Анненка еще разъ обняла меня и крѣпко прижалась ко мнѣ своей грудью.

— Прощай... завтра я буду у васъ, прощентала она.

— Приходи въ университетъ. Я тамъ буду вмѣстѣ съ сестрой, и пройдешь къ намъ.

— Хорошо, проговорила Анненка, и бросилась-было бѣжать.

Мнѣ стоило большаго труда успокоить ее и возвратить ей память, которую она, кажется, совсѣмъ потеряла, запутавшись въ чрезвычайныхъ волненіяхъ, потрясавшихъ все ея чувства. Я ее оставилъ дрожащую, изнеможенную и почти больную.

Я воротился домой въ очень довольномъ настроеніи духа; въ сердцѣ у меня лежало тайное сокровище, которымъ я одинъ только могъ любоваться. Крестоцѣтова уже не было; братъ ходилъ одинъ по комнатѣ, и свисталъ. Я почему-то не могъ удержаться, чтобы, противъ всякаго обыкновенія, не пойдти къ нему и не вступить съ нимъ въ какой-нибудь разговоръ. Я понималъ, что это очень глупо, но радость, сидѣвшая въ моей груди, толкала меня; я пошелъ, и немедленно затѣялъ съ нимъ безконечный споръ о значеніи университетовъ. Я, какъ пьяный, сдѣлался веселъ и болтливъ, такъ что за обѣдомъ, когда длился еще нашъ споръ съ братомъ, Новицкій замѣтилъ ненормальное настроеніе моего духа.

— Чтѣ это съ вами сегодня? спросилъ онъ. — Не увѣдомилъ ли васъ Савушка, что все коровы отелились въ одинъ день?

Это замѣчаніе очень смутило меня; я даже не напелся чтѣ отвѣтить Новицкому. Я уже давно гордился сознаниемъ, что вполне умѣю владѣть собой и очень заботился имѣть ровный, ничѣмъ невозмутимый характеръ истиннаго джентльмена; мнѣ теперь было очень досадно, что глупенькая радость влюбленнаго нарушила обыкновенное расположеніе моего духа. Впрочемъ, я скоро овладѣлъ собой, прекратилъ споръ съ Андреемъ, объявивъ, что все это пустяки и слегка замѣтивъ, что я совершенно напрасно выпилъ утромъ два стакана пива.

На другой день мы отправились съ Лизой въ университетъ, и какъ разъ попали на лекцію профессора Слѣпцова, бывшаго въ нѣкоторомъ родѣ притчей во языцѣхъ не только для всего университета, но чуть ли не для всей Россіи. Онъ читалъ политическую экономію, и имя его, какъ автора безобразнѣйшаго руководства, сдѣлалось уже давно очень оскорбительнымъ ругательствомъ въ литературѣ. Прежде студенты устраивали на его лекціяхъ безобразные скандалы, свистали и кидали даже въ него паренками, но разъ, во время одной чрезвычайно бурной сцены со свистками и пареной рѣпой, онъ поднялъ квер-

ху руки, и отчаянно закричалъ: „господа, вы хотите, чтобы я ушелъ — я остаюсь безъ куска хлѣба, но повинуюсь вамъ — ухожу. Всѣ ли вы желаете, чтобы я ушелъ?“

Всѣ молчали. Никто не хотѣлъ первымъ занести руку на профессорскій кусокъ хлѣба.

— Мы желаемъ, чтобы вы удалились, сказалъ чей-то одинокий голосъ.

— Неправда. Мы желаемъ, чтобы вы остались. Оставайтесь! Оставайтесь!

— Я повинуюсь, господа — я остаюсь, почтительно отвѣтилъ Слѣщовъ, и съ тѣхъ поръ началъ не только съ кафедръ высказывать комплименты молодому поколѣнiю, но даже въ корридорѣ здороваться со студентами за руки и говорить имъ всякія любезности съ самой заискивающей улыбкой. За это его всѣ терпѣли, и равнодушно слушали этого Фальстафа на кафедрѣ, рассказывающаго со своей сальной улыбкой похвальныя рѣчи молодой Россіи.

Прійдя въ университетъ, я долго смотрѣлъ, нѣтъ ли Шрамовъ и, повѣривъ Лизу попеченіямъ Малинина, обѣгалъ всѣ аудиторіи и корридоры, но ихъ не было. Мнѣ стало досадно, что Анненька не поторопилась, и я всю слѣщовскую лекцію пробезпокоился, думая о ней. Малининъ, сидѣвшій подлѣ меня, тоже, повидимому, не очень былъ занятъ политической экономіей; по крайней-мѣрѣ сестра, среди всеобщей тишины, вынуждена была довольно громко замѣтить ему: „зачѣмъ вы давите мою ногу“. Къ счастью, это восклицаніе заглушила громкая фраза профессора: „впередъ! Собирайте жатву, которую мы посѣяли въ потѣ лица своего!“

Послѣ лекціи, выходя вслѣдъ за толпой слушателей изъ аудиторіи, я прямо натолкнулся на Ольгу, Володю и Анненьку, стоявшихъ въ уголку. Анненька была красна, какъ піонъ, и, когда я подошелъ къ ней, она окончательно растерялась, зажмурилась отъ стыда глаза и, казалось, готова была расплакаться.

— Вы здѣсь? сказалъ я, здороваясь съ ней.

— Здѣсь, прошептала Анненька, таинственно пожимая мою руку. Она краснѣла, блѣднѣла, дрожала и вообще вела себя такъ, что я опасался каждую минуту: вотъ замѣтитъ Ольга, и пойдетъ вселенскій хохотъ надъ нашими голубиными нѣжностями.

Я чувствовалъ себя немного неловко, и, не зная что сказать, зѣвнулъ.

— Что вы зѣваете? Слѣщовъ, кажется, въ вашемъ вкусѣ, сказала Ольга.

— Да, онъ хорошо читаетъ.

— Вот вашъ братъ восхищается Слѣпцовымъ, сказала Ольга Андрею; который въ это время тоже подошелъ къ намъ. — Вы къмъ восхищаетесь?

— Никѣмъ, кромѣ васъ.

Андрей, всегда пикировавшійся съ Ольгой, никогда не лазилъ въ карманъ за словомъ, и разговоръ грозилъ принять очень неприятный характеръ; Ольга уже моргнула своими костлявыми плечами, приговаривая что-то отвѣтить, когда Новицкій слегка толкнулъ брата подъ локоть.

— Вонъ идетъ! торжественно сказали онъ. По корридолу шелъ Овѣринъ. Одна штанина была запрятана у него въ желтое голенище, другая оправлена почеловѣчески, но онъ не замѣчалъ этой возмутительной дисгармоніи. Его сюртукъ, спи-тый изъ тончайшаго англійскаго сукна, былъ уже значительно перепачканъ въ мѣлу, что, при отсутствіи галстука, придавало ему большое сходство съ пьянымъ маляромъ.

Ольга схватила его за руку, и привела къ намъ.

— Ну! вздохнулъ Овѣринъ, перездоровавшись со всѣми нами, какъ будто онъ кончилъ наконецъ очень утомительную дорогу.

— Куда вы это шли? спросила его Ольга.

— Домой.

— Тамъ васъ сапожникъ ждетъ, вѣроятно? прищуриваясь спросилъ Володя.

— Ты, братъ, что-то совсѣмъ того... съ участіемъ сказалъ Малининъ, вытирая своимъ платкомъ пятна на сюртукѣ Овѣрина.

— Что же вы не слушаете лекцій? спросила Ольга, дергая Овѣрина за рукавъ, чтобы обратить на себя его вниманіе.

— Оставь же! Ну, что ты тамъ? недовольно откачнулся Овѣринъ отъ чистившаго его Малинина.

— Ты, кажется, какъ будто нездоровъ, сказали Малининъ, продолжая хлопать платкомъ по овѣринскому сюртуку. Овѣринъ отворотился отъ него съ видомъ чловѣка, которому неприятно, что его чистятъ, но который снисходитъ къ слабостямъ своихъ чистоплотныхъ друзей, и безропотно покоряется своей горькой участи.

— Отчего вы не слушаете лекцій? переспросила Ольга, тормоша Овѣрина за рукавъ.

— Все знакомое; скучно! невнимательно отвѣтилъ онъ, озираясь во всѣ стороны, какъ бы поудобнѣе ускользнуть отъ насъ восвояси.

— Скажите пожалуйста, вы теперь однимъ хлѣбомъ питаетесь? спросилъ Володя, небрежно поправляя свои очки.

— Нѣтъ, теперь у меня есть колбасы... До свиданья.

— Нѣтъ, подождите. Ольга взяла его за обѣ руки. — Поговоримте съ нами.

— Не о чемъ. Позвольте... До свиданья.

Овѣринъ потерялся, какъ волкъ, попавшій въ яму, и дико озирался кругомъ, не зная что ему дѣлать.

— Поговоримте. Какія вы колбасы больше любите? пристава-ла Ольга.

— Я ѣмъ всякія.

— Любите вы сыръ?

— Нѣтъ. До свиданья.

— Постойте.

Въ это время Овѣрину пришла повидимому гениальная мысль. Онъ скалъ изо всей силы руки Ольги, такъ что та закричала, пробормоталъ: „до свиданья“, и пошелъ со своей желтой голенищей.

— Пошелъ, пошелъ! скорбно проговорилъ Малининъ, и бросился поправлять Овѣрину штанину, но такъ-какъ послѣдній не останавливался и Малининъ долженъ былъ работать на ходу, то произошло значительное замѣшательство, при которомъ чуть чуть не сбили съ ногъ профессора Слѣпцова, бѣжавшаго куда-то впередъ брюхомъ, со своей заискивающей сладкой улыбкой.

— Жаль, что онъ совсѣмъ тебѣ не раздавилъ руки, сказала Лиза. — Человѣкъ занять дѣломъ, а ты къ нему привязалась съ сыркомъ.

— Прибереги свои наставленія для себя: ты въ нихъ очень нуждаешься, гордо отвѣтила Ольга.

— У меня что-то болитъ голова, я бы пошла домой, тихо проговорила Анненька, до неприличія выразительно глядя на меня. Къ счастью, въ это время всѣ смѣялись по поводу какого-то замѣчанія Андрея насчетъ проходившаго мимо субъ-инспектора, и никто не замѣтилъ, какъ смотрѣла на меня Анненька, тихонько прикасаясь къ моей рукѣ своими пальцами.

— Если вы пойдете къ намъ, я васъ, пожалуй, провожу, Анна Петровна, сказалъ я, давая энергическимъ жестомъ понять Анненькѣ всю несообразность ея поведенія. Но вмѣсто того, чтобъ ободриться, она, видя что я чѣмъ-то недоволенъ, еще больше покраснѣла, и едва пробормотала: „будьте добры“.

Само собой разумѣется, какъ только мы вышли, разговоръ пошелъ о томъ, что при постороннихъ неприлично постоянно краснѣть и бросать такіе взгляды, какіе она бросала на меня въ университетѣ.

— Что же мнѣ дѣлать, когда я не могу. Я тебя люблю, проговорила Анненька съ такимъ выраженіемъ страсти, что я по-

опасался, не кинулась бы она целовать меня на улицѣ. Она крѣпко прижалась ко мнѣ, и ломала мои пальцы въ своей рукѣ.

— Но вѣдь ты сама себя выдаешь. Узнаютъ—насъ поднимутъ на смѣхъ.

— Пусть. Все равно когда нибудь узнаютъ. Пусть смѣются, если хотятъ... Эти слова Анненька не выговорила, а выдохнула, почти до боли сжимая мою руку.

— Но зачѣмъ же выставлять себя на позорище, если можно обойтись безъ этого?

— Мнѣ все равно, сказала Анненька съ такой энергіей, какой я не подозрѣвала въ ней. Она крѣпко стиснула зубы и сладострастнымъ шопотомъ прибавила:—знаешь, мнѣ бы хотѣлось, чтобы меня преслѣдовали, мучили, били, за то, что я тебя люблю...

Я хотѣлъ-было замѣтить, что такое желаніе нѣсколько странно, но взглянувъ на Анненьку, глаза которой горѣли какъ у кошки, зубы были стиснуты, ноздри раздуты — я понялъ, что лучше молчать.

Когда мы пришли домой, Анненька, среди бѣшеныхъ поцалуевъ, съ горящими глазами, съ раскраснѣвшимся лицомъ, вдругъ остановилась, и спросила меня: „знаешь, за что я тебя люблю?“

— За что?

— За то, что ты меня не любишь!

— Нѣтъ, я люблю.

— Нѣтъ, ты не можешь никого любить. У тебя нѣтъ души.

— Дичь какая!

— Правда, правда! Еслибъ ты былъ влюбленъ, я бы и не посмотрѣла на тебя. Это обыкновенно. А вотъ рыба — хороша, холодная рыба!..

Анненька впилась въ мою шею — и я просто думалъ, что она укуситъ меня. Она съ такой силой и энергіей тормозила и жала меня, что надо было удивляться, откуда берется столько тигровой страсти въ слабомъ женственномъ тѣлѣ всегда красивѣйшей, невинной институтки.

— Только ты пожалуйста веди себя лучше при постороннихъ, резонно говорилъ я; и моя разсудительность еще больше прищипривала ее безуміе.

— Будемъ вести себя лучше! задыхаясь отъ страсти, шептала она, и вшивалась въ меня губами и руками.

Но мнѣ пришлось ждать довольно долго, пока Анненька дѣйствительно начала вести себя лучше при постороннихъ, освоившись наконецъ съ чрезвычайнымъ счастьемъ имѣть настоящаго любовника—мужчину, котораго она можетъ обнимать и целовать сколько ей угодно. До тѣхъ же поръ, пока у насъ все не успо-

коплось и не убродилось, наши отношенія не были замѣнены развѣ потому только, что всѣ очень были заняты судьбами Россіи и близкимъ освобожденіемъ крестьянъ. Впрочемъ, Анненъба все-таки посвятила въ нашу тайну Андрея, совершивъ для этого очень оскорбительную глупость. Она какъ-то кинулась мнѣ на шею при братѣ, и расточая поцалуи, проговорила: „Андрюша! посмотри — я люблю его, люблю!“

XVIII.

Ольга ищетъ сильнаго человека.

Ходить въ университетъ затѣмъ, чтобы слушать комплименты Слѣпцова, балаганныя выходки Фіалковскаго или допотопныя метафизическія бредни Герца мнѣ надоѣло черезъ недѣлю, и я началъ вести прежній образъ жизни, съ той только разницей, что рѣже сталъ выходить изъ своей комнаты и занимался серьезнѣе, чѣмъ занимался лѣтомъ. Новицкій, знавшій лучше меня нѣмецкій языкъ, очень помогаль мнѣ въ моихъ занятіяхъ нѣмецкими юристами, которыхъ я читаль тогда съ лексикономъ. Время проходило незамѣтно, и скоро настала зима. Наши дамы давно уже перестали бредить университетомъ, и даже Лиза смѣялась надъ профессорами. Онѣ придумали себѣ очень любопытное занятіе. Успенскимъ постомъ Фіалковскій читаль публичныя лекціи объ исправительныхъ мѣрахъ для малолѣтнихъ преступниковъ (въ то время всякія чтенія, лекціи, диспуты и вообще все, гдѣ можно было сдѣлать шумъ, наше общество очень любило) и Катерина Григорьевна вбила себѣ въ голову, что въ Р. необходимо основать исправительную школу на манеръ абердинскаго пріюта. Для этой дѣли было основано особое общество, проектъ устава котораго, написанный Володей, представленъ былъ на усмотрѣніе начальства, и въ ожиданіи утвержденія устава, открыта въ пустомъ загородномъ домѣ Бурова школа, гдѣ Лиза и Ольга съ особеннымъ рвеніемъ начали шпиговать мальчишекъ всеякими науками, давая имъ за дневныя страданія слишкомъ слабое вознагражденіе, въ видѣ скромнаго обѣда изъ щей и каши. Объ этомъ благомъ дѣлѣ Володя написалъ корреспонденцію въ „Петербургскія Вѣдомости“, гдѣ, безъ излишней скромности, отдалъ должную дань похвалы себѣ и Катеринѣ Григорьевнѣ, какъ людямъ, тоже нѣкоторымъ образомъ ведущимъ Россію по пути прогресса.

Изъ всѣхъ насъ одинъ Малининъ, аккуратный, какъ нѣмецкій

гомеопать, ходилъ въ университетъ каждый день, и извѣщалъ меня, что „сегодня ничего — Фіалковскій очень недурно говорилъ о наказѣ Екатеринѣ: всѣ смѣялись“, или: „сегодня ничего: Слѣпцовъ началъ лекцію хорошо: *Стифенсонъ называлъ свой паровозъ силой, Гутенбергъ могъ назвать свою деревянную митеру еще болшею силой*“ и проч.

Андрей еще раньше меня пересталъ ходить въ университетъ, купилъ себѣ токарный станокъ, и, раздумавъ сдѣлаться естествоиспытателемъ, рѣшился, кажется, быть токаремъ, потому что днемъ рѣшительно не давалъ мнѣ покоя шипѣньемъ и грохотомъ своего станка.

Разъ откуда-то онъ воротился домой въ необыкновенномъ восторгѣ. Вообще веселое состояніе духа всегда очень невыгодно отражалось на его усахъ, которые Андрей крутилъ безъ всякаго милосердія; въ этотъ разъ удовольствіе его было такъ велико, что онъ, казалось, рѣшительно вознамѣрился открутить у себя верхнюю губу.

— Чрезвычайное происшествіе! сказалъ онъ, когда мы остались съ нимъ одни.—Я нашелъ такую женщину, что... словомъ—золото.

Андрей загадочно улыбался, очевидно, дожидаясь отъ меня вопроса на счетъ „золота“. Я нарочно молчалъ.

— Ты знаешь ее, загадочно сказалъ онъ, стараясь раздражить мое любопытство.

Я молчалъ самымъ коварнымъ образомъ.

— Иду я по улицѣ и догоняю крохотную женщину, въ поляршина ростомъ, въ огромной шляпкѣ...

Андрей приостановился, надѣясь, что достаточно поразилъ меня. Я догадался, что онъ встрѣтилъ Софью Васильевну, но все-таки промолчалъ до тѣхъ поръ, пока братъ не началъ мнѣ по порядку рассказывать про свою встрѣчу. Онъ сначала принималъ Софью Васильевну за старуху (дѣло было вечеромъ), но увидѣвъ ея лицо, не утерпѣлъ не заговорить съ ней. Она отвѣтила ему, какъ уличному нахалу, очень умно и кротко, такъ что Андрей расчувствовался и рассыпался въ извиненіяхъ. Въ разговорѣ, узнавъ фамилію брата, Софья Васильевна упомянула обо мнѣ; это еще болѣе утвердило Андрея въ намѣреніи не отставать отъ своей сопутницы; онъ проводилъ ее до квартиры, и вымолилъ позволеніе прійти когда нибудь вмѣстѣ со мной.

Софья Васильевна произвела на брата очень благопріятное впечатлѣніе; онъ находилъ, что манеры ея граціозны, какъ манеры соннаго котенка, что голосъ у ней бархатный, что взглядъ

у нея такой мягкій и теплый, какой долженъ быть у ангеловъ и святыхъ.

— Послушай, сказалъ мнѣ Андрей, окончивъ обзоръ прелестей Софьи Васильевны:—ты поступаешь относительно меня положительно безсовѣстно. Я къ тебѣ всей душой, а ты ко мнѣ всей пятерней. Про Анненьку ничего не говорилъ и теперь...

— Я не зналъ, что ты пристаешь къ женщинамъ на улицѣ, смѣясь, сказалъ я.

— Кто же она—купеческая дочка—такая забитая?

Я рассказалъ Андрею все, что зналъ про Софью Васильевну, и это еще больше его обезпокоило. Онъ ушелъ въ свою комнату, и далеко за полночь все ходилъ и свисталъ, поминутно шаркая спичками, чтобы закуривать папирсы.

Утромъ я не успѣлъ еще встать съ постели, какъ Андрей явился ко мнѣ совершенно одѣтый, въ перчаткахъ и со шляпой въ рукѣ.

Представивъ Андрею нѣкоторыя слабыя замѣчанія о неблаговидности нашего визита къ Софьѣ Васильевнѣ, я началъ одѣваться нарочно медленно, чтобы не выдать брату мое нетерпѣніе увидѣть нашу новую знакомую, къ которой я былъ далеко неравнодушенъ.

Квартира Софьи Васильевны была отъ насъ недалеко, именно въ томъ самомъ домѣ (кирпичномъ небѣленномъ и очень замѣтнымъ на видѣ), у котораго какъ-то разстался со мной Стульцевъ, объявивъ, что здѣсь живетъ его любовница, знающая ботанику пожалуй не хуже его самага. Когда Андрей указалъ мнѣ на этотъ домъ, я сразу догадался, что Стульцевъ, говоря о любовницѣ, разумѣлъ Софью Васильевну, и догадка моя подтвердилась вполне, какъ мы только вошли въ ея комнату. Тамъ прежде всего мы увидѣли Стульцева. Онъ сидѣлъ близъ этажерки, заваленной книгами, на колѣняхъ у него лежала пачка бѣлой бумаги, которою были переложены сушенія растенія; Стульцевъ вертѣлъ передъ носомъ какой-то сухой стебелекъ, и спрашивалъ: „вѣдь это — *ganunculus acris*? да? *ganunculus acris*“? Софья Васильевна сидѣла у чайнаго стола, около простывшаго самовара, и съ перомъ въ рукѣ и тетрадкой, внимательно просматривала какую-то книгу. Присутствія Стульцева она, повидимому, не замѣчала.

Несмотря на десятый часъ утра, она была одѣта и причесана безукоризненно, какъ богобоязненная старушка-нѣмка, идущая съ книжечкой въ церковь. Комната Софьи Васильевны, перегороженная ширмами, была какъ-то разумно уютна и вмѣру тепла—такъ что не было ничего, свидѣтельствующаго о домашности хо-

зайки и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего, свидѣтельствующаго о томъ, что тутъ ждутъ гостей. Не было видно никакихъ мягкихъ, теплыхъ, прочныхъ и удобныхъ вещей старосвѣтскихъ помѣщиковъ, не было и гардинъ, и тонконогихъ стульевъ и другихъ вещей, выставляемыхъ на видъ, чтобы гость чувствовалъ, что хозяинъ не простой человѣкъ и имѣетъ кое-что. Нигдѣ не было видно пыли или грязи, но книги не стояли во фронтѣ и для чернильницы не было отведено своего специального мѣста, какъ у Малинина;—каждый предметъ лежалъ тамъ, гдѣ случилось и откуда ближе его можно было взять, но въ то же время ничего не было разбросано. Словомъ, комната Софьи Васильевны мнѣ очень понравилась, и я всегда съ удовольствіемъ входилъ въ нее.

— Мы къ вамъ съ визитомъ, сказали Андрей послѣ того, какъ мы втискались въ дверь не безъ нѣкотораго замѣшательства по той причинѣ, что отворялась всего одна половинка двери, а другая была наглухо заколочена.

Хотя Софья Васильевна насъ, вѣроятно, ожидала, но она какъ будто вздрогнула; взглянула на насъ своимъ боязливымъ взглядомъ, и перо выпало изъ ея тоненькихъ пальчиковъ, которыми она владѣла съ такой ловкостью, что въ секунду распутывала самый спутанный мотокъ шолку; когда она писала, у ней работали больше эти проворные пальчики, чѣмъ вся коротенькая рука.

— Вы насъ не бойтесь, Софья Васильевна, если мы порой брехаемъ, то никогда не кусаемся, сказалъ Андрей, устанавливая свою шляпу на полъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не дамъ вамъ руки—вы опять будете издѣваться, смѣясь сказала Софья Васильевна, отстраняясь отъ протянутой руки Андрея.— Вотъ, вашъ братъ — другое дѣло.

— Онъ еще безнравственнѣе меня. Зачѣмъ у васъ это чучело? спросилъ Андрей, хлопнувъ Стульцева по плечу.

— Это не чучело, а очень услужливый человѣкъ, который, видите, собираетъ мнѣ цвѣты.

— Ну, ну! ну, что! зарычалъ Стульцевъ, точно котъ, котораго ударили пальцемъ по носу.

— Вы, кажется, были заняты — мы вамъ помѣшали, сказалъ я, предупреждая какое-то замѣчаніе Андрея относительно Стульцева.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, быстро проговорила Софья Васильевна, играя въ своихъ проворныхъ пальчикахъ ручкой стального пера и какъ будто стараясь скрыть нѣкотораго рода смущеніе.— Хотите чаю?

— Давайте, сказалъ Андрей, шаркая спичкой о спину Стульцева. — У васъ можно курить?

— Можете.

Софья Васильевна встала, обдернула платье, и вышла, со своей больной улыбкой, распорядиться насчетъ самовара.

— Можно шутить, но не въ присутствіи женщины, которая... брызгливо заговорилъ обиженный Стульцевъ, но возвращеніе Софьи Васильевны прервало его.

— Вы, кажется, серьёзно занимаетесь ботаникой? спросилъ я.

— Нѣтъ, когда случится.

— У насъ есть сестра, которая совсѣмъ не занимается ботаникой—что, еслибы вы познакомились съ ней, Софья Васильевна? сказала Андрей.

— Вы, вѣроятно, не шутя хотите за мной ухаживать! кротко засмѣявшись и слегка покраснѣвъ, сказала Софья Васильевна.

— Шутя или не шутя — отчего бы не ухаживать?

— Удивительно умно! пробормоталъ у меня за спиной Стульцевъ, продолжая вертѣть передъ своимъ носомъ разные сушеные цвѣтки.

— Шутя или не шутя, вдругъ серьёзно, почти грустно, заговорила Софья Васильевна: — а я вамъ вотъ что скажу: я не боюсь сплетень, но онѣ могутъ отнять у меня послѣднее средство существованія...

— За кого же вы меня принимаете! Вѣдь я не Стульцевъ! воскликнулъ Андрей.

— Пожалуйста, не употребляй моей фамиліи! во все горло закричалъ, неожиданно взбунтовавшійся, Стульцевъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ напугать Андрея, но, конечно, только насмѣшилъ.

— Вообще вы меня оскорбите, заговорила Софья Васильевна, когда шумъ, произведенный Стульцевымъ, поуспокоился:—оскорбите, если не будете смотрѣть, какъ на своего товарища и будете помнить, что я женщина... Вы должны забыть мой полъ. Согласны? весело спросила Софья Васильевна.

— Согласенъ.

— Я для васъ мужчина. Помните.

— Не сдѣлать ли, для памяти, маленькаго грамматическаго нововведенія — говорить: Софья Васильевна ходилъ, говорилъ, пилъ? Это очень оригинально. Софья Васильевна фхалъ верхомъ на войну, и курилъ трубку, болталъ Андрей, между тѣмъ какъ Софья Васильевна хлопотала около чая.

— Вы мнѣ не безпокойтесь наливать, съ важностью сказалъ Стульцевъ, продолжавшій корчить сердитую рожу.

— Не безпокоюсь: вѣдь вы ужъ пили...

— Эта скотина любить пошло, замѣтилъ Андрей.

Софья Васильевна съ легкой укоризной взглянула на него, и покачала головой.

— Ну, ну! ты, пожалуйста... угрожающе проворчалъ Стульцевъ.

Во время этого разговора я всталъ и подошелъ къ окну. Тамъ къ обоямъ была приколата булавкой страничка бумаги — росписание Софьи Васильевны. Въ немъ значилось: „*понедѣльникъ*—съ утра до 10-ти часовъ свободное время. Съ 10-ти до 12^{1/2}—ботаника; съ 12-ти до 3-хъ часовъ—урокъ у Абрамовыхъ“ и проч. Я посмотрѣлъ *среду*: „до 11-ти часовъ частная работа, а если нѣтъ—переводы и извлеченія. Съ 11-ти часовъ до обѣда—русскіе журналы. Обѣдъ. Съ 2-хъ до 4-хъ часовъ урокъ Ѳедѣ. Съ 4-хъ до 5-ти—у отца. Съ 5-ти до 8-ми часовъ—въ библиотекѣ. Чай и свободное время до 10-ти часовъ. Съ 10-ти до 12-ти часовъ переписка, раскрашиванье, а если нѣтъ работы, то шитье и вообще починка бѣлья и другихъ старыхъ вещей“.

Софья Васильевна, кончивъ побрякиванье чайными ложками и стаканами, повернулась ко мнѣ, и очень смугилась, увидѣвъ, что я читаю ея росписание. Она какъ-то съежилась и посмотрѣла на меня своимъ, просящимъ извиненія, взглядомъ.

— Это нехорошо, тихо проговорила она.

— Извините. Но этого вовсе не слѣдуетъ стыдиться, напротивъ, слѣдуетъ гордиться такой дѣловой аккуратностью, сказалъ я. — Только у васъ тутъ, кажется, есть ошибки.

— Грамматическія?

— О, вовсе нѣтъ. Напримѣръ, сегодня днемъ вы гуляете, а вечеромъ, при огнѣ, назначаете портить себѣ глаза, переписывая и раскрашивая что-то.

— Неужели вы, кромѣ уроковъ, берете еще переписку и раскрашиваете политинажи? спросилъ Андрей, подходя къ росписанію.

— Да. Это очень веселая работа, если ею заниматься изрѣдка.

— Позвольте списать, когда у васъ свободное время, насмѣшливо сказалъ Андрей: — а то какъ нибудь зайдешь къ вамъ, и наткнешься на переводы или починку чулковъ.

— Вамъ смѣшно? своимъ беззащитнымъ тономъ сказала Софья Васильевна. — Нѣтъ, вы лучше объясните, почему вамъ это кажется глупо?

Андрей сдѣлалъ серьезную фізіономію, что къ нему вообще очень не шло.

— Какъ-то странно такъ распредѣлять свое время, сказалъ

онъ.—Представьте, что вы читаете очень интересную статью въ русскомъ журналѣ—вамъ остается дочитать всего двѣ странички, самыя любопытныя, но бьютъ часы, и вы должны бросить книгу, можете быть, на половинѣ фразы.

— Зачѣмъ же? это гипербола. Я дочитаю двѣ страницы, и начну обѣдать десятью минутами позже.

По поводу росписанія загорѣлся споръ, въ которомъ принялъ участіе и Стульцевъ, оставивъ сушеные цвѣтки и начавъ врать, что его добрый знакомый, Иванъ Сергѣичъ Тургеневъ, тоже имѣетъ росписаніе и что у Шиллера было такое росписаніе, вслѣдствіе котораго онъ, написавши страницу, ставилъ ноги въ теплую воду и выпивалъ бутылку вина.

— По этому росписанію, послѣ двѣнадцатой страницы, слѣдовало падать подъ столъ, и онъ всегда исполнялъ это съ большою аккуратностью, вскользь замѣтилъ Андрей, обращаясь опять къ Софьѣ Васильевнѣ съ какими-то резонами относительно того, что ригоризмъ, въ русскомъ переводѣ, значитъ самоуродованіе.

— Однако, ужъ десять минутъ двѣнадцатаго, сказала я: — Софьѣ Васильевнѣ пора бы сидѣть за журналами.

— Вотъ видите, какой мой ригоризмъ, мягко сказала Софья Васильевна.

Я всталъ и началъ раскланиваться; то же сдѣлалъ и Андрей, продолжая подшучивать надъ необходимостью со стороны Софьи Васильевны прекратить пріятную бесѣду съ нами и обратиться къ русскимъ журналамъ.

— Мы его возьмемъ съ собой, сказала Андрей, толкая Стульцева.—Это—дрянной журналъ — „Пустозвонъ“ (журналъ съ такимъ названіемъ издавался нѣсколько время назадъ, въ Петербургѣ)—имъ не стоитъ заниматься.

— Вы позволите намъ когда-нибудь зайти къ вамъ еще? спросилъ я.

— Когда-нибудь въ свободное время? добавилъ Андрей.

— Можете даже въ переводы и шпанье чулокъ, съ улыбкой, провожая насъ, сказала Софья Васильевна.

Когда мы вышли, Стульцевъ скорчилъ очень серьезную рожу, и, царапая ногтями въ своей бородачкѣ — что означало затруднительное состояніе его интеллекта — сказалъ брату: „я имѣю съ женщиной связь ужъ другой годъ, и ты вдругъ приходишь“...

— Чего приходишь? спросилъ Андрей, вѣроятно не дослышавъ начала стульцевской фразы.

— Онъ находится съ ней въ связи, подсказалъ я.

— Ахъ, ты, свиное рыло!

— Ну, ну—что-жь тутъ удивительнаго! самодовольно улыбаясь, подивился Стульцевъ.

— И давно? спросилъ Андрей.

— Скоро два года.

— Хорошо. Я съ тобой раздѣляюсь.

— Вы, Стульцевъ, къ намъ пойдете? спросилъ я въ полной увѣренности, что братъ не замедлитъ сегодня же исполнить свое обѣщаніе относительно раздѣлки, если Стульцевъ не опасается идти къ намъ.

Оказалось, что Стульцевъ, не подозрѣвая явной опасности, не только пришелъ къ намъ, но спокойно отправился, по приглашенію Андрея, въ его комнату, и черезъ три минуты, когда я, поговоривши о какихъ-то пустякахъ съ Анненькой, проходилъ къ себѣ, Савелій, съ глубокимъ сокрушеніемъ, извѣстилъ меня: „привели гостя; баричъ держитъ пистолеть, а Сенька брѣжетъ“.

— Какъ брѣжетъ?

— Тотъ на кровати лежитъ, а они ему брѣютъ бороду.

Стульцевъ былъ очень высокаго мнѣнія о своей дрянной бороденкѣ, и очень дорожилъ ею. Вообразивъ себѣ его отчаянное положеніе между пистолетомъ и бритвой, я не могъ не разсмѣяться, и прошелъ къ себѣ, вовсе не думая помѣшать Андрею привести его пакость къ вожделенному концу. Она, впрочемъ, была уже почти окончена, и Стульцевъ скоро появился въ залѣ, поглаживая выбритыя мѣста и объясняя, что ему надоѣла борода, а потому онъ сбрилъ ее.

— Зачѣмъ же вы оставили этотъ клокъ? спросила Лиза, не стараясь удерживаться отъ душившаго ее смѣха.

— Такъ, небрежно отвѣчалъ Стульцевъ, поглаживая пребезобразнѣйшій клокъ волосъ, оставленный подъ подбородкомъ и придававшій ему, въ особенности въ сумерки, такой видъ, какъ будто у него что-то стекаетъ съ бороды.

— Сбрили бы и этотъ козлиный клокъ, замѣтилъ я.

— Если сбрѣтъ, онъ погубитъ и себя, и меня, объявилъ Андрей.

— Ну! зачѣмъ же сбривать! пробормоталъ Стульцевъ, толкая въ бокъ Андрея, чтобы тотъ замолчалъ.

Натѣшившись вдоволь надъ Стульцевымъ, Лиза и Анненька начали собираться въ школу, и Андрей неожиданно вспомнилъ, что мы съ нимъ тоже члены просвѣщеннаго общества для распространенія грамотности въ бѣднѣйшемъ классѣ жителей города Р.

— Сходимъ пожалуйста, посмотримъ, что онѣ тамъ дѣлаютъ, предложилъ мнѣ Андрей.

Мы ни разу не бывали въ пресловутой школѣ, и обзорѣніе ея обѣщало быть любопытнымъ. Стульцевъ, получивъ отъ Андрея второе подтвержденіе не сбивать клока, очень кстати началъ прощаться. Онъ вышелъ вмѣстѣ съ нами и скоро разстался, пробормотавъ, что идетъ въ университетскій музей, куда его приглашали осмотрѣть какого-то недавно привезеннаго мастодонта — родоначальника фамиліи Стульцевыхъ, какъ предположилъ Андрей.

Школа помѣщалась довольно далеко, почти около гимназіи, въ старомъ домѣ Буровыхъ, который въ древнія времена считался загороднымъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась кухня, гдѣ кормили приходящихъ ребятишекъ, а сверху происходило самое обученіе. Когда мы взошли на крыльцо, тамъ сидѣло и стояло до полдюжины мальчишекъ и дѣвчонокъ разнаго возраста: были даже такіе, которые очень нетвердо держались на двухъ ногахъ и имѣли большое стремленіе поползать на четверенькахъ.

Андрей, поднявшись на крыльцо, увидалъ большущій колоколь, висѣвшій на матицѣ, и не утерпѣлъ, чтобы не попробовать — громко ли онъ звонитъ.

— Ну, что ты? съ неудовольствіемъ сказала сестра, но уже мальчишки и дѣвчонки, заслышавъ звонокъ, бросились къ лѣстницѣ.

— Все равно, обратилась къ нимъ сестра: — идите въ классы.

— Мы вотъ васъ проберемъ сегодня! крикнулъ имъ вслѣдъ Андрей.

— Перестань пожалуйста дурачиться, или уйди отсюда, сердито сказала Лиза.

Мы взошли на лѣстницу, вслѣдъ за бѣжавшими ребятишками, которые очень бойко работали своими босыми ногами, улетѣвая отъ насъ. Въ совершенно пустой, нетопленной залѣ, съ обитой и натоптанной на полу штукатуркой, собралось довольно много ребятишекъ, и, снимая шубу, я какъ-то нечаянно натолкнулся на одну ученицу, тащившую на рукахъ необыкновенно пузатаго мальчишку. За отсутствіемъ стульевъ, столовъ и вообще какой бы то ни было мебели, верхнее платье учениковъ было свалено на полу, въ кучу, и на эти же безобразныя лохмотья мы должны были положить свои шубы.

Раздѣвшись, Лиза отомкнула дверь въ слѣдующую комнату, и мы пошли туда.

— Безъ шуму! садитесь! крикнула Лиза, между тѣмъ какъ

Анненька отперла шкафъ и начала выгружать изъ него разной величины картонки и коробочки.

Въ комнатѣ было до пяти обыкновенныхъ столовъ, вокругъ которыхъ, на табуретахъ, присѣли ученики, и въ разныхъ позахъ, съ разинутыми ртами, „повѣсили уши на гвоздь вниманія“. Мы съ Андреемъ сѣли на подоконникъ, и приготовились смотрѣть и слушать.

— Господи, что-то будетъ! шепнулъ мнѣ Андрей.

Лиза роздала ученикамъ одного стола какія-то маленькія брошюрки, и, видимо желая похвастаться, заставила лучшую ученицу читать. Это былъ анекдотъ, подъ названіемъ „списходительность Потемкина“, написанный, для большей понятливости, какъ всѣ народныя изданія, безграмотнымъ коверканымъ языкомъ. Дѣвочка бойко прочла, какъ однажды Потемкинъ не могъ дозваться своимъ спящихъ слугъ, и самъ сходилъ зачѣмъ ему было нужно, съ такой осторожностью, что не разбудилъ ни одного лакея.

— Даю тридцать копѣекъ тому, кто понялъ этотъ анекдотъ! вызвалъ Андрей.

Лиза съ укоризной взглянула на него.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Ты поняла? спросилъ Андрей у читавшей дѣвочки.

— Поняла, потупившись отвѣчала ученица.

— Что же поняла?

— Ночь, проговорила дѣвочка.

— Кабая ночь? возмутилась Лиза.

— Разсказъ темень, какъ ночь,—она ничего не поняла, про-
бормotalъ себѣ подъ носъ Андрей.—Ну, кто же понялъ?

— Господинъ, я понялъ! выскочилъ ухарскій мальчишко, вѣ-
роятно быстро сообразившій, что на тридцать копѣекъ можно
купить шестьдесятъ гнѣздъ бабокъ, а имѣя шестьдесятъ гнѣздъ,
легко обыграть весь городъ.

— Ну! понукнулъ его Андрей.

— Лакеи не должны спать, сказалъ мальчишко: — потому...
потому — господа...

— Бьютъ ихъ за это? подсказалъ Андрей.

— Такъ точно, разсмѣявшись отвѣтилъ мальчишко.

— А ты понялъ? спросилъ Андрей другаго мальчишка, одѣ-
таго въ такой сюртукъ, одинъ рукавъ котораго могъ бы съ из-
лишкомъ прикрыть все его тѣло.

— Понялъ. Они спали...

Ученикъ говорилъ очень робко. Очевидно было, что онъ

чувствуетъ къ намъ нѣкоторое недовѣріе и опасается про-
вратъся.

— Нельзя же требовать: они еще недавно научились читать,
вступилась Лиза, сильно покраснѣвъ отъ досады.

— Напрасно учились, сказалъ Андрей. Лиза поспала на не-
го кучу самыхъ яростныхъ возраженій, и между ними возгорѣл-
ся одинъ изъ нескончаемыхъ споровъ. Ученики, оставшись безъ
дѣла, начали зѣвать и ковыряли въ носу отъ скуки, а одинъ
мальчишко залѣзъ даже подъ столъ, и съ большимъ искусствомъ
и ловкостію привязывалъ къ табурету ногу своего товарища,
который, ничего не замѣчая, безопасно водилъ глазами по сто-
ронамъ. Подъ шумокъ, Анненъка тайкомъ жала мою руку, и
шептала мнѣ на ухо разныя нѣжности.

— Что же ты ихъ не учишь? спросилъ я у нее.

— Ну, ихъ! Они голодные, бѣдненькіе, — дожидаются биле-
товъ... Пойдемъ въ залъ, прошептала она.

Я хотѣлъ-было идти, но въ сосѣдней комнатѣ раздались нѣ-
сколько звонкихъ женскихъ голосовъ: явились новыя учительни-
цы, и очень кстати, такъ-какъ педагогическій споръ Андрея и
Лизы грозилъ перейти въ личности по поводу Песталоцци, ко-
торого братъ защищалъ всѣми силами, а Лиза называла гарус-
нымъ колпакомъ. Когда мы съ Андреемъ помогли дамамъ раз-
дѣться, и учительницы пошли въ классъ, Ольга остановила ме-
ня и что-то очень заинтересовалась моимъ здоровьемъ. Очеvid-
но, она хотѣла поговорить со мной о чемъ-то.

— Что же вы не идете преподавать? спросилъ я, чтобы сра-
зу вызвать ее на объясненіе.

— Надоѣло, сказала она.—Все это, кажется, пустяки. Обязан-
ность очень мелка, не увлекаетъ... Хотѣлось бы чего-нибудь по-
крупнѣе, а обучать ребятишекъ могутъ попы и дьячки... Не такъ
же мы въ самомъ дѣлѣ тупы, что не можемъ сдѣлать для обще-
ства ничего полезнѣе кромѣ обученія грамотѣ двухъ трехъ ре-
бятишекъ...

Ольга сказала мнѣ на эту тему довольно длинное предисловіе,
прежде чѣмъ приступила къ главному сюжету своего разговора.
Испытавъ неудачу на исправительномъ пріютѣ, она задумала
послужить отечеству какимъ-то кооперативнымъ обществомъ швей,
и теперь хотѣла посоветоваться со мной. Въ послѣднее время
со мной совѣтовались очень многіе, и я, при помощи малень-
кихъ хитростей, совершенно оттѣснилъ Володю на задній планъ
въ дѣлѣ либерализма. Я давно сообразилъ, что наши безтолко-
вые споры ведутся изъ-за пѣтушьяго первенства, и инстинктив-
но понималъ, что это — ложный путь для достиженія цѣли. Такъ-

какъ молчать, когда всѣ говорятъ, очень оригинально, я уже своимъ молчаніемъ обращалъ на себя нѣкоторое вниманіе; но, кромѣ этого, я приучился говорить отрывочныя рѣзкія фразы и задавать непобѣдимые вопросы. Зданіе всего нашего либерализма было построено на пескѣ, и потому подъ него нетрудно было не только подкапываться, но даже порой потрясать его до основанія одной рѣзкой фразой или вопросомъ. Для этой цѣли, такіе вопросы, какъ: *для чего это? по какой же причинѣ? чего же вы собственно хотите?* и проч. были особенно драгоцѣнны, и рѣдкій умѣлъ отвѣтить, *для чего* нужно освободить крестьянъ, или *по какой причинѣ* намъ нужно приносить для нихъ жертвы; послѣдній же вопросъ (что вы собственно хотите?), оставляемый всегда въ запасъ, какъ тяжелая осадная артиллерія, имѣлъ поразительное дѣйствіе, и я мало по малу завоевалъ репутацію умнаго, немного циничнаго, но непобѣдимаго спорщика. Моя неотразимая рѣзкость особенно нравилась женщинамъ, которыя, не исключая и Ольги, всегда слушали меня съ большимъ удовольствіемъ.

— Я знаю, что вы отнесетесь къ моему предположенію враждебно, сказала мнѣ Ольга:—но потому-то мнѣ и интересно знать ваше мнѣніе.

— Знаете ли, смѣясь сказалъ я:—мы, право, похожи на людей, которые, ни съ того, ни съ сего, начали собираться въ дорогу: сложили вещи, отслужили напутственный молебенъ, простились съ родными... запряжены лошади, какъ вдругъ оказывается, что мы не знаемъ куда ѣхать. Остаться, послѣ всѣхъ приготовленій, дома — стыдно, а въ путешествіи нѣтъ никакой опредѣленной цѣли. Вотъ теперь мнѣ такъ и кажется, что вы, въ положеніи подобной путешественницы, спрашиваете меня, куда лучше съѣздить въ Москву, или Пятигорскъ.

— Положимъ, такъ! Мнѣ стыдно оставаться дома, смѣясь сказала Ольга: — нужно же рѣшить вопросъ, что лучше — Москва или Пятигорскъ. Я предполагаю вотъ что...

Ольга начала развивать мнѣ проектъ швейной артели — проектъ, во всемъ подобный множеству позднѣйшихъ проектовъ этого рода, остановившихся у насъ на первыхъ же шагахъ къ осуществленію, по той причинѣ, что шагали не прямо ногами, а высокими ходулями, на которыхъ ходить, какъ извѣстно, очень трудно.

Безъ особеннаго труда, я скоро заставилъ ее сознаться, что если она будетъ дѣлать заработокъ поровну — мастерицы будутъ считать ее душой.

— Я ихъ хитростями доведу до того, что онѣ сами потребуютъ у меня того, что нужно, улыбаясь, сказала Ольга.

— Это будетъ интересная партія въ дураки. Онѣ—дѣти, немѣющія играть, а вы—нянька, желающая потѣшиться ихъ выигрышемъ... Но нужно много хитрости, чтобы у васъ не выхлѣбъ розыгрышъ, и чтобы вы всегда оставались...

— Дурой, досказала Ольга.

Я замѣтилъ еще, что вообще хозяинъ, заботящійся о томъ, чтобы рабочіе вынудили отъ него прибавку жалованья, долженъ имѣть ласковую душу быка на вывѣскѣ мясной лавки, взоръ котораго всегда говоритъ: „сдѣлайте милость, убейте меня, сдерите шкуру, зажарьте и съѣшьте“, и спросилъ Ольгу продолжаетъ ли она заниматься русской исторіей.

— Нѣтъ, я бросила, разочарованно отвѣчала она.

Ольга была замѣчательной женщиной въ томъ отношеніи, что „у ней была всегдашняя зубная боль“, какъ охарактеризовалъ Андрей ея постоянное безпокойство о томъ, что бы изъ себя такое сдѣлать, и къ чему бы приспособить свои таланты. Взвѣсившись за одно дѣло, она тотчасъ же находила, что гораздо полезнѣе заниматься другой работой, и бросала первую. Она училась попеременно: живописи, музыкѣ, химіи, математикѣ, посвятивъ каждой наукѣ именно столько времени, сколько нужно для охлажденія перваго пыла. Ея комната представляла изъ себя какую-то лабораторію сумасшедшаго. Тутъ торчалъ мольбертъ, валялся муштабель, висѣла скрипка, стояла цѣлая корзина битыхъ колбъ, пробирныхъ цилиндриковъ, разныхъ банокъ и стлянокъ, былъ даже пистолетъ Монтекресто, которымъ Ольга училась одно время стрѣлять въ цѣль. Нечего и говорить, что я безъ всякаго удивленія узналъ, что она потеряла желаніе сдѣлаться русскимъ Маколеемъ.

Мы нѣсколько время молча ходили съ ней по пустой залѣ, гдѣ подъ нашими ногами хрустѣли кусочки штукатурки, которые намъ случалось на пути растаптывать. Ольга задумалась и, въ разсѣянности, сомкнувъ пальцы рукъ, шагала, не обращая на меня никакого вниманія.

— Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно — ждуть чего, жалѣю ли о чемъ? задушевно продекларировала она, въ забывчивости, что не одна въ комнатѣ, и почти вздрогнула, увидѣвъ, что я иду подлѣ нея.

— Въ монахини бы поступить, сказала она:—я, право, когда-нибудь выброшусь изъ окошка; мнѣ хочется сдѣлать съ собой что-нибудь рѣшительное.

Она хрустнула суставами своихъ пальцевъ. Я понялъ, что мнѣ угрожаетъ откровенный разговоръ.

— Такъ все это надоѣло, продолжала она.— Вы не повѣрите! мнѣ до боли иногда хочется убить кого-нибудь или себя убить. Ужасно скучно!

— Это идеализмъ въ васъ холить.

— Нѣтъ. Я сама не знаю, впрочемъ, чтѣ это такое. Мнѣ хочется чего-то чрезвычайнаго, и какъ-то все мелко вокругъ... Ужасно скверно. Отравиться, утопиться— надо что-нибудь сдѣлать такое, съ отчаяніемъ опустивъ руки, проговорила Ольга.— Еслибъ нашелся сильный человѣкъ, который протянулъ бы руку, я бы пошла за нимъ въ адъ...

Ольга выжидающе посмотрѣла на меня. Я понялъ, по какому, можетъ быть, и безотчетному, побужденію она затѣяла этотъ разговоръ.

— Не отпустить ли ребятишекъ; они, я думаю, ѣсть хотятъ? успѣшилъ сказать я.

— Да, въ изнеможеніи вздохнула Ольга.

Она, зажмуривъ глаза и стиснувъ зубы, тихо подошла къ веревкѣ, протянутой на крыльцо, и позвонила.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XIX.

Володя Шрамъ влюбляется.

Въ своихъ безконечныхъ войнахъ съ сестрой и Ольгой, братъ безпрестанно началъ ссылаться на Софью Васильевну, какъ на живой укоръ дѣвицамъ, которыя умѣютъ только мучить невинныхъ ребятишекъ, обучая ихъ грамотѣ и отравляя потомъ щами изъ прокислой капусты. Лиза такъ заинтересовалась этимъ пресловутымъ образцомъ трудолюбія, что, однажды, возвращаясь со мной откуда-то и встрѣтивъ на улицѣ Софью Васильевну въ ея большой старомодной шляпкѣ, почти насильно притащила къ себѣ бѣдненькую гувернантку, хотя та и отговаривалась, что и не одѣта, и не расположена теперь идти въ шумное общество.

Я замѣтилъ, что Софья Васильевна, столь непринужденная съ

нами, относилась къ сестрѣ нѣсколько свысока, почти съ презрительной снисходительностью, и мнѣ очень не понравилось въ ней это школьническое желаніе выказать свое превосходство. Сестра, вѣроятно, этого не замѣтила, потому что продолжала заглядывать Софью Васильевну самыми любезными вопросами — и о томъ, какіе она даетъ уроки, и о томъ, зачѣмъ она удаляется отъ знакомствъ, и не страшно ли ей жить одной. Радужіе, выказанное при этомъ сестрой, кажется, подѣйствовало на Софью Васильевну, и она объяснила, что привыкла жить одна и ей не страшно и не скучно.

Скоро, впрочемъ, Софья Васильевна опять попала на рельсы, съ которыхъ было-соскочила: угнетенная улыбка заграла на ея лицѣ, взглядъ заблестѣлъ свойственнымъ ему ласковымъ покорствомъ и вся ея укромная фигурка приняла свой настоящій, до крайности симпатичный видъ.

— Посмотрите, какъ вамъ понравится этотъ ситецъ, сказала она, подавая Лизѣ сверточекъ, который тащила обѣими руками.

— Ахъ, какой старушечій рисунокъ! Неужели вы это для себя купили?

Ситецъ былъ черный, съ бѣлыми горошинками; въ такихъ платьяхъ ходила наша покойная нянька Федосья, и Лиза, естественно, не могла чувствовать къ этому цвѣту большого уваженія.

— А я сколько времени искала этого ситцу, и едва нашла: мнѣ онъ очень нравится, съ простодушной усмѣшкой сказала Софья Васильевна.

— Нѣтъ, мнѣ не нравится. Еслибъ бѣлый съ чернымъ горохомъ—еще ничего, а это что-то отжившее...

— Я очень люблю все отжившее и старомодное. Да, впрочемъ, на кого бы я походила, напримѣръ, въ казакѣ и круглой шляпѣ!

Софья Васильевна засмѣялась.

Когда мы пришли домой, застали тамъ Володю. Къ моему удивленію, увидѣвъ Софью Васильевну, онъ на секунду очень смутился, губы у него поблѣднѣли и дрогнули, но онъ тотчасъ же оправился, и поспѣшилъ поздороваться съ гостей.

— Я васъ, кажется, гдѣ-то видала, а, впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь, сказала Софья Васильевна, знакомясь съ нимъ. Когда она здоровалась или прощалась, то, протягивая руку, немного присѣдала и улыбалась, чтó къ ней очень шло. — А вотъ и обманщикъ! привѣтствовала она Новицкаго. — Гдѣ же Андрей Николаичъ?

Андрей Николаевичъ не замедлилъ явиться, и началась болтовня, въ которой особенно картинное участіе старался принять

Володя. Но, какъ всегда почти бываетъ, особенно усиленные старанія отличиться не имѣли должнаго успѣха: остроты выходили неуклюжими, и самая манера разговора отзвывалась неприятной галантерейностью.

— Вы будете обѣдать у насъ, и останетесь до вечера. Да? сказалъ Андрей.

— Я ужь обѣдала...

— Софья Васильевна никогда въ чужихъ людяхъ не обѣдаетъ, сообщилъ Новицкій.

— Мы — свои, съострилъ Володя.

— Развѣ это не показано въ росписаніи? спросилъ Андрей.

— Опять это несчастное росписаніе! улыбаясь, сказала Софья Васильевна.

— Дѣйствительно, росписаніе тутъ ни причемъ. Софья Васильевна не будетъ обѣдать съ нами потому, что боится заразиться аристократическими привычками, пояснилъ Новицкій.

— И это ни причемъ, кивнувъ подбородкомъ, возразила Софья Васильевна.—Я ему, дѣйствительно, говорила разъ, что не буду ѣсть какихъ бы то ни было лакомствъ послѣ обѣда, не буду пить за обѣдомъ никакого вина, не стану ѣсть съ чаемъ ничего, кромѣ простыхъ сухарей.

Андрей пробормоталъ какой-то каламбуръ изъ словъ: сухари, сухія правила, сушать тѣло и проч., но Софья Васильевна не слыхала его.

— И вовсе я не боюсь аристократическихъ привычекъ, тонкомъ ласковаго недовольства продолжала она:—а я боюсь всякихъ привычекъ. Я разъ привыкла курить, и просто страдала, когда не было табаку. Ну, я однажды разсудила, что не всегда же въ жизни у меня будетъ табакъ, и, слѣдовательно, по милости глупой привычки, мнѣ придется часто страдать. Я промучилась три дня, и отвыкла отъ табаку. Послѣ я мучилась привычкой ѣсть что-нибудь сладкое послѣ обѣда, и ее бросила... Теперь я боюсь привыкнуть ко всему, что не могу доставить себѣ ежедневно. Привыкни я, напримѣръ, пить за обѣдомъ вино: пришлось бы или мучиться, или ходить по чужимъ обѣдамъ. А я его не пью — мнѣ и не хочется, съ простодушной ужимкой заключила Софья Васильевна.

— У васъ на всякій стихъ своя закладка, сказалъ Андрей.

— Чѣмъ скромнѣе наши привычки, тѣмъ мы счастливѣе, проговорилъ Шрамъ.

— Совершенно вѣрно, улыбулась Софья Васильевна.

Володя, почти никогда не обѣдавшій у насъ прежде, на этотъ

разъ остался, и пробылъ бы до вечера, еслибъ за нимъ не явился посланный съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ его дядя.

Этотъ дядя былъ хорошо извѣстенъ въ акціонерномъ мірѣ, жилъ постоянно въ Петербургѣ и печаталъ иногда въ газетахъ маленькія политико-экономическія замѣтки за своей полной подписью. Теперь онъ проѣзжалъ къ себѣ въ имѣніе, и долженъ былъ пробыть у насъ, въ Р., не больше одного дня. Нечего и говорить, что мы не хотѣли пропускать случая посмотрѣть „петербургскую модную картинку послѣдняго выпуска“, какъ выразился Андрей объ акціонерѣ.

На другой день мы имѣли счастье ему представиться, и онъ принялъ насъ довольно ласково, сказавъ что-то въ родѣ того, что намъ — молодому поколѣнію — предстоитъ вступить въ садъ, только-что расчищенный, въ которомъ будетъ много интересной работы. Около него юлила въ это время Катерина Григорьевна, заигрывая съ нимъ на тему о петербургской литературѣ. Но акціонеръ отдѣлывался полутвѣтами и не позволялъ ощущать себя во всей подробности, какъ бы намъ этого хотѣлось. На первый разъ мы узнали только, что онъ презираетъ все русское (къ тому времени добрый русскій мужичокъ вышелъ изъ моды, и на сцену выступилъ самоваръ, какъ символъ тупости русскаго народа къ разнымъ полезнымъ изобрѣтеніямъ) и восхищается Европой, признавая даже полезнымъ — о, верхъ нелѣпости! — существованіе балета.

— Да, пожалуй, сказала Катерина Григорьевна:— оно отчасти способствуетъ увеличенію народонаселенія...

Акціонеръ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее, и она закусила губы, понявъ, что сказала величайшую глупость.

Съ петербургскимъ Шрамомъ ѣхалъ какой-то молодой человекъ, котораго я видѣлъ только мелькомъ, именно въ то время, когда Катерина Григорьевна выразила свое замѣчательное предположеніе о томъ, что балетъ, можетъ быть, вліяетъ на увеличеніе народонаселенія. Я слышалъ, какъ онъ прошепталъ на ухо Андрею: „барынкъ, кажется, хотѣлось бы увеличить народонаселеніе“.

— Ей тутъ содѣйствуютъ въ этомъ желаніи многіе гражданскіе и военные чины, да что-то безъ успѣха, тихо отвѣчалъ Андрей.

— Излишнее усердіе всегда вредитъ дѣлу, громко сказала молодой человекъ такимъ комическимъ тономъ глубокаго убѣжденія, что я не могъ не засмѣяться. Послѣ этого замѣчанія, онъ, съ величайшей свободой движеній, взявъ Володю подъ руку, и увелъ въ другую комнату.

Больше я его не видалъ; они уѣхали съ акціонеромъ на другой день, и я не вспомнилъ бы объ ихъ посѣщеніи, еслибъ оно не имѣло громаднаго вліянія на судьбу почти всѣхъ героевъ моего разказа.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, Андрей пришелъ ко мнѣ нѣсколько озабоченнымъ. Видимо, братъ затруднился, съ чего начать какое-то пикантное объясненіе. Наконецъ, онъ заговорилъ, что намъ нужно взяться за настоящее дѣло, что обстоятельства слагаются благоприятно, и надо ковать желѣзо, пока оно горячо. Андрей имѣлъ глупое намѣреніе купить городской театръ, и я подумалъ, что онъ хочетъ сообщить мнѣ о какой-нибудь, очень важной для него, перемѣнѣ условій покупки. Но я ошибся.

— Въ февралѣ объявятъ указъ объ освобожденіи крестьянъ, съ важностью сказалъ онъ.

— Что-жь изъ этого? У насъ съ тобой нѣтъ крестьянъ.

— Не то, съ досадой сказалъ Андрей. — Ты знаешь, на какихъ условіяхъ ихъ освободятъ?

— На какихъ?

— Съ тѣмъ, что они еще десять лѣтъ должны работать на помѣщикавъ... Словомъ, это полумѣра, и будетъ множество недовольныхъ. Понялъ?

— Ничего не понялъ.

— Все равно, послѣ поймешь.

Андрей началъ говорить какую-то чушь, о какомъ-то „обществѣ“, о какой-то „вѣтви“ и проч. Онъ говорилъ довольно долго и съ большимъ эффектомъ, видимо дожидаясь, что я вскочу съ кровати и брошусь плясать отъ радости. Но, когда онъ кончилъ, я нарочно молчалъ.

— Что же, ты согласенъ? спросилъ Андрей.

— Нѣтъ...

— Напрасно боишься, сквозь зубы сказалъ Андрей. — Малининъ и Стульцевъ у насъ... и Софья Васильевна.

— И Стульцевъ! Господи!

— Это ужъ виноватъ этотъ поганый Шрамъ.

Андрей даже плюнулъ, и разсказалъ, что поганый Шрамъ вмѣстѣ съ Ольгой, отъ счастья быть членомъ, „вѣтви“, получилъ легкое умопомѣшательство, которое обнаруживается теперь въ рѣзываніемъ символическихъ печатей и устройствомъ какого-то масонскаго обряда.

— Не завербовали-ли вы и Овѣрина? спросилъ я, когда братъ замолкъ на минуту.

— Нѣтъ. Чортъ съ нимъ,—я боюсь ему и предлагать.

— Кто же изъ васъ присоединилъ Софью Васильевну?

— Мы оба, со Шрамомъ. Я и не думалъ, что въ ней столько энтузіазма. Съ ней чуть не сдѣлалась истерика, когда она начала строить разныя предположенія. Я ее взялъ за руку, чтобы посадить на стулъ, такъ она даже дрожала вся, бѣдненькая. Славная женщина!

— Ну, ты помни, что ничего мнѣ не говорилъ, сказалъ я, повертываясь въ постели, чтобы прекратить разговоръ.

— Боишься?

— Да.

Когда я остался одинъ и началъ соображать все переговоренное, намѣреніе мое держаться какъ можно дальше отъ Андрея и его компаніи еще болѣе утвердилось. И не отъ страха только, а просто потому, что я уже началъ себя сознать благонамѣреннымъ гражданиномъ.

Утромъ мы съ братомъ сошлись, впрочемъ, довольно дружелюбно, и онъ, безъ всякихъ возраженій, согласился даже на мою просьбу возвратить Малинина на путь добродѣтели и невинности. Съ Малининымъ въ послѣднее время случилось маленькое несчастіе. Катерина Григорьевна затѣяла благородные спектакли, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Давали, на первый разъ, „Ревизора“, при чемъ Андрей игралъ роль Хлестакова, Лиза— Анну Андреевну, а Володя—городничаго, и во время послѣдней нѣмой сцены, Малининъ, исполнявшій должность суфлера, потропившись собирать книгу, опрокинулъ себѣ на колѣна керосиновую лампу, перепугался взрыва, и закричалъ изъ своей будки во все горло. Впрочемъ, это обстоятельство не испортило гордотраднaго расположенія духа, которое внушили ему милості сестры, сдѣлавшейся, изъ жалости или отъ чего другаго, значительно внимательнѣе къ его горькой судьбѣ. Малининъ даже какъ будто официально заявилъ мнѣ объ этомъ.

— Ты пожалуйста откажись отъ этой глупости и не связывайся съ ними! сказалъ я ему по поводу Андреева общества.

— Я и самъ думалъ отказаться, тѣмъ болѣе, что теперь... Знаешь, еслибъ я былъ одинъ, такъ это — ничего, а то, я хотѣлъ тебѣ давно сказать, Лизавета Николаевна подаетъ мнѣ нѣкоторыя надежды.

— Къ чему?

— Можетъ быть, мои дѣла какъ-нибудь устроятся: кончу курсъ, поступлю на службу, тогда, можетъ быть... конечно, неравенство...

Малининъ не посмѣлъ докончить. Онъ смотрѣлъ очень пристально на переплетъ окна, и глаза его были полны слезъ. Я

послѣшили какъ могъ утѣшить его, что особеннаго неравенства нѣтъ, и что онъ вполне можетъ питать надежды на бракъ съ Лизой.

— Только откажись отъ этихъ затѣй, повторилъ я ему.

— Какъ же отказаться? Вѣдь неловко же сказать, что я влюбленъ, и потому не могу собой пожертвовать вмѣстѣ съ ними...

— Я ужъ устроилъ это. Если они тебя будутъ что-нибудь спрашивать, ты притворяйся, что ничего не знаешь.

— А ты? спросилъ Малининъ. — Неужели ты не съ ними?

— Я — не дуракъ, рѣзко сказалъ я.

— Впрочемъ, можетъ быть, у тебя тоже...

Малининъ не договорилъ своей глупости, такъ-какъ въ это время явился Стульцевъ со своимъ завѣтнымъ козлинымъ клокомъ, и, дергая очками, началъ рассказывать, что какой-то купецъ, выходя изъ казначейства, обронилъ съ полпуда радужныхъ бумажекъ. Стульцевъ поднялъ ихъ, и чуть не загналъ извощичью лошадь, догоняя хозяина денегъ, который тотчасъ предложилъ ему, въ награду за честность, фунтовъ десять радужныхъ, но онъ, Стульцевъ, само собою разумѣется, отказался.

— Какъ вы думаете, сколько было въ этой пачкѣ,—право, безъ преувеличенія,—фунтовъ десять? спрашивалъ Стульцевъ: — а? сколько?

— Столько же, сколько правды въ вашихъ словахъ...

— Всегда ты врешь, Стульцевъ, съ оттѣнкомъ сокрушенія замѣтилъ Малининъ.

Стульцевъ тоже принималъ участіе въ спектакляхъ, и, не смѣя сбрызнуть клока, принужденъ былъ ограничиться ролью купца (главныя дѣйствующія лица „Ревизора“, какъ извѣстно, чиновники, а потому эти роли совершенно недоступны для артистовъ съ какими бы то ни было украшениями на подбородкѣ). Впрочемъ, онъ легко утѣшалъ себя, увѣряя всѣхъ, что Мочаловъ ему близкій родственникъ съ материной стороны, а потому онъ, безъ всякаго затрудненія, могъ бы сыграть и роль Хлестакова, но не хочетъ.

Я замѣтилъ какъ-то у Стульцева на самомъ видномъ мѣстѣ часовой цѣпочки небольшой чугунный брелокъ—Адамову голову, которую онъ безпрестанно щупалъ, тутъ ли она.

— Должно быть, этотъ брелокъ вамъ очень нравится? сказала я ему.

— Да. Это знакъ (Стульцевъ наклонился къ моему уху) старшаго мастера въ масонской ложѣ. Здѣсь есть ложа... Я васъ приму.

Адамова головка была дѣйствительно знакомъ, но только не масонской логи. Ее начали носить почти всѣ мои знакомые, не исключая и женщинъ. Разъ какъ-то я зашелъ къ Софѣ Васильевнѣ, и мнѣ сразу бросился въ глаза лежавшій на комодѣ чугунный браслетъ съ адамовой головкой.

— Откуда это у васъ? спросилъ я.

— Подарилъ вашъ знакомый—Шрамъ.

Софья Васильевна, произнося эти слова, почему-то отвернулась отъ меня въ другую сторону. Вообще она въ послѣднее время стала со мной очень холодна, такъ же, какъ и всѣ почти ея сочлены и сочленки по *вѣтви*.

— Вы знаете, — что же спрашивать? проговорила она, когда я обратилъ особенное вниманіе на адамову голову.

— Все это очень глупо, сказалъ я, недовольный ея невнимательнымъ отвѣтомъ.

— Что дѣлать?!—глупо, такъ глупо, но глупая честность все лучше умной подлости, колко сказала Софья Васильевна.

— Извините, я не привыкъ къ такимъ рѣзкимъ выраженіямъ и не совѣмъ васъ понялъ: вы, кажется, называете подлостью то, что я не иду вслѣдъ за другими.

— Да, въ настоящее время *подло*... какъ это?... „идти въ станъ безвредныхъ, когда полезнымъ можно быть“, съ горячностью сказала Софья Васильевна.

Я ее рѣшительно не узнавалъ. Она покраснѣла, и всѣ дѣтскіе члены ея корчилились, точно въ судорогахъ.

— Можете ли вы выслушать меня хладнокровно? спросилъ я самымъ серьезнымъ тономъ.

— Могу, хотя, кажется, это совершенно бесполезно, презрительно скорчившись, проговорила Софья Васильевна.

Дѣйствительно, я взялся за бесполезное предпріятіе. Софья Васильевна рѣшительно не хотѣла меня слушать, и отвѣтила подъ конецъ такой рѣзкостью, что мнѣ ничего больше не оставалось, какъ взять шляпу и уйти.

— Вы слишкомъ разгорячены, сказалъ я, уходя. — Слова въ этихъ обстоятельствахъ дѣйствуютъ, какъ стаканъ воды, вылитой на горящій домъ.

— Не хотите ли призвать пожарную команду? Отъ васъ все сбудется, задыхаясь выговорила Софья Васильевна, и, затворивъ дверь, я услышалъ за собой безконечный истерическій кашель.

Вообще на меня всѣ какъ-то начали коситься, и даже дѣлать видъ, что остерегаются меня. Ольга почему-то находила остроумнымъ кстати и не кстати выражать сомнѣвія въ моей

храбрости. Володя, любившій обо всемъ относиться съ модной презрительностью, какъ-то замѣтилъ, что Николай Негоревъ и Новицкій учатся раскладывать пасьянсы, чтобы не скучно было проводить время съ людьми своего образа мыслей.

— Завидую вамъ, Владиміръ Александровичъ, сказалъ ему на это Новицкій:—васъ никто не попрекнетъ за образъ мыслей; вы не имѣете этого глупаго образа...

— Я дѣйствительно не имѣю такого образа мыслей, къ которому идетъ подобный эпитетъ, брюзгливо проговорилъ Володя, уставившись съ выжидающимъ превосходствомъ на Новицкаго.

— Играйте, Владиміръ Александровичъ, комедіи съ дамами, а мы васъ хорошо знаемъ, сказалъ Новицкій тономъ легкаго нравоученія.

— Знаете! вамъ и книги въ руки! Люди *вашего* образа мыслей на томъ и стоятъ, чтобы хорошо знать другихъ, скорчивъ презрительную улыбку, сказалъ Володя.

Новицкій вспыхнулъ.

— Будьте осторожны въ такихъ намекахъ: за нихъ бьютъ! тихо проговорилъ онъ, и тотчасъ же ушелъ домой.

Въ февралѣ прочитали указъ объ освобожденіи крестьянъ...

Андрей какъ-то сказалъ мнѣ, что лбомъ стѣны не прошибешь, а ногтями процарапать ее можно, и рѣшился начать это царапанье, для перваго опыта, маленькими брошюрками. Царапанье, конечно, происходило въ очень невинныхъ размѣрахъ. Такъ, Андрей сочинилъ „Азбуку-самоучку“, гдѣ, для шутки, сопоставлены были разныя пословицы, такъ что между ними выходила нѣкотораго рода связь, но такая натянутая, какаа обыкновенно бываетъ въ акростихахъ: объ ней даже многіе и не догадывались. Кромѣ этого, Андрею еще разъ удалось показать мѣстному цензору кукишъ въ карманѣ какой-то брошюркой, гдѣ доказывалась бесполезность памятниковъ великимъ людямъ. Всѣ эти произведенія были, впрочемъ, написаны довольно бойко, и мѣстами, пожалуй, не безъ остроумія, но царапанье шло слишкомъ медленно, и, вѣроятно, очень не понравилось Шраму, такъ-какъ онъ рѣшился появиться на литературное поприще самолично. Это былъ печальный опытъ прошибанія стѣны лбомъ, и притомъ такой неискусный, что даже мѣстная цензура, несмотря на связи Шрама, рѣшительно отказалась пропустить его, какъ думали, „якобинское сочиненіе“. Читателю, я полагаю, извѣстно, что часто самыя невинныя вещи, написанныя яростнымъ, растрепаннымъ слогомъ, ужасають своей либеральностью. Муза Володи отличалась именно этимъ набатнымъ

своимъ громомъ о лихоимствѣ будочника, точно проповѣ-
дая вооруженное возстаніе.

Вслѣдствіе этого обстоятельства, Володя значительно поохла-
дѣлъ къ *Витѣ*, и проводилъ цѣлыя дни у Софьи Васильевны.

— Я не знаю, чего онъ ей надоѣдаетъ, говорила мнѣ сестра,
тоже бывавшая чуть не каждый день у Софьи Васильевны. —
Какъ не прійдешь, — онъ сидитъ тамъ, и смотритъ на нее, какъ
котъ на мышъ. Онъ даже глупъ какъ-то при ней дѣлается. Не-
ужели онъ думаетъ, что она когда-нибудь полюбитъ его?

— Отчего же и нѣтъ?

— Она очень странно смотритъ на это. Даже смѣшно! Я,
говоритъ, не женщина, а человѣкъ, и у меня нѣтъ брачныхъ
инстинктовъ. Однимъ словомъ, она, если и полюбитъ, то ни-
когда не признается изъ гордости. Кстати, отчего ты не хо-
дишь къ ней? Она постоянно меня спрашиваетъ о тебѣ. При-
знайся, ты тоже любишь ее?

— Еслибъ я и любилъ, мнѣ все-таки нѣтъ надобности та-
скаться къ ней для созерцанія ея прелестей. Я — не Шрамъ.
Пусть она прійдетъ, если хочетъ.

— А она что-то боится Шрама, и, кажется, очень не довѣ-
ряетъ ему.

Я никогда изъ-за любви не выпивалъ ни одной чашкой чаю
меньше или больше обыкновеннаго; но есть люди, которые, какъ
пьяницы въ кабакъ, готовы бѣжать на любовное свиданіе отъ
постели умирающаго отца, — люди, судьба и общественная дѣя-
тельность которыхъ иногда всецѣло зависятъ отъ благосклон-
ности или равнодушія женщины. Такому человѣку нельзя много
довѣрять: онъ рабъ своей страсти, и не можетъ противостоять
ея искушеніямъ, какъ пьяница не можетъ воздержаться, чтобы
не пропить рубль, который довѣрили ему размѣнять. Такимъ
человѣкомъ былъ Володя Шрамъ. Влюбившись въ Софью Ва-
сильевну, какъ настоящій герой какого-нибудь допотопнаго ро-
мана, онъ бросилъ даже свое участіе въ благородныхъ спектак-
ляхъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, и просиживалъ по цѣлымъ
днямъ, не въ состояніи будучи оторвать глазъ отъ любимаго
предмета. Онъ былъ искренно жалокъ въ своемъ безпомощномъ
горѣ, и никто даже не смѣялся надъ нимъ...

Ив. Куцевскій.

СКАЗКА.

Няня дѣвочку спать уложила,
Да не хочетъ шалунья заснуть.
„Сказку, сказку — она затвердила —
Разскажи мнѣ какую-нибудь!“

Ты давно разсказать обѣщала
О какомъ-то сердитомъ царѣ...
Какъ колдунья по свѣту летала
И плясала на Лисой Горѣ...“

— Полно, глупая, развѣ годится
На ночь страсти такія болтать!
Не равно тебѣ вѣдьма приснится —
Испугаешься, станешь кричать.

„Ну, другую“. И къ няниной шеѣ
Умоляя, прильнуло дитя.
„Ничего не подѣлаешь съ нею“,
Проворчала старуха кряхтя

И усѣвшись къ ногамъ на кроватку
Начинаетъ, снимая платокъ,
„Ну, ужь слушай, скажу по порядку,
Быль на свѣтѣ Иванъ-городокъ.“

Что за городъ! Палаты большія,
На церквахъ — золотые кресты,
На деревьяхъ — плоды наливные,
По полямъ — голубые цвѣты!

Птички райскія въ рощахъ завѣтныхъ,
Рѣки — сладкій, процѣженный медъ,
Берега изъ камней самоцвѣтныхъ,
Люди — рослый, здоровый народъ!

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Вотъ и жили они припѣвая,
Проводя безмятежные дни,
И доселѣ, печали не зная,
Такъ же весело жили бѣ они.

Да на грѣхъ къ нимъ зашелъ переходжій,
Хромоногій и дряхлый монахъ.
Ну, и сталъ онъ болтать молодежи,
Что онъ видѣлъ въ заморскихъ странахъ.

И повѣдалъ такое имъ чудо,
Что за тридцать гдѣ-то земель
Есть гора изъ камней изумруда,
А на ней — золотая постель.

На постелѣ той Софья царевна
Почиваетъ ужъ много вѣбовъ,
И не встанетъ безъ силы волшебной
Неизвѣстныхъ таинственныхъ словъ.

Тѣ слова никому не открыты,
Ихъ додуматься надо умомъ.
А додумайся — будутъ разбиты
Чары, данныя злымъ колдуномъ.

Королевна прекрасная встанетъ
Улыбаясь отъ долгаго сна,
Избавителю ручку протянетъ,
Подарить ему перстень она!

И какъ только онъ перстень надѣнетъ,
То получить могучую власть
Надъ природой: его не задѣнетъ
Никакая земная напасть.

Все, что тайною было отъ вѣка
Онъ пойметъ обновленнымъ умомъ,
И осилить того человѣка
Никогда невозможно ни въ чемъ!

Заманили рассказы монаха
Молодой и горячій народъ,
Опостылѣла жизнь имъ безъ страха,
Огорченья, нужды и заботъ.

На горѣ, въ золоченой постелѣ,
Софья снится имъ ночи и дни;
Наконецъ, молодцы не стерпѣли
И въ дорогу пустились они.

Поджидали ихъ долго родные,
Не дождались, махнули рукой.
Вслѣдъ за ними пошли и другіе
И опять не вернулись домой.

Скоро въ славномъ Иванъ-городочкѣ
Стало пусто, какъ послѣ бѣды;
Голубые поблекли цвѣточки,
Наливные опали плоды.

Отъ густого красиваго лѣса
Остается осина да ель,
А прекрасная Софья принцесса,
Говорятъ, почиваетъ досель!“

ЖЕНСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

— Скажи мнѣ, милая мамаша,
Я не пойму своимъ умомъ,
Зачѣмъ за книжкой братецъ Саша
Сидитъ съ учителемъ вдвоемъ?
Одной безъ дѣла, право, скучно.
Зачѣмъ бы съ ними мнѣ не быть?
„Затѣмъ, что дѣвушкѣ не нужно
Того, что мальчику учить“.

— Какая-жъ разница межъ нами,
Большою выросту и я;
И станетъ стыдно мнѣ съ лѣтами
Что онъ учонѣ меня.
Зачѣмъ мое образованье
Идетъ другою стороною?...
„Затѣмъ, что дѣвушки призванье —
Быть кроткой, любящей женой“.

— Женой? Ужель одно замужство
Лежитъ у женщинъ на пути,
Чтобъ видти замужъ—нужно чувство,
А чувство можетъ не придти.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Какъ я найду по сердцу дѣло
Коль ничего не стану знать!
„Объ этомъ дѣвушка такъ смѣло
Не смѣетъ даже разсуждать“.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Смотрю на твой портретъ печально и уныло,
И къ прошлому опять уносятся мечты,
Рука художника какъ будто оживила
Давно забытыя черты...

Подъ обаяніемъ загадочнаго взгляда,
Мнѣ чудится опять прекрасный лѣтній день,
Отраднѣй холодокъ запущеннаго сада,
Жасминъ и бѣлая сирень!

Мнѣ чудится твой станъ, изнѣженный и гибкій,
Косынка легкая... букетъ душистыхъ розъ...
Густая тѣнь рѣсениць, задумчивость улыбки
И волны золота волосъ.

Я слышу голосъ твой; отчетливо и звонко
Онъ шепчетъ мнѣ: „Оставь напрасныя слова!
Пусть мысль моя — капризъ безумнаго ребенка,
И непрактична голова;

„Пусть черствый эгоизмъ, слѣпое примиренье
Зовется счастьемъ, не знаю почему!
Я не возьму надеждъ съ отравою сомнѣнья,
Неполной жизни не возьму!

„Пусть истина горька, безъ примѣся обмана.
Пусть ложью мѣрится земная благодать...
На что мнѣ призраки роскошнаго тумана;
Хочу не вѣровать,—а знать!“

Б У Н А.

(Съ французскаго).

Мамаши нѣтъ, проснулсь силы,
Я на свободѣ, я одна!...

Придетъ ко мнѣ сегодня милый,
И будетъ пѣть мнѣ у окна.
Но, Боже мой! какая мука
Сестра къ себѣ меня зоветъ...
„Спи, милый другъ! ужь поздно, — бука
Пожалуй, изъ лѣсу придетъ.“

„Ужасенъ онъ, лѣсное чудо!
Медвѣжій хвостъ, змѣиный взглядъ.
И похищать—его причуда
Дѣтей, которыя не спятъ.
Страданье, горе и разлука,
Быть можетъ, смерть малютку ждетъ.
Ну, спи скорѣе! право, бука
Какъ разъ къ намъ изъ лѣсу придетъ!“

Но та смѣется, ей не вѣря, —
Безмѣрно дѣвочка хитра,
И говорить: „Лѣсного звѣря
Давно я видѣла, сестра,
Но онъ не страшень, этотъ бука,
Онъ строень, милъ, и какъ поетъ!...
Пройдетъ твоя хандра и скука
Когда онъ изъ лѣсу придетъ“.

Лицо сестры покрылось краской
И робко прячется въ тѣни...
Она въ отвѣтъ съ мольбой и лаской
Лепечетъ: „Ангель мой, усни...
А завтра, слово въ томъ порука,
Тебя, чуть свѣтъ, подарокъ ждетъ
Цвѣты и поясъ; спи же! бука
Ужь скоро изъ лѣсу придетъ!“
Ребенокъ долго и пылливо
Въ глаза сестры своей глядитъ,
Потомъ въ кроватку торопливо
Ложась, лукаво говоритъ:
„Я спать хочу; кругомъ ни звука,
Какъ поздно!—вотъ и полночь бьетъ,
Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ бука
За мною изъ лѣсу придетъ!“

НИКОЛАЙ НЕГОРЕВЪ,

или

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОССІЯНИНЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XX.

Овѣрнѣ испытываетъ свое терпѣніе.

Къ веснѣ у насъ умерла тетушка, которая, впрочемъ, уже давно не жила, будучи разбита параличемъ. Послѣ нея, я остался законнымъ главой дома. Особыхъ перемѣнъ отъ этого, впрочемъ, не произошло. У насъ бывали тѣ же гости и время тянулось такъ же ровно.

Я довольно долго не видалъ Софью Васильевну, и не безъ радостнаго удивленія встрѣтилъ ее какъ-то въ университетѣ.

— Здравствуйте, Софья Васильевна, сказала я ей, не въ состояніи будучи удержаться отъ нѣкоторой холодности и даже упрека въ тонѣ моихъ словъ.

— Здравствуйте, смущенно отвѣтила она мнѣ, боязливо глядя во всю ширину своихъ чистыхъ, кроткихъ глазъ. — Отчего вы ко мнѣ не ходите? Вы, пожалуйста, извините меня...

Послѣднія слова она произнесла очень тихо, почти шопотомъ. Я взялъ ее за руку: рука у ней была холодна.

— Я о васъ вовсе не думаю того, что говорила, съ усиліемъ сказала Софья Васильевна.

Лицо ея было блѣдно, грудь высоко вздымалась — не доставало, казалось, одной капли, чтобы она зарыдала. Я понималъ это, и поспѣшилъ успокоить ее, отозвавшись легко и шуточно о причинѣ перерыва въ нашемъ знакомствѣ.

Въ этотъ день я дождался въ университетѣ Новицкаго, чтобы

идти въ таможеню за книгами, и мнѣ нельзя было проводить ее. Софья Васильевна рассчиталась съ швейцаромъ, у котораго купила какія-то записки, и мы разстались очень весело и дружелюбно.

На другой день, мы съ Андреемъ отправились навѣстить ее, и встрѣтили на дорогѣ Стульцева. Освѣдомившись, куда мы идемъ, онъ соорилъ какой-то таинственный видъ и задергалъ очками, что означало его нетерпѣніе преподнести собесѣдникамъ какую нибудь забористую ложь.

— Къ этой беременной невинности... сказалъ наконецъ Стульцевъ.

При братѣ онъ ужъ давно воздерживался отъ вранья, и я не могъ не удивиться, что Стульцевъ затѣваетъ ту же исторію, изъ-за которой лишился бороды.

— Что? спросилъ Андрей.

— То, что у ней постоянно ночуетъ ея любовникъ Шрамъ, а можетъ, и еще кто нибудь...

— Ну, братъ, я тебѣ за это полголовы обрѣю, сказалъ братъ.

Къ моему удивленію, Стульцева не смутило и это обѣщаніе.

— Мнѣ самъ Володя говорилъ. Онъ всѣмъ ее показывалъ на улицѣ. Было человѣкъ пять студентовъ и какой-то офицеръ. Онъ сказалъ, что ночеваль у ней.

— Ты врешь?

— Я никогда не вру, обидѣлся Стульцевъ, смакуя, повидимому, всю прелесть сказанной имъ правды — ему такъ рѣдко приходилось ее говорить!

— Когда это было?

— Третьяго дня. Ну! Мы вышли изъ кандитерской, и встрѣтили ее. „Что, хороша?“ спросилъ онъ. Ну. Я говорю: это—Софья Васильевна, а онъ говоритъ: „у ней синія подглазицы, я у ней ночеваль сегодня, ты никому не говори“. Ну, ты понимаешь, я тебѣ по секрету, какъ другу...

— Ахъ, чортъ тебя возьми! Но что, если ты врешь? Честное слово, я тебѣ полголовы обрѣю...

— Обрѣй, если я вру! Обрѣй! съ какой-то радостью вскричалъ Стульцевъ.

Очевидно, онъ, противъ обыкновенія, говорилъ правду.

Когда мы съ Андреемъ пришли къ Софьѣ Васильевнѣ (Стульцева она уже давно не пускала къ себѣ), она съ какимъ-то нетерпѣніемъ ходила по комнатѣ, видимо что-то соображая.

— Какъ поживаете? спросилъ Андрей съ своей обыкновенной веселостью и беззаботностью.

— Очень скверно, сказала Софья Васильевна, печально улы-

баясь ему. — Знаете, я вчера подумывала даже напиться пьяной — такъ тяжело. Говорять, въ винѣ утопаютъ всѣ непріятности...

— Но не всѣ пьюшіе утопаютъ въ блаженствѣ. Вотъ, одинъ мой знакомый... началъ-было Андрей, но Софья Васильевна смотрѣла такъ грустно, что онъ невольно остановился.

— Чтò съ вами такое? серьезно спросилъ братъ.

— Извините за нескромный вопросъ, не замѣшанъ ли какъ нибудь въ вашу непріятность Шрамъ? сказалъ я.

Нечего и говорить, что я ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что все слышанное нами отъ Стульцева — гнусная клевета.

— Нѣтъ... вообще обстоятельства—все. Впрочемъ, и онъ тутъ помогъ.

— Софья Васильевна, откровенность—первое условіе дружбы, а такъ-какъ мы съ вами друзья...

Софья Васильевна вдругъ оживилась, съ энергіей откинулась на спинку дивана и глаза ея заблестали одушевленіемъ.

— Да, порывисто заговорила она, обращаясь исключительно ко мнѣ:—я сама чувствую потребность высказаться. Видите ли, какая исторія. Нѣкто либераль Шрамъ сдѣлалъ мнѣ честь — влюбился въ меня, встрѣтивъ на гуляньѣ, перваго мая, за городомъ. Вы еще тогда не знали меня. Онъ принялъ меня, должно быть, за какую нибудь сговорчивую модистку, и позволилъ себѣ маленькую наглость. Я, впрочемъ, оборвала и пристыдила его. Послѣ этого я возобновила съ нимъ знакомство въ вашемъ домѣ. Онъ началъ приставать ко мнѣ; его страсть замѣтили, и о ней даже знаетъ мой отецъ. Онъ...

Софья Васильевна сжала свои пальцы съ такой отчаянной энергіей, что хрустнули кости.

— Онъ составилъ уже планъ уйдти изъ тюрьмы, заняться разными коммерческими дѣлами и сдѣлаться миллионеромъ: для этого нужно всего пятьсотъ рублей. А достать пятьсотъ рублей легко: въ меня влюбленъ Шрамъ.

Софья Васильевна, съ горькимъ озлобленіемъ, засмѣялась совершенно неестественнымъ смѣхомъ.

— Ну-съ, это не все. Приходитъ ко мнѣ нѣсколько дней назадъ нѣкто либераль Шрамъ, приходитъ поздно вечеромъ, и хромаетъ такъ, что жалко смотрѣть. Ногу ушибъ на лѣстницѣ, не можетъ самъ сойдти назадъ. Я ему предлагаю ночевать на диванѣ; ночью онъ является ко мнѣ, за ширмы. Я прошу его уйдти. Онъ проситъ быть тише, и замѣчаетъ, что для меня будетъ непріятно, если пришедшіе на шумъ люди застанутъ насъ вмѣстѣ, въ одномъ бѣльѣ. Я начинаю кричать, поднимаю шумъ,

и онъ уходитъ домой, совершенно переставши хромать. У отца есть шпіонъ за мной — здѣсь, въ этой же квартирѣ, — который все ему подробно доноситъ. Отецъ узналъ все, и убѣжденъ, что я имѣла глупость отдаться Шраму, не выманивъ пятисотъ рублей. Нечего и говорить, что упрекамъ и площаднымъ ругательствамъ нѣтъ конца... Все это, конечно, пустяки, но я какъ-то не могу быть хладнокровной.

— Нѣтъ, это не пустяки! сказалъ Андрей.

— Нѣтъ, я какъ-то глупо устроена. Я, право, порой отъ глубины души завидую уродамъ. Да и дѣйствительно, я была бы въ тысячу разъ счастливѣе, еслибы имѣла совершенно отвратительную наружность... Я ужъ уколота въ сердце, если замѣчаю, что мужчина, увидѣвъ меня, подумалъ: „а вѣдь недурна“. Какъ это унижительно быть вещью, тѣломъ, которое можетъ нравиться другимъ, и возбуждать у людей желаніе приобрести тебя! Свѣрсно быть женщиной!

Софья Васильевна говорила эти слова, какъ будто рыдала. Зубы ея лихорадочно стискивались и почти стукали при остановахъ, глаза безумно блестѣли, а на щекахъ волновался пурпуровый чахоточный румянецъ. Она находилась въ высшей степени раздраженія.

— Ахъ, какъ это оскорбительно видѣть, что бьешься-бьешься, и все ты не выше котенка, на котораго каждый встрѣчный имѣетъ претензію изливать свои ласки. Тебѣ хочется учиться—все думаютъ, что это дѣлается для того, чтобы больше заинтересовать мужчинъ. Ты отталкиваешь его отъ себя, кричишь, что не хочешь его видѣть — онъ улыбается, объясняя это дѣломъ кокетства. Я теперь раздражена, и говорю все это; мнѣ больно, больно, а можетъ быть, мое раздраженіе имѣетъ свою прелесть въ вашихъ глазахъ, и вы думаете: „къ ней ничего, это — идетъ“. Кокетство все, кокетство!... кокетство...

Чаша переполнилась. Скоро слова Софьи Васильевны перешли въ рыданія; съ ней сдѣлался истерическій припадокъ. Она, впрочемъ, скоро очулась, и какъ-то дико посмотрѣла на насъ.

— И это—кокетство, проговорила она въ полусознаніи.

— Ради Бога, Софья Васильевна, успокойтесь; лягте въ постель, вы больны, говорилъ Андрей.

— Да, я лягу. Вы извините, господа... я больна; все это не отъ меня.

Она посмотрѣла на насъ такимъ умоляющимъ взглядомъ, что я ясно слышалъ, какъ Андрей скрежеталъ зубами.

Я сказалъ ей нѣсколько официально-утѣшительныхъ фразъ.

Она, значительно успокоившись, простилась съ нами, и пошла за ширмочки, чтобы лечь въ постель.

— Зайдемъ хоть къ Шрамамъ,—рано еще домой, въ раздумьи сказалъ Андрей, остановившись у воротъ, когда мы вышли съ нимъ на улицу.

Мнѣ очень не хотѣлось видѣть Володу, но Аннинька была больна, и, не выходя изъ своей комнаты, уже давно безпокоила меня своими записками. Я пошелъ. Мы молчали всю дорогу. Андрей насвистывалъ какіе-то марши, а я думалъ о Шрамѣ, рѣшившись осрамить его при первой возможности. Я былъ даже немного разстроены неприятой сценой у Софьи Васильевны. Вообще я не терплю видѣть людей въ ненормальномъ состояніи ихъ духа, бурно взволнованныхъ какой нибудь страстью, и вынесъ теперь отъ Софьи Васильевны очень тяжелое впечатлѣніе.

Когда мы пришли къ Шрамамъ, Володи, къ моему удовольствію, не было дома. Ольга, одна въ залѣ, возилась около микроскопа, недавно полученнаго изъ Петербурга. На полу валялись куски разрѣзанныхъ пробокъ, и она, при нашемъ появленіи, съ досадою бросила на столъ бритву. Судя по грудѣ раскрошенныхъ стеблей и листьевъ, лежавшихъ на столѣ, опыты ей не удавались; и не мудрено: микроскопъ былъ устроенъ совершенно невѣрно.

— Ничего не ладится, съ досадою проговорила Ольга, когда мы объяснили ей это.

— Вы, ей-богу, походите на моего Сеньгу—извините за сравненіе, сказалъ Андрей. — Онъ имѣетъ неодолимую страсть писать, но у него не достаетъ терпѣнія выучить азбуку, и онъ все-таки не унываетъ — пишетъ. Напачкаетъ всякихъ карагуль на бумагѣ, и спрашиваетъ: „что я напишеть?“ Дескать, другіе пишутъ, у другихъ выходитъ, и у меня должно же что нибудь выйти... Вы, кажется, тоже штаетесь сдѣлать великое микроскопическое открытіе, не умѣя уставить микроскопа.

Андрей началъ возиться около микроскопа. Ольга выходила изъ себя отъ злости, моргала своими костлявыми плечами, но ничего не говорила. Я пошелъ къ Аннинькѣ; она еще не совсѣмъ оправилась отъ болѣзни; ко всему тому, недавно поссорилась съ Ольгой, и была очень блѣдна и разстроена.

— Господи! хоть бы выйти скорѣе замужъ, выбраться изъ этого проклятаго ада, проговорила она, рассказавъ мнѣ про свою сеору.

— Мнѣ нельзя еще жениться, сказалъ я, принявъ ея слова за намекъ.

— Я и не пойду за тебя. Мужа ненавидятъ и обманываютъ,

а я хочу тебя любить, страстно глядя мнѣ въ глаза проговорила Аннинька.—Еслибы у меня теперь былъ мужъ, мнѣ бы еще пріятнѣе было тебя цаловать. Нѣтъ, и теперь хорошо, хорошо, хорошо!

Когда я воротился отъ Анниньки въ залу, между Андреемъ и Ольгой шло уже довольно сложное препирательство и въ залѣ присутствовали уже: Катерина Григорьевна, офицеръ—племянникъ Бурова и какая-то старушка. Между ними шелъ стереотипный разговоръ о крестьянской реформѣ: тогда всё говорили о ней. Я присталъ къ ихъ разговору, и не замѣтилъ, какъ пришелъ Володя. Онъ былъ, казалось, въ очень веселомъ расположении духа, и тотчасъ же сказалъ какую-то небрежную остроу насчетъ возни съ микроскопомъ.

— Вы давно были у Софьи Васильевны? спросилъ его Андрей, оставивъ микроскопъ и стирая съ своего жилета крошки представшихъ пробокъ и стеблей.

— Нѣтъ, не такъ давно. А что? Она нездорова?

— Нѣтъ, ничего, здорова. Вы тотъ разъ ночевали у ней? серьезно спросилъ Андрей.

— Зачѣмъ вамъ?

— Я васъ спрашиваю. Вы говорили другимъ, что ночевали у ней. Скажите же мнѣ, ночевали ли вы у ней?

Въ тонѣ Андрея заключалась угроза. Володя слегка поблѣднѣлъ, губы его дрогнули, и онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы уйдти, но Андрей остановилъ его, взявъ за кончикъ рукава.

— Вѣдь вы ночевали у ней? да?

— Что-жь вамъ до этого? презрительно усмѣхнувшись, сказалъ Володя:— ну, ночеваль...

Андрей размахнулся, и трескъ оглушительной пощечины заставилъ насъ вздрогнуть. Ударъ былъ такъ силенъ, что Володя покатился на полъ, обливаясь кровью. Андрей, опустивъ руку, какъ будто самодоволено улыбнулся, глядя на кровь, лившуюся на паркетъ. Онъ повернулся, и, среди всеобщаго ужаса, эффектно, медленными шагами пошелъ къ дверямъ, стараясь еще просвистать сквозь зубы какой-то маршъ. Подойдя къ роялю, онъ, съ разсчитанной неторопливостью, началъ тамъ рыться, отыскивая свою шляпу и, повидимому, выжидая, чтобы его ктонибудь оскорбилъ. Но на него никто не обращалъ вниманія: всё были заняты Володей. Его усаживали въ кресло, и суетились кругомъ, отыскивая графинъ. Ольга побѣжала за какимъ-то спиртомъ, хотя Володя вовсе не былъ безъ чувства, и вытиралъ платкомъ кровь, лившую изъ носа.

Я съ досадою сунулъ Андрею въ руки свою шляпу.

— Чего ты дожидаясь? чтобы позвали лакеевъ и выгнали тебя? сказалъ я ему.

Андрей взялъ шляпу, вытеръ ее рукавомъ, и, проговоривъ сквозь зубы: „совсѣмъ новенькая—прямо съ болвана“ — вышелъ въ дверь. Я отыскалъ его шляпу подъ роялемъ, и догналъ его на лѣстницѣ.

— Я думалъ, ты остался дожидаться лакеевъ, проговорилъ Андрей, обмѣниваясь со мной шляпой.

Я былъ сердитъ—не на то, что Андрей побилъ Володю—а на то, что онъ эффектичалъ при этомъ своей силой и храбростью. Кромѣ того, мнѣ было немного неприятно, что идя къ Шрамамъ устраивать скандалъ, онъ не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова.

— Хорошо устроил! сказалъ я.

— Отлично!

— Что, если онъ потребуеть отъ тебя удовлетворенія?

— И удовлетвореніе могу дать.

— Тебѣ бы не слѣдовало выходить изъ корпуса, колеко сказалъ я.—Офицеромъ было бы сподручнѣе устраивать буйства и скандалы...

Но Андрей, вмѣсто того, чтобы разсердиться, повернулся ко мнѣ, и крѣпко пожалъ мою руку.

— Ну, ужь каковъ есть, сказалъ онъ.—Оставь это, пожалуйста; будемъ говорить о чемънибудь другомъ. Я въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Еслибъ мнѣ попались теперь Малининъ или Стульцевъ—я бы разцаловалъ ихъ. Пойдемъ, съиграемъ партію на билліардѣ.

— Нѣтъ, благодарю, я пойду домой — мнѣ хочется ѣсть.

— Ну, какъ хочешь, весело сказалъ Андрей.—Я пойду одинъ. Мы разстались.

Вечеромъ, когда я читалъ что-то въ своей комнатѣ, вошелъ Савелій, и доложилъ, что Буровскій племянникъ-офицеръ желаетъ переговорить со мной о важномъ дѣлѣ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ мнѣ, громыхая своими шпорами: — вашъ братъ, надѣюсь, не откажется...

— Нѣтъ, не откажется. Его теперь нѣтъ дома, а завтра я переговорю съ нимъ, сказалъ я, принимая на себя нѣкоторымъ образомъ официальную роль.

— Поймите, что мнѣ крайне неприятно, пробормоталъ, шаркиваясь, офицеръ.

— Во всякомъ случаѣ, остановилъ я его: — кромѣ меня, со стороны брата, вѣроятно, потребуется еще свидѣтель. Потрудитесь и вы съ своей стороны прискаты...

— Хорошо-съ.

Мы раскланялись самымъ официальнымъ образомъ. Совершивъ очень серьёзно эту китайскую церемонію, я даже разсмѣялся. У меня вертѣлось въ головѣ слово *удовлетвореніе*, и какъ-то особенно вѣско чувствовалась вся нелѣпность правила чести, по которому человекъ, получившій пощочину, долженъ или умереть на дуэли, или, убивъ своего противника, сидѣть въ тюрьмѣ. Но дѣлать было нечего, и мнѣ не пришло даже самой легкой мысли о возможности отклонить дуэль.

Андрей воротился домой поздно ночью, и мнѣ пришлось увидаться съ нимъ только утромъ.

— Ну, сказалъ я: — дѣло плохо; тебѣ придется съ нимъ драться.

— Ужь были? Очень радъ.

Я объяснилъ Андрею, что намъ надо пригласить еще хоть Новицкаго, такъ-какъ мнѣ, въ положеніи брата, неловко быть одному свидѣтелемъ ихъ *удовлетворенія*.

Офицеръ пріѣхалъ спозаранку, и, какъ человекъ опытный въ этихъ щекотливыхъ дѣлахъ, съ самымъ серьёзнымъ видомъ началъ обсуждать мои предложенія. Андрей часто стрѣлялъ въ нашемъ саду въ цѣль, прибитую на заборѣ, поэтому посторонніе, если таковые будутъ, не удивятся слышавъ выстрѣлы, а потому я предложилъ устроить дуэль въ нашемъ саду. Рану или даже смерть одного изъ противниковъ можно будетъ свалить на несчастный случай при стрѣльбѣ въ цѣль. Кромѣ этого, близость дома обезпечивать скорую помощь... Офицеръ согласился на все, и, замѣтивъ, что чѣмъ скорѣе воспослѣдуетъ удовлетвореніе, тѣмъ лучше, предложилъ окончить дѣло завтра, часовъ въ десять утра. Наконецъ, разсыпавшись въ извиненіяхъ по поводу непріятности своего порученія, онъ ушелъ.

— Завтра, сказалъ я Андрею.— Приготовься.

— Я давно готовъ, небрежно отвѣтилъ онъ, одѣваясь, чтобы идти къ Новицкому.

— Скажи пожалуйста, неужели ты не чувствуешь теперь нѣкотораго непріятнаго чувства? спросилъ я его.

Мы сходили съ лѣстницы; Андрей напѣвалъ какой-то мотивъ, очень нравившійся ему въ эти дни.

— Какъ тебѣ сказать, не солгать?— Я убѣжденъ почему-то, что будетъ мой верхъ, и мнѣ даже немного жаль Шрама, а бояться я ничего не боюсь... такъ развѣ, чуть-чуть. Да нѣтъ! и того не боюсь, весело сказалъ Андрей.

У него былъ счастливый характеръ, который, дѣйствительно, не позволялъ ему скучать, или быть печальнымъ хоть двадцать минутъ сряду. Я сказалъ ему это, и Андрей отвѣтилъ мнѣ

комплиментомъ, что мой характеръ еще лучше, такъ-какъ я не только никогда не печалюсь, но не веселюсь и не сержусь. Въ назидательномъ разговорѣ на эту тему, мы незамѣтно дошли до Новицкаго, и только взявшись за звонокъ, я спросилъ Андрея: „а что, если Новицкій не согласится?“

— Найдѣмъ другаго: въ чемъ другомъ, а въ секундантахъ и собутыльщикахъ у насъ нѣтъ недостатка.

У Новицкаго съ Овѣринымъ была большущая холодная комната, испещренная множествомъ оконъ съ трехъ сторонъ. Желѣзная печка у нихъ топилась постоянно, и отъ этаго сухой воздухъ воспринималъ какой-то неприятный запахъ гари. Этому не помогали даже два горшка съ водой, поставленные Овѣринымъ на окнахъ для сообщенія воздуху подлежащей влажности.

Мебель была очень бѣдна, и ко всему тому неряшество и беспорядочность Овѣрина сообщали комнатѣ какой-то нежилой характеръ. Продавленный диванъ стоялъ далеко отъ стѣны, такъ-какъ Овѣринъ находилъ полезнымъ въ гигиеническомъ отношеніи спать среди комнаты. Тутъ же торчала его доска, около которой полъ, аршина на три въ окружности, давно побѣлѣлъ отъ мѣла. На потолкѣ были прибиты какіе-то гвозди и протянуты веревки; на одной изъ нихъ висѣли даже чьи-то брюки. Книги у Овѣрина валялись и на полу, и на диванѣ и подъ столомъ, и на подоконникахъ. Когда мы пришли, оба хозяина лежали съ книгами въ рукахъ—каждый въ своемъ логовищѣ. Овѣринъ, кромѣ того, держалъ въ рукѣ длинную палку, на концѣ которой былъ привязанъ, кажется, мѣлъ.

Между тѣмъ какъ Андрей началъ объяснять Новицкому въ чемъ дѣло, я сѣлъ къ Овѣрину на диванъ, и поднялъ одну изъ валявшихся на полу книгъ. Это было „Philosophie du progrès, un programme“ Прудона. Подъ ней лежалъ оттискъ статьи Овѣрина о лейденскихъ банкахъ, напечатанной въ какомъ-то нѣмецкомъ специальномъ журналѣ. Я плохо зналъ нѣмецкій языкъ, да кромѣ того, статья была испещрена какими-то безконечными вычислениями, похожими на іероглифы, и я ее бросилъ.

— Что это вы—читаете Прудона? спросилъ я.

— Читалъ. Ужасная дичь! невнимательно сказалъ Овѣринъ, повертываясь на бокъ и начиная писать своей палкой на доскѣ.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ положить книгу на диванъ, и отойти отъ нею.

— Что за нелѣпость, говорилъ Новицкій: — неужели ты въ самомъ дѣлѣ будешь съ нимъ стрѣляться?

— Конечно, буду. Что жъ тутъ удивительнаго?

— Коли ему охота драться—взялъ бы поколотить его хоро-

шенько, а то еще церемоніи какія-то выдумали! презрительно сказалъ Новицкій.

— Надо же ему дать средство смыть, такъ-сказать, оскорбленіе...

— Зачѣмъ?—вѣдь онъ стоилъ плюхи,—нечего ее и смывать, ее ничѣмъ не смоешь...

— Ну, словомъ, ты не хочешь быть свидѣтелемъ?

— Нѣтъ. Изъ-за того, что подлецу не нравится оплеуха, я не хочу таскаться по судамъ, да и тебѣ не совѣтую.

— Ну, нечего толковать, значить! Прощай!

— Куда же ты, посиди — уснѣешь еще.

— Надо же найдти человѣка...

— Да вонъ человѣкъ лежитъ, кивнулъ Новицкій на Овѣрина. — Онъ теперь вычисляетъ кругъ обращенія историческихъ событій въ Россіи. Онъ пойдетъ.

— Что это носъ-то у него разбитъ? спросилъ я.

— Носъ палъ жертвой, или не палъ, а еще падетъ — жертвой ранняго вставанія. Не хотите ли посмотреть нашъ будильникъ?

Новицкій поднялъ съ полу довольно тяжелый кулекъ съ бѣльемъ и всякимъ другимъ хламомъ, и началъ объяснять устройство овѣринскаго будильника. На стѣнѣ, пониже часовой гири, былъ прибитъ крючокъ и дощечка, прилаженная такъ, что какъ только гиря становилась на нее и начинала надавливать, съ крючка срывалась веревка, и на голову Овѣрина падалъ почти съ потолка кулекъ со всѣмъ его имуществомъ: тремя парами бѣлья, сапогами и парой платя.

— Для чего это у него въ рукахъ палка? спросилъ я.

— Это чтобы меньше двигаться и какъ можно меньше тратьть фосфора въ физическихъ движеніяхъ, а больше сберегать его для умственной работы.

— А вамъ, должно быть, здѣсь весело! сказалъ я.

— Въ особенности вечеромъ, когда начинается пристройка будильника и развѣшиваніе свѣчей и простынь сообразно съ законами отраженія лучей. Но и день имѣетъ свои пріятности. Мы непрестанно заняты разными глубокими соображеніями. Колбасы, напримѣръ, какую, кажется, могутъ дать пищу для ума? Но мы и ихъ не оставили безъ вниманія. Прежде мы питались колбасами, а теперь сообразили, что лучше всего брать примѣръ съ первобытныхъ людей: пить неваренныя яйца и ѣсть сырую говядину. Вонъ...

Новицкій открылъ шкафъ. Тамъ, на блюдѣ, лежалъ огромный кусокъ сырой говядины. Изъ-подъ нижней полки выглядывало лукошко съ яйцами.

— Днем мы занимаемся страпней либиховскаго бульона (вонь сѣрная кислота), и, для опыта, кормимъ этимъ питательнымъ веществомъ кошекъ и ѣдимъ сами: кошки издыхаютъ, а мы бѣгаемъ поминутно зачѣмъ-то въ кухню. Чаю мы не пьемъ — онъ раздражаетъ мозгъ, и кофе также. Пьемъ молоко пополамъ съ шампанскимъ: выходитъ очень хорошо. За обѣдами и вообще за ѣдой, чтобы было нескучно, мы передаемъ другъ другу свои откритія и изобрѣтенія по разнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Такъ, наприимѣръ, мы недавно выдумали цѣлую новую науку — „Историческую алгебру“, и теперь занимаемся ея разработкой. Это трудная наука: въ ней есть дворянство въ квадратѣ и интегралъ народной зависти, но мы не смущаемся трудностями — уповаемъ на Бога, и, по его безконечной благодати, наши вычисления всегда вѣнчаются успѣхомъ: получается, что дворянство = 0.

Стоя съ Новицкимъ у шкафа, мы долго не замѣчали, что Овѣринъ сидитъ на диванѣ, улыбается, и внимательно слушаетъ Семена.

— Что вы слушаете этого филистера, смѣясь сказалъ Овѣринъ: — черезъ пять лѣтъ, онъ будетъ въ банѣ мыться съ Анной на шеѣ.

— Въ свободныя минуты мы занимаемся дружескими спорами о филистерахъ и энтузіастахъ, но, впрочемъ, по множеству занятій, не успѣли еще привести къ концу ни одинъ изъ этихъ споровъ, проговорилъ Новицкій, продолжая свой очеркъ овѣринскихъ похожденій.

— Сергѣй Степанычъ! вотъ какое дѣло — дуэль, началъ Андрей, но Овѣринъ остановилъ его.

— Что-жь, вы думали, что я совсѣмъ рехнулся или сплю, что ничего не слышу? смѣясь сказалъ онъ. — Я все слышалъ. Слышалъ, какъ филистеры не хотятъ таскаться по судамъ изъ-за исключительнаго случая... Хочешь, я буду твоимъ секундантомъ?

Андрей съ восторгомъ схватилъ Овѣрина за плечи, и началъ трясти его. Послѣдній энергическимъ толчкомъ выразилъ свое неудовольствіе.

— Ну, безъ медвѣжьихъ нѣжностей, проговорилъ онъ.

— Чортъ возьми, какой секундантъ. Онъ стоитъ двѣнадцати секундантовъ!

— Приметь ли только его противная сторона? усумнился Новицкій.

— Ничего, когда мы отчистимъ съ него мѣловую кожуру, онъ будетъ довольно близкимъ подобіемъ чловѣка, засмѣялся

Андрей, и опять началъ трясти Овѣрина. — Какъ твой сапожникъ?

— Сапожникъ умеръ отъ пьянства, холодно извѣстилъ Овѣринъ, отстраняя отъ себя ласки Андрея.

— И онъ перенесъ этотъ ударъ, какъ ни въ чемъ не бывало! Даже ни слезинки о другѣ. Такъ непрочны человѣческія чувства! сказалъ Новицкій.

— Сапожникъ не былъ филистеромъ. Ему хотѣлось пить, и онъ пилъ, презирая все, даже смерть, а не только суды и приличія, съ убѣжденіемъ объявилъ Овѣринъ.

— У тебя есть какое нибудь платье, кромѣ этого? спросилъ Андрей.

— Есть, отвѣтилъ за него Новицкій. — Онъ теперь богатъ. Мы до сихъ поръ не знали, да и онъ не зналъ, что владѣеть двумя стами душъ и кругленькимъ капиталцемъ. Поздравьте. Его ужъ ввели во владѣніе.

— Никто не введетъ, и не вводилъ никогда, обидѣлся Овѣринъ.

— Положимъ, крестьянъ вы бросили, а деньги-то все-таки вѣдь взяли? сказалъ Новицкій.

Овѣринъ смутился.

— Да... въ затрудненіи проговорилъ онъ: — конечно... Необходимость. Чтò же бы я сталъ ѣсть, еслибъ не взялъ?

— Я не говорю, что не надо было брать: хорошо сдѣлали, что взяли, а то мы бы сидѣли безъ либиховскаго бульона. Но видите ли, въ чемъ дѣло: люди отдають деньги на проценты, а мы, какъ Бальзаминовъ, сообразили, что тридцати тысячъ хватить на шестьдесятъ лѣтъ, по пятисотъ рублей въ годъ, и отдали ихъ на храненіе.

— А вы думали, я обрадуюсь тридцати тысячамъ, и сдѣлаюсь ростовщикомъ?

— Но однако намъ пора отправляться, сказалъ я, такъ-какъ разговоръ о ростѣ процентовъ, который Овѣринъ находилъ дѣломъ неестественнымъ и безсовѣстнымъ, грозилъ затянуться надолго.

— Пора, пора, подтвердилъ Андрей. — Завтра я зайду за тобой рано утромъ.

Андрей объяснилъ Овѣрину главныя условія дуэли, и мы воротились домой.

Вечеромъ, когда стало смеркаться, и я положилъ книгу, дожидаясь, скоро ли Савелій принесетъ свѣчи, меня взяло нетерпѣніе — посмотрѣть чтò дѣлаетъ братъ. Я не ожидалъ застать его въ томъ безпокойствѣ, которое заставляетъ жечь ком-

прометирующія бумаги или писать предсмертныя письма, но все-таки думаль, что ему теперь не очень весело. Въ виду близкой вѣроятности умереть, присмирѣть самый рѣзвый человекъ.

Я вошелъ. Онъ сидѣлъ и писалъ.— „Душу свою выкладываетъ на случай смерти“, подумаль я. Но ничуть не бывало. Андрей, размышляя о дуэли, случайно припомнилъ, что Стульцевъ помогаль клеветать Володѣ, и не можетъ остаться безнаказаннымъ. По этому случаю ему пришла въ голову блестящая мысль, и онъ писалъ теперь любовное письмо къ своей жертвѣ отъ имени какой-то незнакомки, которая назначала Стульцеву свиданіе около дома купца Голубева, гдѣ недавно поймали поджигателя. Въ то же время, Андрей дружескимъ анонимнымъ письмомъ извѣщаль Голубева, что его домъ, около шести часовъ, намѣренъ поджечь человекъ, прилично одѣтый, въ синихъ очкахъ, съ русой эспаньолкой и проч. Братъ приходилъ въ восторгъ, воображая, какъ молодцы Голубева свяжутъ Стульцева, и поведутъ на съезжую.

— Вспомни, что завтра, въ это время, тебя, можетъ быть, не будетъ въ живыхъ! сказалъ я, недовольный его неумѣстной веселостью.

— Что-жь такое! Всѣ мы смертны.

Человекъ горить, какъ свѣчка—
Вѣтеръ дунулъ—онъ погасъ—

не плакать же мнѣ отъ этого!

Братъ усѣлся доканчивать письмо къ Стульцеву, а я воротился къ себѣ въ комнату, даже немного разсерженный безпардоннымъ легкомысліемъ Андрея.

Утромъ меня разбудили братъ и Овѣринъ. Овѣринъ былъ одѣтъ франтомъ (само-сбой разумѣется, не безъ участія Андрея) и протянулъ мнѣ руку, не снявъ палевой перчатки, которую онъ, кажется, не замѣчалъ. Голубой галстухъ съ золотой застежкой свѣхаль у него на бокъ, а, вмѣсто него, посерединѣ манишки ползла узенькая дамская часовая цѣпочка. Онъ тотчасъ же замѣтилъ мнѣ, что на лѣвомъ боку спать вредно и—что, кромѣ того, слѣдовало бы отодвинуть кровать отъ стѣны.

Былъ уже десятый часъ въ исходѣ. Я торопливо одѣлся, и мы пошли въ садъ. Тамъ мы сѣли съ Овѣринымъ на скамейку, выбравъ мѣстомъ дуэли маленькую площадку, находящуюся прямо противъ насъ, между деревьевъ. Андрей обвязаль платкомъ стволъ дерева, и выстрѣлялъ до десяти разъ, не попавши ни разу въ платокъ.

— Дурно стрѣляю, сказалъ онъ.

— Дрожитъ рука? спросилъ Овѣринъ.

— Да, недовольнымъ тономъ сказалъ Андрей:—убивать чело-
вѣка нельзя такъ же хладнокровно, какъ воробья.

— Это—предразсудокъ. Ни у кого нѣтъ больше одной жизни,
и для всѣхъ она одинаково дорога. Прекращать ее у воробья
не меньше тяжело, чѣмъ у челоуѣка, задумчиво сказалъ Овѣ-
ринъ.

Я вспомнилъ, что Шрамъ съ своими свидѣтелями можетъ
пройти въ комнаты, думая отыскать насъ тамъ, и поспѣшилъ
туда, но на половинѣ дороги встрѣтилъ ихъ, идущихъ ко мнѣ
на встрѣчу. Володя былъ немного блѣденъ, но важно спокоенъ.
Онъ, не здороваясь ни съ кѣмъ, снялъ свой рагланъ, положилъ
его на землю и, съ небрежной холодностью, сказалъ: „я думаю,
это мѣсто удобно; потрудитесь отмѣрять шаги“.

Офицеръ отмѣрялъ двѣнадцать шаговъ, и положилъ, вмѣсто
барьера, свою шинель.

— Ну-съ, сказалъ Андрей:—становитесь-ка, почтеннѣйшій!

Володя презрительно взглянулъ на него. Андрей сталъ на свое
мѣсто и вытянулъ впередъ руку съ пистолетомъ.

— Когда я скажу *три* и махну платкомъ, вы можете, госпо-
да, стрѣлять! рисуясь своей небрежностью къ такому важному
случаю, какъ дуэль, сказалъ молоденькій студентъ—второй се-
кундантъ Володи.

— Ну, понукнулъ Андрей.

— Чортъ знаетъ, сколько церемоній! пробормоталъ Овѣринъ,
продолжавшій спокойно сидѣть на скамейкѣ.

— Разъ... два-а...

Я пристально смотрѣлъ на обоихъ противниковъ. Оба они
стояли неподвижно: Володя—опустивъ руку съ пистолетомъ къ
землѣ, Андрей—вытянувъ ее противъ своего врага. Губы Володи
лихорадочно дрожали; Андрей принужденно улыбался.

Оба выстрѣла раздались почти сразу. Пистолеть Володи от-
летѣлъ въ сторону, и онъ съ крикомъ схватился за руку.

— Ахъ, немного бы поправѣ—попалъ бы въ сердце, съ со-
жалѣніемъ сказалъ Овѣринъ, когда Андрей подошелъ къ нему,
отирая потъ съ лица. По случайности, пуля Володи попала въ
платокъ, навязанный на деревѣ, и Андрей, снимая его, долженъ
былъ разорвать.

— У него, кажется, осталась пуля, прошепталъ офицеръ.

— Пойдемте въ домъ. Я сейчасъ пошлю за докторомъ, пред-
ложилъ я.

— Охъ, пойдемте, въ совершенномъ изнеможеніи сказалъ Во-
лодя, закрывъ глаза.

Офицеръ предложилъ ему руку. Студентъ собралъ верхнее платье, и понесъ его за ними. При каждомъ шагѣ у Володи вырывался такой болѣзненный стонъ, что у меня сжималось сердце. Овѣринъ, шедшій подлѣ меня, дѣлалъ судорожныя, нетерпѣливыя движенія. Чтобы отвлечь свое вниманіе отъ Володи, я обратился къ Овѣрину, и спросилъ его—что съ нимъ.

— Когда животное стонетъ, является потребность добить его. Когда собака визжитъ подъ ногами, ей невольно даешь пинка, сказалъ онъ мнѣ.

Какъ ни были дики эти слова, но провѣривъ свои ощущенія я нашелъ, что если у меня и нѣтъ желанія добить стонавшаго человѣка, то такое желаніе можетъ явиться.

Положеніе мое сзали печальной процессіи, со стопами подвигавшейся впередъ, было крайне неприятно, и я проклинала минуту, въ которую впутался во всю эту исторію. Вообще я ненавижу присутствовать при торжественныхъ мгновеніяхъ, когда требуется выражать чувства, которыхъ обыкновенно никогда не бываетъ. Тутъ принимаешь какъ-то очень близко къ сердцу пошлость и неловкость своей чувствительной роли.

Проводивъ Володю въ свою комнату и усадивъ его на свою кровать, я съ большою неловкостью началъ отдавать приказанія прислугѣ. Казаться совершенно хладнокровнымъ было неловко, а излишняя хлопотливость очень не шла къ моей всегдашней серьезности—и я былъ въ немаломъ затрудненіи, какъ вести себя. Къ счастью, Савелій очень усердно занялся Володей, и мнѣ оставалось только смотрѣть, какъ онъ разрѣзывалъ ножницами рукавъ пиджака и готовилъ укусовые компрессы, чтобы остановить кровь.

Слушая отчаянные стоны Шрама, который, казалось, готовъ былъ умереть, я никакъ не могъ успокоить въ себѣ какого-то отвратительнаго болѣзненнаго чувства, производимаго малодушіемъ раненаго. Овѣринъ смотрѣлъ тоже очень недовольно и мрачно.

Скоро явился изъ ближайшей больницы докторъ, въ сопровожденіи фельдшера. Это былъ еще молодой человѣкъ небольшого роста, съ черной бородой и рѣзкими ухватками. Онъ пробормоталъ, что укусы не годятся, и началъ ощущивать багровую рану, бывшую немного выше сгиба правой руки. Фельдшеръ, отдавъ приказаніе о тазахъ съ водой, о губкахъ, о ветоши и тому подобномъ, развернулъ для чего-то на стулѣ два готовальника, въ которыхъ, впрочемъ, инструменты были растеряны на половину. Докторъ не совсѣмъ нѣжно давилъ своими пальцами больныя мѣста, и рѣзко спрашивалъ: „тутъ больно? больно?“

Володя отвѣчалъ громкими криками, которые еще болѣе усилились, когда докторъ началъ изслѣдованіе зондомъ. Фельдшеръ и буровскій племянникъ принуждены были даже держать ему руки. Раздирающіе душу вопли раздавались по всему дому...

Подъ этотъ шумъ, я какъ во снѣ увидѣлъ, самъ не вѣря своимъ глазамъ, что Овѣринъ подошелъ къ стулу, на которомъ лежали инструменты, взялъ ланцетъ, и тихо, медленно, точно въ доску, началъ втыкать его въ свою ладонь. Кровь закапала на полъ, конецъ лезвія вышелъ насвободу, и ланцетъ сломался, но лицо Овѣрина было неизмѣнно спокойно и важно.

Докторъ въ это время вынулъ пулю, и со звономъ бросилъ ее въ тазъ.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ онъ, увидѣвъ Овѣрина.

Я тутъ только повѣрилъ своимъ глазамъ, и бросился къ Овѣрину, который въ смущеніи держалъ еще въ правой рукѣ черешокъ сломаннаго ланцета.

— Я ничего не дѣлаю, растерянно пробормоталъ онъ, точно школьникъ, пойманный въ куреніи папирозъ.

Очевидно, Овѣрина убивалъ стыдъ за неловкость, съ которою онъ сломалъ чужой ланцетъ.

— Я совсѣмъ не объ этомъ говорю! съ горячностью вскричалъ докторъ, вырвавъ изъ смущенной руки Овѣрина черешокъ ланцета и далеко бросивъ его отъ себя.

Овѣринъ въ это время вспомнилъ, что пачкаетъ кровью чужой полъ, и, потерявшись окончательно, растиралъ кровь ногою. Такъ-какъ пуля у Володи была уже вытащена, то докторъ, поручивъ перевязку раны фельдшеру, грубо схватилъ Овѣрина за руку и повелъ къ свѣту.

— Какъ вы думаете—рана отъ пули больнѣе? спросилъ Овѣринъ.

Онъ сохранялъ важность и спокойствіе посторонняго наблюдателя.

— У васъ послѣ этого фокуса сведеть пальцы, сердито проговорилъ докторъ.

— Я васъ спрашиваю — больно ли отъ такой раны, какъ у меня?

— Вамъ лучше знать: я ни разу себѣ не втыкалъ ланцетовъ въ руку.

— Мнѣ хочется знать, чья рана чувствительнѣе: моя или его? важно спросилъ Овѣринъ, кивнувъ на Володю.

Докторъ съ улыбкой успокоилъ его, что Шрамъ долженъ чувствовать меньшую боль, и, порывшись пальцами въ ранѣ, вытащилъ оттуда сломанный клинокъ.

Узнавъ, что его рана больше Володиной, Овѣринъ, повидимому, вполне достигъ своей цѣли, и уже не обращалъ больше ни на что вниманія. Онъ доврѣчиво и покорно, какъ ребенокъ, протянулъ свою руку для перевязки. Я убѣжденъ, что у него не было и тѣни мысли, что онъ устроилъ нѣчто необыкновенное, а не просто вышилъ, въ свое удовольствіе, странное питье въ родѣ смѣси молока съ шампанскимъ, и по его наружности какъ-то не вѣрилось, что у него хоть немного болитъ рука, — да и теперь я сомнѣваюсь, дѣйствительно ли онъ чувствовалъ какую-нибудь боль. Простота, съ которой онъ калѣчилъ себя, отсутствіе даже малѣйшаго усилія скрыть боль (Овѣринъ едва-ли могъ дѣлать надъ собой усилія) — все заставляло думать, что онъ не имѣлъ неприятной способности чувствовать физическія страданія.

Когда все поуспокоилось, и рецепты были написаны, а докторъ и фельдшеръ ушли, я проводилъ Володю до экипажа, и воротился въ свою комнату, походившую теперь на только что оставленный перевязочный пунктъ; Овѣринъ стоялъ передъ картиной— „ночь въ Обдорскѣ“ и задумчиво рвалъ свою палеую перчатку.

— Какъ вы думаете, дорого стоитъ такой пейзажъ Айвазовскаго? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы рвете перчатку?

— Нельзя надѣть: больше она не годится.

Я позвалъ его въ залу, такъ-какъ Савелій пришелъ убирать комнату. Андрей и Лиза весело болтали тамъ о случившемся. Сестра, казалось, была въ величайшемъ восторгѣ.

— Еслибъ между женщинами были приняты дуэли, говорила она:—я бы подстрѣлила Ольгу и мы бы совсѣмъ истребили это баронское отродье.

XXI.

Я стремлюсь на верхъ благополучія, а Овѣринъ кидается въ бездну.

Никто не былъ такъ изумленъ дуэлью, какъ Малининъ. Онъ, кажется, долго не вѣрилъ, что совершилось такое кровавое дѣло, и, ахая, ходилъ въ нашъ садъ осматривать мѣсто происшествія.

— И стрѣлялись? спрашивалъ онъ меня, не въ состояніи будучи представить себѣ ужасной сцены дуэли.

Онъ съ нѣкотораго времени началъ рѣже ходить къ намъ, и однажды, прійдя къ нему, я засталъ его затверживающимъ записки Герца. Студентъ шестидесятихъ годовъ, твердящій въ зубряжку, не хуже бурсака, университетскія записки, можетъ быть принять за карриатуру, но я долженъ оговориться, что такъ дѣлали всѣ, и я впоследствии, чтобы выдержать экзамень, заучивалъ слово въ слово безсмысленный наборъ фразъ юридической энциклопедіи. Рассказывать своими словами мысли профессора Герца не было никакой возможности, за полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было мыслей въ его перечисленіяхъ и фразистыхъ безконечныхъ періодахъ, гдѣ разныя ученые термины, путаясь въ безтолковой сумятицѣ, производили невыразимую философскую чепуху.

Прилежаніе Малинина объяснялось, конечно, все тѣми же надеждами, которыя подавала ему сестра. Вставая утромъ, онъ, какъ самъ признался, отсчитывалъ въ запискахъ громадное число страницъ, и клалъ, вмѣсто закладки, голубую ленточку, можетъ быть, служившую Лизѣ за подвязку, и до тѣхъ поръ не вставалъ съ мѣста, покуда не доходилъ до закладки. Тутъ онъ, конечно, съ умиленіемъ цаловалъ ленточку, а, можетъ быть, и не выстаивалъ противъ соблазна отрѣзать отъ нея небольшой кусочекъ, и полакомиться имъ послѣ трудовъ праведныхъ.

Онъ очень недавно познакомился черезъ Андрея съ Софьей Васильевой, но успѣлъ вступить съ ней въ такую дружбу, что при малѣйшемъ затрудненіи шелъ къ ней за совѣтомъ. Тѣ маленькія тайны, которыя онъ боялся открыть мнѣ или Андрею, но которыя мы все равно знали въ совершенствѣ, онъ поспѣшилъ сообщить Софьѣ Васильевнѣ, и та, повидимому, одобряла его замыслы насчетъ Лизы, потому что онъ всегда выходилъ отъ своего друга необыкновенно розовый и счастливый.

Черезъ нѣсколько дней послѣ дуэли, когда я пришелъ къ Софьѣ Васильевнѣ, тамъ сидѣлъ Малининъ. Онъ былъ очень грустенъ, потому, можетъ быть, что его пріятельница тоже была въ дурномъ расположеніи духа. Я сразу это увидѣлъ по множеству раскрытыхъ книгъ, по клочкамъ изорванныхъ бумагъ на полу, и вообще по какому-то безпорядку, царствовавшему во всей комнатѣ.

— Кажется, я къ вамъ въ недобрый часъ, сказалъ я, здороваясь съ Софьей Васильевой.

— Что-то у меня, въ послѣднее время, мало задается добрыхъ часовъ, сказала она, какъ будто съ изнеможеніемъ опуская руки.

„Ну, опять пойдутъ кислыя сцены“, недовольно подумалъ я, и

на языкѣ у меня начали вертѣться разныя кислоты слова: уксусъ, яблуквенный морсъ, лимонная кислота...

— Чтò съ вами опять? спросилъ я, стараясь придать своимъ словамъ тонъ нѣкотораго участія, но они, противъ моей воли, получили какой-то ироническій смыслъ.

— Все пустяки, небрежно сказала Софья Васильевна, покраснѣвъ отъ моего вопроса и употребляя все усилія казаться спокойной.— У меня немного болитъ голова.

Я посмотрѣлъ на нее, потомъ на Малинина, который, казалось, хотѣлъ мнѣ что-то выразить своими глазами и подергиваньями плечъ, но я ничего не понималъ.

Молчаніе было крайне неловко. Я хотѣлъ уже сказать, что не во время гость—хуже татарина, и уйти, но Софья Васильевна, сверхъ всякаго ожиданія, заговорила очень твердо и спокойно:

— Мнѣ очень повредила эта нелѣпая дуэль, но я не виню Андрея Николаича, и мы съ вами, надѣюсь, попрежнему останемся друзьями...

— На правахъ друга, сказала я, принявъ отчаянную рѣшимость вырвать корень ея печали:—позвольте мнѣ посовѣтовать вамъ не обращать особеннаго вниманія на праздные толки и сплетни...

— Я на нихъ и не обращаю, но...

— Вашъ отецъ? Его мнѣніе о васъ, мнѣ кажется—извините за рѣзкость—заслуживаетъ всего меньше вниманія.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до отца, съ жаромъ вскричала Софья Васильевна.

Она встала, подошла къ своему письменному столу, схватила тамъ какое-то заклеенное письмо, и подала его мнѣ.

— Прочитайте, прошептала она, останавливаясь передо мной, въ выжидающей позѣ, опустивъ свои коротенькія ручки по складкамъ платья.

Я не безъ изумленія вскрылъ конвертъ.

Письмо было писано рукой Софьи Васильевны. Приблизительно, въ немъ заключалось слѣдующее: „Узнавъ въ чемъ дѣло, вы поймете, что на словахъ я этого никогда не въ силахъ буду сказать; я поэтому рѣшилась написать вамъ все, чтò нужно. *Я убѣдилась, что люблю васъ* (прочитавъ эту фразу, я покраснѣлъ и никакъ не могъ остановить дрожь, овладѣвшую моею рукой). Если вы сочувствуете мнѣ, этого не нужно говорить на словахъ. Я это пойму и безъ того. Если *нѣтъ*, постарайтесь больше не видѣться со мной, такъ-какъ—вы сами поймете—ваше присутствіе будетъ для меня мучительно. Я долго боролась съ собой, рѣ-

шаясь тысячу разъ не видѣться съ вами, но у меня не хватаетъ теперь силъ. Уйдите отъ меня“.

Я прочиталъ еще разъ фразу—я *убѣдилась, что люблю васъ*, потомъ еще разъ, признаюсь, не безъ волненія, перечиталъ все письмо. Я чувствовалъ, что Софья Васильевна пристально смотритъ на меня, и боялся поднять глаза.

— Глупо? спросила она.

Нечего и говорить, что я ни на секунду не колебался выразить ей свое сочувствіе, но какое-то проклятое смущеніе мѣшало мнѣ сдѣлать это такъ ловко и удобно, какъ бы хотѣлось.

— Глупо? повторила Софья Васильевна.

— Напротивъ, очень, очень...

„Умно“, хотѣлъ я сказать, но остановился передъ этой плоскостью. Я всталъ съ мѣста, зажегъ спичку, и началъ смотрѣть, какъ горѣло письмо, брошенное мною на полъ. Когда остался одинъ черный пепель, по которому изрѣдка только прыгали огненные букашки, я совершенно успокоился, и взялъ шляпу.

— Завтра утромъ я зайду къ вамъ, сказалъ я.

— Что ты говоришь? спросилъ Малининъ, ничего не понимая, смотрѣвшій на мои поступки, какъ на какую-нибудь таинственную ворожбу.

— Онъ сказалъ, что вы очень добрый и милый человекъ, съ небывалой веселостью вскричала Софья Васильевна, дернувъ невиннаго Малинина за ухо.

— Не можетъ быть! серьезно изумился Малининъ, и захоталъ.

— Ну, пойдемъ, позвать я его.

— Пойдемъ.

— Заходите! весело сказала Софья Васильевна, прощаясь съ нами.

Малининъ вышелъ очень веселымъ, и тотчасъ же заговорилъ со мной о значеніи женщинъ. Онъ признавалъ безграничную равноправность женщинъ, а въ Софьѣ Васильевнѣ видѣлъ нѣкоторое осуществленіе своего идеала свободной женщины. Малининъ такъ дѣтски воспринималъ всѣ *новыя* идеи, что какъ-то всегда вызывалъ меня обрывать его на каждомъ словѣ. Но теперь мнѣ было не до того, и я совершенно равнодушно слушалъ его упреки въ томъ, что считаю женщину ниже мужчины и признаю законнымъ ея рабство. Мнѣ нужно было подумать о многомъ. Прежде всего, мнѣ, правду сказать, было немного смѣшно вслѣдствіе странной сцены у Софьи Васильевны, но, можетъ быть, я смѣялся и отъ радости. Впрочемъ, радоваться особенно было нечему, исключая развѣ поощреннаго самолюбія.

Вообще же, письмо Софьи Васильевны поставило меня въ нѣкоторое затрудненіе. Я имѣлъ твердое намѣреніе жениться тотчасъ же по окончаніи курса, но никогда до этого не думалъ о женитьбѣ, и теперь мнѣ предстояло не только подумать о ней серьезно, но еще рѣшить, кто изъ двухъ лучше: Аннинька, или Софья Васильевна. Во всякомъ случаѣ, я не желалъ быть развратнымъ, и, даже не рѣшая теперь вопроса о бракѣ, долженъ былъ непременно сдѣлать выборъ. Я обѣихъ любилъ одинаково, и мнѣ было рѣшительно все равно, которая изъ нихъ будетъ моей женой. Мнѣ было жаль огорчить одинаково ту или другую, но огорчить было необходимо: по своей натурѣ и по своимъ убѣжденіямъ, я хотѣлъ быть спокойнымъ семьяниномъ, и имѣлъ положительное отвращеніе ко всякимъ любовнымъ интригамъ.

Но вмѣсто того, чтобы обдумывать теперь строго и серьезно свое положеніе, я увлекся довольно страннымъ чувствомъ. Веселость, вызванная воспоминаніями о сценѣ съ письмомъ, скоро замѣнилась чѣмъ-то похожимъ на жалость, отъ которой сжималось сердце. Я чувствовалъ себя безконечно сильнымъ сравнительно съ бѣдной дѣвушкой, у которой первое чувство смяло всѣ ея безсильныя теоріи и убѣжденія, взлетѣвныя съ такой заботливостью. Я испытывалъ то непріятное сознаніе своей силы, какое испытываешь, стоя передъ гнѣздомъ ласточки, гдѣ она такъ заботливо хоронитъ своихъ дѣтенышей, когда стоитъ только протянуть руку, чтобы долговременныя заботы и хлопоты разрушились безслѣдно. Неприятно разрушать. И мнѣ, пожалуй, было немного непріятно, что я разрушилъ тихіе, спокойные дни Софьи Васильевны. Вѣдняжка училась ботаникѣ, и гордилась своимъ трудомъ, воображая, что ушла впередъ отъ своихъ сверстницъ; ея идеаль дѣвственницы, посвятившей себя на служеніе наукамъ, былъ въ ея мечтахъ почти осуществленъ, и вотъ... Случайно меня вывела изъ задумчивости громкая фраза Малинина, продолжавшаго говорить:

— Она вполнѣ возвысилась надъ вашимъ значеніемъ женщины: *ou mepagee, ou courtisane*—возвысилась до значенія мужчины. За ней всякія ухаживанія бесполезны, и слѣдовательно...

— А ты пробовалъ ухаживать? перебилъ я ораторство Малинина.

Онъ обидѣлся, и что-то промылчалъ.

— Ты попробуй, посоветовалъ я.

Мнѣ почему-то попалась фраза: „возвысилась до значенія мужчины“, и я началъ думать на эту тему. „Возвысилась до смѣлости не скромничать, и не дожидаться объясненія, а самой вызывать мужчину—и все тутъ“, съ какой-то злостью подумалъ я.

— Замолчи, пожалуйста, меня стошнить отъ твоей чепухи! велухъ сказалъ я Малинну.

Малининъ смолкъ, но не вполнѣ, и продолжалъ что-то мычать подъ носъ, но меня уже это не беспокоило. Я рѣшилъ объясниться прежде всего съ Аннинькой, и обдумывалъ теперь, чтò ей сказать.

— Ступай къ намъ, сказалъ я Малинну:—Лиза тебя зачѣмъ-то давно дожидается...

— Она дома?

— Да, да, ступай. Я скоро приду. Ты не уходи безъ меня.

Мы разстались, и я поспѣшно пошелъ къ Шрамамъ. Чтобы скорѣе устроить свиданіе съ Аннинькой, я сказалъ, что пришелъ за ней: сестра что-то хочетъ устроить, и просила зайти къ ней. Такъ-какъ предвидѣлась сцена съ трогательнымъ объясненіемъ, съ нѣжными объятіями, а, пожалуй, и слезами, я повелъ Анниньку въ паркъ. Тамъ была какая-то полуразломанная бесѣдка, украшенная рукописными памятниками мѣстныхъ канцеляристовъ, пачкавшихъ стѣны своей неподобной прозой и стихами. Мы тамъ часто видались съ Аннинькой, благодаря уединенности и тишинѣ, окружавшихъ бесѣдку. Когда мы пришли туда, Аннинька, по обыкновенію, порывисто бросилась цаловать меня, но я остановилъ ее.

— Вотъ что, Анюта, серьезно сказалъ я:—чтò ты думаешь о будущности нашихъ отношеній?

— Я ничего не хочу думать, пробормотала она, впиваясь въ мою шею.

— Это все ребячество, и его нужно кончить. Мы должны или обвѣнчаться, или разойтись, проговорилъ я, крѣпко взявъ ее за руки, и усаживая на скамейку.

Потерявъ возможность укусить мнѣ шею, Аннинька, въ порывѣ страсти, грызла себѣ губы.

— Я—твоя раба, прошептала она.—Чѣмъ ты больше деспотъ надо мной, тѣмъ лучше. Я хотѣла бы, чтобъ ты билъ меня, топталъ, рвалъ... Дѣлай со мной, чтò хочешь.

— Я хочу жениться, сказалъ я.

— На другой? безъ всякаго отѣнка печали спросила она.

— Можетъ быть.

— Женись. Я буду твоей любовницей, твоей слугой. Я буду цаловать твои ноги; я—твоя раба.

Аннинька вырвалась, и бросилась къ моимъ ногамъ.

Такія сцены повторялись очень часто, а потому я приобрѣлъ уже достаточный навыкъ удерживать эти порывы кошачей стра-

сти, и на этотъ разъ безъ особеннаго труда успокоилъ и, усадилъ Анниньку опять на скамейку.

— Выслушай меня. Если я женюсь на другой, я не буду твоимъ любовникомъ, сказалъ я.

Но Аннинька рѣшительно не хотѣла слушать меня. Институтское воспитаніе сдѣлало ее такой, что она, находясь одинъ на одинъ съ мужчиной, вполнѣ теряла разумъ, и не понимала себя.

„Нѣтъ, это—не жена“, подумалъ я.

— Ты мой царь, мой богъ, говорила между тѣмъ она, скрежеща зубами. — Я молюсь на тебя..

Она перекрестилась, и рванулась, чтобы поцаловать меня, но я удержалъ ее, и, порядочно разсердившись, проговорилъ: „я больше не знаю тебя. Слышишь, между нами все кончено“.

Аннинька захрустѣла зубами, кажется, вовсе не понимая значенія моихъ словъ.

— Понимаете, повторилъ я:— между нами все кончено, и мы больше никогда не увидимся одинъ на одинъ. Пойдемте, я провожу васъ къ намъ.

Я ожидалъ, что моя холодность произвела надлежащее впечатлѣніе, и вѣжливо поклонился, думая, что все кончено, и остается только соблюдать официальную любезность съ дамой. Но я сдѣлалъ большую оплошность. Аннинька схватила меня за горло, и начала душить своими гибкими пальцами.

— Я тебѣ перегрызу горло, шипѣла она, стараясь вдѣлаться во что-нибудь своими зубами.

Я не безъ усилія оттолкнулъ ее, и схватилъ подъ руку, чтобы вывести изъ бесѣдки, соображая, что страстный пароксизмъ скорѣе пройдетъ на чистомъ воздухѣ. Аннинька безъ сопротивленія пошла со мной, но не успокоилась.

— Я сдѣлаю хуже, тиская зубами и до крови кусая губы, шипѣла она: — я найду другихъ...

— Мнѣ совѣстно слушать эти мерзости, сказалъ я.

— Ты увидишь.

Аннинька ущипнула меня такъ, что я невольно вскрикнулъ. Но я не выпустилъ ея руки, и насильно вытащилъ ее на главную аллею, гдѣ уже былъ народъ, и она немного успокоилась, однакожь, не переставала злорадно раздражаться, говоря такія циническія вещи, которыя мнѣ приводилось въ первый разъ слышать. Нечего и говорить, что, придя домой, я былъ очень радъ, что, наконецъ, избавился отъ этихъ бѣшеныхъ сценъ.

— Помните, что все кончено, шепнулъ я, провожая ее къ сестрѣ.

Аннинька, однакожь, не располагала, какъ видно, кончить на этомъ, и не дальше какъ вечеромъ устроила при мнѣ сцену съ Малининымъ. Бѣднякъ совѣмъ опалѣлъ, и, ничего не понимая, рѣшительно не зналъ, что предпринять въ то время, какъ Аннинька цаловала его и душила въ своихъ объятіяхъ. Онъ представлялъ на видъ довольно важный резонъ, что сердце его принадлежитъ уже другой, а потому онъ не можетъ любить никого больше, но она до тѣхъ поръ мучила его, пока Малининъ не показалъ тыла, обратившись въ позорное бѣгство.

Вечеромъ я долго не могъ заснуть, и былъ радъ, когда пришелъ Андрей съ какими-то рассказами о Стульцевѣ, рѣшительно объявляя, что созвучіе „Stultus“ и *Стульцевъ* не можетъ быть объяснено простой случайностью. Но и послѣ ухода Андрея, я долго еще ворочался въ постелѣ, думая объ Аннинькѣ и Софьѣ Васильевнѣ. Мнѣ было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, я очень мало зналъ женщинъ, и блуждая въ миллионѣ незнакомыхъ сомнѣній, естественно, долженъ былъ чувствовать немалое затрудненіе.

Утромъ, я проснулся очень рано, торопливо одѣлся, и, не дожидаясь чая, отправился къ Софьѣ Васильевнѣ.

Не было еще девяти часовъ, и она только-что встала. Я хорошо обдумалъ, какъ нужно вести себя, и не чувствовалъ ни малѣйшей неловкости, но Софья Васильевна смутилась до послѣдней степени, такъ что когда я, наклонившись, поцаловалъ ее въ темя, она слегка вздрогнула.

— Намъ придется поговорить довольно подробно, сказалъ я, взявъ ее за руки и усаживая на стулъ. По лицу ея разлился широкій румянецъ, глаза блестѣли кроткимъ участіемъ. Она, казалось, не могла и не хотѣла говорить.

— Согласны ли вы быть моей женой? спросилъ я, пожимая ея маленькую ручку.

— Да; но подождите, дайте мнѣ немного вздохнуть! съ своей больной улыбкой сказала она, слегка коснувшись своими тонкими пальцами моей руки.

— Мѣсяца черезъ два, сказалъ я:— я выдержу экзамень, и мы тогда можемъ обвѣнчаться. Поцалуемтесь.

Софья Васильевна съ улыбкой подняла голову, и мы поцаловались, если можно такъ сказать, разсудительнымъ поцалуемъ, вовсе непохожимъ на бѣшенія институтскія лобызанія Анниньки. Мнѣ очень понравилось въ невѣствѣ отсутствіе всякаго нахальства страсти и разнузданности чувствъ. Я пожалъ ей руку, и сказалъ, что мы будемъ счастливы.

— Знаете что, напьемтесь чаю, и пойдемте куда-нибудь от-

сюда, съ живостью сказала она мнѣ.—Моей веселости тѣсно въ этой комнатѣ. Я хотѣла бы увидать Лизу, и сказать ей все: она будетъ рада.

— Пойдемте къ намъ.

— Да. Знаете, я хотѣла такъ устроиться, чтобы не переѣзжать даже изъ этой комнаты къ своему мужу, и жить попрежнему на свой счетъ, но...

— Но... все это глупости, сказала я.— Постараемся быть счастливы, какъ удастся, безъ теорій.

Я взялъ ее подъ мышки, и высоко поднявъ отъ земли: Софья Васильевна была легка, какъ ребенокъ. Она покраснѣла, и боязливо съежилась. Къ ней очень шель страхъ; она въ это время какъ будто хотѣла свиться въ клубокъ своимъ гибкимъ тѣломъ, слегка наклоняясь впередъ. Я сѣлъ на диванъ, и началъ смотреть, какъ она своими ловкими руками проворно перекладывала книги со стола, чтобы опорожнить мѣсто для чайнаго прибора.

— Откуда вы приобрѣли такія пугливыя ухватки? спросилъ я, любясь ея маленькой уютной фигуркой.

— Я совсѣмъ не пуглива; не знаю, отчего это кажется. Такъ создана, съ улыбкой отвѣтила она.

— Можетъ быть, дѣтство...

— О, нѣтъ! съ живостью прервала Софья Васильевна.—Я вовсе не была загнаннымъ ребенкомъ; я пользовалась даже властью надъ отцомъ, когда онъ не бывалъ пьянъ. Вотъ пьяныхъ я... признаться, и теперь очень боюсь...

Во время чая, я серьезно заговорилъ о томъ, что она должна отказаться отъ недозволенныхъ начальствомъ затѣй, такъ какъ семейное счастье немислимо, если одному изъ супруговъ будетъ угрожать опасность.

Софья Васильевна смутилась.

— Знаете, краснѣя, сказала мнѣ она:— я бы скорѣе рѣшилась навсегда разстаться съ вами, но не пожертвовала бы своими убѣжденіями, еслибъ сама ужь давно не отказалась отъ того, что вы называете затѣями.

Слова эти она произнесла очень серьезно, даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой обидчивости, давая мнѣ понять, что имѣетъ свои убѣжденія и намѣрена поступать сообразно имъ, независимо отъ моихъ желаній. Мнѣ это немного не понравилось, но я не сказалъ ничего.

— Все это случилось очень странно, говорила Софья Васильевна, разливая чай.—Лиза и Андрей Николаичъ очень удивятся. Какъ мы будемъ жить? размѣявшись воскликнула она:— я никакъ не могу себя представить въ другой комнатѣ и при другой

обстановкѣ. Мнѣ даже какъ-то смѣшно вообразить два знакомыхъ семейства: вѣдь я думаю, Лиза выйдетъ замужъ за Малинина...

— Она его будетъ держать подъ башмакомъ, сказалъ я.

— Да, да, да!

Веселое расположеніе духа сдѣлало Софью Васильевну очень болтливой. Съ лица ея не сходилъ яркій чахоточный румянецъ, и она, не останавливаясь, рисовала, сцену за сценой, комическія отношенія двухъ предполагавшихся семействъ. Дѣло доходило до того, что Малининъ, въ старости, съ крестомъ на шеѣ, обвѣзанный своимъ собственнымъ чадомъ, притко бѣгалъ, въ роли лошадки, по комнатамъ, соблюдая при этомъ осторожность, чтобы не услышала старуха жена и не распекла за дурное поведение. Почему-то Софья Васильевна, изображавшая Лизу, окруженную множествомъ дѣтей, не могла вообразить себя матерью, и я безцеремонно замѣтилъ ей это. Она пришла почти въ такое же смущеніе, въ какомъ я засталъ ее, войдя утромъ въ комнату. Она съежилась, закашляла, и отвѣтила мнѣ пугливымъ жестомъ, чтобы я не трогалъ ее подобными вопросами.

— Лучше пойдемте скорѣй къ Лизѣ, сказала она, привѣтливо улыбаясь мнѣ.

Я подаль ей шляпку (она носила старомодныя черныя бархатныя шляпки) и она, завязывая ленты, смѣясь, сказала мнѣ: „однакожь, наше объясненіе вышло очень прозаично“.

— А вы хотѣли чувствительнаго объясненія съ колѣнопреклоненіемъ? улыбаясь, спросилъ я.

— Чѣмъ меньше поэзіи, тѣмъ ближе къ дѣлу, засмѣялась Софья Васильевна.—А все-таки я желала бы посмотреть васъ колѣнопреклоненнымъ, пожалуй даже съ пистолетомъ въ рукахъ, и отъѣзжающимъ на погибельный Кавказъ....

Всю дорогу Софья Васильевна смѣялась и болтала безъ умолка всякія пустяки, и, чтобы живѣе говорить, взяла отъ меня свою руку, сказавъ, что не привыкла ходить подъ руку, но постарается пріучиться, сдѣлавшись моею женой.

Мы вошли въ садовую калитку, и проходя чрезъ садъ, неожиданно встрѣтили Аннишку подъ руку съ Андреемъ. Она горѣла, какъ вакханка, и я со страхомъ отворотился, чтобы не встрѣтить ея взгляда. Андрей сказалъ, что они гуляютъ передъ завтракомъ, и шепнулъ мнѣ, что получили неожиданно наслѣдство по восходящей линіи, но, впрочемъ, благодарить за него.

„Будетъ скандалъ, подумалъ я,—но все равно, нужно выйти изъ ложнаго положенія. Лучше сразу“.

— Я женюсь, сказалъ я:—вотъ моя невѣста.

— Прошу любить и жаловать, съжившись поклонилась Софья Васильевна, выжидательно глядя на Андрея, точно она просила его о чемъ, и боялась, что онъ откажетъ.

— Вашъ женихъ—не примите за комплиментъ—величайшая свинья, сказалъ Андрей.—Онъ разговаривалъ со мной вчера, и не сказалъ объ этомъ ни слова.

— Пойдемте, потащила его Аннинька.

— Пойдите, мой ангелъ,—такой неожиданный случай!

— Мы пойдемъ къ Лизѣ, кланяясь сказала Софья Васильевна.

— Она дома?

— Дома, дома. Ступайте, а мы погуляемъ, и сейчасъ придемъ! крикнулъ вслѣдъ намъ Андрей.

Онъ такъ относился къ Аннинькѣ, что мнѣ стало даже жаль ее, и я невольно оглянулся назадъ. Они быстро шли; Андрей что-то громко болталъ, и ерошилъ рукой ея прическу.

Лиза очень обрадовалась, когда я сообщилъ ей, что Софья Васильевна будетъ моею женою; она долго тормозила свою маленькую пріятельницу въ объятіяхъ, и, несмотря на препятствіе, оказываемое шляпкой, успѣла нацаловать ее до одышки.

— Какъ же вы объяснились? спросила она, когда Софья Васильевна, освободившись отъ ея ласкъ, начала развязывать и снимать шляпку.

— Не умно... какъ дѣлаются вообще всѣ эти вещи, улыбалась сказала Софья Васильевна:— я написала Николаю Николаичу письмо.

— Въ родѣ того, какъ ты писала къ Овѣрину, объяснилъ я.

— Нѣтъ, лучше, настойчиво кивая головой поправила Софья Васильевна;—у меня было нѣчто въ родѣ просьбы объ опредѣленіи на вакантную должность законной супруги...

Началась веселая болтовня, которая, съ появленіемъ Андрея, приняла безконечные размѣры. Мы всѣ были счастливы.

Софья Васильевна пробыла у насъ весь этотъ день, и не случилось никакого скандала, хотя я очень ожидалъ его со стороны Анниньки. Но она, найдя поклонника, въ лицѣ Андрея, кажется, считала себя отмщенной, и показывала ко мнѣ презрительное равнодушіе.

Вечеромъ я отвезъ Софью Васильевну домой, и, на прощаньѣ, поцаловалъ у ней руку.

— Знаете, сказала она мнѣ:— не будемъ никогда говорить другъ другу *ты*. Это сближеніе очень пахнетъ халатомъ и двуспальной периной...

Я отвѣтилъ, что ея слова пахнутъ теоріей супружеской жизни,

но согласился, что намъ не къ чему мѣнять привычнаго обращенія на *вы*.

— Завтра, я рано утромъ прійду къ вамъ. До свиданія, весело проговорила Софья Васильевна, скрываясь въ воротахъ съ своимъ легкимъ и юркимъ поклономъ.

Съ этого времени мы начали видаться каждый день, какъ и подобаеть жениху съ невѣстой. Аннинька окончательно перешла во власть Андрея, и не беспокоила меня больше.

Намѣреваясь держать скоро экзамень, я очень усердно присѣлъ за книги, возбуждая благоговѣйное изумленіе Малинина, считавшаго меня, должно быть, порядочнымъ гениемъ за дерзкое намѣреніе держать кандидатскій экзамень черезъ три мѣсяца. Дѣйствительно, съ моей стороны, какъ я теперь соображаю, былъ немалый подвигъ зубрить бессмысленную галпматью нашихъ университетскихъ записокъ, и у меня нерѣдко кружилась голова отъ наплыва собственныхъ именъ и трескучихъ фразъ; но имѣя довольно хорошую память, я не отчаявался. Мнѣ даже удалось убѣдить Малинина, что, черезъ три мѣсяца, всякій простой смертный, въ родѣ его, можетъ сдѣлаться кандидатомъ юридическихъ наукъ. Онъ не посмѣлъ, подобно мнѣ, подать прошеніе объ увольненіи изъ числа студентовъ, но началъ готовиться вмѣстѣ со мной.

Я помню веселые вечера, когда мы до полуночи изумляли Софью Васильевну и Лизу дрессировкой своей памяти, безъ запинки прочитывая слово въ слово цѣлыя страницы нечеловѣческихъ измышленій профессора Герца. Сестра, глядя на Софью Васильевну, начала шить себѣ какое-то платье, и онѣ очень внимательно слѣдили за нашими успѣхами, сидя съ шитьемъ въ моей комнатѣ. Порой являлись къ намъ Новицкій и Андрей. Послѣдній до совершенства копировалъ профессоровъ, и до слезъ смѣшилъ насъ, выкрикивая восторженные реплики Слѣпцова о молодомъ поколѣннѣи, или шамгая о томъ, что Гаймъ не понимаетъ Гегеля, на подобіе беззубаго Герца... Новицкій нисколько не сомнѣвался, что мы выдержимъ экзамень, но не хотѣлъ къ намъ присоединиться, говоря что, по выходѣ Малинина, надѣется получить золотую медаль, и уѣхать за границу. Для хорошаго настоящаго не слѣдуетъ жертвовать лучшимъ будущимъ, тѣмъ болѣе, что три года не пропадутъ даромъ, такъ-какъ, получая стипендію, можно спокойно учиться помимо университета.

Въ эти счастливые дни, мы часто не замѣчали, какъ проходило время до полуночи, и въ этихъ случаяхъ Софья Васильевна оставалась ночевать у Лизы, а Малининъ ложился въ моей комнатѣ, и начиналъ рассказывать, что нехорошо быть бѣд-

нымъ человѣкомъ, но что, впрочемъ, личныя достоинства иногда могутъ съ избыткомъ вознаграждать недостатокъ состоянія.

Въ это время изъ уѣздовъ начали получаться слухи о крестьянскихъ безпорядкахъ, и въ городѣ много толковали по поводу наивныхъ русскихъ бунтовъ, надъ которыми въ то время смѣялись еще очень немногіе. Къ этимъ немногимъ, конечно, не принадлежали ни Андрей, ни его сотоварищи. Скоро, однакожь, дѣло дошло до того, что для водворенія тишины и спокойствія потребовались воинскія команды, которыя, даже при содѣйствіи розогъ, не вдругъ обращали заблудшихъ на путь истины....

Вдругъ начали кричать о какихъ-то прокламаціяхъ.

— Хочешь, я подарю экземплярчикъ, сказалъ мнѣ разъ Андрей, давая какой-то литографированный листокъ.

Я уже давно принялъ твердую рѣшимость отдаляться отъ всѣхъ вещей этого рода, и просмотрѣвъ одну строку, скомкалъ бумагу въ рукѣ, и бросилъ въ печь.

— Для кого это писано? презрительно спросилъ я.

— Для всѣхъ...

— И для крестьянъ?

— И для крестьянъ.

Не знаю, какое впечатлѣніе произвела эта прокламація на крестьянъ, но она сразу рѣшила судьбу одного человѣка—Овѣрина. Прочитавъ ее нѣсколько разъ, онъ проходилъ всю ночь изъ угла въ уголь, не давая спать Новицкому, и, когда послѣдній проснулся подъ утро,—ни Овѣрина, ни кулька съ его имуществомъ уже не было. На столѣ лежала записка.

„Извините, что я мѣшалъ вамъ спать — писалъ Овѣринъ,—я больше не буду жить на этой квартирѣ. Книги, на всякій случай, берегите. Если узнаете о моей смерти, можете воспользоваться какъ книгами, такъ и бумагами. Тутъ есть и записка о періодахъ поколѣній. Вычисления не кончены, но основная мысль довольно ясно высказана въ началѣ. Я хотѣлъ сдѣлать попытку вывести историческій законъ періодовъ возрожденія. Дѣло въ томъ....“ . Тутъ было довольно подробно объяснено, *въ чемъ дѣло*, но оно вовсе не интересно для людей, незанимающихся періодами возрожденія, и я охотно пропускаю конецъ записки.

Овѣринъ исчезъ.

Скоро мы начали получать объ немъ извѣстія.

Переходя изъ деревни въ деревню, онъ какъ-то случайно забрелъ въ свое помѣстье. Тамъ Овѣринъ встрѣтился со старикомъ-лакеемъ, который когда-то нянчилъ его на рукахъ, и сразу преисполнился къ своему барину какой-то собачьей привязанностью. Послѣ этого старикъ уже не разлучался съ Овѣринимъ,

и, можетъ быть, благодаря его опытности, первый скрывался такъ долго отъ поисковъ. Приходя въ деревню, старикъ съ благоговѣнiемъ предупреждалъ крестьянъ — кто къ нимъ пришелъ и какъ слѣдуетъ его слушать. Тутъ онъ иногда, со слезами умиленiя, вспоминалъ, что самъ когда-то носилъ Овѣрина на рукахъ. Послѣ этихъ приготовленiй, выступалъ на сцену Овѣринъ. Желалъ бы я его послушать!

У меня до сихъ поръ сохранилось письмо одного изъ безчисленныхъ буровскихъ племянниковъ — помѣщика дальняго уѣзда, который слѣдующимъ образомъ описываетъ свое свиданiе съ Овѣринымъ: „Человѣкъ, о которомъ кричитъ теперь вся губернiя, — вовсе не имѣетъ тѣхъ свойствъ, какiя я предполагалъ въ немъ встрѣтить (помѣщикъ писалъ къ своему дядѣ — Бурову, не зная, что послѣднiй нѣсколько разъ видалъ Овѣрина). Я ожидалъ увидѣть звѣря съ необыкновенной силой, со включенной бородой, очень похожаго на разбойника съ большой дороги. Овѣринъ не имѣетъ въ своей наружности ничего ужаснаго: глаза его даже довольно симпатичны; только очень строгiй очеркъ рта свидѣтельствуетъ о фанатической неумолимости и непреклонности этого человѣка. Онъ средняго тѣлосложенiя и очень блѣденъ, впрочемъ, можетъ быть, вслѣдствiе голода и дальнихъ переходовъ. Старикъ, его сопровождающiй, тоже очень худъ и блѣденъ; онъ высокаго роста и совершенно сѣдой. Они встрѣтились со мной въ лѣсу, и признаюсь, я очень испугался; старикъ схватилъ подъ уздцы пристяжную — лошади бѣжали тихой рысью, — Овѣринъ подошелъ ко мнѣ, и задумчиво, даже какъ будто разсѣяннo спросилъ: нѣтъ ли у меня хлѣба? У меня былъ съ собой погребецъ, но въ немъ ничего не было, кромѣ чаю, сахару и немногого рома. Отъ страха, не помня, что я дѣлаю, я открылъ погребецъ. „Извините, мы у васъ возьмемъ сахаръ: мы ничего не ѣли два дня“, сказалъ Овѣринъ, и высыпалъ сахаръ въ полу своего оборваннаго сюртука. Старикъ взялъ и графинчикъ съ ромомъ. Только отбѣхавъ за версту, я вздохнулъ свободно.“

Это письмо ходило по рукамъ чуть ли не по всему городу. Овѣринъ надѣлалъ въ Р. много шуму, и его слава отразилась отчасти и на мнѣ, какъ его ближайшемъ товарищѣ.

Получая удивительныя извѣстiя о походахъ Овѣрина, Андрей хохоталъ какъ сумасшедшiй, и весело потиралъ руки. Онъ находилъ, что Овѣринъ имѣетъ теперь большое сходство съ донъ-Кихотомъ, которое еще болѣе дополняетъ его сѣдой Санчо-Пансо, и строилъ юмористическiя предположенiя разныхъ сценъ овѣринскаго путешествiя. Тутъ было и стадо, передъ которымъ

Овѣринъ произносилъ рѣчи, и лодка безъ весель, на которой онъ отплывалъ на островъ Томаса Мура, и пастушья собака, которую Овѣринъ принималъ за переодѣтаго агента, и проч., и проч. Андрей рѣшительно объявлялъ, что изъ всѣхъ этихъ происшествій можно составить очень порядочный романъ.

Катерина Григорьевна находила, что Овѣринъ можетъ быть героемъ современной эпической поэмы во вкусѣ Байрона. Володя, который все еще очень рисовался своей рукой на перевязкѣ, и, кажется, вовсе не сердился на Андрея за то, что тотъ доставилъ ему такой прекрасный случай поэфектноничать, хотя они продолжали дичиться другъ друга, — Володя отзывался о подвигахъ Овѣрина съ отѣнкомъ нѣкоторой презрительности, находя, что все это ни больше, ни меньше, какъ выхода сумасшедшаго. За то Ольга и всѣ р-скія дамы были безъ ума отъ овѣринскихъ дѣяній.

Съ карриатуры, набросанной Андреемъ, гдѣ Овѣринъ, нарисованный довольно похоже, ѣхалъ на ободраномъ Россинантѣ, въ сопровожденіи изнуреннаго Санчо-Пансо, съ котомкой за плечами, сдѣлали фотографическій снимокъ, и многія женщины, кажется, не пожалѣли бы половины своего имущества, чтобы приобрести этотъ рисунокъ. Словомъ, Овѣринъ, жевавшій гдѣ-нибудь въ лѣсу черствую корку хлѣба, никогда не повѣрилъ бы, сколько женскихъ сердець готовы пасть къ его ногамъ по первому призыву.

— Кажется, онъ такой смиренный былъ, и никогда не дрался, говорилъ Малининъ, пожимая плечами. — Ну, происшествія нынче случаются!

— А что?

— Да какъ же! Тутъ дуэль, а тутъ опять Овѣринъ!...

— Я увѣрена, что крестьяне считаютъ его за блаженнаго, тѣмъ больше, что онъ въ послѣднее время началъ ходить босикомъ, въ одной рубашкѣ, какъ калика переходжій, говорила Ольга. — Этакая сила воли!

— Ему недостаетъ только веригъ, замѣчалъ Новицкій.

— Что, если онъ соберетъ войско, начнетъ чеканить монету и лить пушки! восклицалъ, ко всеобщему смѣху, Малининъ.

— И тебя позоветъ отливать пули, смѣясь, говорилъ Андрей, ероша у Малинина волосы.

Въ одно прекрасное утро Овѣринъ былъ взятъ. Въ городъ его привезли ночью, подъ крѣпкимъ конвоемъ, и мы узнали только, что онъ куда-то посаженъ впредь до назначенія слѣдствія.

— Погубилъ себя ни за грошь! сокрушался Малининъ.— И для чего это онъ все затѣялъ?

— Однакожь, его комедія будетъ имѣть, кажется, трагическую развязку, сказалъ разъ Андрей.

— Не будетъ ли это урокомъ для другихъ комедій? наме- нулъ я.

— Да-а, задумчиво сказалъ Андрей:— и другія комедіи бли- зятся къ развязкѣ. Къ эпилогу, кажется, всё сойдемся въ одномъ мѣстѣ...

XXII.

Политическія дѣла.

Въ Петербургѣ начались университетскія „исторіи“; пред- усмотрительное р—ское начальство рѣшило, что и мы не должны отставать отъ столичнаго города, и тотчасъ же озаботилось при- нять мѣры къ устройству „исторій“, на подобіе петербургскихъ.

Прежде всего, въ университетѣ, безъ всякаго повода, зако- лотили двери въ курильную комнату, затѣмъ около главнаго подъѣзда разставили полицейскихъ.

Въ университетъ, съ городской стороны, на которой жили почти всё студенты, нужно было проходить черезъ небольшой мостикъ. Въ одно прекрасное утро, мы съ Новицкимъ, отпра- вившись зачѣмъ-то въ университетъ, были задержаны на этомъ мосту. Будочники, стоявшіе на одномъ краю мостика, не пропускали къ университету даже кухарокъ и чиновницъ, шедшихъ на рынокъ, находившійся за университетомъ. Мы остановились; никто ничего не понималъ, но всё ждали, что будочники скоро освободятъ ходъ.

— Чтò такое? съ недоумѣніемъ спрашивали всё другъ друга.

Я полагалъ, что это какое-нибудь недоразумѣніе, и что во всякомъ случаѣ черезъ минуту мостъ долженъ освободиться. Но недоразумѣнія никакого не было. Мы прождали съ полчаса, какъ вдругъ раздался крикъ:

— Расходитесь, извольте расходитесь!

Но разойтись не было никакой возможности. Единственный выходъ оставался — черезъ перила мостика — въ воду, куда и начали прыгать благоразумѣйшіе изъ толпы. Поднялись крики, визгъ, толкотня и давка невыразимые... Мнѣ нельзя было дви- нуться; что-то свиснуло въ воздухъ, и я слышалъ, какъ Новиц-

кій яростно закричалъ какое-то ругательство. Крикъ этотъ, кажется, былъ сигналомъ къ еще большей сумятицѣ.

Я рѣшительно безумѣлъ во всей этой безмыслицѣ, но мнѣ какъ-то инстинктивно удалось добраться до перилъ моста, и я, не разсуждая о послѣдствіяхъ, соскочилъ въ воду. Рѣчка была очень мелка, и я сильно ушибъ себѣ ногу о каменистое дно.

Множество людей, бросившихся, подобно мнѣ, съ моста, несмотря на ощутительный холодъ, брели, по колѣно въ водѣ, вдоль по теченію рѣчки, не смѣя выйти на берегъ, который строго охранялся. Я побрелъ за другими, едва дыша отъ безсильнаго гнѣва. Холодная вода жгла мои ноги, сапоги скользили по галькамъ, которыми было усыпано дно, и мы подвигались впередъ очень медленно, торопясь и спотыкаясь на каждомъ шагу...

Нечего и говорить, въ какомъ состояніи духа я вышелъ на берегъ, сѣлъ на извозчика, и пріѣхалъ домой. Мнѣ не хотѣлось даже ни съ кѣмъ видѣться; я переѣхалъ бѣлье, залеръ дверь на замокъ, и легъ въ постель. Я крѣпко стиснулъ зубы, зажмурилъ глаза и укрылся одѣяломъ, стараясь задавить въ себѣ безпокойныя мысли. Но онѣ насильно лѣзли въ мою голову.

Не помня себя отъ гнѣва, я скоро всталъ, и началъ писать о случившемся въ Петербургѣ... Съ величайшимъ жаромъ я испачкалъ большой листъ почтовой бумаги, но, начавши перечитывать, сообразилъ всю нелѣпость моего предпріятія, и изорвалъ письмо.

Послѣ этого я началъ ходить по комнатѣ, будучи не въ состояніи никакъ объять бездну зла и глупости послѣднихъ обстоятельствъ.

Своими размышленіями я увлекся до того, что отправился-было къ обѣду въ халатѣ, но въ время опомнился, и велѣлъ подать себѣ чего-нибудь въ комнату, сказавъ, что я нездоровъ.

— Дома братъ? спросилъ я Савелья, когда онъ явился накрывать на столъ.

— Нѣтъ-съ, они въ театрѣ, съ Софьей Васильевной...

— Когда придетъ Андрей Николаичъ, скажи, что мнѣ нужно съ нимъ поговорить, сказалъ я, не совсѣмъ понимая, что говорю и дѣлаю.

Мнѣ на минуту даже стало почему-то досадно, что братъ въ настоящую торжественную минуту присутствуетъ на репетиціи какого-нибудь водевиля.

Къ обѣду я почти не касался, и велѣлъ его поскорѣе убрать.

Оставшись снова одинъ, я, на всякій случай, началъ разбирать свои бумаги...

Часовъ въ двѣнадцать меня разбудилъ Сенька, съ зажженной свѣчей въ рукѣ.

— Баринъ, Андрей Николаичъ велѣли васъ разбудить... за ними пришли-съ! пробормоталъ онъ, бросивъ свѣчу на столликъ у кровати, и убѣжалъ куда-то.

Я вскочилъ, и началъ одѣваться. Андрей постучалъ мнѣ въ стѣну. Въ его комнатѣ происходилъ великій стукъ, шумъ и шарканье.

— Прощай. Можетъ, не увидимся, крикнулъ мнѣ онъ.

Одѣвшись второпяхъ, я вышелъ въ залу. Тамъ на столахъ горѣли зажженные свѣчи, въ суматохѣ, разставленные по разнымъ мѣстамъ, такъ что вовсе не освѣщали комнаты. Савелій, блѣдный отъ страха, торчалъ у дверей. Два полицейскихъ лѣниво и осторожно ходили изъ угла въ уголь, отдѣльно другъ отъ друга.

Оказалось, что я, Лиза и Андрей—все трое мы были арестованы. Но я и сестра были на лицо; Андрей не являлся...

— Monsieur Негоревъ! крикнулъ одинъ полицейскій, пробуя запертую на замокъ дверь Андреевой комнаты.

Отвѣта не было.

— Онъ спитъ, потому что убѣжденъ въ своей невинности, насмѣшливо сказала Лиза, и громко захохотала (на нее весь этотъ переполохъ, повидимому, не оказалъ никакого вліянія).

— Онъ ушелъ! вскричалъ полицейскій, и началъ стучать ногою въ дверь.

— Что это значить? въ раздумьи проговорилъ другой незнакомецъ. — Онъ не могъ уйти. Вы знаете навѣрно, что вашъ братъ ночуетъ сегодня дома?

— Мы за нимъ не слѣдимъ, дерзко отвѣтила Лиза.

Въ это время, какъ чортъ изъ табакерки съ пружиной, выскочилъ откуда-то въ корридорѣ солдатъ, и крикнулъ: „Лаврентьева подняли при смерти. Должно—они ушли“.

Въ комнатѣ послышался стукъ; кто-то спрыгнулъ съ подоконника на полъ.

— Здѣсь никого нѣтъ, ваше благородіе, сказалъ грубый голосъ за дверью.

Лиза залилась умышленно громкимъ, безцеремоннымъ хохотомъ.

— Вотъ сюрпризъ-то! восклицала она.

Обшарили садъ, и все окрестности, покуда догадались спросить у будочника, стоявшаго на углу улицы. Оказалось, что мимо его прошли двѣ женщины, пьяный лакей и какой-то молодой человѣкъ высокаго роста, который свисталъ и, казалось, прогуливался. По всемъ примѣтамъ, это былъ Андрей. Солдата,

котораго предполагали убитымъ, привели въ чувство и онъ разсказаль, что видѣль Андрея, выскочившаго изъ окна, но, прежде чѣмъ могъ закричать, получилъ ударъ въ голову, отъ котораго впалъ въ безпамятство.

— Теперь намъ можно отправиться, сказалъ полицейскій, взявшись за фуражку.

Я легъ на жесткую койку и закрыль глаза, чтобы поскорѣе заснуть. Арестъ меня не смущаль нисколько: я былъ увѣренъ, что онъ продлится не болѣе двухъ-трехъ дней, но все-таки ночевать, вмѣсто своей комнаты, въ казематѣ было порядочнымъ наказаніемъ — за что же? Мнѣ начали лѣзть въ голову самыя досадныя мысли... Гдѣ-то теперь Софья Васильевна? арестована? Она въ послѣднее время была не совсѣмъ здорова, можетъ серъезно заболѣть, проживъ съ недѣлю въ этакомъ подвалѣ...

Въ корридорѣ шаркали несмолкаемые шаги, порой звучно отдавались чьи-то громкія слова и слышалось звяканье ключей.

„Не Андрея ли привели?“ подумалось мнѣ, и съ этой мыслью я заснулъ.

Мало по малу, ко мнѣ доставили столы, стулья, самоваръ, стаканы, тарелки, такъ что я очутился тамъ съ цѣлымъ домомъ.

Мнѣ было нескучно, такъ-какъ книги были со мной, и я очень усердно читаль въ то время съ лексикономъ „Векфильдскаго священника“, а потомъ, сообразивъ, что поэзія есть вездѣ, не только въ уединеніи жизни деревенскаго священника, но даже въ одиночномъ тюремномъ заключеніи — рѣшилъ изобразить въ небольшой повѣсти всю прелесть и поэзію жизни въ четырехъ стѣнахъ каземата. Я очень увлекся работой, и въ недѣлю измараль съ дестъ бумаги. Но тутъ мое поэтическое вдохновеніе значительно охладилось передъ вопросомъ: зачѣмъ я сажу?

Наконецъ, началось слѣдствіе.

Довольно большая свѣтлая зала была убрана довольно роскошно. Было очень много краснаго сукна и синей шелковой матеріи. Презусъ, еще очень молодой человѣкъ, сидѣль у стола, въ креслахъ; около него стояло нѣсколько человѣкъ, и они о чемъ-то съ живостью разговаривали. Впрочемъ, при моемъ появленіи, разговоръ прекратился.

— Это ваши бумаги?

— Мои.

Портфель вскрыли, и начали разбирать университетскія записки и тетрадки съ нѣмецкими переводами и русской диктовкой.

— Ничего нѣтъ подозрительнаго, проговорилъ презусъ, отталкивая отъ себя кипу тетрадей.

— Вѣроятно, все-таки есть какое нибудь подозрѣніе, что меня держать другую недѣлю подъ арестомъ. Я желалъ бы знать, сказалъ я.

— Узнаете.

Презусъ, съ торопливымъ дѣловымъ видомъ, схватилъ листъ бумаги, и началъ что-то поспѣшно писать. Какъ оказалось, это были вопросы, которые онъ и передалъ мнѣ.

Я началъ переписывать первый вопросъ. Онъ, какъ теперь помню, заключался въ слѣдующемъ: какія свѣдѣнія имѣю я о намѣреніяхъ Андрея Негорева, и не принималъ ли въ этихъ намѣреніяхъ участія?— „Ни о какихъ противозаконныхъ намѣреніяхъ ни отъ Андрея Негорева, ни отъ кого другого я не слышалъ, и самъ участія ни въ чемъ противозаконномъ не принималъ“, не думая, написалъ я.

Слѣдующіе вопросы относились до побѣга Андрея и моихъ отношеній съ Овѣринимъ. Между прочимъ, спрашивалось: чтò я знаю объ отношеніяхъ сестры моей, дѣвицы Елисаветы Негоровой, къ студенту Сергѣю Овѣрину? Я написалъ, что отношенія ихъ ограничивались ребяческой перепиской, существовавшей еще во время пребыванія Овѣрина въ гимназіи и затѣянной сестрой, которая знала тогда Овѣрина только по моимъ рассказамъ. Овѣринъ былъ въ нашемъ домѣ всего два-три раза; виѣ дома они не могли видѣться, и между ними не могло быть особенно близкихъ отношеній.

Были еще вопросы относительно дочери статскаго совѣтника Ольги Ротаревой, студента барона Владимира Шрама, вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника баронессы Екатерины Шрамъ, студента Семена Новицкаго, дочери отставнаго ротмистра Софьи Лоховой и др.

Углубившись въ писанье, я и не замѣтилъ, какъ ввели въ комнату Овѣрина, и только его голосъ заставилъ меня оборотиться. Овѣринъ былъ одѣтъ въ сѣрую куртку; лицо его, какъ всегда, было сосредоточенно-серьезно и блѣдно.

— Господинъ Негоревъ! кликнулъ меня презусъ. — Знали вы этого человѣка?

Онъ указаль на Овѣрина.

— Знать. Я учился съ нимъ въ гимназіи.

— Какъ же вы говорите, что никогда не слыхали даже фамиліи Негоревыхъ? отнесся презусъ къ Овѣрину.

— Неужели вамъ не надоѣло все это? А мнѣ надоѣло хуже рѣдкии, невнимательно сказалъ Овѣринъ.

— Вы вредите и себѣ, и другимъ, убѣдительно заговорилъ презусъ. — Замѣтьте, что покуда я бьюсь тутъ съ вами, люди сидятъ въ тюрьмѣ...

— Такъ выпустите ихъ, равнодушно предложилъ Овѣринъ. — Я не понимаю, зачѣмъ вы бьетесь со мной? О чемъ говорить тутъ?

— Я дописаль, сказалъ я, подавая мои отвѣты. — Неужели мнѣ долго придется еще сидѣть?

— Извините, я посмотрю ваши отвѣты, проговорилъ презусъ, и началъ, шевеля губами, пробѣгать написанное.

— Два лица, сказалъ онъ, кончивъ чтеніе: — свидѣтельствуя, что вы были на первой сходкѣ членовъ, но потомъ отказались.

— Это неправда. Я бы желаль имѣть съ этими лицами очную ставку, чтобы опровергнуть ихъ показанія.

— Хорошо. Но вамъ все-таки придется подождать дня четыре.

— Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о сестрѣ, сказалъ я.

— Это лишнее; она сама тутъ довольно наговорила, улыбаясь сказалъ презусъ. — Она теперь освобождена.

— Ваша сестра — храбрая дѣвушка, заявилъ Овѣринъ.

Я опять очутился въ своемъ казематѣ. Теперь не было никакихъ безпокойствъ относительно того, что я могу надолго остаться здѣсь, забытый начальствомъ. Мнѣ даже показались смѣшны мои недавнія опасенія, и я спокойно принялся за свою повѣсть, но пріятное расположеніе духа мѣшало мнѣ писать. Я всталъ, началъ ходить изъ угла въ уголъ, и думать о Софѣи Васильевнѣ.

Я давно уже пересталь увлекаться мечтами и неосуществимыми планами, и разсудительно обдумаль, по какой жизненной дорогѣ слѣдуетъ идти къ благополучію. Благонамѣреннымъ ученымъ и всѣми презираемымъ профессоромъ я быть не хотѣль, также, какъ далеко былъ отъ желанія сдѣлаться добросовѣстнымъ труженникомъ и попасть подъ надзоръ полиціи. Словомъ, я давно рѣшилъ, какую изъ доступныхъ мнѣ дорогъ слѣдуетъ выбрать. Сообразно съ основнымъ рѣшеніемъ относительно своей карьеры, я началъ теперь обдумывать устройство семейной жизни съ Софѣей Васильевной. Она была немного фантазерка, но я

вполнѣ полагался на свою разсудительность, и былъ совершенно спокоенъ за наше благополучіе, поэтому мнѣ оставалось только рисовать теперь картины нашего будущаго семейнаго счастья. Настроеніе моего духа вполнѣ соотвѣтствовало этому занятію, и я весело проходилъ весь день изъ угла въ уголь по своему каземату...

Прошло четыре дня, пять дней, и я опять началъ мучиться ожиданіемъ. Ожидать безъ срока очень непріятно. Каждый часъ, каждую минуту прислушиваешься: вотъ послышатся шаги, звонъ ключей, и солдатъ скажетъ: „пожалуйте въ караульную комнату“. Ничего не слышно. Хотѣ бы кто-нибудь такъ прошелся, и раздались бы шаги — ожиданіе уразнообразилось бы немного: вмѣсто шаговъ сталъ бы дожидаться звона ключей. Я промучился такъ цѣлую недѣлю, и послѣ этой недѣли какъ пріятно прозвучали въ моихъ ушахъ грубыя слова: „Пожалуйте въ караульную комнату!“

Когда мы прѣхали въ губернское правленіе и меня ввели въ присутствіе, тамъ собралось на этотъ разъ довольно много народа. Два бѣдно одѣтыхъ студента сидѣли у столовъ, и писали показанія. Передъ презусомъ стояли: Шрамъ, Стульцевъ и еще какой-то, незнакомый мнѣ, молодой человекъ. Стульцевъ смущенно дергалъ очками, порываясь сказать что-то. Володя былъ блѣденъ, губы его иногда вздрагивали, и онъ не могъ скрыть трепета, пробѣгавшаго по всему его тѣлу.

— Негоревъ! крикнулъ презусъ.

Я подошелъ.

— Онъ совсѣмъ ни о чемъ не зналъ, съ живостью выговорилъ Володя.

— Вы! позвалъ презусъ Стульцева, вѣроятно, брезгуя произнести настоящее имя доносчика. — Вы писали, что онъ присутствовалъ на первой сходкѣ...

— Я писалъ, да, ну, задергалъ своими очками и забормоталъ Стульцевъ:—кажется, онъ.

— Я не присутствовалъ, и не знаю даже, когда и гдѣ была эта сходка. Вы говорите „кажется“; сообразите хорошенько — можетъ быть, припомните, что вы ошиблись, серьезно сказалъ я.

— Да; другой, не онъ, да, да, забормоталъ Стульцевъ. Это—Малининъ, студентъ... юристъ... да...

Губы Володи вздрогнули.

— И Малининъ ничего не зналъ, выговорилъ онъ.

— Какъ же, вѣдь и вы говорили, что Николай Негоревъ былъ напервой сходкѣ, а потомъ уже отказался? отнесся къ нему презусъ.

— Я не помню, что я говорилъ. Я ошибся—тутъ были Стульцевъ, Чеботаревъ, я, Тороповъ...

— Чеботаревъ умеръ, съ досадою остановилъ презусъ перечисленія Шрама.

Досада его была вполне основательна. На недавно умершаго студента Чеботарева и на бѣжавшаго Андрея указывали теперь всѣ, какъ на главныхъ виновниковъ и какъ на свидѣтелей разныхъ благонамѣренныхъ поступковъ и разговоровъ...

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ, отъ меня отбрали подписку о невыѣздѣ изъ города, и вручили моему конвойному бумагу о моемъ освобожденіи. Очутившись въ своемъ казематѣ и собирая свои вещи, я испытывалъ очень странное чувство, похожее на печаль. Прощаясь съ тюремными стѣнами, невольно чувствовалось, что тутъ проведены три недѣли жизни—три недѣли, которыя не воротить больше. Вообще мысли о невозвратности времени внушаютъ грустное чувство. Мнѣ почему-то въ это время припомнились глупые стихи: „глаголь времянь—металла звонъ“, и я началъ припоминать имя изобрѣтателя часовъ съ боемъ, чтобы наполнить чѣмъ нибудь ощутительную пустоту въ мысляхъ.

XXIII,

въ которой Софья Васильевна и Овринъ появляются въ послѣдній разъ.

Воротившись домой, я встрѣтилъ первымъ Савелья, который несказанно обрадовался моему освобожденію изъ-подъ ареста, хотя тутъ же не забылъ сообщить, что Сенька, въ мое отсутствіе, большею частью пропадалъ неизвѣстно гдѣ, и оставлялъ его, Савелья, какъ безъ рукъ. Сестры не было дома, и я прошель къ себѣ въ комнату. Тамъ лежало письмо отъ Андрея съ заграничнымъ штемпелемъ. Онъ извѣщалъ, что принужденъ былъ уѣхать, безъ моего вѣдома, за границу. Какъ удалось ему благополучно выбраться изъ отечества, онъ объ этомъ благообразно умалчивалъ, и я не могъ его не похвалить за это. Когда я дочиталъ письмо, заключавшееся разсказомъ, что въ Германіи братъ, не зная нѣмецкаго языка, счелъ за лучшее притвориться со-всѣмъ нѣмцемъ, и, къ великому скандалу благодушныхъ нѣмцевъ, ѣздилъ по желѣзнымъ дорогамъ безъ билета, на правахъ убогаго человѣка,—когда я дочиталъ и обернулся, за моей спиной стоялъ Савелій, очень интересовавшійся судьбою Андрея.

Онъ, какъ старшій слуга, позволялъ себѣ нѣкоторыя вольности при обращеніи съ нами, и теперь очень сладко улыбался, желая что-то меня спросить.

— Другому государю Андрей Николаичъ передались? сказали онъ наконецъ. — Лизавета Николавна говорили, что они за границу уѣхали.

— Да.

— И ихъ, значить, теперь оттуда не выдадутъ?

— Да. Гдѣ Лизавета Николавна?

— Онѣ у Софьи Васильевны, Софья Васильевна нездоровы. Лизавета Николавна еще вчера ушли туда съ Натальей; тамъ и ночуютъ.

— Не знаешь, сильно она нездорова?

— Должно, сильно-съ. Онѣ въ этой напасти (Савелій, конечно, подразумѣвалъ подъ этимъ деликатнымъ выраженіемъ тюрьму, въ которой и самъ посидѣлъ за барскіе грѣхи) тоже были, такъ же ея оттуда, по болѣзни, и выпустили. Больно строго этотъ генераль. Какъ меня допрашивали, такъ я видѣлъ Владиміра Александрыча — весь трясется, даже плачетъ, бѣдный.

Мнѣ надоѣла эта нелѣпая фамиллярная болтовня обрадовавшагося чему-то сдуру старика, и я крикнулъ на него, что онъ лучше бы дѣлалъ, еслибы чище держалъ въ мое отсутствіе комнату. Въ комнатѣ у меня, дѣйствительно, лежали цѣлые слопылы: вѣроятно, Савелій думалъ, что я ворочусь изъ тюрьмы нескоро.

Старикъ спохватился, куда завела его глупая радость, покраснѣлъ, и началъ неловко соваться изъ угла въ уголь. Я оставилъ его разсѣвать свое смущеніе съ щетками и метелками въ рукахъ, и вышелъ въ залу, гдѣ засталъ Савушку-управляющаго. Онъ позировался передъ зеркаломъ, корчилъ рожи, и выдѣлывалъ очень хитрые выверты всеѣмъ своимъ тѣломъ.

— Вы можете теперь ѣхать въ деревню, громко сказалъ ему я.

Зала и всеѣ комнаты смотрѣли такими печально-пустыми, что мой голосъ очень странно раздался даже въ моихъ собственныхъ ушахъ. Савушка вздрогнулъ, и, кажется, немного испугался.

— Слушаю-съ, пробормоталъ онъ, полакейски, вытягиваясь въ струнку.

Въ воротахъ мнѣ попался кучеръ, ѣхавшій въ телегѣ за моими вещами, и я пожалѣлъ, зачѣмъ ему не велѣлъ заложить лошадей для себя. Я очень торопился, и чуть не бѣгомъ пробѣжалъ съ полверсты, пока встрѣтилъ извозчика.

Въ квартирѣ Софьи Васильевны была глубокая тишина, и мой стукъ въ дверь отдался звучнѣе, чѣмъ я желалъ.

— Можно войти? спросилъ я.

— Войдите, глухо отвѣчалъ голосъ сестры.

Я вошелъ. Ширмы были отодвинуты, и мнѣ, прежде всего, бросилась въ глаза бѣлая постель, столикъ съ лекарствами, мѣдный тазъ, стоявшій у изголовья, и запахъ можжевельнаго дыма въ комнатѣ. Сестра сидѣла у постели; руки ея свѣситись къ полу, и она какими-то безумными глазами смотрѣла на Софью Васильевну, которая неподвижно лежала на спинѣ. Беспорядокъ, царствовавшій въ комнатѣ больной, спущенныя сторы, запахъ можжевельника и отчаянная поза Лизы поразили меня. Не здороваясь съ сестрой, я подошелъ къ постели, и взглянулъ на Софью Васильевну. Полукрытые стеклянные глаза ввалились, нижняя челюсть отвисла, ротъ былъ открытъ, губы черны — нѣтъ сомнѣнйя, это былъ трупъ. Я приложилъ руку ко лбу; лобъ былъ холодень.

— Она умерла, сказалъ я.

— Да, не двигаясь, тихо отвѣтила Лиза, точно она боялась разбудить покойницу.

Я поспѣшно накинулъ одѣяло на лицо Софьи Васильевны, и отвернулся.

— Что-жь ты сидишь тутъ? сказалъ я сестрѣ, окончательно потерявшись и не зная, что я дѣлаю и говорю. — Надо позвать людей. Гдѣ Наталья? Лиза, гдѣ Наталья?

Я началъ трясти сестру за плечо; она была точно сонная. Затрудненіе мое достигло крайнихъ предѣловъ, и я рѣшительно потерялся. Къ счастью, въ это время въ дверь вошла Наталья со склянкой какого-то лекарства; она ходила въ аптеку.

— Она умерла, сказалъ я: — лекарство не нужно.

„Если умерла, конечно, не нужно: всякій знаетъ, что мертвые не пьютъ лекарства — это плеоназмъ“, ни съ того, ни съ сего подумалъ я.

— Господи! вскричала Наталья, поставивъ склянку, и начинающая креститься. — Надо воды — похристіански, — охъ, Господи!

Наталья, очевидно, приготовилась выразить свое соболѣзнованіе слезами, и уже начинала кукситься. Мнѣ не понравилось ея выраженіе — *похристіански*, какъ будто выражавшее подозрѣніе, что я дурной христіанинъ.

— Дѣлай похристіански, только безъ причитанья, строго сказалъ я ей, и въ ту же минуту почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость.

„Можетъ быть, она въ самомъ дѣлѣ сочувствуетъ“, думалось

мнѣ: „но все-таки слезы тутъ не при чемъ. Однакожь, я не у мѣста холоденъ“.

— Позови когонибудь помочь тебѣ, проговорилъ я, и тотчасъ же сталъ думать, что еще глупѣе замазывать ласками свою строгость.

Наталя засуетилась. Сестра продолжала сидѣть, неподвижно глядя на трупъ. Я подошелъ къ окну, чтобы скрыть отъ нихъ свою неловкость. Но и тамъ я не нашелъ покоя; меня почему-то смущала Наталя, и мнѣ хотѣлось сказать ей чтонибудь.

— Наталя, сказалъ я: — закрой глаза и подвяжи платкомъ челюсть.

„Вотъ глупость-то! Кому закрой глаза? — себѣ? — Покойницѣ. А ты самъ боялся закрыть ей глаза?“ продолжали беспокоить меня мои собственные мысли, и я укусилъ себѣ до крови губу. На стѣнѣ, прямо противъ меня, было приколото булавкой къ обоямъ росписаніе Софьи Васильевны. „Эту булавку не такъ давно держали тѣ проворные пальцы, которые сгніютъ теперь черезъ шесть дней“. И отвратительное чувство, извѣстное подъ названіемъ страха и тоски, овладѣло мной.

„Какой сегодня день?—Четвергъ“, соображалъ я. „Два часа. Въ четвергъ, въ два часа (я посмотрѣлъ въ росписаніе) Софья Васильевна должна была читать русскіе журналы. А она умерла, и не читаетъ, не можетъ—и не будетъ читать *никогда больше*“.

Эти простыя, понятныя вещи наводили на меня невыразимо тоскливыя думы о томъ, что когданибудь и мнѣ не понадобятся ни русскіе, ни иностранные журналы.

— Баринъ, вы бы вышли; мы будемъ обмывать покойницу, тихо сказала мнѣ Наталя.

Я, ничего не понимая, пошелъ къ дверямъ. Трупъ, закрытый одѣяломъ, лежалъ на прежнемъ мѣстѣ. Подлѣ кровати стояло корыто, и суетилась хозяйка-чиновница; сестра, попрежнему, сидѣла неподвижно. Я взялъ ее за руку; рука у ней шевелилась, какъ у сонной, повинуюсь только закону тяготѣнія.

— Лизенька, голубчикъ, пойдемъ отсюда, сказалъ я.

Она молчала. Я обнялъ ее за талію, поднялъ со стула, и она машинально вышла за мной изъ комнаты. Мнѣ было жаль сестру я поднялъ ее голову за подбородокъ и нѣжно поцаловалъ.

— Полно, голубушка, успокойся.

Лизу тронула эта нѣжность; она крѣпко обняла меня, и начала рыдать. Я осторожно свелъ ее въ комнату хозяйки, и посадилъ на диванъ. Почему-то мнѣ показалось очень полезнымъ заставить ее выпить стаканъ воды и натереть виски укусомъ; она исполнила это весьма покорно, замѣтивъ только, что

вода чѣмъ-то пахнетъ. Возня съ Лизой очень помогла мнѣ оправиться отъ замѣшательства и принять свой настоящій нормальный видъ.

— Какъ она умерла странно! задумчиво сказала сестра, когда совсѣмъ успокоилась и перестала плакать. — Все говорила со мной о постороннихъ вещахъ, вдругъ замолчала и начала стонать. Потомъ такъ скоро, какъ здоровая, повернулась на спину, и сказала: „у него безнравственныя мысли“. Я спросила, про кого она это говорить, но она только глубоко вздохнула. Я посмотрѣла, а ужъ у ней отвисла нижняя челюсть. Какъ скоро!

— Чахоточные всегда такъ умираютъ, сказалъ я. — У тебя красные глаза: ты вѣрно не спала ночь; пойдѣмъ домой—теперь ей твои услуги бесполезны.

— Да, согласилась Лиза, отирая платкомъ заплаканные глаза.

— Наталья! крикнуть я, но она не являлась, и я самъ отправился въ комнату покойницы.

Пріотворивъ дверь, я только мелькомъ видѣлъ маленькое сухое тѣло Софьи Васильевны, надъ которымъ Наталья, въ бурнусѣ и головномъ платкѣ (въ томъ видѣ, въ какомъ пришла изъ аптеки), совершала, вмѣстѣ съ хозяйкой, повидимому, какой-то обрядъ, но вся эта картина стоитъ теперь передъ моими глазами, и мнѣ слышится запахъ гнили, еловыхъ вѣтогъ и ладона. При видѣ бѣлаго маленькаго трупа, мнѣ пришелъ почему-то въ голову вопросъ о сѣдалищѣ умственныхъ способностей. „Китайцы думаютъ, что разумъ заключается въ животѣ“, мельнуло у меня въ головѣ, но тутъ я сообразилъ все неприличіе своего положенія передъ голымъ трупомъ женщины, и крикнулъ Наталью.

Она вышла ко мнѣ все еще въ бурнусѣ и платкѣ, повязанномъ на голову.

— Ты останешься здѣсь, сказалъ я ей:—извѣстишь полицію и распорядишься похоронами. Вотъ тебѣ деньги. Что ты не раздѣнешься?

— Охъ, Господи, я и забыла! засовалась Наталья, сдергивая съ себя бурнусъ и роняя на полъ деньги.

— Я васъ не смѣю обременять хлопотами, въ видѣ извиненія сказалъ я хозяйкѣ, которая съ большимъ любопытствомъ выглянула въ дверь. Она была чиновница, а къ этимъ особамъ, ругающимся изъ-за трехъ копеекъ на рынкѣ, я вообще питаю большое недовѣріе.

— Все это какъ будто мнѣ не вѣрится, сказала Лиза, когда мы вышли.—Какъ-то это странно, что она жила-жила, и вдругъ умерла...

— Мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій! проговорилъ я, не находя ничего болѣе утѣшительнаго въ своихъ мысляхъ.

— Про кого это она сказала—*у него безнравственныя мысли?*

— Когда ты освободилась? спросилъ я, чтобы развлечь какъ-нибудь Лизу, и переѣмнѣть разговоръ, такъ невыгодно для меня касавшійся чловѣка съ безнравственными мыслями.

— Недѣли полторы, вмѣстѣ съ Натальей.

— Развѣ она тоже была арестована?

— Какъ же. Она такъ перепугалась, что только плакала, и отъ нея ничего не могли добиться.

— Ты, кажется, не такъ испугалась.

— Я вовсе ничего не пугалась. Я такъ замечталась одна, что мнѣ даже хотѣлось, чтобы меня обвинили...

— Вмѣстѣ съ Овѣринымъ, подсказалъ я, вводя, такъ-сказать, ея мысли въ покатоое русло, по которому онѣ должны были покатиться вдаль отъ картинъ болѣзни и смерти.

— Да... разсѣянно проговорила она.

— Онъ очень похожъ на протопопа Аввакума, — ему не достаеь только жены, сказала я.

Разговоръ перешелъ на Овѣрина, и сестра начала рассказывать, какъ онъ уговаривалъ членовъ слѣдственной комисіи отказать отъ тлѣннѣ мира сего, и пожертвовать собой для общаго счастья. О Софьѣ Васильевнѣ сестра, казалось, забыла, но я продолжалъ, противъ воли, думать о ней. Неожиданная смерть, сначала не очень сильно поразившая меня, теперь не выходила изъ головы, и я щипалъ себѣ руки, чтобы не впасть въ столбнякъ отъ тьмы и хаоса, царствовавшаго въ моихъ мысляхъ. Чувствовалось только одно понятіе о совершившемся фактѣ, и я не могъ ослабить или осмыслить это понятіе: оно сидѣло какимъ-то гвоздемъ, вбитымъ въ голову. Я никогда не давалъ воли своимъ чувствамъ, и пріучился вполне господствовать надъ ними; но на этотъ разъ я не безъ труда заставилъ себя отнестись хладнокровно къ потерѣ, которую никакая печаль не могла воротить.

Мнѣ было такъ тяжело въ своей комнатѣ, гдѣ все напоминало счастливые вечера со свѣчами, въ присутствіи маленькой ловкой швеи, когда мы смѣялись надъ плоскостями университетскихъ записокъ,—такъ было тяжело сидѣть въ этой комнатѣ, съ холоднымъ убѣжденіемъ о невозможности воротить прошлое, что я велѣлъ перенести свои вещи въ комнату Андрея, и поселился тамъ.

Я началъ съ какимъ-то изувѣрствомъ мучить себя универси-

тетскими записками, и долженъ принести имъ теперь искреннюю благодарность, за то, что онѣ обезсмысливали меня и отвлекали отъ печальныхъ мыслей. Мы съ Малининымъ проводили за книгами цѣлые дни, почти не выходя изъ комнаты, такъ что даже его терпѣніе и прилежаніе иногда не выдерживало, и онъ уходилъ отъ меня „подышать свѣжимъ воздухомъ“.

Прошло съ мѣсяць времени. Кости Софьи Васильевны давно гнили въ землѣ, мы почти были готовы къ экзамену, а слѣдствіе по нашимъ дѣламъ все еще продолжалось. Дѣло такъ затянулось, что окончаніе его совпало съ началомъ экзаменовъ.

Мнѣ стоило большаго труда убѣдить Малинина подать прошеніе объ увольненіи изъ университета (безъ этого, въ качествѣ студента, его не допустили бы до кандидатскаго экзамена). Съ его стороны это было, дѣйствительно, большимъ рискомъ, такъ-какъ, не выдержавъ экзамена, онъ лишался стипендіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и куска хлѣба. Но Лиза сказала ему, что она все равно выйдетъ за него замужъ,—выдержитъ, или не выдержитъ онъ экзамена, и любвеобильный Малининъ больше не сопротивлялся. На этомъ условіи онъ, я думаю, готовъ бы былъ подать прошеніе о наказаніи себя плетью чрезъ руку палача, съ наложеніемъ узаконенныхъ клеймъ.

Экзамены пошли очень быстро; Малининъ съ изумленіемъ начиналъ вѣрить, что онъ дѣйствительно вскорѣ будетъ кандидатомъ юридическихъ наукъ. Я безъ смѣха не могу вспомнить его смущеніе, когда, воротившись съ послѣдняго экзамена, я поздравилъ его кандидатомъ, а Лиза, въ награду за прилежаніе и успѣхи, позволила поцаловать ему руку. Она находила, что много баловать такихъ людей, какъ Малининъ, не слѣдуетъ большими поощреніями.

— Чтò же теперь дѣлать?—Диссертацию писать. А послѣ надо на службу, вслухъ размышлялъ Малининъ, стоявшій растопыривъ руки, точно онъ одѣлся въ парадное платье для параднаго выхода.

Малининъ, какъ женихъ, сталъ очень серьезнымъ, и развѣсѣлъ мнѣ намекъ, въ длинной рѣчи о свадебныхъ обычаяхъ у разныхъ народовъ, что ему надо бы сдѣлать невѣстѣ какой-нибудь подарокъ. Я посоветовалъ ему употребить для этой цѣли хорошо переплетенный экземпляръ „Домостроя“.

Его очень смущала нѣкоторое время диссертация, и онъ тогда только успокоился, когда я заплатилъ Крестоцвѣтову пятьдесятъ рублей за сочиненіе двухъ нашихъ диссертаций. Этотъ практический товарищ Новицкаго не только писалъ для всѣхъ желающихъ, за умѣренный гонорарій, кандидатскія диссертации

и сочиненія на программы, но выдержалъ уже въ разныхъ русскихъ университетахъ до тридцати кандидатскихъ экзаменовъ за разныхъ лицъ. Онъ находилъ, что науки должны питать юношей, и открылъ съ этими экзаменами цѣлую отрасль промышленности, такъ что ему случалось держать экзамень за двухъ сразу, и выходить, подъ именемъ Иванова, толстякомъ, съ бородой и въ очкахъ, давая отвѣты басомъ, а потомъ являться Петровымъ, со своей обыкновенной наружностью, во фракѣ, и писать отвѣты дискантомъ.

Будучи заняты экзаменами, возясь съ записками и книгами, мы очень мало интересовались судьбой слѣдствія, и только чрезъ нѣсколько дней по окончаніи экзаменовъ, я съ живымъ любопытствомъ узналъ, что дѣло уже окончилось.

— Хорошо бы навѣстить Овѣрина—посмотрѣть, чтѣ съ нимъ дѣлается, сказала мнѣ какъ-то сестра.

Несмотря на свое формальное обрученіе съ счастливымъ Малининымъ, Лиза не считала нужнымъ скрывать участіе, которое чувствовала къ судьбѣ героя своего бывшего романа. Я самъ очень интересовался Овѣринымъ, и какъ только узналъ, что съ нимъ можно видѣться въ острогѣ, — немедленно отправился туда.

Меня безъ всякаго труда впустили въ ворота, обшаривъ, впрочемъ, не несущи ли я арестантамъ чего запрещеннаго, и я не безъ смущенія очутился въ темной и грязной пріемной, уставленной по стѣнамъ черными деревянными лавками. Нѣсколько арестантовъ, въ черныхъ кафтанахъ, разговаривали съ какой-то женщиной-посѣтительницей, державшей въ рукахъ сакъ-воляжъ. Я зналъ, что это дворянская пріемная, и что, слѣдовательно, между арестантами не могло быть убійцъ, но темнота и самый характеръ вомнаты со сводами все-таки производили неприятное впечатлѣніе, близкое къ страху.

Когда я назвалъ фамилію Овѣрина, за которымъ тотчасъ же пошелъ одинъ изъ бывшихъ тутъ служителей, — арестанты начали о чемъ-то съ живостью перешептываться между собой, поглядывая на меня. Я не сомнѣвался, что разговоръ шель о моей особѣ, и вполне убѣдился въ этомъ, когда одинъ изъ арестантовъ подошелъ ко мнѣ такими тихими и робкими шагами, что я подумалъ—не хочетъ-ли онъ попросить у меня маленькаго вспомошествованія на похороны только что умершей жены.

— Вы, кажется, къ Овѣрину пришли? спросилъ онъ меня заискивающимъ, подхалюзистымъ тономъ.

— Да. А что вамъ угодно?

— Вотъ мы сейчасъ говорили объ этомъ. Знаете-ли, онъ та-

кой думчивый—ни о чемъ не заботится. У насъ есть тутъ кухня, мы складываемся по рублю въ недѣлю, и питаемся, потому—казенное кушанье ничего не стоитъ. Господинъ Овѣринъ не имѣютъ при себѣ денегъ, но мы ужь все равно приняли его: видно благороднаго человѣка! Это—не господинъ баронъ Шрамъ, что переѣхалъ сюда съ бархатными кушетками да козетками. Извините—онъ, кажется, вамъ родственникъ... А Овѣринъ—это, что дитя думчивое, — объ себѣ онъ не заботится: покормить—ладно, не покормить—также.

Я подумалъ, что рѣчь клонится къ тому, чтобы выманить у меня немного денегъ, въ уплату за вниманіе къ задумчивому дитяти, и взялся за бумажникъ, размышляя, достаточно ли будетъ на этотъ предметъ одного рубля, или приличнѣе дать три.

Но арестанты были лучше, чѣмъ я думалъ.

— Мы васъ хотѣли попросить, чтобы вы похлопотали за него, заключилъ арестантъ свою рѣчь объ Овѣринѣ.

— Я могу дать очень немного денегъ, сказалъ я, вынимая бумажникъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Вы лучше принесите ему немного бѣлья, и сходите къ его попечителю. Онъ говоритъ, что отдалъ попечителю на храненіе около двадцати-пяти тысячъ; можетъ, онъ побоится Бога—согласится помочь ему теперь. Мы его всѣ жалѣемъ: онъ такой чудакъ — думаетъ міръ по своему перевернуть.

— Кажется, господинъ Негоревъ? робко спросилъ меня другой щедедушный арестантъ, съ длинной рыжей бородой.

— Да.

— Лоховъ. Позвольте познакомиться. У насъ общая печаль, пробормоталъ онъ, нѣсколько смутившись тѣмъ, что я не далъ ему руки. — Я говорю, что Овѣринъ...

Но тутъ эта рѣчь его была прервана появленіемъ самого Овѣрина. Овѣринъ былъ въ черномъ кафтанѣ, волосы его были, по обыкновенію, всклокочены въ очень красивый шиньонъ, и онъ подошелъ ко мнѣ тѣмъ же разсѣяннмъ шагомъ, какимъ подходилъ когда-то, въ гимназіи, разсказать, что русскую армію слѣдовало бы одѣвать въ красное платье, для вицнаго устраниненія непріятелей.

— А,—это вы! привѣтливо сказалъ онъ, здороваясь со мной.— Вотъ хорошо, что пришли. Мнѣ нужно васъ о многомъ попросить.

Овѣринъ былъ очень веселъ. Онъ даже съ нѣкоторой игривостью взялъ меня за руку, и усадилъ на скамейку.

— Какъ вы поживаете? спросилъ я.

— Ничего. Какъ бы мнѣ узнать послѣднія распоряженія по министерству финансовъ? озабоченно спросилъ онъ.

— Это въ журналѣ министерства. Для чего вамъ?

— Знаете вы формулу—нуль, дѣленный на нуль, равняется единицѣ?—Ну, вотъ я изобрѣлъ великолѣпную финансовую теорію!

Овѣринъ засмѣялся, чтобы показать, что онъ шутить и что изобрѣтенная имъ теорія вовсе не великолѣпна.

— У насъ, кажется, никто еще не писалъ учено-сатирическихъ статей. Учено-юмористическихъ — много, съострилъ Овѣринъ, и опять засмѣялся.—Я хочу выдумать смѣхъ въ цифрахъ, и начну, для опыта, съ финансовъ. Я докажу, что нуль, раздѣленный на нуль, можетъ равняться не единицѣ, а нѣсколькимъ милліонамъ. Нельзя-ли достать отчетъ о ввозѣ и вывозѣ товаровъ, только самый подробный?

— Постараюсь.

Такъ-какъ меня нисколько не интересовали его будущіе учено-сатирическіе опыты, я хотѣлъ спросить Овѣрина о приговорѣ, но онъ не давалъ мнѣ говорить, перечисляя названія нужныхъ ему книгъ и ударившись въ поясненія главныхъ юмористическихъ струй своей ученой сатиры.

Я многого ожидалъ отъ Овѣрина, но такое философское презрѣніе къ своему положенію могло поразить хоть кого.

— Васъ, кажется, нисколько не смущаетъ приговоръ? на смѣшливо спросилъ я.

— Я, можетъ быть, убѣгу, извѣстилъ меня Овѣринъ съ такой легкостью, какъ будто его упрашивали ужъ бѣжать, и онъ не изъявилъ покуда согласія, но стѣить только кивнуть головой, чтобы побѣгъ совершился.

— У васъ не болитъ иногда голова? спросилъ я, желая его уколоть, но онъ не понялъ меня.

— Вы спрашиваете точно докторъ, который свидѣтельствовалъ меня: не сумасшедшій-ли я?—Никогда не болитъ, съ улыбкой сказалъ Овѣринъ.

Судя по тому, что онъ не съ презрѣніемъ относился о своей особѣ и о другихъ ничтожныхъ вещахъ, которыя были не за облаками, я убѣдился, что онъ находится въ отличнѣйшемъ расположеніи духа.

— Что же, васъ не признали умалишеннымъ?

— Нѣтъ.

— Должно быть, докторъ ничего не смыслилъ.

— Можетъ быть, разсѣянно отвѣчалъ Овѣринъ, рѣшительно не понимая моихъ остротъ.

— Я не поколебался бы отправить васъ въ сумасшедшій домъ, ясное сказалъ я.

— Да-а—видите... только это бесполезно! сообразилъ Овѣринъ, безпристрастно обсуждая вопросъ, хорошо-ли отправить въ сумасшедшій домъ такого субъекта, какъ онъ.—Я бы отсюда убѣждалъ... Да. Я, пожалуй, что отчасти сумасшедшій—меня иногда, знаете, до боли беспокоятъ представленія о безконечно маломъ и безконечно большомъ. Можете ли вы вообразить частичку алмазной горы, стертую мухой въ то время, когда она обчищала объ эту гору носикъ? Чортъ-знаетъ, иногда на цѣлый часъ задумываешься надъ такими глупостями! Не признакъ ли это сумасшествия? какъ вы думаете? серьезно спросилъ Овѣринъ.

— Это еще не особенно, сказала я:—а вотъ это ужъ настоящее сумасшествіе не интересоваться тѣмъ, что ждетъ васъ въ будущемъ.

— Да,—оно, конечно, любопытно бы знать навѣрное, равнодушно проговорилъ Овѣринъ (оказалось, что онъ даже хорошенько не зналъ содержанія приговора).

— Какъ же вы не могли выслушать внимательно даже приговоръ, въ которомъ вся ваша судьба?

— Чортъ-знаетъ, какъ-то такъ, смущенно пробормоталъ Овѣринъ, махнувъ рукой. Выговоръ на него подѣйствовалъ.— Это можно все поправить, вдругъ весело догадался онъ:—можно написать просьбу о прочтеніи мнѣ вновь.

— И зачѣмъ вы ушли тогда изъ города, даже не посоветовавшись ни съ кѣмъ? Еще мальчишками—мы были друзьями; отчего вы не хотѣли быть со мной откровенны? Помните, какъ вы мнѣ рассказывали свою теорію міра...

— Да, ребячество. Но теперь нечего было совѣтоваться. Я зналъ, что вы посоветуете мнѣ идти какъ можно скорѣе.

— Вотъ ужъ этого я никакъ бы не посоветовалъ.

— Да! У васъ—Маммонъ! съ невыразимымъ презрѣніемъ сказалъ Овѣринъ.—Для того, чтобы не остаться безъ прожнаго, вы готовы обречь на смерть милліоны людей! Вы этой партіи?

— Извините, я слишкомъ неосторожно коснулся пункта вашего умопомѣшательства, колко сказалъ я.

Овѣринъ добродушно засмѣялся, какъ человѣкъ, спохватившійся, что онъ не понималъ шутки.

— Вы дѣлаете опыты—не сумасшедшій ли я? сказалъ онъ.— Это пустяки. Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ. Какъ поживаетъ ваша сестра?

— Сестра выходитъ замужъ за вашего друга Малинина.

— Чортъ-возьми, а я думалъ на ней жениться, съ досадою проговорилъ Овѣринъ.— Тамъ всѣ эти женщины плакали, а она, какъ торговка, всѣхъ забросала словами. Конечно, всѣ готовы умереть за свое убѣжденіе, но нужно умѣть умирать безъ слезъ. Ваша сестра храбрая дѣвушка. Нельзя ли съ ней повидаться?

— Нѣтъ. И я васъ попрошу ничего не писать и ничего не передавать ей съ кѣмъ бы то ни было, даже не думать о ней, серьезно сказалъ я.

Характеръ сестры мнѣ былъ хорошо извѣстенъ, и я, съ испугомъ, гасилъ поскорѣе искру, готовую зажечь порохъ. Еслибъ Лиза слышала признаніе Овѣрина, ея судьба рѣшилась бы въ одну минуту, и Малинину больше не видать бы своей невѣсты, какъ ушей.

Но прежде чѣмъ дать обѣщаніе не сноситься съ Лизой, Овѣринъ потребовалъ отъ меня продолжительныхъ объясненій въ родѣ того, почему подло отнимать у товарища невѣсту, или почему не слѣдуетъ восторженную дѣвушку тащить за собой на всякія бѣды и лишенія. Наконецъ, я рѣшился прекратить словопренія рѣшительнымъ ударомъ.

— Согласны ли вы, для счастья вашихъ друзей, пожертвовать собой, или даже не пожертвовать, а немного потѣсниться? спросилъ я.

— Смотря по тому, въ чемъ заключается счастье.

— Въ жизни. Если вы отнимете у Малинина невѣсту, онъ лишитъ себя жизни.

— Нѣтъ, я не хочу. Это другое дѣло. Я давно ужъ замѣчалъ, что онъ глупъ. Да, да, дѣйствительно!

— Ну, теперь покуда—до свиданья! Я на дняхъ принесу вамъ книги, какія найду.

— Вотъ что еще. Я забылъ-было. Нѣтъ ли у васъ рубашки? Какъ-то неловко безъ рубашки, и вшей очень много—нельзя заснуть...

Овѣринъ разстегнулъ свой кафтанъ, и показалъ мнѣ грязное голое тѣло.

— Какой же человекъ въ здоровомъ умѣ будетъ полчаса говорить о книгахъ, позабывая сказать о рубашкѣ! засмѣялся я.— Про васъ нельзя сказать, что вамъ своя рубашка къ тѣлу ближе.

— Сходите, пожалуйста, къ попечителю, я вамъ сейчасъ напишу адресъ, сказалъ Овѣринъ, улыбаясь самъ своимъ странно-стямъ.— У него есть мои деньги. Купите мнѣ тамъ хоть двѣ рубашки.

Овѣринъ началъ торопливо писать въ моему бумажниѣ адресъ

и я смотрѣлъ на него съ нѣкоторой жалостью и удивленіемъ. Онъ стоялъ, наклонившись немного къ окну, съ самой дѣвственной, непринужденной граціей дикаря. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ движенія его были естественно красивы, какъ движенія дикаго животнаго, нетронутаго цивилизаціей.

Я простился съ нимъ, насильно навязавъ ему немного денегъ, и всю дорогу то смѣялся, то глубоко задумывался, воображая моего заблудшагося товарища, во всей его цѣлости, какимъ онъ былъ и есть. Подъ конецъ, я рѣшилъ, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ счастливѣе Овѣрина, такъ-какъ онъ положительно лишень способности тревожиться чѣмъ бы то ни было, кромѣ теоретическихкихъ, научныхъ вопросовъ, которые для него представляются безконечнымъ граннасянсомъ на всю жизнь.

Прямо изъ острога я отправился къ овѣринскому попечителю. Онъ не зналъ еще, что съ его питомцемъ уже можно видѣться, и тотчасъ же началъ собираться къ нему, какъ только узналъ, что Овѣринъ очень нуждается. Онъ былъ слишкомъ богатъ, чтобы, по примѣру другихъ попечителей, нагрѣвать руки около ничтожныхъ овѣринскихъ крохъ.

Воротившись домой, я самымъ наглымъ образомъ навралъ Лизѣ, что Овѣринъ отзывается о всѣхъ женщинахъ съ презрѣніемъ и ненавистью, а въ особенности не желаетъ видѣть ее, такъ что, когда я упомянулъ при немъ ея имя, онъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ и ярость. По всему видно, что она своимъ посѣщеніемъ можетъ его сильно обезпокоить.

— Никто и не думалъ его безпокоить! съ досадой сказала Лиза.

„Ну, и слава Богу“, подумалъ я.

Малининъ, я и Новицкій начали ходить въ острогъ довольно часто, и, кажется, въ самомъ дѣлѣ сильно безпокоили Овѣрина, отрывая его отъ книгъ, которыми онъ теперь могъ невозбранно наслаждаться, накинувшись на нихъ, послѣ долгаго поста, съ особенной жадностью.

Добродушный Малининъ разрывался отъ жалости, глядя на своего друга, и старался облегчить его несчастія, покупая и принося ему пирожное, которое, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, производило мало впечатлѣнія. Овѣринъ говсрилъ о сатирахъ, о недѣлостяхъ современной финансовой системы, о краснорѣчій цифрѣ, и окончательно сокрушалъ своею безпечностью Малинина...

.....
Наконецъ, Овѣрина увезли, и я его не видалъ больше.

На слѣдующій день, у насъ была малининская свадьба, кото-

рая прошла очень скромно и даже, пожалуй, печально, такъ-какъ почти всѣ наши знакомые не могли присутствовать на ней. Дня черезъ три, когда Малининъ совершенно устроился въ нашемъ домѣ, и началъ уже ходить на службу въ губернаторскую канцелярію, я простился съ опостылѣвшимъ, послѣ всего этого погрома, городомъ, и выѣхалъ въ Петербургъ, снабженный самыми лестными рекомендаціями къ разнымъ болѣе или менѣе именитымъ особамъ.

Малининъ былъ твердо убѣжденъ, что я сдѣлаюсь министромъ, и просилъ не оставить его на предки своимъ высокимъ вниманіемъ и покровительствомъ.

XXIV.

Я создаю свое благополучіе.

Послѣдующія затѣмъ событія такъ близки ко мнѣ, что я не могу ихъ рассказывать равнодушно, и принужденъ быть краткимъ, чтобы не нарушить въ рассказѣ безпристрастнаго тона, который я вездѣ старался сохранять. Кромѣ того, подробности были бы даже утомительны. Тутъ я являюсь человѣкомъ, уже вполне убродившимся, и вступаю въ спокойную колею жизни, безъ тревогъ и случайностей.

Между разными рекомендаціями, я имѣлъ, между прочимъ, письмо къ генералу Горѣлову, который могъ быть мнѣ очень полезенъ, какъ родной братъ другого Горѣлова, занимавшаго тогда очень видный постъ.

Генералъ жилъ большимъ аристократомъ, въ Морской, въ собственномъ домѣ, и принялъ меня очень любезно, но, впрочемъ, какъ всегда бываетъ, не сказалъ мнѣ ничего положительнаго. Онъ пригласилъ меня бывать у него въ домѣ, но почему-то не представилъ своей дочери (генералъ былъ вдовъ), которую я мелькомъ видѣлъ, въ одной изъ богатоубранныхъ комнатъ, подѣ рояля, съ какимъ-то гвардейцемъ, посмотрѣвшимъ на меня очень презрительно въ свою одноглазку.

Меня, очевидно, сочли заискивающимъ ничтожествомъ, и я прекратилъ бы навсегда это знакомство, еслибы, гуляя передъ обѣдомъ, не встрѣчалъ генерала почти ежедневно, на Невскомъ. Впрочемъ, всѣ наши отношенія ограничивались взаимными поклонами.

Я поступилъ на службу, въ канцелярію одного министерства,

и началъ правильную, регулярную, но довольно скучную жизнь образованнаго чиновника *изъ молодыхъ*.

Прошелъ годъ; прошли два года; служба моя немного уразнообразилась, но въ перспективѣ я все-таки не могъ видѣть ничего отраднѣе далекой смерти отъ малярии, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Чтобы отогнать отъ себя безполезныя мысли о будущности, я началъ больше работать, и нѣтъ сомнѣнiя—переломилъ бы себя, еслибы не вышелъ одинъ случай.

Въ газетахъ какъ-то начали появляться статьи объ одномъ учрежденiи, подвѣдомственномъ нашему министерству. Учрежденiе это требовало радикальныхъ преобразованiй, и я написалъ проектъ. По случаю, такимъ же точно проектомъ назначено было отличиться одному маменькину сынку, очень рѣдко являвшемуся на службу — и мнѣ возвратили мою работу, даже не посмотрѣвши. Все это нисколько не опечалило бы меня, еслибы я не узналъ, что проектъ моего счастливаго соперника, составленный (конечно, не имъ самимъ) по поверхностнымъ газетнымъ статьямъ, принесетъ многимъ очень значительный вредъ. Мысль моего труда меня очень увлекла, и я отправился съ объясненiемъ къ своему конкуренту.

— Я, ей-богу, знаете—и не читалъ, что тамъ такое написано, простодушно сказалъ онъ, узнавъ въ чемъ дѣло.

Я предложилъ ему, для поправленiя зла, представить мой проектъ, и онъ тотчасъ же согласился, рѣшительно не понимая, изъ-за чего я хлопочу.

— Вы тамъ мѣсто хотите получить? да? спрашивалъ онъ, почему-то чувствуя нѣкоторую неловкость.

— Нѣтъ, сказалъ я: — мнѣ просто хочется видѣть осуществленiе мысли, которую я считаю полезной.

— Ха, ха, ха! вы — чудакъ! ей-богу, чудакъ!

Онъ замахалъ руками отъ восторга, но тотчасъ же успокоился, когда замѣтилъ, что я сохраняю серьезный видъ. Мнѣ не понравилась его фамильярность.

— Мы будемъ съ вами знакомы? — пожалуйста! упрасивалъ онъ черезъ секунду, съ живостью протягивая мнѣ обѣ руки. — Я люблю такихъ людей.

— То-есть какихъ? съ улыбкой спросилъ я.

— Такихъ... какъ бы вамъ сказать? — Ну, да чортъ ихъ... извините! — Богъ ихъ знаетъ. Вообще чудаковъ. Да? Мы будемъ знакомы? Я къ вамъ заѣду. Можно?

— Сдѣлайте милость.

Стернь (это была его фамилия) дѣйствительно очень часто

началь ѣздить ко мнѣ, являясь всегда на минуту—иногда даже исключительно затѣмъ только, чтобы поздороваться и проститься. Впрочемъ, его краткосрочные визиты не помѣшали ему въ короткое время выболтать о себѣ всю подноготную. Онъ былъ безпримѣрно откровененъ, и я въ самомъ началѣ знакомства подробно узналъ, какъ онъ выманиваетъ у матери деньги, какъ надуваетъ купцовъ, какъ имѣетъ неопозволительныя отношенія съ разными молодыми людьми и проч. и проч.

— Вѣдь это мерзко и подло, съ улыбкой говорилъ я ему.

Онъ былъ такъ милъ, что съ нимъ не нужно было даже церемониться.

— Вотъ подите! Ха, ха, ха — вы, ей-Богу, чудакъ! восторгался онъ, и хохоталъ, какъ сумасшедшій.

Стернъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, и въ первое свиданіе наивно выложивъ мнѣ всю свою ученость, заключающуюся въ двадцати латинскихъ названіяхъ, хохоталъ до слезъ, изумляясь, какъ я могу читать до сихъ поръ книги, которыя, по его мнѣнію, годны только въ дѣтствѣ, да и то очень надоѣдаютъ.

— Иногда мнѣ, знаете ли, приходится въ голову чему-нибудь поучиться, говорилъ онъ, наморщивая брови, чтобы изобразить серьезную фізіономію: — но какъ-то, чортъ-знаеть... все пустяки! „Прощай Москва—золотыя маковки!“ До свиданія!

Вообще, это было невинное и совершенно невоспитанное чадо.

Разъ, когда я брился, только что вставъ съ постели, Стернъ, лившийся ко мнѣ спозаранку, напѣвая и насвистывая что-то, вдругъ остановился.

— Чортъ-знаеть, зачѣмъ я живу? — Небо копчу! рѣшилъ онъ, схватилъ у меня изъ ящика бритву, раскрылъ ее, и нанесъ себѣ довольно серьезную рану на шеѣ. Но увидавъ кровь, Стернъ началъ такъ отчаянно кричать, что очень перепугалъ и меня.

Эта шутка уложила его на цѣлый мѣсяцъ въ постель.

— Бить бы надо такое животное, какъ я, объявилъ онъ мнѣ вскорѣ послѣ выздоровленія. — Отчего вы не отдуете меня когда-нибудь? Чортъ-знаеть что такое! Славное выраженіе: „городничій ни по чемъ, коли будочникъ знакомъ“. Отчего вы ни съ одной женщиной незнакомы? а? отчего?

— Не хочу.

— Устройте аѳинскій вечеръ. Ха, ха, ха!

Объясненіе на этомъ и кончалось: свистомъ, пѣньемъ и кривляньями.

Разъ, зимой, возвращаясь откуда-то поздно вечеромъ, мнѣ захотѣлось съѣсть чего-нибудь соленого, и я зашелъ въ фрукто-

вую лавку. Задняя комната была занята; оттуда слышался громкій говоръ и веселый смѣхъ. Я сѣлъ въ передней, не совсѣмъ довольный этимъ шумнымъ сосѣдствомъ.

До меня долетали отрывочныя русскія и французскія фразы, изъ которыхъ я понималъ, что тутъ присутствуютъ дамы очень легкаго поведенія, хотя ихъ называли самыми аристократическими фамиліями, часто съ прибавкой—*княжна* или *графиня*. Но больше всего меня удивляло то, что не было слышно ни одного женскаго голоса, и княжны ругались очень густымъ басомъ. Среди шума я разобралъ и еркливый голосъ Стерна.

Я хотѣлъ уже уйти, чтобы не попасться ему на глаза, но въ это время кто-то сказалъ, что рюмками можно только полоскать ротъ. Стернъ съ хохотомъ закричалъ, что онъ хочетъ поласкать душу стаканами, и, выйдя съ приказаніемъ относительно стакановъ, увидалъ меня.

Несмотря на отчаянное сопротивленіе, пришлось отправиться въ полупьяную компанію, и выпить тамъ бокаль шампанскаго. Тутъ былъ гвардеецъ, котораго я видѣлъ у Горѣлыхъ, былъ юнкеръ Горѣлый (сынъ генерала), еще одинъ юнкеръ, два правоведа (воспитанника) и трое статскихъ—все сливки нашей молодежи лучшаго круга. Я перезнакомился со всѣми, но сидѣть съ ними, несмотря на ихъ добродушіе и любезность, не могъ долго, и ушелъ какъ только явились тройки, которыхъ они тутъ дожидались, чтобы ѣхать куда-то за городъ.

Сверхъ всякаго ожиданія, наше знакомство на этомъ не остановилось, и почти всѣ молодые люди начали бывать у меня, занимая повременамъ деньги, само собой разумѣется, безъ отдачи. Въ особенности, очень часто сталъ навѣщать меня, отъ нечего дѣлать, гвардеецъ, видѣнный мной у Горѣлыхъ. Его звали Фонъ-Кронъ, и онъ былъ такой же добродушный малый, какъ Стернъ.

Я въ то время очень серьезно работалъ надъ обширной запиской о преобразованіи административнаго управленія одного края и часто, безъ церемоніи, гналъ отъ себя моихъ новыхъ друзей, извиняясь, что мнѣ некогда болтать о всякихъ пустякахъ.

Трудъ былъ очень серьезный.

Проработавъ надъ своей запиской съ полгода, я, наконецъ, ее окончилъ, и, вмѣстѣ съ печальнымъ чувствомъ разставанія съ любимой работой, испытывалъ нѣкоторую досаду, соображая, что, по всей вѣроятности, судьба этой записки будетъ мало отличаться отъ судьбы моего перваго проекта, осуществившагося только благодаря сговорчивости Стерна. Между тѣмъ, я вполне понималъ, что, при маленькой протекціи, моя записка могла бы составить мнѣ блистательную карьеру. Я подумалъ о Стернѣ,

но онъ получилъ назначеніе куда-то въ провинцію, и нельзя было рассчитывать на его помощь, еслибъ даже онъ и могъ сдѣлать что-нибудь для меня. Черезъ нѣсколько дней, случай выручила меня изъ затрудненія.

Ко мнѣ явился, по обыкновенію, блестящій и веселый фонъ-Кронъ, и началъ болтать о всякихъ пустякахъ. Скоро рѣчь какъ-то незамѣтно перешла къ тому, что онъ теперь крайне нуждается въ трехстахъ рубляхъ.

— Представьте, говорилъ онъ: — въ одномъ изъ моихъ безчисленныхъ имѣній (тутъ была острота: у фонъ-Крона не было никакого имѣнія) случился моръ. Мрутъ люди какъ мошки, и ничего подѣлать нельзя, да и понятно: въ главной администраціи нѣтъ никакихъ медицинскихъ средствъ. Управляющій съ отчаяніемъ извѣщаетъ меня, чтобы я озаботился присылкой разныхъ медикаментовъ, и я, съ его письмомъ, отправляюсь въ аптекарскій магазинъ. Тамъ, подъ вексель, — чего вѣрнѣе обезпеченіе! — отпускаютъ мнѣ всякихъ медикаментовъ на восемьсотъ рублей. Я, конечно, отправляюсь, и сбываю всю мою аптеку за триста. Теперь мнѣ недостаетъ трехсотъ рублей, чтобы сдѣлаться заводчикомъ. Честное слово, цокупаю мыловаренный заводъ — нужно только внести шестьсотъ рублей задатку. Но завтра же его можно заложить за три тысячи! Я увѣренъ, что вы мнѣ поможете. Рѣшительно не къ кому обратиться.

— Управляющій можетъ извѣстить васъ, что медикаменты были плохи, моръ усилился, и требуется тысяча гробовъ. Гробы можно сбыть не хуже медикаментовъ, посоветовалъ я.

Фонъ-Кронъ нашелъ эту мысль очень остроумной, и, потирая руки отъ восторга, клялся, что онъ былъ несправедливъ къ гробовщикамъ, и забирая въ кредитъ всякіе товары, ни разу не просилъ въ долгъ гробовъ и похоронныхъ принадлежностей.

— Это такъ ново, что они рады будутъ открыть какой угодно кредитъ! говорилъ онъ. — Но, въ ожиданіи будущихъ благъ, вы поможете? — Завтра же устроимъ купчую крѣпость, а послѣ-завтра я закладываю заводъ за три тысячи, и съ благодарностью возвращаю вамъ мой долгъ. Поможете? да?

Онъ мнѣ былъ ужъ порядочно долженъ, и на этотъ разъ я рѣшительно отказался исполнить его просьбу.

— Поймите! Обстоятельства скоро переменяются, говорилъ онъ. — Я войду въ зенитъ. Женюсь.

Фонъ-Кронъ, съ комически-отчаяннымъ жестомъ, выдернулъ бумажникъ, и торопливо началъ въ немъ рыться.

— Вотъ! торжественно вскричалъ онъ, протягивая мнѣ листокъ почтовой бумаги. — Читайте!

Я посмотрѣлъ. М-ше Горѣлая (женскаго пола) извѣщала Фонь-Крона, что лекарь ее обманулъ, и она напрасно мучилась рвотой: беременность скоро можетъ обнаружиться. Она умоляла его спѣшить.

— Старикъ *ломался*, но когда узнаеть, что она беременна... будетъ *кривляться!* Ха, ха, ха!

— Знаете, продайте мнѣ это письмо, серьёзно предложилъ я

— Фи! За кого вы меня принимаете! пошутилъ фонь-Кронъ, не придавая моимъ словамъ никакого значенія.

— Нѣтъ, серьёзно. Я дамъ за него триста рублей...

— Да для чего же вамъ оно?

— Это слишкомъ долго объяснять. Представьте, что вы потеряли это письмо, а я нашель...

— Вы потеряли триста рублей, я нашель. Представляю. Давайте триста рублей *Tout est perdu hors l'onneur*, трагически крикнулъ фонь-Кронъ.—Для чего же вамъ его?

— Я припугну генерала, онъ представитъ меня брату, а тотъ мнѣ поможетъ кой въ чемъ.

— Отлично! Это ускоритъ цѣлымъ мѣсяцемъ мою свадьбу. Вы рѣшительно бриллиантовый человекъ въ золотой оправѣ. Но, до свиданья! Спѣшу обзавестись заводомъ... Тамъ есть такія большія трубы, что немудрено, если теперешній хозяинъ вылетитъ и въ трубу...

Но радость фонь-Крона относительно того, что я могу ускорить его свадьбу, была преждевременна. Дѣло устроилось такъ, что онъ навсегда потерялъ невѣсту.

Хотя старикъ Горѣлый былъ настолько сообразителенъ, что сразу понялъ, что дѣло о вытравленіи плода, несмотря на его связи, замаять невозможно, но за всѣмъ тѣмъ сказалъ, что несогласенъ представить меня брату.

— Значитъ, больше намъ нечего объясняться? вставая, сказалъ я.

— Напротивъ, нужно, нужно объясниться! съ испугомъ вскричалъ старикъ, хватая меня за руку, какъ будто я хотѣлъ у него ускользнуть.

Я сѣлъ.

— Я эти вещи знаю, печально сказалъ онъ.—Временно поправлять бѣду не стоить. Черезъ мѣсяць, черезъ годъ—ударъ все будетъ не легче...

— Что же вы хотите? холодно спросилъ я, чтобы уничтожить всякое намѣреніе разыгрывать чувствительныя сцены.

— Я васъ не представляю иначе, какъ ея женихомъ, или даже мужемъ, проговорилъ старикъ, опуская руки.

— Но фонь-Кронь...

— Э-э! презрительно протянул старикъ.— У этого — ни тутъ, ни тутъ, ни въ головѣ, ни за пазухой. Этакихъ много... Согласны вы?

— Пожалуй.

Старикъ представилъ меня невѣстѣ, и, черезъ мѣсяць, когда мы вѣнчались, я уже былъ членомъ особой коммисіи, назначенной для разсмотрѣнія моего предложенія. Въ какихъ нибудь четыре недѣли я двинулся на столько впередъ, на сколько не двинулся бы, при другихъ обстоятельствахъ, въ четыре года.

Вскорѣ послѣ свадьбы, мой тесть скончался, и не оставилъ дѣтямъ ничего, кромѣ долговъ. Я купилъ съ аукціона его домъ, продававшійся за долги, и переѣхалъ въ великолѣпную генеральскую квартиру. Относительно жены, я поставилъ себя съ перваго дня такъ, что у насъ царствовало полное спокойствіе, которое нарушалъ только ея братецъ. Этотъ юноша, оставшись безъ отцовской помощи, сѣлъ на мою шею, и вздумалъ-было заставить меня даже платить свои долги. Но я вовсе не боялся скандаловъ, и разъ навсегда прекратилъ ему всякія денежныя пособія съ своей стороны. Онъ вышелъ изъ полка, и поступилъ на содержаніе къ какой-то старой развратницѣ. Кончилось тѣмъ, что онъ укралъ у меня какъ-то столовое серебро, и заложилъ его въ ближайшей ссудной кассѣ. Тутъ разыгралась очень непріятная сцена, такъ-какъ я послалъ за полиціей, и попросилъ составить протоколъ о кражѣ. Жена упала сначала въ обморокъ, но скоро очутилась, назвала меня тираномъ, и объявила, что соберетъ семейный совѣтъ и о всѣхъ моихъ безчеловѣчійхъ узнаетъ дядюшка. Но дядюшка въ это время былъ уже мнѣ не страшень, — я самъ могъ повредить ему, такъ-какъ меня считали за необыкновенно умнаго и дѣльнаго человѣка такіе люди, которые никого не боятся.

Шурина арестовали, а черезъ нѣсколько дней я проводилъ жену за границу, гдѣ легче было скрыть ей свой стыдъ.

Я остался одинъ въ большой великолѣпной квартирѣ, и началъ работать безъ отдыха. Я значилъ уже нѣчто въ государственной машинѣ, а при сознаніи важности своей работы очень пріятно работать. У меня не доставало даже времени отвѣчать сестрѣ на ея многочисленныя письма.

Сначала Лиза писала мнѣ все объ Аннинкѣ, которая ударилась во всѣ тяжкія, и занимала сестру, какъ больная. Но всѣ лекарства, какъ и слѣдовало ожидать, не произвели желаемаго дѣйствія: Аннинька умерла для насъ навсегда, замотавшись окончательно и поступивъ въ публичный домъ. Послѣ Анниньки Лиза была занята своимъ ребенкомъ, и писала мнѣ о

воспитаніи дѣтей. Вслѣдъ за воспитаніемъ дѣтей, явился новый больной — Новицкій.

Его надежды на отъѣздъ за границу рушились, и онъ, потерявъ надежду сдѣлаться ученымъ, долженъ былъ поступить въ губернаторскую канцелярію, подъ начальство Малинина. Это, какъжется, его очень обезкуражило. Онъ началъ приходить на службу пьяненькимъ, и даже избивать невиннаго Малинина. Такъ, напримѣръ, однажды, Новицкій озаглавилъ какую-то бумагу, вмѣсто *увѣдомленія, отношеніемъ*. Малининъ, конечно, не потерпѣлъ такого существеннаго безпорядка, и замѣтилъ ему всю несообразность *отношенія*, на что Новицкій, будучи пьянъ, дерзко отвѣтилъ, что *отношеніе* правильно, такъ-какъ „бумага, де, идетъ отъ насъ“. — „Вообще онъ за что-то все сердится на Мишу, писала сестра, и даже пересталъ къ намъ ходить. Рѣдко бываетъ въ канцеляріи — сильно началъ пить. Очень понятно, это мнѣ крайне неприятно. Нынче какъ-то онъ зашелъ къ намъ утромъ, и я оставила его обѣдать. За обѣдомъ онъ выпилъ залпомъ цѣлый чайный стаканъ водки, и началъ такъ смѣяться надъ Мишей, что я чуть съ нимъ не поссорилась“.

Наконецъ, Новицкому, вѣроятно, надоѣло служить въ канцеляріи, и онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Когда сестра лишилась такимъ образомъ и втораго паціента, а ребенокъ подросъ, у Малинина, вѣроятно, не безъ участія Лизы, начались несогласія съ губернаторомъ.

Распечатавъ случайно одно ея письмо, завалывшееся у меня на столѣ съ недѣлю, я съ удивленіемъ прочиталъ, что она велѣла мужу подать въ отставку, и они переселяются въ Петербургъ. Азартный тонъ письма съ ходячими либеральными восклицаніями, мнѣ очень не понравился — въ немъ, какъ будто, говорилось: „посмотри, какая я замѣчательная женщина и какіе подвиги совершаю“.

— Господинъ Малининъ! доложилъ мнѣ лакей, въ то время, когда я скомкалъ письмо, и бросилъ въ корзину.

— Пусть подождетъ.

Хорошо ли я слышалъ фамилію? Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что не только слышалъ, но даже чувствовалъ приятное щекотаніе самолюбія, заставляя своего бывшаго товарища дожидаться въ пріемной. Но я не зналъ, что онъ явился вмѣстѣ съ женой.

Когда я вышелъ, началась буря.

Кроткій Малининъ подошелъ-было ко мнѣ съ протянутой рукой, но сестра ударила его зонтикомъ по рукѣ, и крикнула: „мерзавцамъ не подають руку!“

— Вы сказали подождать, и мы дожидались, чтобы объяснить вам, что не пришли искать *вашего* покровительства, раскланиваясь, съ злой ироніей сказала сестра.

Я не зналъ, что отвѣтить, и смотрѣлъ на ея энергическія движенія. Она, казалось, немного выросла, и очень похорошѣла, а у Малинина отросло даже маленькое брюшко.

— Вы — знатный баринъ. Поздравляемъ васъ, но кланяться вамъ не будемъ! кричала она.

— Извините, забормоталь-было Малининъ.

— Молчи пожалуйста. Мы въ немъ не нуждаемся. Я пойду въ кухарки, буду содержать тебя, если нужно; но мы не будемъ ему кланяться...

— Сударыня, сказалъ я: — я не позволю никому кричать у себя въ домѣ.

— Мы сейчасъ уйдемъ.

Лиза сердито повернулась, и пошла въ переднюю.

— Подай барынѣ платье, сказалъ я лакею.

У Лизы на глазахъ блестѣли слезы, и она ломала пальцы, торопясь надѣть резиновыя калоши. Малининъ не зналъ, что ему дѣлать, и стоялъ дуракъ-дуракомъ. Мнѣ стало жаль ихъ, но я возвратился въ кабинетъ, и началъ ходить изъ угла въ уголъ.

До сихъ поръ я всегда подавлялъ въ себѣ чувствительность, но теперь мнѣ хотѣлось вызвать и разшевелить ее. Я былъ бы очень доволенъ собой, еслибъ почувствовалъ расположеніе заплакать по поводу ссоры съ сетрой. Употребляя фигурное выраженіе, я, такъ сказать, заморозилъ всѣ цвѣты въ своемъ сердцѣ, и мнѣ хотѣлось теперь отогрѣть и сохранить послѣдній — мою привязанность къ сестрѣ.

Я вспомнилъ, что въ письмѣ она извѣщала меня, что поручаетъ Савельеву (мы продали остатокъ земли въ Негоревѣ, и Савушка жилъ у меня въ Петербургѣ за управляющаго домомъ) нанять для себя квартиру. Я послалъ за нимъ, и какъ только узналъ адресъ, отправился къ Малинину.

Мнѣ отворила дверь сама Лиза, и, какъ бы чего-то испугавшись, остановилась на мѣстѣ, не пропуская меня въ переднюю. Глаза ея были красны отъ слезъ, и когда я поцаловалъ у ней руку, она такъ обрадовалась, что кинулась мнѣ на шею, и, не выходя изъ передней, начала звать мужа.

— Я зналъ, что вы великодушны, сіяя улыбкой, сказалъ Малининъ.

— Говори мнѣ пожалуйста — ты. Я нисколько не перемѣнился.

— Ахъ, еслибъ ты въ самомъ дѣлѣ не перемѣнился! сказала Лиза.

По лицу ея текли слезы, но она ихъ не замѣчала.

— Покажи же мнѣ племянника, сказалъ я, чтобы занять ее чѣмъ-нибудь.

Я вообще не люблю очень маленькихъ дѣтей, но у Лизы былъ такой хорошенькій ребенокъ, что я поласкалъ его безъ всякаго притворства.

— Гдѣ же твоя жена? спросила меня Лиза.

— Она больна. Заграницей. Извини—я долго не читалъ твоего послѣдняго письма, а то вамъ не пришлось бы нанимать этой квартиры. Бросьте ее, и переѣзжайте ко мнѣ.

— Ну, нѣтъ, сказала Лиза.

— Отчего же?

— Нѣтъ, объ этомъ не стоитъ и говорить.

Лиза пристально всматривалась въ меня.

— А ты сильно, сильно измѣнился! грустно сказала она.

Я хотѣлъ-было ей возражать, но въ это время явился Савельевъ. Онъ пришелъ навѣстить Малинина, и захватилъ съ собою какую-то дрянную городскую телеграмму, полученную безъ меня.

— Вотъ-съ, ваше превосходительство, телеграмма, сказалъ онъ, вытягиваясь въ дверяхъ.

Титулъ превосходительства въ настоящее время былъ такъ неумѣстенъ (не потому одному, что я находился только въ чинѣ статскаго совѣтника), что я вышелъ изъ себя.

— Убирайтесь къ чорту съ вашимъ превосходительствомъ! крикнулъ я на Савушку такъ, что онъ согнулся въ дугу.

— Видишь, видишь! сказала Лиза, съ грустью качая головой.

Не знаю, въ чемъ я именно измѣнился, но Лиза, несмотря на мои ласки, не перестала какъ-то дичиться меня, и мало по малу между нами установились холодныя отношенія, да и тѣ поддерживаются теперъ только письмами Андрея. Братъ какъ-то написалъ мнѣ, что хочетъ воротиться въ Россію, и я имѣлъ неосторожность спросить—не à la ли К* и Д* хочетъ онъ воротиться. Этотъ невинный вопросъ послужилъ поводомъ къ цѣлому граду ругательства, которыя Андрей высылаетъ изъ Женевы, по мѣрѣ накопленія, на имя сестры.

Даже Малининъ, кропотливо занятый службой, какъ будто поохладѣлъ ко мнѣ...

P.S. Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о несчастномъ Новицкомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я встрѣтилъ на улицѣ Кресто-
Т. СХСУ. — Отд. I.

цвѣтова, который такъ разцвелъ, что его и узнать нельзя. Оказалось, что онъ заправляетъ дѣлами какого-то товарищества, и заправляетъ, должно быть, не безъ пользы, судя по великолѣпной шубѣ и дорогимъ перстнямъ, красовавшимся на его пальцахъ.

Крестоцвѣтовъ сообщилъ мнѣ, что Новицкій въ Петербургѣ.

— Странно, отчего же онъ не зашелъ ко мнѣ? спросилъ я.

— Заходилъ, да не пустили, а теперь и самъ не пойдетъ, я думаю.

— Я не виновать... Какъ онъ поживаетъ? Нельзя ли съ нимъ повидаться?

— Не стоитъ: пить горькую чашу.

— Какъ это—чашу?

— То-есть, собственно, я не знаю—чѣмъ онъ пьетъ: чашиами, рюмками или стаканами, а только я его всегда вижу пьянымъ. Оборвался, какъ блудный сынъ... Ходить, должно быть, изъ кабака въ кабакъ, да строчить, каналья, кляузы.

— Это удивительно! Неужели онъ не можетъ какъ-нибудь устроиться? дѣйствительно съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ я.

— Не можетъ. Идеалистъ. Все принимаетъ ужь очень близко къ сердцу. Вотъ къ вамъ его не пустили по простой случайности, а онъ разсердился на весь родъ человѣческій, и пьянствовалъ двѣ недѣли...

— И теперь пьетъ?

— И теперь пьетъ: чувствительный чловѣкъ...

Признаться сказать, Крестоцвѣтову я не вполне вѣрилъ: для краснаго словца онъ могъ не только преувеличить и приукрасить что угодно, а и цѣликомъ соврать; поэтому, его рассказъ о Новицкомъ не произвелъ на меня особаго впечатлѣнія. Но не такъ давно я увѣрился, что Крестоцвѣтовъ не совсѣмъ вралъ.

Какъ-то, мой швейцаръ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, донесъ мнѣ, что Савелій Савельичъ (онъ же и Савушка), управляющій моимъ домомъ, ведетъ себя крайне неприлично, до того неприлично, что у него, въ квартирѣ, собирается даже какая-то пьяная безпаспортная „банда“, которая своими пѣснями и криками не даетъ жильцамъ никакого покоя.

Я сказала, что если подобная „банда“ (буде она дѣйствительно собирается) — соберется, нужно послать за полиціей, и тогда все будетъ хорошо. Швейцаръ исполнилъ въ точности мое приказаніе.

Какъ-то разъ Савельевъ вбѣжалъ ко мнѣ блѣдный и разстроенный, безъ доклада.

— Вѣдь онъ вашъ товарищъ! товарищъ! прохрапѣлъ онъ.

— Чего? строго спросилъ я, съ удивленіемъ глядя на Савельева, который совершенно вышелъ изъ своего нормально-почтительнаго тона, которымъ всегда говорилъ со мной.

— Новицкаго въ часть?! прохрипѣлъ Савельевъ чуть ли не съ угрозой.

— Какого Новицкаго? брезгливо спросилъ я.

— Вы забыли какого?! Вы все забыли! Подлый вы чело-
вѣкъ...

— Вонъ отсюда!

Я позвонилъ, и оборотился на креслѣ къ столу. Савельевъ, разгоряченный до того, что его можно было принять за сумасшедшаго, началъ выкрикивать мнѣ, что я и всѣ, и всѣ виноваты въ пьянствѣ Новицкаго, что онъ, Новицкій, честнѣе меня, и что онъ самъ, Савельевъ, по этому случаю, пойдетъ таскать кули, не желая имѣть никакихъ сношеній съ такими людьми, какъ я, и проч. и проч.

— Выведите его. Онъ пьянъ, сказалъ я, когда пришелъ лакей.

— Я не пьянъ! Врешь! Отправь меня въ часть вмѣстѣ съ Новицкимъ! совершенно задыхаясь въ борьбѣ съ лакеемъ, проговорилъ Савельевъ.

— Позовите полицію, и отправьте его, холодно сказалъ я.

— Подлецъ! заоралъ онъ, и съ этимъ словомъ былъ вытолкнутъ лакеемъ изъ комнаты.

Не знаю, какъ назвать то чувство, съ которымъ я смотрѣлъ въ окно на парадное шествіе изъ воротъ моего дома... Городовой съ дворникомъ вели подъ руки оборваннаго, пьянаго Новицкаго; впереди шелъ Савельевъ, размахивая руками и, очевидно, ругаясь...

Господи! когда-то они были моими товарищами! когда-то мы всѣ были равны!

Ив. Кушевскій.

